

Этнические взаимодействия на Южном Урале



Челябинск 2006

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЧЕЛЯБИНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР УРО РАН

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ
И ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР «АРКАИМ»

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Этнические взаимодействия на Южном Урале

Материалы III региональной (с международным участием)
научно-практической конференции

Редакционная коллегия:

А.Д. Таиров, И.Э. Любчанский, Т.В. Любчанская, О.Ю. Мальцева, О.В. Новикова

Э 912 **Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с международ. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. 233 с.: ил.**

ISBN 5-7271-0804-7

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект 06-01-85181г/У*

В сборник вошли доклады, прочитанные на III региональной (с международным участием) научно-практической конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале». Конференция проводилась 17–19 октября 2006 г. в Челябинске.

Печатается по решению ученого совета исторического факультета Челябинского государственного университета.

Э 0508000000 – 054 Без объявл.
4К8(03) – 06

ББК Т52 (2Р36)-32

ISBN 5-7271-0804-7

© ГОУВПО «Челябинский государственный университет», 2006



СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ

В.С. Мосин, С.Г. Боталов
Южноуральский филиал ИИА УрО РАН,
Челябинск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (к постановке вопроса)

Понятие «археологическая культура» является базовым в современной археологии. Однако проведенный в конце XX в. анализ исследований, посвященных этому понятию, показал: несмотря на более чем столетнюю историю своего существования, «...что такое археологическая культура – остается неясным» (Клейн Л.С., 1991. С. 153). Основной целью археологии как исторической науки является получение нового знания об исторических процессах прошлого. При таком целеполагании археологическая культура как основа основ неизбежно должна увязываться с конкретным обществом прошлого. В современных исследованиях это большей частью далеко не так. Процедура выделения той или иной археологической культуры почти всегда связана с анализом конкретных остатков материальной культуры – изделий из камня, керамики, жилых и погребальных сооружений, вооружения, произведений искусства и т.д. Археологи пользуются, как правило, стандартной процедурой: раскопки археологических памятников – классификация и описание полученных артефактов – по возможности, получение датировки – поиск аналогов и проведение сравнительных операций с материалами памятников сопредельных территорий – поиск отличительных черт вне своей территории и общих черт внутри – и, как результат проделанной работы, выделение новой археологической культуры. Собственно исторические события остаются за пределами интересов исследователя. Чаще всего археолог объясняет это для себя так: «Вот накопится побольше материалов, тогда можно будет говорить и об истории». Но чаще всего этого не случается, поскольку материалов исследователю всегда недостаточно.

В результате на сегодняшний день для одного исторического времени и одной конкретной территории, например, Урала, Зауралья и Западной Сибири, мы имеем десяток выделенных археологических культур, непонимание исторических процессов и полную девальвацию основного понятия «археологическая культура», поскольку часть различных культур выделена на идентичных материалах, относящихся к жизнедеятельности единого населения прошлого.

Представляется, что из создавшейся ситуации может быть как минимум два выхода (хотя может быть и больше). Поскольку структура археологического исследования предполагает в общем виде два уровня или этапа – источниковедческий (классификационный) и исторический (интерпретационный) [процедура детально разработана у В.Ф. Генинга (Генинг В.Ф., 1989)], то понятие «археологическая культура» необходимо сохранить только для первого источниковедческого уровня и использовать исключительно как классификационное, не пытаясь заложить в него исторического содержания.



Тогда для второго этапа нужно будет подобрать терминологию, соответствующую историческим исследованиям и изначально содержащую понятия и термины исторического содержания. Если идти по второму пути с сохранением археологической культуры как базового понятия, то нужно будет подходить к нему как к системе, включающей в себя общество прошлого, функционировавшее за счет ведения определенной системы хозяйствования с различными вариантами, в определенном вмещающем ландшафте, наиболее приспособленном для такого типа хозяйства, и соответствующей социальной структурой, т.е. рассматривать археологическую культуру, как отражение жизни конкретного общества, адаптированного к окружающей среде в некоторый временной промежуток. При таком варианте придется отказаться от названий уже выделенных археологических культур и часть их или объединить, или, наоборот, разделить. Сегодня археологические культуры выделяются по неким общим признакам, к одному понятию пытаются свести принципиально различные критерии. Например, выделение культур неолита-энеолита лесостепи и леса Северной Евразии проводится по анализу остатков жилищ, каменного инвентаря и керамики, а культуры кочевников раннего железного века степной Евразии выделяются и сравниваются по погребальному обряду, вооружению и предметам украшения. Свести к одному понятию столь разные принципы или очень сложно, или вообще невозможно.

Если рассматривать археологическую культуру как понятие классификационное, то для каждого историко-географического региона нужно создать свое понятие археологической культуры: для неолита-энеолита севера Евразии – одно, для южного населения неолита с производящим хозяйством – другое, для кочевников поздней древности и средневековья – третье и т.д.

Наиболее оптимальным представляется выделение в археологических исследованиях двух равнозначных по важности задач и ценности результатов параллельных, но взаимосвязанных направлений: археолого-классификационного, в котором конечной целью является выделение и изучение археологических культур, их вариантов и историко-культурных общностей, и археолого-исторического, в котором конечным результатом может быть получение нового знания по истории древних обществ. Понятийно-терминологический аппарат обоих направлений будет отчасти един, отчасти различен, в зависимости от продвижения исследований от источника к когечной цели.

В археолого-классификационном направлении сохраняются все понятия и термины, с которыми привыкли работать археологи: от типа до археологической культуры или культурно-исторической общности. Основным понятием здесь остается понятие «археологическая культура».

В археолого-историческом направлении синтезируются данные из археолого-классификационного направления, а также из геологии и всех естественных наук, связанных с археологией, – этнографии, исторической социологии. В этом направлении будут органически сочетаться понятия и термины как археологии, так и других упомянутых выше наук. Основным здесь можно принять понятие «сообщинность» – совокупность общин как первичных социумов, осуществлявших свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте и связанных между собой системой брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых структур. Понятие «племя» не употребляется, во-первых, потому, что анализ этнографической литературы показывает: «в случае с племенем все знают, и знают давно, что есть племена, но что это такое – неясно» (Гиренко Н.М., 1991. С. 82); во-вторых, не понятно, какое содержание закладывается в понятие



племени – структурно-функциональное (социологическое), культурное или этническое. Наиболее устойчивыми понятиями для изучения общества доклассового уровня развития являются на сегодняшний день семья (очаг, дом), община и род (Кабо В.Р., 1986; История первобытного общества..., 1986; Гиренко Н.М., 1991). Более общим понятием археолого-исторического направления будет социально-адаптационная система на территории единой историко-этнографической области, включающей одновременно сосуществующие общинности, находящиеся на одном уровне адаптации в природной среде, близкие по системам хозяйствования, на своих условных границах связанные брачно-семейными отношениями и образующие единый этнический массив.

В урало-западносибирском регионе для энеолитического времени можно выделить три общинности: центральноуральскую, западносибирскую и североказахстанскую, образующие единую историко-этнографическую область и социально-адаптационную систему. В центральноуральскую общинность из археолого-классификационного направления войдут выделенные ранее кысыкульско-суртандинская, аятская и липчинская археологические культуры энеолита (Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М., 1991; Мосин В.С., 2004; Шорин А.Ф., 1999). Сегодня уже понятно, что комплексы артефактов этих культур представляют нам остатки материальной культуры единого населения во второй половине IV–III тыс. до н.э. Вмещающим ландшафтом для этого населения являлось сочетание горно-лесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Южного и Среднего Урала. Для удобства эту территорию можно называть Центральным Уралом. Данные типологии, трасологии и остеологии позволяют говорить об охотничье-рыболовческом типе хозяйства с посезонной сменой видов деятельности и различными вариантами сезонных стоянок. Изготовление орудий осуществлялось на основе использования в качестве заготовки пластин и отщепов. По орнаментации керамики можно фиксировать сочетание в одних комплексах различных родовых традиций – гребенчатых и отступающе-накольчатых.

Западносибирская общинность включает в себя ряд очень близких по облику материальной культуры ранее выделенных археологических культур (байрыкская, екатерининская, карасевская и т.д.), объединяемых в «гребенчато-ямочную общность эпохи раннего металла» (Молодин В.И., 2001. С. 38–40). Вмещающим ландшафтом для населения этой общинности служила северная лесостепь от Тобола до Новосибирского Приобья включительно. Хозяйство было основано на охоте и рыболовстве, зависимость расположения стоянок от сезонности пока не понятна. Технология изготовления орудий основана на использовании пластин и отщепов. Родовыми традициями в орнаментации керамики можно считать сочетание в комплексах гребенчато-ямочной и накольчатой (с насечками) посуды.

Северо-казахстанская общинность представлена ботайской и терсекской археологическими культурами (Зайберт В.Ф., 1995; Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997). Вмещающим ландшафтом являлась южная лесостепь с реликтовыми борами на Казахском мелкосопочнике. Основу хозяйства составляла охота на лошадь и дикого быка – тура, возможно, в более северных районах сочетаемая с рыболовством. В технологии изготовления орудий преимущественно использование отщепов и двусторонне обработанных орудий. Родовые традиции представлены сочетанием гребенчатой и веревочной керамики.

Представленные три крупные общинности своими взаимосвязями отражали существование праугорской историко-этнографической области как единой социально-



адаптационной системы. Устойчивые брачно-семейные связи, не только цементирующие общности изнутри, но связывающие их между собой, можно фиксировать в фактическом отсутствии выраженных границ между общностями. Одним из примеров является территория Курганского Притобоя, где в археологических комплексах (в том числе и в конкретных жилищах) сочетаются типы каменного инвентаря и посуды, присущие и уральскому, и северо-казахстанскому, и западносибирскому населению. На поселении Ир II в Тюменском Приишимье в керамическом комплексе сочетается посуда с гребенчато-ямочным, веревочным и гребенчатым геометрическим орнаментом (Косинская Л.Я., 1984. С. 45–55), а на поселении Серебрянка I ближайшие аналоги керамики можно найти и на Южном Урале, и в Северном Казахстане (Панфилов А.Н., 1993); в энеолите Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья можно наблюдать и вещи, и керамику, близкие и уральскому, и северо-казахстанскому населению (Кирюшин Ю.Ф., 2002). Примеров отсутствия границ и «перетекания» близких черт материальной культуры можно приводить много, и все они свидетельствуют о разноуровневых взаимосвязях (брачно-семейных, хозяйственных) урало-сибирского населения.

О том, что население Урало-Сибирской историко-этнографической области было праугорским, можно говорить, основываясь на явном отличии появившегося на границах этой области в середине III тыс. до н.э. индоевропейского населения, которое археологически представляется как носители ямной и афанасьевской культур. Эти отличия – производящее хозяйство, основанное на скотоводстве с использованием овцы, совершенно иной погребальный обряд и облик материальной культуры – носят принципиальный характер и позволяют предполагать появление в середине – второй половине III тыс. до н.э. первой «волны» индоевропейцев на юге Урало-Сибирского региона. Значительных изменений в функционировании праугорской социально-адаптационной системы появление индоевропейцев не повлекло, и мы можем лишь фиксировать отдельные погребения с измененным обрядом и отличным антропологическим типом погребенных. Более глобальными стали изменения на рубеже энеолита и бронзового века, связанные со второй «волной» индоевропейцев.

Местное праугорское население смешивается с индоевропейским и полностью включается в систему производящего хозяйства, исторически более стабильного и прогрессивного, оставляя след своих родовых традиций в гребенчатой геометрической орнаментации керамики. На рубеже III и II тыс. до н.э. начинает формироваться новая социально-адаптационная система, основанная на других принципах хозяйствования, со своей социальной структурой, что нашло выражение в стереотипах, которые мы четко обозначаем как «эпоха бронзы». К периоду начала среднего бронзового века население Урало-Сибирского региона опять становится единым, только уже этнически более сложным – ирано-угорским или угро-иранским, что отражается в различных сферах материальной и духовной культуры.

По-особому разворачиваются события этнокультурогенеза в период финальной бронзы. Затяжная фаза аридизации и ксеротерма, которая начинается во второй половине II тыс. до н.э. (Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996; 1996а; Таиров А.Д., 2000), на рубеже II и I тысячелетий приводит к первому экстремуму, который особенно ярко отразился на археологическом материале степной зоны, где вначале происходит активное микширование срубно-алакульского населения, а затем складывается целый ряд производных типов и культур финальной бронзы (амангельдинский, бишкульский, кожумбердинский, сольилецкий, ивановско-алексеевско-саргаринский, донгальский и пр.). Проис-



ходит постепенное затухание поселков и селищ, основанных в эпоху средней бронзы. Начинается отток населения из зоны степей в оазисные районы Казахстана (Кент, Сары-Арка), Восточного Туркестана (Турфанский оазис), Средней Азии (Хорезм, Бактрия) и юга Восточной Европы. Это явилось результатом сложения своеобразного евразийского пласта культур валиковой керамики (КВК). Наиболее адаптированным к новым условиям явилось население урало-сибирской лесостепи, где в данный период наблюдаются глобальные этноинтеграционные процессы, в результате чего на широте лесостепной и южной таежной кромки складывается гигантская общность андроновидных культур в пределах вмещающего ландшафта от Камы до Енисея. Вероятнее всего, найденный в синташтинско-раннефедоровское время новый алгоритм угро-иранского сосуществования оказался не только жизненно стойким, но и расширил границы обитания данного населения в столь значительных размерах. Кроме того, основой существования являлся комплексный хозяйственный уклад племен этой общности с преобладанием отгонного скотоводства на юге, в лесостепной полосе, и значительной доли охотничьего и рыболовного промысла на севере, в южно-таежной полосе, на что указывают остеологические материалы.

Вероятно, с этого момента мы можем говорить о существовании историко-этнографической области эпохи бронзы в пределах Урало-Сибирского региона. В археологической терминологии мы будем называть ее Урало-Сибирской общностью. Возможно, столь необъятные границы немало удивят археологическое сообщество наших глубоко уважаемых коллег. В этой связи особо следует оговорить, что речь идет о культурном единстве в традиционном понимании сравнительного тождества. Единство существует в рамках археологической непрерывности, когда черты схожести передаются подобно волновому импульсу. В этом случае первый признак идентичен последующему, но тот, в свою очередь, менее схож с предыдущим (Корякова Л.Н., 1991). Кроме того, единый вмещающий ландшафт от Зауралья до Оби волей-неволей оконтуривается границами макрорегиона Северного Обского Стока. Это не означает, что на всех этапах общность занимала строго эти границы. Интегрирующий вектор, имеющий пульсирующий характер на наиболее благоприятных стадиях развития, иногда временно заходил за основные рубежи, однако все в тех же ландшафтно примыкающих микрорайонах, на Запад – через долины Ая, Уфы и Чусовой в Месягутовскую и Прикамскую лесостепь, на восток – в Обское правобережье. При этом в подавляющий период времени общность лишь стремилась восстановить основные границы своего макроландшафта и завершить крайний предел этнородовых связей своей большой соплеменности. Данная общность археологически сегодня может быть определена длинным рядом культур и типов (с востока на запад): еловская, сузгунская, розановский, черкасульская, межовская, березовский, луговская, маклашеевская, сусканско-лебежинская и др. При этом общая андроновидная (в смысле – федоровско-черкасульская) доминанта сохраняется вплоть до финала бронзы, до времени проникновения, вероятно, в XI–IX вв. до н.э. в Поиртышье, Приобье и на Енисей с юга ирменско-карасукского, а чуть позже – в IX–VIII вв. до н.э. – с севера в районы Зауралья и Западной Сибири таежного угро-самодийского населения носителей фигурно-штамповой и крестовой керамики (гамаюнская, красноозерская, молчановская). Эти события в первом случае связаны со значительным ухудшением экологических условий в районах Ордоса и Внутренней Монголии, где в конце II тыс. до н.э. наступает фаза холодного и сухого климата, что выразилось в интенсивном отложении эоловой пыли в лессовых областях Китая и опустынивании степных областей (Пань-Джиангли



и др., 2003. С. 155, 156; Лю Дуншен и др., 1984. С. 84, 85; Таиров А.Д., 2003. С. 20, 21). Примерно в это же время наступает аридизация монгольских степей (Таиров А.Д., 2003. С. 20; Демкин В.А., Рысков Я.Г., 1996а. С. 99, 100). Не сумев адаптироваться к новым природным условиям и противостоять натиску земледельческого китайского населения, активно осваивавшего долину Хуанхэ, племена палеоиринских скотоводов (культура Ордосских бронз, Чамдань, Наньшангень) устремляются в районы Северной Монголии и далее в Южносибирскую лесостепь вдоль бассейнов Оби и Иртыша. Данная ордосско-карасукская составляющая основательно трансформировала культурный облик лесостепного населения урало-сибирской общности. Археологически это отразилось в появлении нового ряда культур и типов с ирменско-карасукоидной составляющей. Вероятно, проникновение новых групп восточно-иранского населения носило не разовый, а постепенный волновой характер. В культурно-историческом смысле это приводит к постепенному вытеснению андронидных черт и замене их традициями общекарасукского облика.

Трансформация переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу особенно ускоряется во время встречного движения северного таежного угро-самодийского населения, вынужденного мигрировать в лесостепные широты в связи с увеличением влажности и поднятием уровня верховых болот в данный период в таежной зоне. Результатом этих инноваций явился повсеместный переход к круглодонной керамике, значительно преобладанию гребенчато-накольчатых традиций в орнаментации, прямолежащей позе и преобладанию западных, северо-западных ориентировок в погребальном обряде. При внимательном рассмотрении в этих чертах можно без труда разглядеть составляющие ирменско-карасукского и лесного таежного населения, а урало-сибирская общность, пройдя сложный переходный этап, продолжила свое существование на следующем этапе – раннего железа. Двухединный алгоритм обрел свою новую ипостась в иных культурных составляющих. Хотя здесь следует заметить, что переходный период продолжается довольно долго, что археологически отразилось в существовании ряда переходных культур и типов раннего железного века (байтовский, воробьевский, носиловский, завьяловская и др.). Это происходило в связи с тем, что южная и главная составляющая этой общности на протяжении длительного последующего периода (до VI в. до н.э.) постепенно видоизменяла свой культурный облик. Ирменско-карасукоидная на начальном этапе была заменена предскифским и раннесакским воздействием в последующий период. Это отразилось в появлении ананьинских памятников в стратегически важном районе слияния Волги и Камы, материалы которых имеют яркие параллели среди образцов карасукского, раннескифского и сакского облика. Аналогичные скифо-сакские параллели среди памятников VII–VI вв. до н.э. сегодня известны в лесостепных зауральских (байтовских) и поиртышских (предсаргатских) памятниках. Относительная этнокультурная стабилизация и существование нового этапа рассматриваемой общности наступает в саргатский период. Причины данного этапа культурогенеза связаны с созданием в конце VI в. до н.э. и последующим существованием до конца III в. до н.э. в степях Южного Урала большого союза племен скифо-сарматского населения, носителей так называемой древнепрохоровской культуры. На востоке границы его, вероятно, доходили до Сары-Арки, где параллельно существовало родственное им сакское население тасмолинской культуры. Безусловно, характер инокультурного воздействия со стороны южного степного населения на различные микрорайоны Урало-Сибирской общности сказался на их культурном своеобразии, что археологически отразилось в особенностях



большереченской и староалейской культур Приобья, испытавших сильное воздействие со стороны саков Синцзяна и Восточного Казахстана, и иткульско-гороховско-саргатских отражающих, разную степень взаимодействия со скифо-сарматским населением Урала и сако-тасмолинскими племенами Казахстана. Однако, по нашему убеждению, в данный период в пределах очерченной урало-сибирской территории угро-иранское население продолжает существовать в рамках единой соплеменной общности. Интегрирующим фактором этого сообщества является саргатская культура, население которой в результате межродовых брачных связей и чересполосного расселения постепенно к IV–III вв. до н.э. осваивает почти весь вмещающий ландшафт ранее существующей общности. В литературе это явление получило образное название «саргатской вуали», которая на западе легла на Месягутовскую лесостепь (Савельев Н.С., 2002. С. 24), на востоке – на Верхнее Приобье, где образцы саргатской керамики появляются в большереченских и староалейских памятниках (Троицкая Т.Н., Бородовский В.И., 1994. С. 48; Абдулганеев М.Т., Владимирова В.И., 1997. С. 65), на севере на районы устья Тары и Ишима, где саргатская посуда обнаружена среди богочановских материалов (Данченко Е.М., 1991. С. 32–34).

Эта ситуация сохраняется до конца III в. до н.э. Довольно длительный деструктивный период, начавшийся вслед за этим, был вызван комплексом исторических и экологических причин. Резкое ухудшение (аридизация) климата в степях Южного Зауралья и Северного Казахстана в IV в. до н.э., а также благоприятное изменение политической инфраструктуры в степях Восточной Европы приводят к исходу сарматов (Верхних Аорсов) из Южного Зауралья. На смену им приходит новая сармато-юэчжийская волна, вытесненная с территории Хэсийского коридора и Восточного Туркестана хуннами. Подбойно-катакомбные комплексы (лявандакского типа) появляются в конце III – II в. до н.э. в среднеазиатских оазисах и Урало-Казахстанских степях (Боталов С.Г., 2003. С. 89, 99). Изменилась сакская конъюнктура и в степях Восточного и Центрального Казахстана, куда из пределов Юго-Восточного Алтая и Синцзяна проникают новые группы сако-усуньского (предтюркского) населения (кулажургинского и коргантасского типов). Кроме того, в силу геоклиматического детерминизма, затяжной период гумидизации таежной зоны приводит к новой волне миграции таежного угро-самодийского населения Приобья и Тоболо-Иртышья. В первом случае это ознаменовалось приходом кулайских и раннеподчевашских племен в Барабу и Верхнее Приобье в III–II вв. до н.э., во втором – началом проникновения населения носителей кашинско-прыговской керамики сначала в южно-таежную, а затем в лесостепную зоны (Полосьмак Н.В., 1987. С. 103; Елагин В.С., Молодин В.И., 1991. С. 103; Данченко Е.М., 1991. С. 34; Викторова В.Д., Морозов В.М., 1993; Ковригин А.А., Шарапова С.В., 1998).

Все это существенным образом деструктирует этнокультурное единство в рамках всего региона. Вероятно ко II–I в. до н.э. саргатская Урало-Сибирская общность продолжает свое существование лишь в рамках Тоболо-Иртышского микрорайона. При этом следует отметить, что приход волны сармато-юэчжийского населения в конце III – I в. до н.э., по всей видимости, значительно изменил социальную стратификацию саргатского общества и составил его новый вождеский клан. Резко возрастает роль нового клана степной кочевнической элиты, что явилось причиной пресечения жизнедеятельности на иткульских и гороховских городищах и постепенного упадка саргатских городищ и селищ. Процесс кардинальной деструкции саргатской общности был приостановлен в раннегуннский период (II–IV вв. н.э.), когда этнополитическая ситуация



в урало-казахстанских степях была относительно стабилизирована с приходом большого союза племен гунно-сарматского населения. На активный контакт пришельцев и местной саргатской среды указывает появление в большом количестве погребений гунно-сарматского облика среди саргатских комплексов (Культура зауральских скотоводов..., 1997. С. 15–19, 28, 30–41, 44–46, 69. Табл. 3; Матвеева Н.П., 1994. С. 24, 38, 39, 73, 75, 76, 78, 79, 82–84, 88, 89, 91, 92, 94, 95). Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в лесостепном Зауралье эти памятники несут явные следы не саргатского и гунно-сарматского микширования, а воздействия степняков на угро-самодийское лесное население кашинского и прыговского типов (Малково, Байрамгулово, Калмацкий Брод, Шатрово), результатом которого является сложение раннеломоватовского населения харинской культуры в Прикамье. Яркое присутствие таежного кашинского населения и носителей фигурно-штамповой керамики в это время наблюдается также в Тюменском Притоболье и в Барабе (Матвеева Н.П., 1994. С. 128, 129; Полосьмак Н.В., 1987. С. 103).

Таким образом, после IV в. н.э. наблюдается стремительный распад данной общности, по крайней мере, ее угро-иранского облика. Помимо общего кризиса в недрах сохранившихся до этого периода остатков саргатского сообщества, кардинальные изменения происходят на его восточном и юго-восточном флангах. Приход в горные районы Саяна и Алтая гяньгуйского населения, вытесненного хуннами из Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана во II в. до н.э., который археологически отобразился тесинскими и булан-кобинскими трансформациями, приводит к формированию в Минусинской котловине таштыкской общности, а в горной Туве и на Алтае возникают многочисленные переходные типы (кокэльский, кокпашский, балактыюльский, раннекатандинский, берельский и др.) зарождающегося могучего тюрко-телесского сообщества (Боталов С.Г., 2003). Это население уже к III–IV вв. занимает лесостепную широту Алтая и Приобья, оставив, а затем вытеснив и ассимилировав кулайское угро-самодийские племена. С возникновением верхнеобской культуры (V в.) мы, вероятно, можем связывать то, что крайняя восточная часть ранее существовавшей урало-сибирской общности становится новым тюрко-угорским анклавом зарождающегося этнокультурного единства.

Кроме того, среди указанных памятников лесостепной полосы юго-западной Сибири появляются немногочисленные, но весьма яркие воинские комплексы, маркирующие сложение нового проаварского и проболгарского пласта тюрко-угорских народов. Речь идет о знаменитых одиночных погребениях Тугозвонovo, Сопка, погр. 688, Татарские могильники, Ераска, Троицкий Елбан I, Обские Плесы II и др. Последующее стремительное проникновение этого тюркизированного полукочевого населения, как, впрочем, и смещение всего массива угро-иранского и угро-самодийского лесостепного населения Зауралья и Западной Сибири в первой половине I тыс. н.э., сегодня не требует особых исторических и археологических подтверждений. В этой связи лишь хотим заострить внимание читателей на известной работе В.Ф. Генинга (Генинг В.Ф., 1972), которая стала своеобразным итогом его практической археологической деятельности на Урале. Еще не вполне осознавая суть большого урало-сибирского палеоирано-угорского единства, автор, характеризуя этапы Приуральского культурогенеза в эпоху раннесредневекового периода Великого Переселения народов, сознательно отказывается от определения археологических культур, вводя новый и весьма удобный как археологический инструментарий определитель археолого-этнографического типа (АЭТ). Следуя его логике, мы всецело признаем, что для условий переходных, весьма динамических периодов истории целесообразность этого определения не вызывает сомнения, равно как для значительных



периодов стабилизации и этнокультурной интеграции населения в рамках вмещающих макроландшафтов, формирующихся и существующих в границах определенных этапов историко-этнографической общности (ИЭО).

Коротко охарактеризуем заключительный тюркский этап в существовании урало-сибирской ИЭО: в основных своих звеньях он повторяет предшествующие. Историко-культурное его своеобразие передают довольно хорошо аргументированные (археологически и исторически) события, которые развивались в его временных пределах: расширение тюрко-телесского историко-культурного комплекса из территории юго-западной Сибири до Среднего Поволжья (раннеболгарские памятники новинкинского типа) (Боталов С.Г., 1996); расширение кимако-кыпчакского ареала (сросткинской культуры) к VIII в. в пределах Урало-Алтайского региона (Савинов Д.Г., 1979; Боталов С.Г., 2000); последующее вытеснение в Приуралье вначале зауральско-сибирского угро-культурного населения, которое легло в основу азелинской, мазунинской, ломоватовской, неволинской и кушнаренковской культур, а в финале (IX в.) смещение на запад угро-мадьярского (памятники караякуповского и большетиганского типов) и на север раннеханты-мансийского населения (Сайгатинский могильник).

Формирование к IX–X вв. нового кыпчакско-угорского единства на территории от Приуралья до Верхней Оби (Боталов С.Г., 1988) было последним этапом жизнедеятельности урало-сибирской общности; последующие монгольское, золотоордынское, калмыцкое, ногайское и джунгарские нашествия, равно как и русская колонизация Урала и Сибири, в определенной степени нарушили единую тюрко-культурную составляющую этой АЭО. Хотя ради исторической справедливости в заключение заметим: возможно, этот предшествующий деструктивный период являлся лишь очередным переходным этапом, вслед за которым произошла новая, особая, административно-экономическая и социокультурная интеграция урало-сибирского макрорегиона.

А.Д. Таиров, С.Ю. Гуцалов

Челябинский государственный университет,

Челябинский научный центр УрО РАН,

Челябинск

УРАЛО-АРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

Разносторонние связи населения Южного Урала со Средней Азией и, в частности, Арало-Каспийским междуморьем, хорошо фиксируемые археологически для разных эпох, позволяют поставить вопрос о выделении особой Урало-Аральской культурно-исторической области, в основе которой лежат природные особенности территории.

Выделяемая культурно-историческая область (КИО) имеет достаточно четко очерченные границы. На востоке это Тургайская ложбина с реками Тургай и Убаган, системой озер Сарыкопа, Аксуат, Жарман и Кушмурун. На западе и северо-западе – река Урал в ее нижнем и среднем течении. На севере граница области совпадает, в основном, с границей северной и южной лесостепи Приуралья и Зауралья. Крайние пределы южных границ охватывают низовья Сыр- и Амударьи, Сарыкамыш и Узбой. В разные исторические периоды северные и южные границы области менялись. Область то расширялась



в меридиональном направлении, то сокращалась. Трансформации эти обусловлены не только изменениями природных условий, вызванными колебаниями климата, но и, особенно в эпоху средневековья и нового времени, конкретной этнической и политической ситуацией как на севере, так и на юге региона. Урало-Аральская КИО, на наш взгляд, может быть разделена на две подобласти – западную, или Приуральскую (правильнее, Предуральскую), включая Западный Казахстан, и восточную, или Зауральскую, граница между которыми проходит по центральным хребтам Урала и Мугоджар. В археологической литературе за западной подобластью закрепилось понятие Южное Приуралье, а за восточной – Южное Зауралье.

Начало сложения Урало-Аральской КИО можно, вероятно, относить к эпохе верхнего палеолита, когда на Южный Урал пришли выходцы из Южного Прикаспия, двигавшиеся вдоль восточного побережья Каспийского моря и реки Урал. Первые контуры этой культурно-исторической области достаточно отчетливо проступают уже в эпоху мезолита. Существование Урало-Аральской КИО в эпоху неолита, пожалуй, не вызывает сомнений и документируется сходством характера каменной индустрии, орнаментации керамики и погребального обряда населения Арало-Каспия (в узком понимании этого термина) и Зауралья (Мосин В.С., 2000. С. 232–238). Единство КИО в неолите обуславливалось не только наличием лингвистической и археологической непрерывности (Мосин В.С., 2000. С. 238), но и, вероятно, существованием подвижных групп охотников на крупных стадных копытных (лошадь, сайгак и кулан), для которых характерны четко выраженные сезонные миграции. Эти группы охотников, передвигавшиеся вслед за животными, являлись теми звеньями, которые связывали север и юг области в единое целое. В последнее время были получены данные, позволяющие поставить вопрос о кочевом хозяйстве в степях Казахстана уже в III тыс. до н.э. (Логвин В.Н. и др., 1989. С. 78–81; Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. С. 113–123; Калиева С.С., 1998. С. 225). Если это так, то вполне вероятно, что связи юга и севера внутри Урало-Аральской КИО могли осуществляться и посредством групп кочевого населения.

В конце эпохи энеолита, на рубеже III–II тыс. до н.э., на территории Арало-Каспия и Южного Урала наступает ксеротермический период, приведший к иссушению климата, полному опустыниванию южных районов и появлению полупустынного ландшафта на юге Урала. Это определило невозможность ведения традиционного хозяйства, разрыв внутренних и внешних связей культур финала каменного века (Мосин В.С., 2000. С. 238). Урало-Аральская КИО как единый организм прекращает свое существование, разбившись на два достаточно изолированных региона – северный и южный. В эпоху бронзы изоляция севера и юга поддерживалась вторгшимся в зону северных степей инокультурным и иноязычным индоиранским населением и неблагоприятными природными условиями на юге области (Глушко Е.В., 1996. С. 30–35; Таиров А.Д., 2003. С. 36, 42).

Начало восстановления Урало-Аральской КИО связано, очевидно, с улучшением климатических условий на юге области и процессом движения в эпоху поздней бронзы срубного и андроновского населения степной зоны Южного Урала в Среднюю Азию. В результате в финале этой эпохи мы вновь видим контуры описываемой области. В раннем железном веке, в скифо-сарматскую эпоху, Урало-Аральская КИО предстает перед нами уже как полностью сложившаяся система с присущими ей особенностями, отличающими ее от других культурно-исторических областей. Окончательно оформившись к середине I тыс. до н.э., данная культурно-историческая область просуществовала вплоть до начала XX в. Основой ее функционирования в этот период, залогом ее



устойчивости была пастбищно-кочевая система (Акишев К.А., 1972; Таиров А.Д., 1993) и, в частности, Арало-Уральский цикл кочевания (Кузеев Р.Г., 1968. С. 278, 280).

Оставляя за рамками данной работы развитие Урало-Аральской КИО в эпоху средневековья и нового времени, рассмотрим лишь один из периодов ее существования – скифо-сарматский в рамках I тыс. до н.э.

В начале периода зауральская и приуральская подобласти Урало-Аральской КИО еще относительно изолированы друг от друга. Зауральскую подобласть в VII–VI вв. до н.э. занимали носители бобровско-тасмолинской культуры, поддерживавшие разнообразные связи с номадами Северного и Центрального Казахстана и Юго-Восточного Приаралья. Степи Южного Приаралья являлись лишь далекой периферией пастбищной территории номадов, основные кочевья которых находились на плато Устюрт и на прилегающих к нему с севера равнинах. Их зимовья и основные родовые территории были приурочены, вероятно, к низовьям Амударьи и Сарыкамышу. В степной части Южного Приаралья в VII – первой половине VI в. до н.э., вероятно, обитали немногочисленные группы скотоводов, продолжавших традиции хозяйственной деятельности эпохи поздней бронзы – полукочевое скотоводство, приуроченное к речным долинам и озерным котловинам с богатыми пастбищными угодьями.

Во второй половине VI в. до н.э. в составе населения Урало-Аральской КИО происходят значительные изменения, связанные как с подвижками населения внутри области, так и притоком иноэтнических компонентов с запада и востока степной Евразии. Археологические материалы позволяют говорить о проникновении отдельных групп «скифов», вероятно, с Северного Кавказа на Южный Урал, прежде всего в Приуральскую подобласть, уже на рубеже VII–VI вв. до н.э. и в первой половине VI в. до н.э. Но наиболее массовым и целенаправленным проникновением скифского этнического компонента, вероятно, уже приднепровского лесостепного, было в конце VI в. до н.э., и связано оно с изменением этнополитической ситуации в Причерноморье и Волго-Камье. Возможно, сразу же за «скифами» в Южное Зауралье, так же как и в Южное Приуралье, приходят саки Юго-Восточного Приаралья. Одновременно фиксируется и приток на Южный Урал центральноазиатских кочевых племен. Основной причиной, вызвавшей подвижку сакских племен Приаралья, были исторические события в Средней Азии, связанные с политикой Ахеменидов в этом регионе. Эти события привели к расколу популяций среднеазиатских кочевых и полукочевых племен, к их перемещениям и перегруппировкам, оттоку отдельных групп за пределы региона. Часть кочевников Нижней Сырдарьи вынуждена была покинуть свои прежние места обитания и мигрировать на север, в степи Южного Урала. Здесь они вошли в состав номадов, кочевавших на обширной территории от предгорий Южного Урала до Приаралья.

После политических событий второй половины VI в. до н.э. в Средней Азии присарыкамьшская группировка кочевников раскололась. Одни из них связали свою судьбу с Хорезмом; это были, прежде всего, скотоводы – носители куюсайской культуры. Их хозяйство наиболее связано с Присарыкамьшем, поэтому и в ахеменидское время поселения куюсайской культуры здесь сосуществуют с памятниками кюзелигырской культуры (Вайнберг Б.И., 1991. С. 20; Яблонский Л.Т., 1998. С. 46). Другие же, не желая подчиниться Хорезму и Ахеменидам, вынуждены были изменить места своих основных зимних пастбищ, передвинув их на запад – на Устюрт и Мангышлак, где в этот период в условиях высокой увлажненности господствовали степные и сухостепные ландшафты (Глушко Е.В., 1996. Рис. 2). Одновременно основными летними пастбищами этой



группировки становятся степи Южного Приуралья. Сюда же они переносят политический, экономический и культурный центр своего племенного объединения и свои родовые могильники.

Таким образом, во второй половине VI в. до н.э. развитие местных культур Урало-Аральской КИО было резко прервано. Но после короткого периода деструкции начинается период стабилизации. Он знаменуется выработкой в разнотнической среде единых стереотипов – вызреванием черт общей археологической культуры. И этот период мы предлагаем называть древнепрохоровским, подчеркивая его связь с классической прохоровкой и кардинальное отличие от предшествующего сакского периода. Однако если состав пришлого компонента в Зауралье и Приуралье был одинаков, то соотношение его составляющих в этих подобластях было явно неодинаково. Данное обстоятельство, так же как и различие аборигенного населения, обусловило своеобразие приуральского и зауральского вариантов единой прохоровской культуры Южного Урала на древнепрохоровском этапе ее развития. Формирование двух вариантов единой культуры является, на наш взгляд, отражением процесса сложения в пределах Урало-Аральской КИО двух крупных объединений кочевников: в западной подобласти – в Южном Приуралье, с центром на Илеке и в восточной – в Южном Зауралье, с центром в нынешних Челябинской области (южные районы) и Восточном Оренбуржье. Объединения эти развивались в тесном взаимодействии друг с другом, составляя, вероятно, этнопотестарную общность типа племенного союза.

В конце V в. до н.э. в степной Евразии происходят значительные изменения в погребальной обрядности и материальной культуре кочевого и полукочевого населения. В урало-казахстанских степях они особенно отчетливо фиксируются на материалах Южного Урала при переходе от древнепрохоровского (конец VI – V в. до н.э.) к раннепрохоровскому (конец V – IV в. до н.э.) этапу прохоровской археологической культуры. Инновации, фиксируемые в погребальном обряде и инвентаре кочевников Урало-Аральской КИО, связаны не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и с притоком в третьей четверти V в. до н.э. нового населения с востока – с территории Северо-Западного Китая (Восточного Туркестана). На Южном Урале пришельцы довольно быстро и органически слились с местным населением, заняв, вероятно, ведущие позиции в общественной жизни. Привнесенные же ими инновации, как в погребальном обряде, так и в инвентаре, продолжали развиваться до конца I тыс. до н.э. Процесс этот стимулировался притоком в течение IV в. до н.э. новых немногочисленных групп кочевников Восточного Туркестана.

В конце V – начале IV в. до н.э. восточная подобласть Урало-Аральской КИО (Южное Зауралье) вследствие резко наступившей аридизации вступает в эпоху экологического кризиса. Одновременно в южную лесостепь и степь Зауралья продвигается под давлением племен саргатской культуры западносибирской лесостепи население лесостепного Зауралья (гороховская культура). Все это привело, по-видимому, к обострению демографической ситуации в Южном Зауралье – перенаселенности, что, в конечном счете, и предопределило передвижение части южнозауральских кочевников и вошедших в их состав лесостепных зауральских племен. В начале IV в. до н.э. оно было направлено главным образом на запад и юго-запад, в степные районы западной подобласти Урало-Аральской КИО, которые в ландшафтно-климатическом отношении соответствовали их традиционному хозяйству и быту. Очевидно, переселения продолжались и в дальнейшем, на протяжении всего IV в. до н.э., возможно, постепенно затухая. Приток за-



уральских племен в степи Южного Приуралья и Западного Казахстана привел к значительному увеличению численности кочевого населения региона. Данное обстоятельство обусловило, вероятно, массовую миграцию не позднее середины IV в. до н.э. ранних кочевников Урало-Аральской КИО («сарматов») на запад – в степи Восточной Европы. На рубеже IV–III вв. до н.э. южноуральские мигранты, количество которых уже вряд ли было велико, переселяются также в степное Заволжье и в степную и лесостепную Приуральскую Башкирию.

Увеличение массы кочевого населения в степях к северу от Арала и Каспия имело своим следствием и более полное освоение южных пастбищных территорий Урало-Аральской КИО, включая плато Устюрт. Особенно ощутимым присутствие южноуральских кочевников на Устюрте становится с начала IV в. до н.э., что связано, скорее всего, с политическими событиями на южной границе кочевого мира в Приаралье и, прежде всего, в Хорезме. Как известно, на рубеже V–IV вв. до н.э. Хорезм отпадает от Ахеменидского государства, добившись независимости. Получить ее Хорезм мог, вероятно, только опираясь на поддержку кочевых племен, также стремившихся к независимости. Это, скорее всего, вызвало изменение его взаимоотношений с кочевниками: из противников они должны были стать союзниками. Необходимость союза обусловила, очевидно, то, что Устюрт – традиционное место зимних стойбищ южноуральских и западноказахстанских кочевников – стал относительно безопасным районом. Возможно, Хорезм, стремясь заручиться поддержкой воинственных номадов, предоставил им и определенные гарантии безопасности (Таиров А.Д., 2006. С. 73–74). Возрастание роли кочевников в Арало-Каспийском регионе особенно наглядно проявляется в событиях, связанных с покорением севера Средней Азии Александром Македонским. Активное участие в них кочевого населения хорошо фиксируется античными источниками (Гафуров В.Г., Цибукидис Д.И., 1980. С. 235–268). По справедливому замечанию Б.И. Маршака и В.И. Распоповой, без союза с кочевниками сопротивление завоевателям оказывалось бы с самого начала обреченным на поражение (Маршак Б.И., Распопова В.И., 1989. С. 419).

Усиление кочевников и возрастание их политического влияния в Средней Азии способствовало тому, что они стали чувствовать себя полными хозяевами пространств между Аралом и Каспием, не опасавшимися за свои родовые могильники. В этой обстановке на Устюрте возникают комплексы байтинского типа, связанные, очевидно, с кочевниками Южного Приуралья. Наличие здесь, помимо курганов, культовых сооружений в виде выкладок, жертвенников и настоящих храмов, а также большого количества антропоморфных изваяний дает основание рассматривать их как святилища (Ольховский В.С., 1997. С. 72–74; 1999. С. 70–76). Причем распространение этих памятников совпадает по времени с сообщением письменных источников о расселении дахов (даев) в непосредственной близости от Хорезма (Гайбов В.А., Кошеленко Г.А., 2005. С. 119–123).

В середине III в. до н.э. даи (дахи) продвинулись к юго-восточным берегам Каспия и появились в Парфии. Здесь в результате успешного восстания, возглавляемого Аршаком, представители кочевой аристократии даев или парнов захватили власть в независимом Парфянском государстве. Во главе этого царства стала кочевая династия аршаков, правившая с середины III в. до н.э. по III в. н.э. Большинство исследователей совершенно справедливо, на наш взгляд, отождествляют дахов (даев) с носителями прохоровской культуры Южного Урала. О наличии же «сарматского» компонента среди кочевников Северной Парфии свидетельствуют данные погребального обряда (погребения



в катакомбах с южной ориентировкой погребенных) и инвентаря исследованных здесь курганных могильников.

Вторжение в Среднюю Азию армии Александра Македонского вызвало энергичное сопротивление местного земледельческого населения, на стороне которого выступили и кочевые племена. Среди тех, кто активно противостоял завоевателям, источники неоднократно называют номадов, обитавших за Сырдарьей. К ним на помощь пришли и кочевники соседних, северных, областей, в том числе, безусловно, и номады Урало-Аральской КИО. Греко-македонское завоевание привело к значительному уменьшению численности среднеазиатского населения, уничтожению производительных сил и материальных ценностей. Оно разорвало то экономическое единство оседлых и кочевых народов, которое существовало здесь в предшествующее время. Война за передел сатрапий, разгоревшаяся после смерти Александра между его полководцами, борьба Бактрии и Парфии за независимость вряд ли способствовали быстрому восстановлению хозяйства региона. Все это, естественно, не могло не сказаться на экономических связях оседлого мира Средней Азии с кочевниками. Включение же значительной части среднеазиатского региона в состав Селевкидского государства вызвало переориентацию торговли его земледельческого населения на запад и юг. Торговые связи с кочевым миром были нарушены, поток сельскохозяйственной и ремесленной продукции, идущий на север, резко уменьшился. В этих условиях кочевники, крайне заинтересованные в торговле с оседло-земледельческими центрами, вынуждены были предпринять меры, обеспечивающие их жизненные потребности. С конца IV в. до н.э. идет активный процесс освоения номадами окраин земледельческих оазисов Средней Азии. Здесь они ведут свое традиционное кочевое хозяйство или переходят к полуоседлому или оседлому образу жизни. Процессу оседания на границах оазисов способствовали неблагоприятные климатические условия и относительная перенаселенность в степи и, что вполне допустимо, политика социальной верхушки кочевого общества, заинтересованного в продуктах земледелия и ремесла, в постоянном контроле земледельческого населения оазисов, особенно необходимом в периоды политической дестабилизации. Среди тех племен, которые появились в это время близ земледельческих центров Средней Азии, были, вне всякого сомнения, и номады Урало-Аральской КИО. Особенно массовым это проникновение было, вероятно, во II в. до н.э. Толчком, вызвавшим массовый отток кочевого населения Южного Зауралья в глубь Средней Азии, стал приток новой волны кочевников с востока, известных в китайских источниках под именем юечжи.

Пришедшие с востока юечжи в середине – второй половине II в. до н.э. вытеснили, главным образом на юг, племена Нижней и Средней Сырдарьи, в том числе и номадов Южного Зауралья с их зимних пастбищ. Немногочисленное аборигенное население Южного Зауралья было, вероятно, включено в состав пришлых народов и довольно быстро ими ассимилировано. Пришлые с востока племена стали кочевать теми же маршрутами, которыми передвигались до этого местные номады, располагаться на тех же самых летних и зимних пастбищах, что, в конечном счете, было обусловлено физико-географическими условиями региона. Со второй половины II в. до н.э. Южное Зауралье становится местом летовок пришедших с востока кочевников, включивших в свой состав и остатки местного населения, и входит в сферу влияния кочевых политических образований Средней Азии. Середина – вторая половина II в. до н.э. является верхним рубежом существования прохоровской культуры в Южном Зауралье, но в Южном Приуралье она продолжала существовать до I в. до н.э.



Вышеизложенная общая концепция истории кочевого населения Урало-Аральской КИО, естественно, носит сугубо предварительный характер. Дальнейшие исследования в этом направлении, несомненно, внесут в нее свои коррективы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ «Урало-Аральские этнокультурные взаимодействия в эпоху поздней бронзы и раннего железа (I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.)» (проект № 05-01-85105а/У), и «Древняя и средневековая история Западного Казахстана (по материалам раскопок Г.А. Кушаева и Б.Ф. Железчикова)» (проект № 05-01-85118а/У).

В.Г. Котов

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, Уфа*

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ОТ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Для понимания этнокультурной преемственности населения Южного Урала с древности до этнографической современности большое значение имеет мифология предков башкир, сохранившаяся в башкирском фольклоре. Древнейшим и наиболее значимым мифологическим источником является башкирский эпос «Урал-батыр». Архаичность мифологической составляющей эпоса, а также ее связь с палеолитическими святилищами в пещере Шульган-таш (Каповой) и Игнatieвской (Ямазы-таш), говорят о глубокой древности мифов о культурном герое Урале и его брате Шульгане. Вероятно ли сохранение мифологических текстов такой древности?

Все это возможно лишь при наличии непрерывной этнокультурной преемственности от конца эпохи оледенения вплоть до этнографической современности. Это значит, что на Южном Урале всегда должна была сохраняться достаточно многочисленная группа людей – носителей космогонических мифов, преданий, легенд, сказок и эпических произведений, от которых пришельцы могли бы перенять их вместе с почитанием местных святынь и мировоззрением в целом. О том, что подобные потрясения на Южном Урале происходили неоднократно, свидетельствует археология. Вместе с тем, начиная с эпохи верхнего палеолита, можно проследить преемственность в материальной культуре от палеолитических памятников так называемой «среднеуральской» линии развития к памятникам прикамского и приуральского мезолита (Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю., 1987; Котов В.Г., 2004). Этот этап соответствует выделению уральской языковой семьи из ностратической группы языков, существовавшей, предположительно, в эпоху верхнего палеолита (Старостин С.А., 1990. С. 56). Мезолитические культуры Южного Урала переходят в неолитические, причем последние сохраняют многие технические традиции предшествующего этапа (Матюшин Г.Н., 1976. С. 287; Крижевская Л.Я., 1968. С. 113; 1990. С. 134–137). В мезолите – раннем неолите произошло выделение финно-угорских языков из уральской языковой общности (Матюшин Г.Н., 1976. С. 284). На рубеже мезолита и неолита в VI тыс. до н.э. на территории Южного Урала была приручена, наряду с другими животными, лошадь (Наумов И.Н., 2003. С. 83), которая сохранилась



с плейстоцена только здесь и на Алтае (Верещагин Н.К., Барышников Г.Ф., 1980). Эти племена спустя тысячу лет привнесли коневодство и почитание лошади в культуры восточно-европейских этносов эпохи неолита. Классическим памятником этой эпохи является Варфоломеевская стоянка на Нижней Волге, на которой были найдены многочисленные амулеты из костей лошади, изображения лошади, в том числе фигурка лошади с изображением узды (Юдин А.И., 2003. Рис. 8, 2–4). В последующее, энеолитическое время в результате миграций и культурных заимствований коневодство и почитание лошади широко распространилось у степного населения на территории урало-поволжского региона (Наумов И.Н., 2003), о чем свидетельствуют многочисленные находки изображения лошадей (Кузьмина Е.Е., 2001. С. 124). Зауральское население Южного и Среднего Урала с эпохи верхнего палеолита до III тыс. до н.э. сохраняло этнокультурное единство и преемственность в своем развитии, т.е. являлось автохтонным, что выделяет эту зону на фоне других сопредельных регионов (Мосин В.С., 2005. С. 48).

Присутствие в мезо-энеолите Зауралья следов влияния материальной культуры южного населения (Средняя и Передняя Азия) свидетельствует в пользу тесного этнокультурного взаимодействия этих регионов, причем истоки его необходимо искать еще в финальном палеолите (стоянка Шикаевка 2 в Западной Сибири с древнейшими геометрическими микролитами) (Мосин В.С., 2005. С. 49–50). Это хорошо увязывается с реконструируемой нами мифологической основой эпоса «Урал-батыр», которая соединяет в себе космогонические мифы уральских народов и акватический миф древних индоевропейцев и народов Передней Азии. Тем более что сложение и бытование мифологического цикла об Урал-батыре и мифологического эпоса в дальнейшем могло произойти только на территории Южного Урала, где и расположены основные географические объекты, описанные в тексте эпического сказания и многочисленных преданий. Не случайно здесь расположены древнейшие пещерные палеолитические святилища (Шульган-Таш (Каповая), Игнatieвская (Ямазы-Таш), Серпиевская 2, Заповедная). В мезолите–энеолите на этой территории возникли многочисленные святилища и культовые места с писаницами, являющиеся проявлением этой древнейшей традиции почитания гор и пещер (Петрин В.Т., 1992; Культовые памятники...; Котов В.Г., 2001).

Потомки энеолитического населения Южного Зауралья, судя по орнаментации глиняной посуды и сходству в материальной и духовной культуре, вошли как компонент при сложении ряда культур на территории Урало-Поволжья в бронзовом веке (Матюшин Г.Н., 1982. С. 297). По мнению Е.Е. Кузьминой, раннеандроновские памятники сформировались под влиянием полтавкинской, позже катакомбной, культур, от которых были восприняты «культ коня и обычай его жертвоприношения, двухколесные повозки и обычай погребения средств транспорта, обряд захоронения под курганом, технология и типы керамики и весь хозяйственно-культурный тип степного скотоводства... Другим компонентом была лесостепная абашевская культура, от которой восприняты культ и жертвоприношение коня, некоторые типы погребального обряда и керамики, а также технология и многие типы металлических изделий» (Кузьмина Е.Е., 2001. С. 127). О наличии местного компонента в срубно-алакульской среде на территории Южного Урала свидетельствует каменная индустрия поселения Таналык, особенности которой говорят о традициях, уходящих своими корнями в южно-уральский энеолит (Гарустович Г.Н., Котов В.Г., 2006).

Среди культур финальной бронзы андроновской историко-культурной общности для нас интересна межовская культура, которая считается праугорской (Обыденнов М.Ф., 1997.



С. 148–150). В горно-лесной зоне она смешалась с пришлым раннеананьинским и курмантауским населением в начале раннего железного века (VII–VI вв. до н.э.) и была поглощена последними. К середине I тыс. до н.э. относится проникновение в горную зону Южного Урала иткульско-гамаюнского населения, с которыми произошло смешение курмантауского населения (Гарустович Г.Н., Савельев Н.С., 2004. С. 113–114). Важно, что взаимодействовали, очевидно, близко родственные по языку и культуре племена, поскольку курмантауское население в горах самоизолировалось от кочевого степного (индоиранского) населения. При этом оно сохраняло в течение длительного времени реликтовые формы хозяйства (скотоводство с большой ролью охоты) и архаические черты в материальной культуре (большая роль каменных орудий при развитой металлургии бронзы) (Гарустович Г.Н., Савельев Н.С., 2004. С. 113–114; Морозов Ю.А., 2003; 2004; Овсянников В.В., 2003). Данный факт указывает на то, что горно-лесная зона Южного Урала являлась своеобразным убежищем местного уралоязычного населения в эпохи этнических потрясений и здесь имелись достаточно благоприятные условия для выживания в течение длительного времени для самоизолированных реликтовых этносов (Давыдова Г.М., 1992. С. 11; Савельев Н.С., 2003; Гарустович Г.Н., Савельев Н.С., 2004. С. 117). В результате процесс взаимодействия и ассимиляции приобретал более спокойные формы, создавая условия для ретрансляции в новую среду основного массива духовной и материальной культуры, особенно того комплекса, что был связан с местными географическими реалиями. Одним из важнейших моментов этого комплекса являлся мировоззренческий блок, связанный с почитанием местных святынь (гор, пещер, рек, родников, урочищ и др.). Например, появившееся в горах вслед за курмантаусцами кара-абызское население во второй половине I тыс. до н.э. переняло почитание пещер у местного населения, о чем свидетельствуют многочисленные приношения в пещере Байслан-Таш (Акбутинской) (Морозов Ю.А., Котов В.Г., 2002).

Кара-абызская культура сложилась на основе позднеананьинских племен (древних финно-угров) и гафурийцев – пришлого, зауральского населения, предположительно, древних угров (Пшеничнюк А.Х., 1973. С. 232). Кара-абызцы вошли как основной компонент в пьяноборский этнос, который возник в нижнем течении реки Белая также на позднеананьинской основе (Агеев Б.Б., 1992. С. 102, 104–106; Генинг В.Ф., 1970. С. 170–174). В IV в. н.э. часть пьяноборского населения, наряду с потомками кара-абызцев, послужили основой мазунинской культуры (IV–V вв.), распространившейся на территории современных Удмуртии и Башкортостана (ранние комплексы Бирского, Ангасякского и др. могильников) (Агеев Б.Б., 1992. С. 208). В V в. изменения в культуре мазунинского населения привели к сложению бахмутинской культуры на территории нижнего течения реки Белая (Генинг В.Ф., 1972). Данная культура наследует финно-угорские традиции своих предшественников, при этом угорская составляющая в ней выражена больше (Мажитов Н.А., 1968. С. 79–80). Н.А. Мажитов подчеркивает тот факт, что бахмутинское население было смешанным, так как в него, наряду с турбаслинцами, влились группы племен «южного» происхождения (Мажитов Н.А., 1968. С. 71–72).

Исследованиями антропологов и, прежде всего, ведущего башкирского антрополога Р.М. Юсупова было установлено, что «расогенетические корни антропологического типа современных башкир восходят к древнему населению края эпохи раннего железа, к антропологическим пластам финно-угорского населения пьяноборской, затем бахмутинской культур лесной полосы и расовому типу древних индоевропейцев лесостепной и степной зон Башкортостана». На рубеже новой эры на севере Башкортостана в лесной



зоне расселялись представители «различных вариантов уральской расы с примесью европеоидных антропологических типов южного происхождения», причем древнейший уральский компонент «сохраняется у современных северо-западных и северо-восточных башкир». У лесостепного и степного населения на протяжении всего раннего железного века «доминировал европеоидный тип южного и юго-восточного происхождения, характерный для савроматов и сарматов» (Юсупов Р.М., 2002. С. 44).

Время V–VII вв. явилось рубежом для населения Южного Прикамья и Южного Предуралья, отделив эпоху относительно спокойного процесса этногенеза и эпоху этнических смешений. В условиях больших миграций и частых военных столкновений произошло разрушение представлений о единстве на основе кровного родства, что привело к объединению населения по территориальному принципу и вызреванию институтов раннеклассовых обществ и государственности (Генинг В.Ф., 1974. С. 28). Дальнейшие этнические изменения в урало-поволжском регионе проходили уже в условиях складывающейся ранней государственности под эгидой тюркского (булгарского) этноса, принявшего в начале X в. мусульманскую религию (Казаков Е.П., 1985). Проникновение на рубеже VI–VII вв. зауральского кочевого населения – носителей кушнаренковской, а затем в VIII в. караякуповской культуры – еще более усложнило этническую мозаику на территории Южного Приуралья и Прикамья. Носители караякуповской культуры, по мнению Р.М. Юсупова, сыграли решающую роль в формировании антропологического типа степного и лесостепного населения Южного Урала, что привело к стабилизации и, в последующем, к нивелировке расовых типов в регионе (Юсупов Р.М., 2002. С. 44). У исследователей нет единого мнения об этнической принадлежности самого многочисленного населения лесостепной зоны в VIII–IX вв. н.э. Одни считают, что пришлое население (кушнаренковцы и караякуповцы) были уральцами: уграми или самодийцами, причем часть их была, возможно, тюркизирована (Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 1992. С. 43; Васюткин С.М., 1992; Иванов В.А., 1996; Казаков Е.П., 2006). Н.А. Мажитов предполагал, что кушнаренковцы и караякуповцы – это два этапа одной культуры (караякуповской) и они являются древними башкирами (Мажитов Н.А., 1976). Кроме них на Южный Урал со Среднего Урала и Зауралья проникли угры, оставившие погребения Мрясимовского, Бакальского, Каранаевского, Кушулевского могильников, а также кочевники-тюрки из печенежско-огузского союза племен – ранние башкиры, которым принадлежали Старомусинские, Синеглазовские курганные могильники и ряд других могильников и погребений (Васюткин С.М., 1992. С. 42). С.М. Васюткин подчеркивает, что взаимоотношения потомков бахмутинцев, кушнаренково-караякуповцев с «пришлыми ранними башкирскими племенами были, видимо, преимущественно мирными, о чем свидетельствуют факты захоронения их на одних и тех же кладбищах. Видимо, с приходом раннебашкирских племен произошли лишь незначительные изменения в расселении кушнаренковцев, часть которых была сдвинута в горно-лесные и степные районы Южного Урала, а часть продвинулась на Нижнюю Каму» (Васюткин С.М., 1992. С. 43). Антропологическое исследование кушнаренковских черепов показало, что они не приняли участие в расогенезе башкирского народа. В целом антропологический тип башкир сложился к концу I тыс. н.э., о чем свидетельствуют антропологические исследования материалов Бекешевских курганов VII–IX вв., черепов кочевого населения северо-восточного Башкортостана IX–XII вв., Бирского могильника и краниологических материалов Сынтыш-Тамакского могильника XIII–XIV вв. (Юсупов Р.М., 2002. С. 43). Факт мирного характера вхождения коренного, уральского населения в новый этнос га-



рантировал сохранение в новой этнической среде многих духовных представлений и обрядов, особенно, связанных с почитанием местных географических объектов. Сформировавшееся на петрогромской основе население чияликской культуры знаменует сложение на территории Приуралья ранних башкир, которые в XII–XIV вв. испытали новый этнокультурный импульс под влиянием мусульманской религии и кыпчакского этноса (Васюткин С.М., 1992. С. 43; Казаков Е.П., 2006). Часть языческого населения (тюркоязычные остяки), спасаясь от мусульманизации, ушла на север, в бассейн реки Кама и там сопротивлялись принятию ислама до XVIII в. (Пастушенко И.Ю., 2001. С. 108), а часть, судя по сохранению традиционной культуры горным населением (Руденко С.И., 1925. С. 322), – в горы Южного Урала. Фактически только с середины XVIII в. начался решительный отход от языческих традиций на волне роста национального самосознания на основе мусульманской духовности и просветительской идеологии.

Приведенная выше колонка археологических культур, конечно же, не отражает всего многообразия археологических источников, но она показывает возможность непрерывной этнокультурной преемственности на Южном Урале от конца верхнего палеолита до этнографической современности.

П.А. Косинцев

*Институт экологии растений и животных,
Екатеринбург*

ТИПЫ ХОЗЯЙСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕЙ БРОНЗЕ

Проблема типов хозяйства у населения Южного Предуралья и Зауралья (включая Северный Казахстан) до настоящего времени остается дискуссионной. Связано это прежде всего с вопросами о принадлежности лошадей этой территории к дикой или домашней форме, а также о принадлежности остатков быков из Тургая к дикой или домашней форме. Не останавливаясь здесь на доказательствах, я отношу тех и других к дикой форме.

В дополнение к опубликованным данным (Гайдученко Л.Л., 1998. С. 246–259; Калиева С.С., Логвин В.Н., 1997. С. 100–123; Петренко А.Г., 2003. С. 175–197), некоторую ясность в эти проблемы могут внести археозоологические материалы из поселения Бурли II. Оно находится на реке Тогузак (53°40' с.ш.; 61°50' в.д.). Его керамический комплекс включает 2 сосуда маханджарской, 6 сосудов ботайско-терсекской, 5 сосудов кысыкульско-суртандинской, 3 сосуда ямной, 1 сосуд липчинской и 2–3 сосуда шапкульской культур (Мосин В.С., 1996. С. 48–61).

Таблица 1

Видовой состав костных остатков из поселения Бурли II

Виды	Гор. 3, 4	Гор. 5,6	Гор. 7,8	Прочее
Крупный рогатый скот	1/1	1/1	–	–
Мелкий рогатый скот	16/2	98/4	28/4	3/1
в том числе овца	1/1	16/3	6/1	–
Собака	–	1/1	–	–



Виды	Гор. 3, 4	Гор. 5,6	Гор. 7,8	Прочее
Лошадь	32/2	60/5	32/3	16/4
Тур	6/2	14/3	2/1	1/1
Лось	3/1	4/2	2/1	—
Благородный олень	1/1	—	—	—
Косуля	17/3	42/4	17/2	6/2
Сайга	1/1	11/3	6/2	—
Бобр	1/1	—	—	—
Сурок	1/1	—	—	—
Медведь	1/1	1/1	—	—
Куница	—	1/1	—	—
Млекопитающие, не опред.	96	223	90	32
Птица	4	—	—	—

Крупный рогатый скот. Достоверно ему принадлежит фаланга 2 и фрагмент пястной кости, которые отличаются небольшими размерами. Сагиттальная длина и ширина диафиза ф 2: 36,5 и 20,1 мм.

Мелкий рогатый скот. Все определимые до вида кости принадлежат овце. Среди остатков есть все элементы скелета, но доминируют изолированные зубы – 87 экземпляров. Представлены все возрастные группы – до 6 месяцев (1 экз.), от 6 до 12 месяцев (4 экз.), от 12 до 24 месяцев (3 экз.) и старше 24 месяцев (5 экз.). Из-за сильной раздробленности для промеров пригодны единичные кости. Визуально выделяются группы костей крупного и мелкого размеров.

Собака. Представлена фрагментом большой берцовой кости.

Лошадь. В составе остатков есть все элементы скелета, среди которых доминируют изолированные зубы – 44 экз. Представлены все возрастные группы: 3 молодых (до 2 лет), 2 полувзрослых (2–5 лет), 5 взрослых (5–15 лет) и 2 старых (более 15 лет) особи. Кости значительно раздроблены, и для промеров пригодны единичные экземпляры.

Тур. К этому виду отнесены все кости быков, имеющих крупные размеры. Так, D/4 имеет очень крупные размеры, значительно превышающие максимальные значения аналогичных признаков у зубов из поселений Синташта и Аркаим. Среди остатков доминируют изолированные зубы – 13 из 23 костей.

Косуля. Представлена всеми костями, большая часть которых фрагментирована.

Лось, сайга, благородный олень, сурок. Представлены фрагментами костей.

Медведь, куница, бобр. Представлены нижними челюстями.

Млекопитающие, ближе не определимые. Судя по толщине стенок костей, среди них представлены остатки животных размером с мелкий рогатый скот и лошадь.

Среди памятников Приуралья и Зауралья это поселение выделяется очень большим количеством мелкого рогатого скота (табл. 2). Другой особенностью является состав керамического комплекса с поселения Бурли II. Из всех рассмотренных поселений (см. табл. 2) только на нем найдена керамика ямной культуры. Вслед за автором раскопок (Мосин В.С., 1996. С. 56) мы полагаем, что все или почти все кости мелкого рогатого скота связаны с этой культурой. Особо следует отметить, что материалы поселения Бурли II позволяют охарактеризовать стадо мигрировавшей части населения ямного общества. Обращает на себя внимание очень малое количество костей крупного рогатого скота. Очевидно, даже если он весь связан с ямной культурой, в составе



Таблица 2

Соотношение остатков копытных
на поселениях Волго-Уралья, Зауралья и Северного Казахстана, %

Виды**	Волго-Уралье*						Зауралье*										Северный Казахстан*						
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
КРС	15,1	0,0	0,9	0,9	16,8	13,3	+	-	-	-	-	-	-	+	+	0,0	0,5	2,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
МРС	9,0	0,0	0,0	0,3	2,2	9,3	-	-	-	-	-	+	-	+	+	1,3	-	4,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Лошадь	52,8	80,7	32,6	1,0	6,4	40,1	+	-	+	+	+	-	+	-	+	79,2	-	91,9	99,9	66,3	39,7	4,5	62,5
Дикие копытные	23,1	19,3	66,5	97,8	74,6	37,3	+	+	+	+	+	-	+	-	+	19,5	-	1,6	0,1	33,7	60,3	95,5	37,5
Костей, экз.	4624	109	899	685	668	324	15	1	5	8	5	1	10	6	32	77	420	1987	100 000	70 802	22 125	4391	392

* 1 – Ивановская (Петренко А.Г., 2003. С. 188); 2 – Деркул 1; 3 – Какрыбаш; 4 – Муллино II (Петренко А.Г., 2003. С. 180); 5 – Муллино III (Петренко А.Г., 2003. С. 188); 6 – Давлеканово (Матюшин Г.Н., 1982. С. 195); 7 – Мурат; 8 – Суртанды I; 9 – Суртанды III; 10 – Суртанды VII; 11 – Суртанды VIII; 12 – Карабалакты VIII; 13 – Банное II; 14 – Юбилейное; 15 – Березки (№ 8–15 по: Матюшин Г. Н., 1982. С. 278); 16 – Краснокаменка; 17 – Бурли II; 18 – Сергеевка (Косинцев П.А., Варов А.И., 1993. С. 154); 19 – Ботай; 20 – Кожай I; 21 – Кумкешу I; 22 – Каинды 3; 23 – Солёное озеро 1 (№ 20–23 по: Калиева С.В., Логвин В.Н., 1997. С. 100–101).

** КРС – крупный рогатый скот; МРС – мелкий рогатый скот.



стада его было очень мало. Сложнее вопрос о количестве лошади в памятниках ямной культуры. Ее очень мало в погребальных комплексах этой культуры (Шилов В.П., 1975. С. 169–171), это позволяет полагать, что и в стаде ее доля не была очень большой. В то же время на ботайско-терсекских и кысыкульско-суртандинских памятниках она доминирует (см. табл. 2). Поэтому все или почти все остатки лошади связаны с населением этих культур. С ямной культурой также могут быть связаны остатки лошади, но в очень небольшом количестве. Таким образом, структура стада мигрирующей группы населения ямной культуры может быть следующая: более 90 % – мелкий рогатый скот (почти исключительно овца) и в небольшом количестве крупный рогатый скот и, возможно, лошадь.

В табл. 2 приведено соотношение остатков костей видов, составляющих «мясной рацион» в питании древнего населения. Принципиально важным в нем является соотношение диких и домашних копытных. По нему можно выделить тип хозяйства. Имеющиеся материалы позволяют выделить в энеолите – ранней бронзе Урало-Поволжья и Зауралья четыре типа хозяйства. Первый тип – это хозяйство ямной культуры, которое характеризуется доминированием домашних копытных в составе «мясного питания». Второй тип – хозяйство части населения самарской (агидельской) культуры (поселения Ивановское, Муллино III, Давлеканово), в питании которого домашние копытные играли заметную роль. Третий тип – хозяйство части населения суртандинской и самарской культур, которое содержало немного домашних копытных. Но в питании они не имели значения. Четвертый тип – хозяйство ботайско-терсекского населения, у которого не было домашних копытных. На поселении Бурли II в разное время обитало население с разными типами хозяйства – первым, третьим и четвертым. В конце III тыс. до н.э. в Зауралье был распространен третий тип хозяйства, представленный поселениями Сергеевка, Баландино, Роцинское (Кисленко А.М., Татаринцева Н.С., 1990. С. 85–93; Косинцев П.А., Варов А.И., 1993. С. 153–165).

В целом, в III тыс. до н.э. на территории степной и лесостепной зоны, от реки Волга до реки Ишим, существовали два хозяйственных ареала. Ареал скотоводческой экономики, представленной в Волго-Уральских степях ямной культурой, и ареал охотничье-промысловой экономики в Приуральской лесостепи и в Зауральской и Северо-Казахстанской степи и лесостепи у населения самарской культуры и круга культур гребенчатого геометризма. В последнем ареале выделяются два района – восточный, где отсутствуют домашние копытные (ботайско-терсекские поселения), и западный, население которого имело некоторое количество домашних копытных (самарские и суртандинские поселения). Появление в этом районе домашних копытных, несомненно, связано с контактами со скотоводами. Количество домашнего скота у разных групп охотников было различным (см. табл. 2), что отражает неравномерность процесса его заимствования. В настоящее время нет данных, позволяющих охарактеризовать хронологию, скорость и масштабы его протекания в разных районах. Имеющиеся данные свидетельствуют, что существование этих ареалов завершилось в историческом масштабе почти мгновенно, и на их территории сформировался единый хозяйственный ареал скотоводства срубно-андроновского типа.

Работа выполнена по гранту РГНФ 06-01-91100 а/У.



А.В. Епимахов
Институт истории и археологии УрО РАН
Южноуральский филиал,
Челябинск

О ФАКТОРАХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ

Прежде всего следует оговориться, что обозначенные географические рамки для бронзового века соблюсти очень непросто. Местное население с самого начала бронзового века оказалось вовлечено в глобальные процессы, часть которых носила едва ли не общевразийский характер. Для начала имеет смысл очертить хронологию и историческое содержание основных этапов, уяснить возможности согласования локальной хронологической шкалы с сопредельными территориями: Восточной Европой, Западной Сибирью и Казахстаном.

В диахронном анализе уральских культур и культурных типов приоритет отдан стратиграфии, в меньшей степени – типологии. В качестве инструмента согласования материалов *отдаленных территорий* предлагается выделить блоки культур, хронология которых базируется на единых основаниях. В данном случае для установления синхронии мы располагаем немногочисленными категориями материальной культуры и радиоуглеродным датированием (нами используются только калиброванные значения). Конечной целью такой работы является создание периодизации для центральной части Северной Евразии.

Под периодизацией мы будем понимать выделение значимых этапов, существенно различающихся историческим содержанием, то есть обладающих внутренним единством и отличающихся от других (Вишняцкий Л.Б., Колпаков Е.М., 1991). Основными задачами являются выделение хронологических отрезков, в рамках которых общественная система остается относительно неизменной, а также выявление периодов трансформаций. Создание универсальной периодизации истории человечества можно считать утопией, поэтому положительный ответ на вопрос о возможности ее формирования для столь крупного региона, как Северная Евразия, неочевиден. Тем не менее, по нашему мнению, именно для бронзового века такая попытка не является абсолютно безнадежной. Поводом для оптимизма служит обретающий все более серьезную аргументацию тезис о генезисе глобализации в эпоху палеометалла. Эта общая посылка, конечно, не может быть признана серьезным основанием для выводов, но позволяет искать возможности согласования ритма исторических процессов региона и «евразийского ядра» (Черных Е.Н., Черных Н.Б., 2005. С. 12–13).

Представляется, что для Урала можно говорить о нескольких крупных периодах. Наиболее ранний – ямный – разделяется, минимум, на два подпериода (Богданов С.В., 2004. С. 196–198), хотя стратиграфически это подтверждено лишь дважды. Однако выразить эту разницу в цифрах пока невозможно – имеющиеся датировки (в границах 29–23 вв. до н.э.) фактически не отличаются для разных обрядовых групп (Моргунова Н.Л. и др., 2003; Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004). Последние данные по ^{14}C и попытка выделения ранней группы (3300–2900 гг. до н.э.) (Моргунова Н.Л., 2006) неоднозначны, поскольку речь идет о единичных датах, к тому же для датирования использована погребенная почва. В целом группа демонстрирует общую синхронность с памятниками



ямной общности, афанасьевской (Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004) и полтавкинской культурами (Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004). Имеется также значительная зона наложения с энеолитическим интервалом. О последнем приходится говорить с оттенком условности, ввиду большого территориального размаха привлекаемых материалов (Шорин А.Ф., 1999). Тем не менее, как минимум в рамках первой половины III тыс. до н.э., сосуществование ямного и энеолитического населения на сопредельных территориях кажется вполне правдоподобным.

Культурный облик последней четверти III тыс. до н.э. для юга Урала пока не вполне ясен. Что синхронно катакомбным культурам Восточной Европы и ранним окуневским памятникам Минусинской котловины? В степном Приуралье этот отрезок частично заполнен древностями катакомбного мира («позднеямными»), а также вольско-лбищенскими. Для лесостепной зоны и Зауралья в целом ситуация туманная. В качестве предшествующих могут быть упомянуты так называемые «раннебронзовые» культуры – аятская, одиновская и пр. Однако их собственная абсолютная хронология отсутствует де-факто.

Следующий период – абашевско-синташтинский (21–18 в. до н.э. (Телегин Д.Я. и др., 1981; Anthony D.W., Vinogradov N.B., 1995; и др.). Вероятно, этим же временем датируются ранние сейминско-турбинские памятники, хотя они существовали и позднее. Очень близки хронологически окуневская культура (Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004) на востоке и потаповский тип памятников – на западе (Кузнецов П.Ф., 1996; Трифонов В. А., 2001), в меньшей степени – петровская (Матвеев А.В., 1998; Епимахов А.В., в печати) и раннесрубная культуры (Кузнецов П.Ф., 1996; Малов Н.М., 2001). Последние, несмотря на наложение с синташтинским интервалом, по стратиграфическим данным все же поздние и имеют более отчетливые схождения с сейминско-турбинскими бронзами (поздней фазы ?) (Соловьев Б.С., 2005). Единственная лесная культура, имеющая аргументы для частичной синхронизации с синташтой, – ташковская (Ковалева В.Т., 2005). Отметим также, что имеющиеся в северном Китае прямые аналогии сейминско-турбинским бронзам (например, культуры Siba и Qijia) датируются в рамках 2000–1700 гг. до н.э. (Mei J., 2003a. P. 4; 2003b. P. 11).

Алакульские («развитые»), срубные («классические»), федоровские и синкретические памятники существовали относительно одновременно в 17–15 вв. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994; Матвеев А.В., 1998; Каргалы, 2002; 2004). В целом этим же временем датируется андроновская культура Западной Сибири (Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A., 2004). Достаточно близкие границы установлены для среднеазиатских памятников андроновского круга (1680–1500 гг. до н.э.) (Cattani M., 2004. P. 312).

Гораздо менее определена ситуация с коптяковской (Викторова В.Д., 1999; 2001) и черкасульской (Обыденов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995) культурами, которые должны быть близки хронологически. Если для коптяковской культуры имеются «ранние» даты, как минимум сближающие ее с петровско-раннесрубным (а возможно, и абашевско-синташтинским) блоком, то для черкасульской они отсутствуют. Кроме того, для обеих культур имеется «шлейф» поздних (вплоть до 13 в. до н.э.) значений. Следует ли за этим видеть длительную (беспрецедентную для II тыс. до н.э.) историю существования? Однозначного ответа на этот вопрос нет, хотя корректировка интервала кажется неизбежной.

В определении границ и состава культур следующего блока есть некоторое сомнение. Во-первых, не вполне ясна датировка бархатовских памятников: радиоуглеродные датировки дают довольно широкий интервал, включающий и поздние значения,



а сходство с межовскими материалами очевидно. Во-вторых, совокупность данных не оставляет сомнений в принципиально более позднем возрасте горизонта относительно срубно-андроновского, однако большинство датировок (14–12 (11?) вв. до н.э.) происходит из памятников, для которых культурная атрибуция не вполне ясна (Костюков В.П., Епимахов А.В., 2005). Во всяком случае, они не соответствуют полностью ни саргаринским, ни межовским стереотипам. Надежность интервала в целом удостоверяется сходством с классическими карасукскими датами, отчасти с восточно-европейскими, а также единством эпохальных стереотипов. На основании единичных дат памятники финала бронзового века Средней Азии, по нашим вычислениям, датируются 1500–1250 гг. до н.э., что в целом близко уральским границам данного периода.

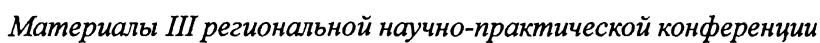
Значения интервала существования памятников переходных к раннему железному веку (11–9 вв. до н.э.) не являются надежными, хотя и не противоречат общей схеме. Именно с этим отрезком связана большая часть дат бархатовского Красногорского городища и каменоложского этапа карасукской Минусинской котловины. Возможно, эти памятники синхронны донгальскому типу Центрального Казахстана и нуринскому Поволжья. Для последнего имеются близкие даты безынвентарных погребений (Кузнецов П.Ф., 1996), культурная принадлежность которых не вполне ясна.

Описанная схема позволяет наметить несколько точек трансформации культурных систем. Примечательно, что ряд из них является переломными не только для Южного Урала, но и для значительно большей территории. Первым ключевым моментом для интересующей нас территории было распространение и утверждение ямных традиций в степной зоне, включая навыки животноводства и металлургии, новую идеологию, социальную стратификацию, реализованную в монументальной курганной архитектуре.

Следующий, ярко маркированный абашевскими, синташтинскими и сейминско-турбинскими древностями этап начинается на рубеже III–II тыс. до н.э. Он связан с дальнейшим распространением производящего хозяйства в степной и лесостепной зонах, формированием прочной оседлости (включая сложные фортифицированные объекты), централизацией, углублением общественной и хозяйственной дифференциации, установлением дальних связей во всех направлениях. Основные стереотипы периода нашли свое развитие в следующий срубно-андроновский период.

В этот отрезок времени огромные пространства демонстрируют черты сходства, сумму которых с долей условности можно определить, как «культурную непрерывность». Вероятно, во II тыс. до н.э. евразийская степь и лесостепь функционировали как единая система, что в значительной степени облегчалось родственными составляющими культурогенеза. Гораздо сложнее установить причины поддержания этих связей. Скорее всего, ситуация должна была сильно разниться – имели место миграции, торгово-обменные операции, брачные союзы, не последнюю роль могли играть идеологические мотивы. Примеры поселений, погибших в результате военной катастрофы, и поэтапное выделение специализированного вооружения избавляют от иллюзий о сугубо мирном сценарии взаимоотношений, однако военная функция, по сути, не нашла отражения в идеологической сфере (погребальной обрядности). Не обнаруживаются и следы политической централизации.

Следующий период трансформаций приходится на рубеж 15–14 вв. до н.э., когда формируется общность культур валиковой керамики (Черных Е.Н., 1983). Южный Урал изучен пока явно недостаточно, однако для степной зоны смена культурных стереотипов налицо. Будущие исследования покажут правомерность выделения самостоятельного

[illegible]



белоключевского типа в Зауралье (Костюков В.П., Епимахов А.В., 2005), однако материалы явно отличны и от саргаринских, и от межовских. Таким образом, фазы эволюционного развития культур периодически сменяются трансформациями, последняя из которых относится ко времени становления номадизма. Периоды трансформаций характеризуются повышением миграционной активности и, в целом, восприимчивости к инокультурным стереотипам. Не исключено, что фазам эволюции и трансформации были присущи разные (по направлению, темпу и составу участников) типы миграций.

Ключевыми особенностями периода были стимулированный извне поэтапный переход к производящим формам хозяйства и огромная роль внешних связей. Система жизнеобеспечения стала базироваться на животноводстве, доля присваивающих отраслей, видимо, сильно зависела от экологической ниши конкретной группы населения. Стимулы к установлению и поддержанию связей, видимо, были различны. Обычно в качестве таковых называют металлопроизводство. Однако металлические орудия в *системе жизнеобеспечения* были непосредственно задействованы в основном в поздний период эпохи бронзы. Мы склонны думать, что ключевыми были социальная и идеологическая составляющие этого производства, что никак не умаляет его значения в формировании облика археологических памятников.

Не следует сбрасывать со счетов и общеизвестный факт формирования первых государственных систем именно в бронзовом веке. Это обстоятельство пока недооценено исследователями аридной зоны Евразии, видимо, вследствие значительности расстояний и очевидных различий материальной культуры. Между тем, существование не менее дальних связей для мира первобытности признается. Формы взаимодействия элементов системы типа «центр–периферия» могли быть весьма разнообразны, а влияния разнонаправленны. Рассматриваемая территория, несомненно, должна относиться к *дальней периферии*, но отдаленность Урала от зоны первичных цивилизаций могла компенсироваться высокой мобильностью населения степной зоны. К тому же интенсивность и форма контактов, как показано выше, явно варьировали во времени и пространстве.

Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН и СО РАН «Формы и проявления социокультурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы» и при поддержке гранта РГНФ (проект № 05-01-85113а/У).

С.А. Григорьев

Южноуральский филиал

Института истории и археологии УрО РАН,

Челябинск

АНДРОНОВСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время существует два основных подхода к проблеме культурогенеза в эпоху бронзы. Один предполагает генетическую связь между различными культурами, что позволяет выстраивать цепочку синташта–петровка–алакуль–федоровка–саргары (Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, Н.Б. Виноградов, А.В. Матвеев). Другой подход рассматривает алакульские и федоровские комплексы как генетически не связанные



(В. С. Стоколос, Е.Е. Кузьмина, Т.М. Потемкина, О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, С.А. Григорьев). Первый подход предполагает существование всех культурных комплексов повсеместно. В рамках второго должны выделяться ареалы с разными традициями. Настоящая работа и направлена на прояснение этого вопроса применительно к Южному Зауралю.

На территории Южного Зауралья выделяются несколько природных зон. Граница лесной зоны проходит по озерной системе вдоль восточных отрогов Уральского хребта, опускаясь на юг, в Оренбуржье. Граница степи и лесостепи может быть проведена по реке Уй. На западе она поворачивает на юг, опускаясь вдоль хребтов до широты Магнитогорска.

Территория Южного Зауралья изучена неравномерно. Наиболее интенсивные работы осуществлялись на территории Зауральского пенеппена и восточнее, по реке Тобол. Изученность памятников в низовьях левых притоков Тобола, между реками Исеть и Аят оставляет желать лучшего. То же можно сказать и о горной части Зауралья.

Эпоха бронзы Зауралья начинается с появления здесь памятников синташтинской культуры. Все они приурочены к степной зоне. При этом за пределами Челябинской области, например, в Оренбуржье, поселенческие памятники культуры отсутствуют, и она представлена исключительно могильниками. В лесостепи известны лишь отдельные погребения или отдельные фрагменты керамики на поселениях (Царев Курган, Камышное I, Верхняя Алабуга, Убаган, Мочище и Шибаетово). Какие-то иные культурные комплексы этого времени здесь тоже отсутствуют. Складывается впечатление, что ареал синташтинских городищ окружен огромной зоной, где существование иных популяций было попросту невозможно. Не исключено, что эти территории использовались синташтинцами в качестве летних пастбищ. Вместе с тем обнаружение в Оренбуржье синташтинских рудников, а на поселение Мочище – шлака и руды из ультраосновных пород, эксплуатировавшихся синташтинцами, позволяет предполагать, что эти выпасы могли сопровождаться и сезонной добычей рудного сырья.

Однако синташтинское проникновение не могло распространяться в восточную приозерную часть горно-лесной зоны. Экологические кризисы здесь тоже исключены. В отличие от собственно горно-лесной части Зауралья археологические работы тут проводились. Однако памятники, заполняющие огромную лакуну между энеолитом и черкаскульской культурой, здесь отсутствуют. Вероятнее, эти материалы скрываются за уже знакомыми комплексами, и исследование мегалитических сооружений озера Тургояк позволяет предполагать, что часть гамаюнских комплексов будет со временем удревнена и заполнит эту брешь.

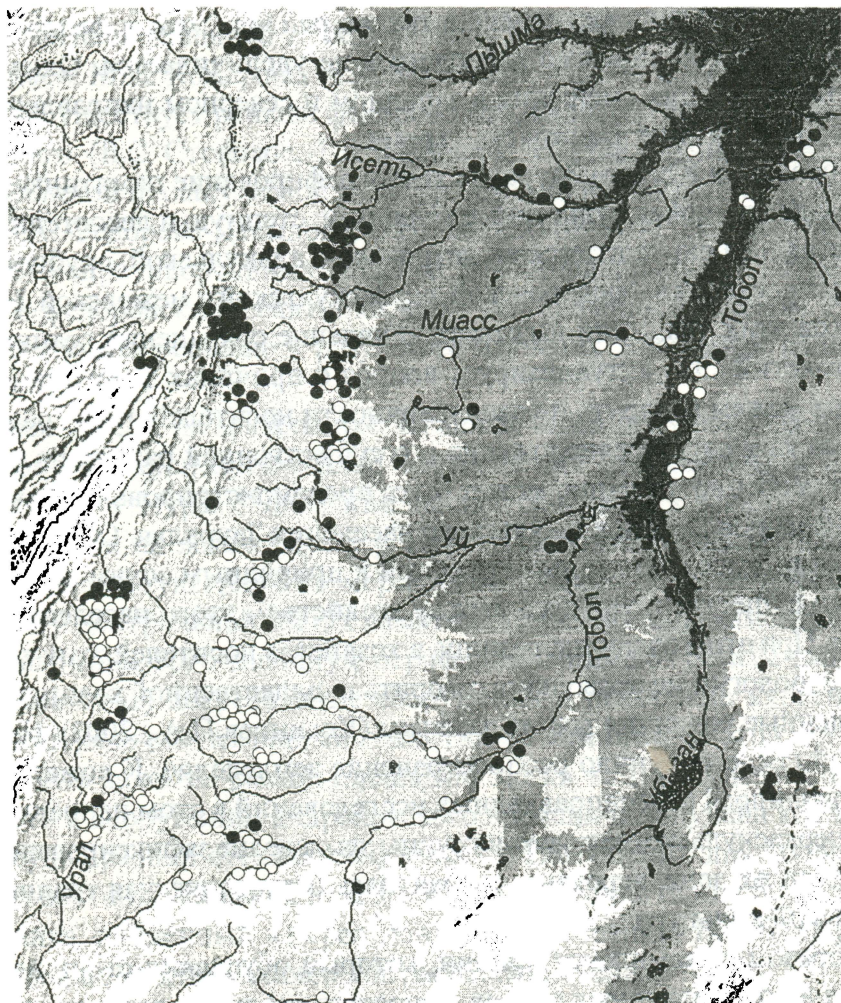
В начале поздней бронзы в степной зоне на основе синташтинской культуры формируются алакульская и петровская. При этом петровская культура формируется еще во время существования синташтинской, на восточной ее периферии (Григорьев С.А., 1999. С. 139, 140; 2000. С. 289, 290; Виноградов Н.Б., 1999). В конце существования синташтинской культуры часть петровской популяции смещается из Казахстана на территорию Зауралья, на левые притоки Тобола. Поэтому в западной части ареала петровские памятники почти не представлены. Здесь присутствуют алакульские, срубные и срубно-алакульские памятники. Зарождающиеся здесь алакульские стереотипы начинают распространяться на восток, ассимилируя петровскую традицию (Григорьев С.А., 1999). В результате на следующем этапе в степной зоне безраздельно доминирует алакульская традиция. Вместе с тем эта традиция наделена срубными чертами, что затрудняет здесь различение алакульских, срубных и срубно-алакульских комплексов.



В эпоху финальной бронзы в степной зоне распространяются памятники саргаринской культуры, формирующиеся на алакульской основе.

Таким образом, в южной части ареала, в степной зоне, мы наблюдаем развитие одной культурной традиции, восходящей к синташтинской культуре.

В противоположность точке зрения сторонников генетической связи андроновских культур, федоровские памятники в степной зоне отсутствуют. Федоровские материалы представлены единичными фрагментами на алакульских поселениях или единичными памятниками синкретичного облика. На приведенной карте (см. рисунок) мы отразили даже эти находки, и при сопоставлении количества фрагментов картина была бы еще более контрастной.



Карта памятников эпохи бронзы Южного Зауралья:

белым цветом обозначены памятники синташтинской, алакульской, срубной, петровской и саргаринской культур, черным – федоровской, черкаскульской, межовской культур

Ситуация в лесостепной зоне сложнее. На первый взгляд, здесь присутствуют как федоровские, так и алакульские памятники. Однако алакульские сконцентрированы, преимущественно, в южной части лесостепи, то есть южнее реки Миасс, в то время как федоровские распространены повсеместно. Кроме того, не исключено, что часть пунктов обнаружения алакульских материалов в этой зоне относится к ранней фазе



существования культуры. На поселении Мочище, например, в наиболее раннем слое были обнаружены постсинташтинские, петровские и раннеалакульские материалы. Это, по-видимому, отражает прежнюю синташтинскую тенденцию освоения этого ареала, но это освоение становится более интенсивным. Вместе с тем в более позднем слое поселения встречены федоровские и алакульские материалы, указывающие на контакт этих популяций.

Основной массив федоровских материалов довольно строго приурочен к лесостепной зоне. Граница распространения федоровских памятников практически совпадает с границей природных зон, опускаясь вслед за последней на юг в предгорной полосе. При этом основная часть федоровских памятников располагается в южной лесостепи. Формирующаяся на федоровской основе черкаскульская культура (Матвеев А.В., 1998; Григорьев С.А., 1999) распространена в тех же районах, что и федоровская. В степной зоне и в Притоболье количество памятников не увеличивается. Однако в лесостепи и степи заметна тенденция смещения в западном и северном направлениях. Эта тенденция находит продолжение в межовское время.

Таким образом, в Южном Зауралье картографирование памятников показывает две отчетливо разделяющиеся культурные традиции: степную и лесостепную. Степная традиция представлена синташтинской, петровской, алакульской, срубной и саргаринской культурами; лесостепная – федоровской, черкаскульской и межовской. На фоне безусловных контактов этих традиций вызывает удивление сохранение границ этих традиций в течение столетий. Это актуализирует вопрос о причинах такого постоянства. Почти наверняка мы можем говорить о разноточности носителей этих традиций. Вероятно, мы вправе высказывать предположение и о существенной разнице в религиозных воззрениях, что особенно наглядно может быть продемонстрировано разницей погребального обряда федоровского и алакульского населения Зауралья. Однако строгая приуроченность границ этих культурных традиций к природным зонам заставляет предполагать какую-то существенную связь между хозяйством этого населения и окружающим ландшафтом. При этом очевидна разница в хозяйстве носителей этих традиций. Однако данные палеозоологии не позволяют говорить о существенной разнице в составе стада, хотя определенные различия все же заметны (Косинцев П.А., 2003). Не исключено, что в лесостепной среде получило распространение земледелие. К сожалению, в Зауралье почти не проводилось целенаправленных исследований в этом направлении, однако для федоровско-черкаскулько-межовской группы земледелие зафиксировано (Лебедева Е.Ю., 1996). В степной же зоне, вероятно, сохранялась скотоводческая традиция, восходящая к синташтинской культуре.

Таким образом, к комплексу причин, который обусловил столь длительное сохранение границ двух культурных блоков, относятся различия этнические, религиозные и хозяйственные. Другим выводом является отсутствие генетической связи между федоровской и алакульской культурами. Определенные сходства, позволившие рассматривать их в рамках андроновской культурно-исторической общности, были обусловлены интенсивными контактами носителей этих культур.

Работа выполняется при поддержке РГНФ (проект № 05-01-85112а/У).



В.В. Варфоломеев

Карагандинский государственный университет

им. Е.А. Букетова,

Караганда, Республика Казахстан

О СООТНОШЕНИИ АЛАКУЛЬСКИХ И ФЕДОРОВСКИХ КОМПЛЕКСОВ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. НУРЫ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

Проблема хронологического соотношения алакульских и федоровских древностей не меняет своей остроты уже без малого 60 лет. В настоящее время, как известно, существуют три варианта ее решения. 1. Федоровские древности предшествуют алакульским (К.В. Сальников, М.Н. Комарова, А.Х. Маргулан, А.М. Оразбаев). 2. Алакульский пласт появляется и существует раньше федоровского, являясь генетическим предшественником последнего (В.С. Стоколос, Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина, Н.А. Аванесова). 3. Носители федоровской и алакульской культур обитали в синхронной фазе андроновской общности (Э.А. Федорова-Давыдова, В.В. Евдокимов, А.А. Ткачев, Э.Р. Усманова). Попытки создания непротиворечивых моделей для территории, где встречаются как алакульские, так и федоровские памятники, пока не увенчались успехом. Видимо, эта проблема может получить решение в результате изучения локальных районов андроновской общности.

Исследованиями 2005 г. на могильнике Тегисжол были получены факты, проливающие свет на проблему хронологического соотношения федоровских и алакульских памятников в бассейне р. Нуры. Могильник находится в 10 км к западу от г. Темиртау Карагандинской области на левом берегу р. Нуры. Памятник занимает вытянутую по линии СВ–ЮЗ аллювиальную гриву. Размеры погребального поля примерно 150 × 70 м. В северо-восточной и центральной частях памятника расположены каменные кольцевые ограды алакульского типа. Юго-западную периферию занимают бегазы-дандыбаевские (саргаринско-алексеевские) погребальные сооружения и невысокие курганы (высотой до 0,1–0,15 м) с беспорядочно лежащими гранитными камнями. В этой, юго-западной, части могильника был заложен раскоп площадью 512 кв. м. В результате раскопочных работ было вскрыто 5 сооружений андроновского времени и получена коллекция из 32 керамических сосудов разной степени сохранности. Погребений других эпох здесь не было. К категории постандроновских находок относится лишь один сосуд саргаринско-алексеевского облика, найденный в переотложенном состоянии. На облик сооружений юго-западного сектора памятника повлияла распахка начала 1970-х гг.

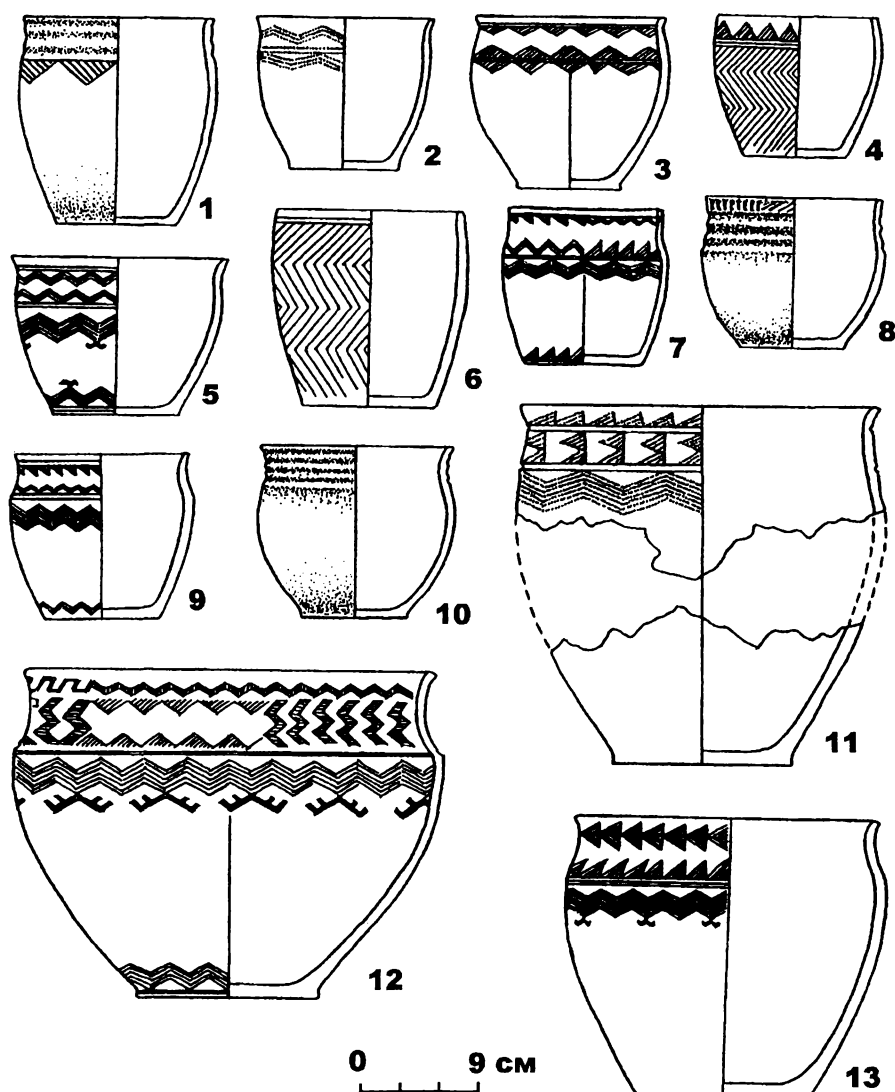
Сооружение 7. До начала раскопок выглядело, как невысокий овальный курган с редкими, слегка выступавшими на поверхности, камнями. Высота кургана – до 0,15 м над уровнем окружающей степной поверхности, размеры его 6 × 5 м. Курган был вытянут по линии ЮЗ–СВ. Насыпь кургана состояла из темно-серого гумусированного суглинка. Погребенная почва не фиксировалась. Материк – светло-коричневая глина. В процессе раскопок была расчищена овальная ограда, сложенная из гранитных булыгообразных камней. Она была вытянута по линии ЮЗ–СВ. Размеры ограды 4,8 × 3,8 м. Внутри нее находились две могильные ямы. *Могила 1* размещалась по линии ЮЗ–СВ почти в центре ограды и была перекрыта тремя плитами в юго-западной части и одной в северо-восточной. Над средней частью могильной ямы каменное перекрытие



отсутствовало. Общая длина перекрытия 2,65 м, ширина около 1 м. Погребение было устроено в грунтовой яме длиной 2 м. Ширина ямы в средней части 0,75 м, глубина 0,75 м от уровня материка или 1,05 м от современной поверхности у полы кургана. Яма имела вытянуто-овальную форму и расширялась в юго-западной части. Стенки ямы наклонные. На дне могильной ямы было расчищено погребение человека. Погребенный лежал скорченно, на спине, ноги в положении «на левом боку», головой на ЮЗ. Кости левой руки согнуты в локте, правая была вытянута параллельно позвоночнику, вдоль туловища. Ноги поджаты. Череп, шейные позвонки и фаланги пальцев правой руки отсутствовали. В юго-западном секторе могилы находились три сосуда. Сосуд 11 (рисунок, 12), самый большой, алакульского типа, стоял на дне могилы, слегка накренившись к востоку. Рядом с ним, горловиной к сосуду 11, лежал сосуд 15, алакульского типа (рисунок, 7). Сосуд 14 – горшок федоровского облика (рисунок, 10), он лежал на боку устьем к югу. На нем покоилась лучевая кость левой руки погребенного. Отдельные фрагменты сосуда 11 были найдены в заполнении могилы. В ногах погребенного лежал обломок бронзовой подвески, возможно, деталь наконечника. **Могила 2** находилась северо-западнее могилы 1 и имела ту же ориентировку – по линии ЮЗ–СВ с небольшим отклонением к югу. Сверху она была перекрыта семью гранитными плитами, лежавшими без видимых следов нарушения. Длина надмогильной выкладки 1,35 м, ширина до 0,8 м. Под плитой перекрытия могилы 2, в юго-западной части стоял сосуд 10 (рисунок, 13). Относительно уровня очертаний могилы сосуд был заглублен на 4 см, то есть стоял фактически над могилой. Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами. Длина ее 1 м, ширина 0,45 м, глубина 0,2 м от уровня материка. Стенки ямы слегка наклонные. В заполнении могилы были найдены две подвески: одна – из раковины *Carbicula fluminalis*, другая – из клыка животного. Остатков скелета человека не обнаружено. Не исключено, что могила 2 – кенотаф, а судя по небольшим размерам, кенотаф подростка. Не зафиксировано никаких следов ограбления этой могилы.

Сооружение 8. Это одиночная могила, хотя нельзя исключать, что первоначально это погребение было обнесено оградой, впоследствии снесенной. В древности могильная яма была перекрыта каменными плитами, из которых сохранились лишь крайние северо-западные и юго-восточные. Плиты провалились внутренними краями в могилу, внешними опираясь на края погребальной камеры, и придали сооружению вид небольшой прямоугольной ограды. Общая длина надмогильной выкладки 2,1 м, ширина 1,1 м. Под плитой, лежавшей на плите перекрытия, была найдена придонная часть сосуда горшечной формы. Очертания могильной ямы фиксировались на глубине 0,3 м от уровня поверхности. Размеры могильного пятна по верхнему уровню очертаний 2×1 м. Глубина от уровня материка 0,7 м. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы было расчищено ограбленное погребение человека. В неповрежденном состоянии сохранились только кости ног. Судя по их расположению, умерший был уложен на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. В могиле были найдены подвеска из раковины, фрагменты желобчатого браслета, одна пастовая пронизка и т.п. Все предметы обнаружены в северной части могилы.

Сооружение 9 – плохо сохранившаяся каменная ограда. Почти все плиты повалены и смещены, возможно, при вспашке. Ограда вытянута по линии СЗ–ЮВ. Внутреннее пространство ограды имело засыпку, что в древности давало ей вид кургана с оградой. Грунт засыпки внутри ограды 9 – темно-серая гумусированная супесь. Погребенная почва не отмечена. Современная высота курганной насыпи около 0,1 м над уровнем ок-



Могильник Тегисжол. Керамика.

1–6, 8, 9 – поминально-жертвенный комплекс ограда 9; 7, 10, 12 – ограда 7, погребение 1;
11 – ограда 11, погребение; 13 – ограда 7, погребение 2

ружающей поверхности. Реконструируемые размеры ограды – 9 × 6 м. Первоначально плиты ограды стояли вертикально, о чем свидетельствуют несколько плит в восточной части ограды, сохранивших первоначальное вертикальное положение. В ходе вскрышных работ по периметру ограды были найдены несколько сосудов, вкопанных в материк или выброшенных из погребений ограды 9. Жертвенно-поминальному комплексу принадлежало 8 глиняных сосудов (рисунок, 1–6, 8, 9) и один деревянный, зафиксированный



в плане и профиле по тлену рыжего цвета. Пять сосудов были установлены внутри ограды, два (рисунок, 4, 9) – за ее пределами, у юго-восточной стенки в яме, образовавшейся в результате выемки грунта при насыпке кургана в ограде 9. На межмогильном пространстве сооружения 9 встречались фрагменты сосудов алакульского типа, выброшенных при ограблении могил. **Могила 1** находилась в юго-восточной части ограды. Она ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Размеры 0,95 × 0,48 м, глубина 0,2 м от уровня материка. Яма неправильной овальной формы. В погребении находилось парное детское захоронение. Ближе к юго-восточной стенке лежал череп ребенка № 1 до трех(?) лет, лицевой частью он обращен к северо-западу. Других костей этого погребенного в могиле не найдено. Юго-восточнее черепа стоял, слегка накренившись, сосуд алакульского облика без орнамента. Севернее черепа № 1 находились останки второго ребенка младенческого возраста. Сохранились кости черепа и длинные кости, по которым удалось установить, что этот младенец был уложен на левом боку. Головой он был ориентирован на юго-запад. Вещей в этом парном погребении не найдено. **Могила 2** – удлинненно-овальная грунтовая яма, ориентированная по линии ЮЗ–СВ, длина ее 2,1 м, ширина 0,7 м, глубина 0,57 м. В заполнении могилы на разных глубинах встречались отдельные кости человека – ребра, позвонки, большеберцовая кость, нижняя челюсть. Других находок не было. **Могила 3** – грунтовая яма овальной формы, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. Размеры 2 × 0,8 м, глубина 0,7 м от уровня материка. Погребение ограблено. В заполнении найдены разрозненные кости человека, метаподия лошади, костяное кольцо, неорнаментированные фрагменты керамики. **Могила 4** – грунтовая яма овальной формы, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. Размеры – 2,1 × 0,95 м, глубина – 0,6 м. Стенки наклонные, дно неровное, изрытое норными животными. На уровне 0,15 м от верхнего уровня очертаний в центре могилы было зафиксировано углистое пятно, в котором был найден неорнаментированный фрагмент керамики. Погребение ограблено. В заполнении могилы были только отдельные смещенные кости человека. Других находок нет.

Сооружение 10. Ограда вытянуто-овальной формы. Поваленные камни ограды фиксировались, в основном, в юго-восточной части. На уровне материка были прослежены канавки, в которые ставились плиты ограды. Они имели ширину от 0,12 до 0,2 м и глубину около 0,15 м. Судя по отвесным стенкам канавок, плиты ограды устанавливались вертикально. Внутреннее пространство ограды засыпалось грунтом. В результате засыпки получался курган, современная высота которого около 0,1 м. Размеры ограды по контуру канав 7 × 5,7 м. При снятии грунта в юго-восточном секторе ограды были найдены два жертвенных сосуда, вставленных один в другой. Внутри ограды были зафиксированы два погребения в грунтовых ямах. У юго-восточной стенки могилы 1 были расчищены фрагменты сосуда и остатки черепа лошади, лежавшие под слоем грунта на глубине 0,1 м от уровня поверхности. В ограде находилось две могилы. **Могила 1** – грунтовая яма, в юго-западной и северо-восточной частях перекрытая каменными плитами. В средней части ямы плиты перекрытия отсутствовали. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Длина ее 2,08 м, ширина 0,92 м, глубина 0,7 м от уровня материка. Стенки ямы слегка наклонные, пол относительно ровный. При расчистке могилы у северо-восточной стенки был найден человеческий череп плохой сохранности. Его верхняя часть находилась на уровне материка. Череп лежал лицевой частью вверх и к северу. Кости человека были обнаружены уже в верхнем уровне могилы, в переотложенном состоянии. На относительное время ограбления указывает размещение и сочетание костей. Большеберцовые и бедренные кости лежали на 0,15–0,2 м выше уровня дна могилы



в анатомическом порядке, но были развернуты на 180 градусов. Следовательно, ограбление произошло до того, как полностью распались связки, то есть в течение нескольких лет после совершения похорон. Погребенной (судя по украшениям, это была женщина) в могилу были поставлены 6 сосудов алакульского типа. Один из крупных горшков имел 14 парных отверстий для ремонта, но сохранилось только 5 бронзовых скрепок. Между костями ног на глубине 0,1 м было найдено бронзовое височное кольцо в полтора оборота, покрытое золотой фольгой. Кроме того, в могиле в переотложенном состоянии находились бронзовые и пастовые бусы, подвеска из клыков животного, фрагменты бронзовых пластин от накосного украшения, пастовые пронизки, фрагменты желобчатого браслета с низкими спиралями. Погребение в могиле 1 сооружения 10 следует считать богатым, несмотря на ограбление. По количеству находок оно превосходит все другие, исследованные в могильнике. **Могила 2** расположена параллельно могиле 1 в 1 м к северо-западу от нее. Юго-западная часть могильной ямы перекрыта каменной плитой. От перекрытия сохранилось еще две плиты. Одна из них лежала на краю юго-восточной стенки, другая перекрывала восточный угол ямы. Пятно могильной ямы вытянуто длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Очертания фиксировались на уровне 0,2 м. Длина могильной ямы 1,85 м, ширина 0,65 м, глубина 0,6 м. В верхнем уровне северо-восточной части могилы были найдены мелкие раздробленные кости человека и фрагменты двух сосудов. Один из фрагментов принадлежал неорнаментированному сосуду баночной формы. Другой сосуд относится к горшкам алакульского типа.

Сооружение 11. Это погребальное сооружение было расчищено в юго-восточной части раскопа. От внешней ограды сохранился только небольшой сегмент дуги. Вероятно, ограда имела круглую форму. Реконструируемый диаметр ограды 4 м. Плиты ограды лежали плашмя. К ВЮВ от ограды были найдены фрагменты сосуда федоровского типа (рисунок, 11). Они были выброшены из могилы в результате ограбления, что выяснилось в процессе расчистки погребения. Внутри ограды находилась одна могила в виде грунтовой погребальной камеры. Могильная яма вытянута почти по линии З–В с небольшим отклонением. Длина могилы 1,4 м, ширина 0,6 м, глубина 0,5 м. При расчистке в могиле были обнаружены камни средней величины (примерно 0,2 × 0,4 м). Они занимали западную часть погребальной камеры. В заполнении могилы, начиная с верхнего яруса, встречались мелкие древесные угольки и измельченные кальцинированные косточки. Фрагменты сосуда, найденного ранее, находились посреди могилы, на дне. У южной стенки на дне могилы было зафиксировано скопление обожженных и измельченных фрагментов костей, среди них найдены фаланга пальца и зуб человека. Кроме фрагментов керамики и кальцинированных костей находок не было.

Погребальный инвентарь из сооружений 7–10 могильника Тегисжол имеет многочисленные аналогии, преимущественно в алакульских комплексах. Бронзовые и пастовые бусины, желобчатые браслеты с низкими спиралями, раковины *Carbicula fluminalis*, височные кольца в полтора оборота, пластины от накосных украшений повсеместно присутствуют в алакульских памятниках Центрального Казахстана (Маргулан А.Х., 1970. Рисунок 18 Б; Маргулан А.Х. и др., 1966. Табл. IX, XII, XIII-2-5, 12–14;) и в других районах алакульской культуры (Сальников К.В., 1951. С. 101, 102). По способу организации могильных площадок сооружения мало отличаются друг от друга. Типично центрально-казахстанскими алакульскими сооружениями являются ограды 9 и 10. Это овальные каменные ограды из вертикально поставленных плит с керамикой также алакульского облика. От алакульских оград резко отличается сооружение 11 с плитами, уложенными



плащмя по кругу, могилой широтной ориентации и захоронением по способу кремации. Оно сопоставимо с федоровскими погребениями (Сальников К.В., 1951. С. 100, 101; Маргулан А.Х. и др., 1966. С. 63; Малютина Т.С., 1984). Обряд был исполнен, скорее всего, группой населения федоровской культуры в соответствии с федоровскими канонами и с использованием федоровского же горшка (рисунок, 11). Сооружение 7 отличается от собственно алакульских формой камней ограды – это не традиционные плиты, а крупные и средние булыги, чаще применявшиеся при устройстве федоровских оград. Для тегисжольских оград с алакульской керамикой характерны низкие курганные насыпи. В результате выборки грунта для их возведения вокруг оград 7, 9, 10 образовались неглубокие ямы. Над погребением в ограде 11 насыпь отсутствовала.

Отметим непреложный факт совместного нахождения федоровских и алакульских сосудов в двух комплексах: первый – погребение 1 ограды 7 (рисунок, 7, 10, 12); второй – жертвенно-поминальные сосуды из ограды 9 (рисунок, 1–6, 8, 9). Один из сосудов в погребении 1 ограды 7 – типично алакульский горшок с уступом (рисунок, 12). Другой сосуд, лежавший рядом, скорее алакульский, но с нечетким уступом (рисунок, 7). Третий горшок отличается от предыдущих плавными формами и орнаментом в виде четырех широких каннелюр на шейке (рисунок, 12). Он близок сосудам из федоровских могильников Казахстана, Южного Урала и Сибири (Маргулан А.Х. и др., 1966. Табл. V; Максименков Г.А., 1978. Табл. XLII; Зданович Г.Б., 1988. Рис. 39, 3, 7, 8; рис. 40, 4). По керамике погребение 1 ограды 7 можно охарактеризовать как федоровско-алакульское, но конкретная культурная идентификация захороненного здесь индивида проблемна.

В ритуале установки жертвенных сосудов по периметру ограды 9 использовались как алакульские, так и федоровские сосуды. К федоровской группе относятся три сосуда горшечных форм. Плавнoproфилированный горшок с овальными оттисками, переходящими в наклонные отрезки, и каннелюрами по шейке и плечу (рисунок, 8) имеет аналогии в федоровских материалах из группы Акштатау в Центральном Казахстане (Маргулан А.Х. и др., 1966. Табл. IV). Два других сосуда с широко раскрытой горловиной и гребенчатым орнаментом своим профилем напоминают горшки из федоровских памятников Сарыарки (Маргулан А.Х. и др., 1966. Табл. V) и Южной Сибири (Максименков Г.А., 1978. Табл. XLIII, 4, 5). Сосуды баночных форм, аналогичные тегисжольским, встречаются преимущественно в алакульских комплексах (Маргулан А.Х. и др., 1966. Табл. XI). Таким образом, жертвенно-поминальный набор керамики можно охарактеризовать как синкретичный. Фрагменты сосудов, выкинутых при ограблении из могил 2–3 ограды 9, несут алакульские признаки. Могильник Тегисжол в целом определяется как смешанный алакульско-федоровский.

Сходная ситуация была прослежена М.К. Кадырбаевым в могильнике Жиланды, примерно в 70 км ниже по течению Нуры. Так, в погребении 2 ограды 2 этого памятника была найдена алакульская и федоровская керамика (Кадырбаев М.К., 1974. Рис. 7). Опираясь на жиландинские и другие материалы, автор сделал вывод о синхронности федоровской и алакульской стадий (Кадырбаев М.К., 1974. С. 40, 41). Аналогичное мнение А.А. Ткачева основано на данных планиграфии могильников и антропологическом различии алакульского и федоровского населения (Ткачев А.А., 2002. С. 164–166).

Вероятно, обитавшие в одном пространственно-временном континууме алакульские и федоровские группы населения, жившего на берегах Нуры, вступали в контакты,



отразившиеся в составе и облике погребальных комплексов могильников Жиланды и Тегисжол.

По соседству с могильником Тегисжол расположены два поселения, которые могли принадлежать коллективам, оставившим андроновские погребения. В 1 км к северу от могильника находится поселение Темиркаш. В 2003 г. на нем было вскрыто 126 кв.м культурного слоя. Керамический материал представлен тремя типами – саргаринско-алексеевским, алакульским и бишкульским. Последние два типа стратиграфически не расчлняются. Однако алакульская керамика более фрагментирована, чем бишкульская, что обычно считается признаком раннего возраста. В 500 м к юго-западу от могильника Тегисжол находится одноименное поселение. Керамика, полученная из шурфа на этом памятнике, представлена фрагментами алакульских сосудов (Рудковский И.В., 1989). Алакульские погребения могильника Тегисжол были, скорее всего, оставлены обитателями обоих алакульских поселков. Вероятно, эти поселки были основаны последовательно – сначала Темиркаш, затем Тегисжол. Если керамика бишкульского типа действительно была бытовой федоровской посудой, как это считает Г.Б. Зданович, то можно предположить, что некий федоровский клан поселился на месте раннего алакульского поселка и контактировал с соседней алакульской общиной из поселения Тегисжол. Но если трактовать бишкульскую посуду, как позднеалакульскую (Т.М. Потемкина), то локализация федоровской группы и характер контактов двух культурно отличающихся популяций остаются не ясными.

Для решения алакульско-федоровской проблемы наиболее перспективным ожидается развитие темы сосуществования двух культур в зоне совместного распространения соответствующих памятников на одном из этапов эпохи бронзы.

А.А. Каздым

*Институт геоэкологии РАН,
Москва*

ПАЛЕОГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «СТРАНЫ ГОРОДОВ»

Система «человек–биосфера» и ноосферное развитие человечества предполагает изучение воздействия человека на окружающую среду и, соответственно, изменение окружающей среды вследствие антропогенного и техногенного воздействия, что является частью современных экологических исследований. Однако следует отметить, что практически полностью отсутствуют фундаментальные работы и, соответственно, какие-либо обобщающие данные о воздействии на экосистему в древности, начиная от палеолита и заканчивая XVIII–XIX вв. Немногочисленные исследования свидетельствуют о том, что в древности воздействие на экосистему, на окружающую среду в ряде случаев если и не сопоставимо с современным, то, по крайней мере, приближаются к нему. Исследования в области взаимодействия человека и окружающей среды определяются новым научным направлением – палеоэкологией древних сообществ человека.

В настоящее время палеоэкология как наука, изучающая взаимодействие организма и среды в геологическом прошлом, понимается гораздо шире. Рассматривая человека



как часть биологического мира, понятие палеоэкологии можно определить как взаимодействие человека и биосферы в древности.

Учитывая сложность процессов антропогенного воздействия на окружающую среду и недостаточную изученность этих процессов в прошлом, можно выделить новые научные направления:

палеоэкологию древних сообществ человека как направление, изучающее взаимодействие человека с окружающей средой, сложившейся при сочетании комплекса археологических и естественнонаучных исследований;

палеогеоэкологию – направление, изучающее в основном воздействие человека на геосферу (ландшафт, недра, гидросферу);

археологическую экологию – направление, непосредственно изучающее прямое или косвенное воздействие человека на экосистему в прошлом.

При проведении палеоэкологических исследований можно выделить основные направления:

- Археологические исследования – изучение стоянок и стоябищ палеолита традиционными археологическими методами.

- Геологические исследования – изучение геологии региона, района (микрорайона), причем особое внимание уделяется изучению четвертичных отложений.

- Палеопочвенные исследования – изучение погребенных почв как горизонта жизнеобитания древнего человека.

- Палеогеоморфологические исследования – изучение древнего рельефа.

- Палинологический и фитолиитный анализ – как возможность изучения палеорастительности.

- Остеологический и палеонтологический анализ – как возможность изучения териофауны.

- Изучение культурного слоя и культуросодержащих отложений как одного из видов техногенного литогенеза, возникшего вследствие воздействия человека на почвы и горные породы, совокупность определенных техногенных фаций.

«Страна городов» – это более двух десятков поселений эпохи средней бронзы, расположенных в Зауралье и являющихся важнейшими археологическими и палеоэкологическими памятниками.

Многочисленные исследования специалистов различного профиля (археологов, геологов, почвоведов, биологов) до настоящего времени не дали главного ответа: с чем связаны процессы упадка, точнее – оставления данной территории? Какой фактор мог повлиять на уход населения – изменение климата? набеги неприятеля? Однако ни резкого изменения климатических условий на данной территории, ни каких-либо социально-политических коллизий не наблюдается. Скорее, наоборот – поселения были оставлены в эпоху достаточно оптимальных климатических условий.

Мы предлагаем гипотезу, хотя и основанную больше на логических рассуждениях, но также опирающуюся на определенные научные факты.

Интенсивное освоение именно Аркаимской долины связано с удобным расположением, наличием хорошо развитой системы рек (Большой Караганки и ее притока Утяганки) с плесами, поросшими тростником, с обширными соседними долинами (в частности, Кондуровской) и наличием лесных массивов. Подобные благоприятные условия создавали великолепную возможность для интенсивного освоения территории, развития скотоводства, а также для строительства долговременных поселений.



Для Кондуровской долины также характерно интенсивное освоение, в частности отмечен переотложенный культурный слой в береговом обнажении реки Б. Караганка, примерно в 2 км от пос. Ново-Кондуровский. Отмечено заполнение ямы (глинища?) или естественной промоины прогумусированным материалом, по микроморфологическим характеристикам имеющим характерные для культурного слоя особенности – повышенную рыхлость, своеобразную агрегированность и строение гумуса, микровключения углей и кости.

Антропогенное воздействие на биогеоценозы даже в то время могло быть достаточно интенсивным, о чем свидетельствуют многочисленные курганы (более 74 курганов расположены именно в Кондуровской долине). Курганы являются своеобразными техногенными формами рельефа, в ряде случаев создающими ландшафт.

Воздействие на био- и геосферу при строительстве курганов было различным – от простых могильных ям (кипчакское захоронение XIV в. н.э., Кондуровский могильник 1, курган 1, с небольшой каменной насыпью, углубленной до 140 см ямой с подбоем) до мощных каменных выкладок кургана с «усами» Кондуровский. В первом случае основное воздействие на педо- и геосферу (пусть даже и локальное), во втором случае – на геосферу (перемещение большого количества горных пород на расстояние от 1 до 5–6 км). Также при строительстве кургана с «усами» Кондуровский можно отметить техногенное воздействие на микрорельеф, а в общем плане – появление крупной техногенной формы рельефа общей площадью около 2000 кв. м.

В дальнейшем антропогенное воздействие могло возрасти настолько интенсивно, что происходило истощение экосистемы, и это могло служить одним из вероятных факторов оставления территории населением. Крупный рогатый скот, а также овца и, в особенности, коза способствовали деградации степных экосистем (вытаптывание, переунавоживание, уничтожение растительного покрова; деградация почв, связанная с изменением кислотности почв вследствие воздействия органических и минеральных кислот в местах выпаса и содержания скота, техногенного засоления).

Избыток копытных, невозможность естественной саморегуляции степной растительности приводят к увеличению травянистой растительности, более характерной для полупустынной зоны. Это связано не только с вытаптыванием растительности копытами крупного рогатого скота, овцы или козы, но и с уничтожением верхней части почвенного профиля. В данном случае возможны процессы интенсивного засоления почв (образование небольших пятен агрогенных солончаков), а также в дальнейшем процессы дефляции (выдувания) засоленного слоя.

В процессе разложения органических соединений, входящих в состав навоза и мочи, образуются различные органические и минеральные кислоты, что приводит к гибели микробных сообществ, а также характерной для степных почв мезофауны. Кроме того, избыток солей также способствует процессам засоления почвы.

Вырубка тростника, камыша, пойменных лесов для строительства могли способствовать интенсификации разливов реки, ухудшению дренажа, уменьшению промывного режима почв и, соответственно, их засолению.

Интенсивность воздействия на биогеоценозы определяется не только длительностью обитания на определенной территории, но и мощностью и механизмами воздействия. Максимальное воздействие на геологическую среду характерно для территорий поселений и протополисов. Можно выделить воздействие на микроуровне (жилища, ямы, колодцы) и макроуровне (непосредственно вся площадь поселения или протополиса, а также локально прилегающая территория).



Главные вопросы, возникающие при исследовании древних антропогенно-измененных территорий, – почему пришлое население выбрало именно эту территорию? и почему эта территория была через некоторое время покинута, причем (судя по археологическим данным) не было ни эпидемий, ни военных действий?

Вопрос выбора территории. Для скотоводов главное – наличие продуктивных пастбищ, наличие источников воды, а также возможность защиты своего имущества от наводнений, хищников, соседних племен. Аркаимская долина, вероятно, оптимально подходила для заселения. Расположение самого протополиса Аркаим также свидетельствует о высоком уровне пришлой цивилизации. Выбор местоположения не случаен, а скорее закономерен и связан с максимальной защитой от разливов и нападений. Кроме того, не исключено, что идентичное или схожее расположение других протополисов «Страны городов» связано со схожестью ландшафтов и природных экосистем.

Второй важный вопрос – чем обусловлено оставление территории? В настоящее время главная гипотеза – изменение климата. Палеопочвенные данные, исследование микроморфологических характеристик свидетельствуют, скорее всего, о том, что глобальных изменений климата не было. В частности, исследование микростроения культурного слоя, фоновых почв и почв, сформировавшихся на культурном слое поселения Аландское, свидетельствуют об идентичности микростроения. Микростроение переотложенного культурного слоя в Кондуровской долине и сравнение его с фоновыми разрезами также подчеркивают определенную схожесть по микроагрегативности. Кроме того, время существования поселения – 20–30 лет, время существования цивилизации «Страны городов» – 200–300 лет. За такой небольшой период вряд ли возможно столь глобальное изменение климата (что, впрочем, и не подтверждается микроморфологическими исследованиями). Вероятно, уход населения связан с истощением экосистемы, опустыниванием территории, истощением пастбищ. Микроколебания климата, то есть кратковременные периоды аридизации (с более холодной зимой и очень сухим летом), могли наложиться на пик антропогенного воздействия, и уход населения был предпринят.

Вероятно, «Страна городов» и протополисы, ее составляющие, – не единовременный процесс освоения территории, а процесс постепенного заселения территории, связанный с постепенной, локальной деградацией биогеоценозов степи, он представляет собой этапы освоения территории Южного Зауралья и Северного Казахстана.

Автор выражает искреннюю благодарность директору СПЛИА Центра «Аркаим» доктору исторических наук, профессору Г.Б. Здановичу, кандидату геолого-минералогических наук Л.Л. Гайдученко и заведующему кафедрой археологии, этнографии и социально-естественной истории ЧелГУ, доктору исторических наук А.Д. Таирову за возможность проведения полевых работ.



А.В. Логвин, И.В. Шевнина
Костанайский государственный университет, Костанай
В.Н. Логвин
Сургутский государственный университет, Сургут

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК В СИСТЕМЕ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

Могильник находится в северной части Тургайского прогиба у самого истока реки Убаган, правого притока Тобола. Памятник исследовался Тургайской археологической экспедицией в течение семи полевых сезонов: 1991–1993, 1997, 2002, 2003, 2005 гг. (Калиева С.С. и др., 1992; Логвин А.В. и др., 2004; 2005). Общая площадь раскопа в настоящее время составляет 7860 кв. м. Верхняя часть многих погребений оказалась нарушенной в результате перевыпаса и последовавшей за ним ветровой эрозии. На раскопанной площадке обнаружены погребения различных эпох – от энеолита до средневековья. Больше всего погребений синташтинско-петровского типа (около 70 %), среди которых преобладают одиночные, довольно много парных захоронений и одно тройное. В основном это погребения взрослых людей. Детских погребений сравнительно мало. Захоронений детей младенческого и раннедетского возраста (до 6–7 лет) всего шесть, а подростков (7–15 лет) – девять.

Погребения взрослых совершались в больших подпрямоугольных грунтовых ямах. В северной, менее нарушенной части памятника, под почвой вокруг некоторых погребений фиксировались остатки рвов с несомкнутыми концами. Для обкладки стен погребальных камер и сооружения перекрытий использовалось дерево. В некоторых случаях в погребальной камере зафиксированы остатки деревянного прямоугольного короба, перекрытого плахами в два или три ряда. Ширина плах 10–15 см и толщина 3–5 см. Иногда для поддержания перекрытия дополнительно устанавливалась продольная балка, опиравшаяся на вбитые в дно колья. Умерших укладывали на дно погребальной камеры в слабо скорченном положении на левом боку, обычно головой на запад или северо-запад, изредка – на северо-восток. По описанным признакам одиночные погребения мужчин и женщин не отличаются друг от друга. В парных захоронениях женщина лежит на правом боку лицом к мужчине, кисть одного часто перекрывает кисть другого. В тройном погребении (№ 12) все лежали на левом боку, взрослые по краям, а ребенок между ними.

Жертвенные животные в могильных ямах представлены как отдельными костями с черепами, так и целыми костяками. У ног погребенного в большинстве случаев помещали череп и кости конечностей овцы, теленка, барана, собаки. В одном случае (яма № 40) встречены целые костяки козы и теленка, которые лежали «валетом» параллельно погребенному. Причем поза костяка козы трактуется как поза, «имитирующая бег» (Logvin V.N., 2002. Р. 193). В большинстве могил найдены целые костяки лошадей, обычно они помещались на перекрытии погребальной камеры (в одном случае – под перекрытием) с обеих сторон погребенного либо с подогнутыми конечностями, либо с вытянутыми. В одной могильной яме (№ 5) фиксируется расчленение костяка лошади. Здесь обнаружены три костяка лошади, расположенные вдоль трех стен камеры в стоячем положении, причем у одной лошади задние конечности были отчленены от бедренных костей и поставлены перед передними. В центре



могильной ямы над погребенными был положен целый костяк свиньи (Калиева С.С., 1992; Logvin V. N., 2002. P. 196).

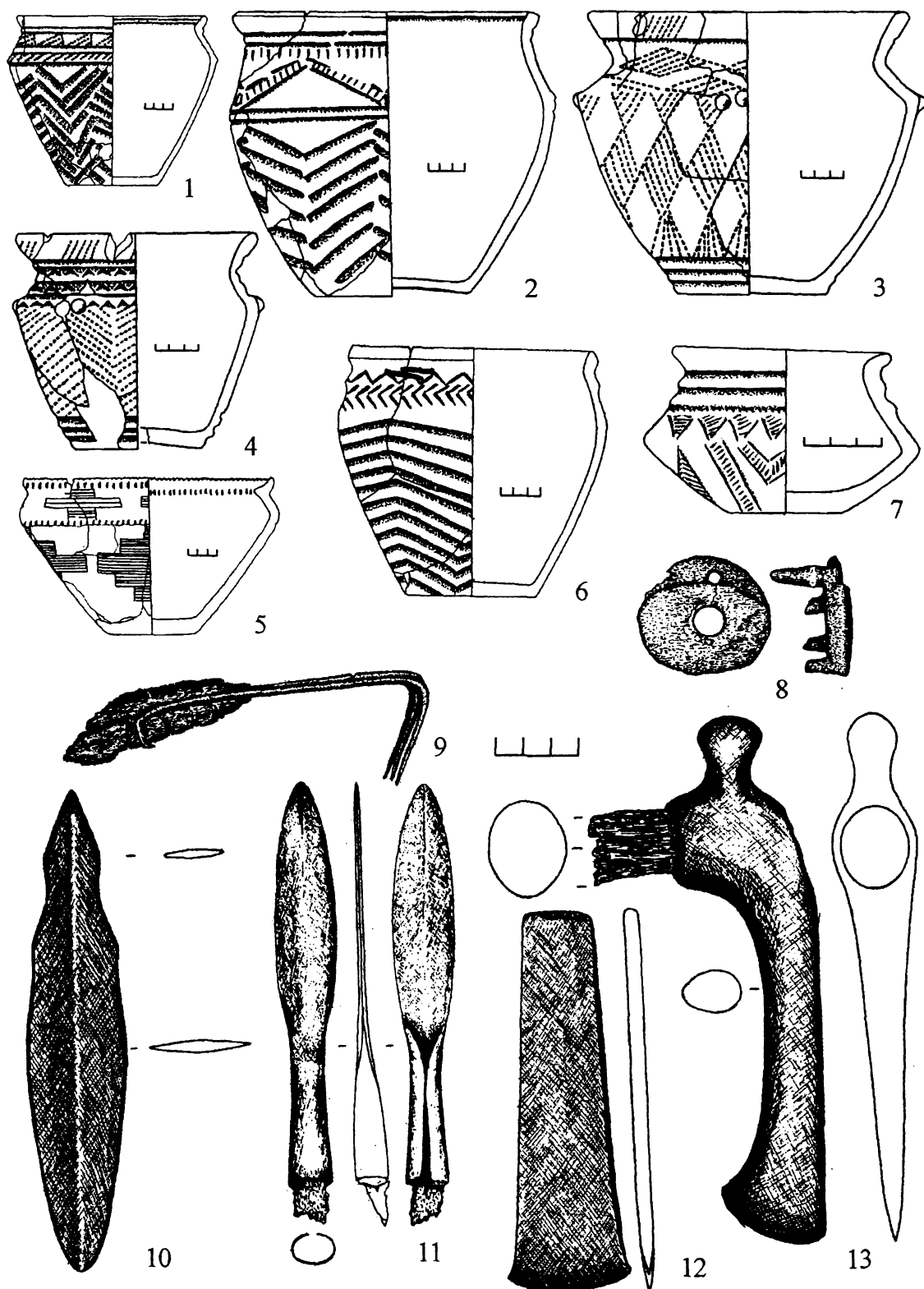
Часто погребенных сопровождает богатый набор инвентаря. В могилу обязательно помещались сосуды. Обычно они ставились у головы погребенного, иногда и в ногах. Нередко в сосудах обнаруживались находки: иглы, ножи и т.д. Имеют место случаи, когда один из сосудов ставился вверх дном или маленький сосудик помещался в сосуд большего размера. Другие находки чаще всего располагались в районе головы погребенного или за спиной. Костяные псалии обнаружены в ногах или за спиной погребенного. Топоры и ножи иногда располагались на кистях рук. Достаточно частой находкой являются кусочки медной руды и шлаков.

В детских могилах погребальные камеры также облицовывались деревянными плахами, часто имели деревянные перекрытия. Детей, так же как и взрослых, укладывали на дно погребальной камеры на левый бок, головой на запад или северо-запад, в слабо скорченном положении, руки перед лицом. Существенные отличия между детскими погребениями разных возрастных групп отмечаются по составу находок. В группе захоронений детей младенческого и раннедетского возраста (до 6–7 лет) особую роль играл мелкий рогатый скот. Кости овцы отмечены практически во всех ямах. Так же как и в других синташтинских могильниках, сопровождающий инвентарь скуден (Виноградов Н.Б., 2003. С. 246). Обычно это сосуды, пастовые или каменные бусины, альчики. Бронзовые поделки редки. На Бестамаке они встречены только в погребениях № 59 (бронзовый нож) и № 110 (бронзовый наконечник копья). Последнее вообще резко выделяется среди погребений своей группы. Здесь была захоронена девочка четырех лет (± 12 месяцев), имевшая богатый набор украшений: наконечник, подвески в 1,5 оборота, бронзовые височные кольца, пастовые бусы. При ней найдены также бронзовое зеркало, выпукло-вогнутая бляшка и обоймочки. В погребениях подростков среди жертвенных животных встречены не только овца, но и лошадь, крупный рогатый скот, собака. Увеличивается количество изделий из бронзы, что, видимо, отражает переходный характер подростковой группы.

На территории могильника были обнаружены ямы-жертвенники. В них находились черепа и другие кости лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз. Интересно расположение костей и черепов животных. Например, в одном случае под черепами не менее чем от пяти лошадей находились овечьи черепа, ориентированные лицевой частью на запад. Прочие кости этих животных располагались в следующем порядке: сверху мелкие, дробленные кости, чуть ниже – кости средних размеров, на дне – крупные кости. В западной части ямы (у лицевых частей черепов лошадей) был поставлен сосуд. В другой яме на дно были уложены конечности лошадей и крупного рогатого скота, а на них сверху десять ориентированных лицевой частью на запад черепов этих животных. Все черепа имеют следы проломов.

Так же как и все ранее описанное, сопровождающий покойников инвентарь находит наиболее близкие аналогии в материалах синташтинских могильников Южного Зауралья (Синташта и Кривое Озеро).

Керамика. Коллекция бестамакской посуды многообразна (рисунок, 1–7) и включает в себя горшки с плавной профилировкой, в т.ч. с зауженным дном на поддоне; остросреберные горшки, как приземистые, так и с приподнятым ребром; сосуды баночного типа. В большинстве случаев орнаментирована вся внешняя поверхность сосудов. Орнамент наносился зубчатым штампом, резной техникой, вдавлениями. Узоры в основном пред-



Могильник Бестамак. Инвентарь.

1 – яма 8; 2 – яма 1; 3, 4, 8 – яма 20; 5 – яма 12; 6 – яма 14; 7 – яма 55; 9 – яма 26;

10, 12, 13 – яма 24; 11 – яма 110

1–7 – керамика; 8 – кость; 9–13 – бронза



ставлены типичной для синташтинской керамики вертикальной «елочкой», часто разделенной вертикальными линиями. Также отмечены треугольники, меандровидные фигуры, ромбы, зигзаги, крестообразные фигуры, каннелюры, наклепные шишечки. В тесто в качестве примеси добавлялся песок, ракушка и органика. Основным технологическим приемом изготовления сосудов являлась формовка на жестком шаблоне с применением тканевой прокладки.

Имеются также воздуходувные сопла для горна и двухстворчатые формы для литья.

Металлические изделия. Большинство ножей имеют листовидную форму и намечающееся перекрестие (рисунок, 10). Топоры представлены двумя типами: втульчатые массивные вислообушные с округлым бойком на обухе (рисунок, 13) и поперечно-лезвийные (тесло) (рисунок, 12). Наконечник копья (скорее дротика) листовидной формы с несомкнутой втулкой (яма № 110) (рисунок, 11). Интересным орудием является бронзовый «гребень-скребок»(?) (рисунок, 9). Обычно его находят в «рассыпанном» виде и составляющие его металлические детали определяют как крючки. В нашем случае пять таких крючков оправлены деревянной рукояткой. Наиболее вероятно использование его для ухода за лошадьми. Найдены также иглы с ушком, четырехгранные шилья, стамеска, скрепки, серпы, обоймочки, браслеты, бусы, бляшки, височные кольца, подвески в 1,5 оборота, гривна, наконечники украшений.

Каменные изделия. Каменные наконечники стрел – черешковые и с прямым основанием. Булавы округлой и крестовидной (с четырьмя выступами) формы. Среди бусин встречены «рогатые». Из орудий труда отмечены песты, абразивы, терочники, ложила.

Костяные изделия представлены щитковыми псалиями овальной (рисунок, 8) и прямоугольной формы с шипами, пряслицами, трепалом из нижней челюсти крупного рогатого скота, проколками, наконечниками стрел, подвесками из клыков лисицы с просверленными отверстиями и т.д.

Близость могильника Бестамак по всем основным фиксируемым параметрам синташтинским могильникам Южного Зауралья, прежде всего, предполагает синхронность их бытования. В связи с этим говорить о хронологическом приоритете собственно синташтинских памятников Южного Зауралья в сравнении с петровскими Северного Казахстана не приходится. Маркируемое ими явление и на Южном Урале, и в Северном Казахстане фиксируется как одновременное, по крайней мере, в археологическом масштабе времени и проходящее на обеих территориях через одни и те же этапы развития. В связи с этим вызывает сомнение правомерность применения термина «петровские» для обозначения поздних памятников этого круга.

Понятия «петровский тип», «петровский этап», «петровская культура» были введены в научный оборот еще до изучения Аркаима и Синташты для обозначения начального этапа алакульской линии развития древностей эпохи бронзы (Зданович Г.Б., 1973. С. 26, 40–41). Содержательная характеристика этих понятий в значительной мере базировалась на материалах могильника у села Петровка, который некоторые исследователи в настоящее время определяют в качестве «синташтоидного» (Виноградов Н.Б., 2003. С. 256). Г.Б. Зданович также уже в первой публикации указывал на наличие ранних и поздних петровских памятников. В этой ситуации логичнее проводить различие между терминами «петровский» и «синташтинский» не по хронологическим, а по культуроопределяющим признакам. При этом ранний этап синташтинско-петровских древностей может обозначаться как синташтинский, а для обозначения позднего лучше, как это уже предлагалось, использовать термин «кулевчинский» (Зданович Г.Б., 1984; Матвеев А.В.,



1998. С. 317). Это позволит ликвидировать современную ситуацию, когда различные исследователи весьма по-разному определяют специфику синташтинских и петровских памятников, в силу чего содержательные характеристики каждого из этих понятий начинают перекрывать друг друга. При таком подходе в процессе неизбежной дальнейшей разработки внутренней периодизации синташтинско-петровских древностей вновь выделяемые этапы можно будет обозначать именами памятников, давших наиболее представительные для его характеристики материалы. Что касается термина «петровская культура», то лучше использовать его в первоначально предложенном смысле – для обозначения северо-казахстанского круга синташтинско-петровских древностей, так как количество признаков, характеризующих локальные особенности отдельных составляющих синташтинско-петровской эйкумены, по мере дальнейшего изучения ее, судя по всему, будет нарастать.

И.А. Кукушкин

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
Караганда*

КУРГАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА С КОЛЕСНИЧНОЙ АТТРИБУТИКОЙ

Стремительное распространение параконной колесничной запряжки на гигантской по протяженности территории – от Передней Азии и Балкано-Дунайского региона до Урало-Казахстанских степей и Средней Азии, подтвержденное археологическими данными, легло в основу выделения хронологического горизонта культур щитковых псалиев.

Думается, ключевую роль в появлении этих культур сыграл вызванный ксеротермическим периодом острый экономический кризис, охвативший оседло-земледельческие цивилизации древневосточного типа. Резкое сокращение пищевых ресурсов буквально вытолкнуло в конце III тыс. до н.э. избыточное пассионарное население Передней и Средней Азии, переориентированное в большей мере на скотоводческую деятельность, в степные и лесостепные области северной полосы Евразии, где наблюдалась фаза увлажнения климата. Этот миграционный всплеск хорошо согласуется с радиоуглеродными датировками погребальных и поселенческих комплексов колесничных культур (Виноградов Н.Б., 2002. С. 263; Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., 1999. С. 86; Елимахов А.В., 2004. С. 206; Трифионов В.А., 1996. С. 62).

В археологических материалах этот процесс отразился в виде находок в погребениях щитковых псалиев, снабженных шипами, нередко предметов вооружения и инсигний власти. Характерны также захоронения лошадей, имитирующие колесничную запряжку. Иногда встречаются колесницы или колеса, установленные в погребальных камерах.

В Центральном Казахстане начало исследований памятников этой категории связано с открытием могильника Сатан (Евдокимов В.В., 1981. С. 434). В курганах некрополя были найдены остатки полуобгоревшей колесницы, кремневый наконечник стрелы, желобчатый псалий, изготовленный из трубчатой кости, бронзовый нож. В керамический комплекс входили горшковидные сосуды остросереберных форм, в том



числе с «воротничком» и с наклепным валиком по шейке (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002. С. 20–23. Рис. 3, 4). Причем у ряда горшков отмечено выравнивание верхней части шейки под внутренний скос, образующий легкое внутреннее ребро. Показательна находка миниатюрного острореберного орнаментированного сосуда с валиком по шейке и двумя противолежащими отверстиями в верхней части шейки, считающегося своего рода «визитной карточкой» целого ряда скотоводческих культур лесостепной полосы Евразии (Виноградов Н.Б., 2002. С. 263). Отмечен также крупный фрагмент большого кувшинообразного сосуда, форма которого предполагает наличие подкоса у дна, характерного для определенной категории посуды передне- и среднеазиатского ареала.

В дальнейшем керамические комплексы, имеющие острореберную профилировку плеча и нередко узкий наклепной валик по шейке, были зафиксированы в ранних слоях нескольких поселений и в ряде могильников, что послужило основой для выделения раннеандроновской нуртайской культуры Центрального Казахстана (Ткачев А.А., 2002б. С. 147). Однако из всех исследованных памятников только в кургане 2 могильника Нуртай было отмечено парное захоронение лошадей, уложенных ногами друг к другу на площадке из белой глины. Юго-западная ориентировка лошадей, расположенных с юго-западной торцевой стороны центрального каменного ящика, символизировала колесничную запряжку. В кургане зафиксированы две могилы в виде каменных ящиков. В центральной могиле отмечено погребение двух взрослых людей, периферийная содержала тройное детское захоронение. Сопроводительный инвентарь погребений состоял из каменной булавы, бронзового ножа, костяных наконечников стрел, двух каменных кулонов, сердоликовой бусины и других женских украшений, а также посуды острореберных форм (Ткачев А.А., 2002б. С. 161–165).

Продолжение исследований могильника Аяпберген, где были зафиксированы алакульские и федоровские погребения (Ткачев А.А., 2002б. С. 83), позволило выявить курган № 7 с парным захоронением лошадей, уложенных в позе колесничной запряжки на глинистую площадку с западной торцевой стороны центрального каменного ящика. В кургане выявлены три погребения, предположительно мужчины и двух женщин, совершенные в двух каменных ящиках и грунтовой яме. Керамический комплекс состоял из сосудов острореберных и уступчатых форм, в том числе с «воротничком», причем на двух горшках отмечено выравнивание верхней части шейки под внутренний скос. В качестве погребального инвентаря в центральном мужском погребении найден набор наконечников стрел, изготовленных из кости и рога. Среди женских сопроводительных украшений отмечена бусина из бирюзы.

Наиболее существенные результаты были получены при исследовании кургана 1 могильника Ащису в 2005 г. На подкурганной глиняной платформе были выявлены два фрагментарно сохранившихся костяка лошадей, уложенных на перемычку между двумя могильными ямами в позе колесничной запряжки спинами друг к другу и ориентированных головами на юго-запад. Еще один неполный скелет лошади, уложенный на левом боку и ориентированный в западном направлении, был зафиксирован на краю площадки вдоль длинной юго-восточной стенки погребальной камеры 1. В изголовье отмечен роговой псалий, имеющий сегментовидную форму щитка с тремя монолитными шипами и выделенную подчетырехугольную планку. В центре щитка имелось четырехугольное отверстие. Лицевая сторона по краю орнаментирована резными треугольниками, образующими бортик, отделяющий щиток от планки. Планка украшена



рельефным рисунком в виде раздваивающегося «хвоста». Щиток и планка вырезаны в одной плоскости (рисунок, 1).

В кургане зафиксированы две крупные могильные ямы, ориентированные по линии ЮЗ–СВ. Судя по фрагментам древесного тлена и скоплениям крупных камней и плит в погребениях, захоронения были совершены в деревянных срубах, укрепленных от расползания камнем и перекрытых плитами. В могильной яме 1 погребальный инвентарь состоял из бронзового наконечника стрекала (рисунок, 4) и довольно массивного бронзового крюка с раскованной втулкой, внутри которой хорошо сохранились остатки деревянной рукояти (рисунок, 5).

В могильной яме 2 обнаружены фрагмент костяной поделки дисковидной формы, видимо, муфты стрекала, украшенной циркульным орнаментом (рисунок, 2), и кремневый наконечник стрелы листовидной формы с выделенным черешком и небольшими жальцами на лопастях (рисунок, 3).

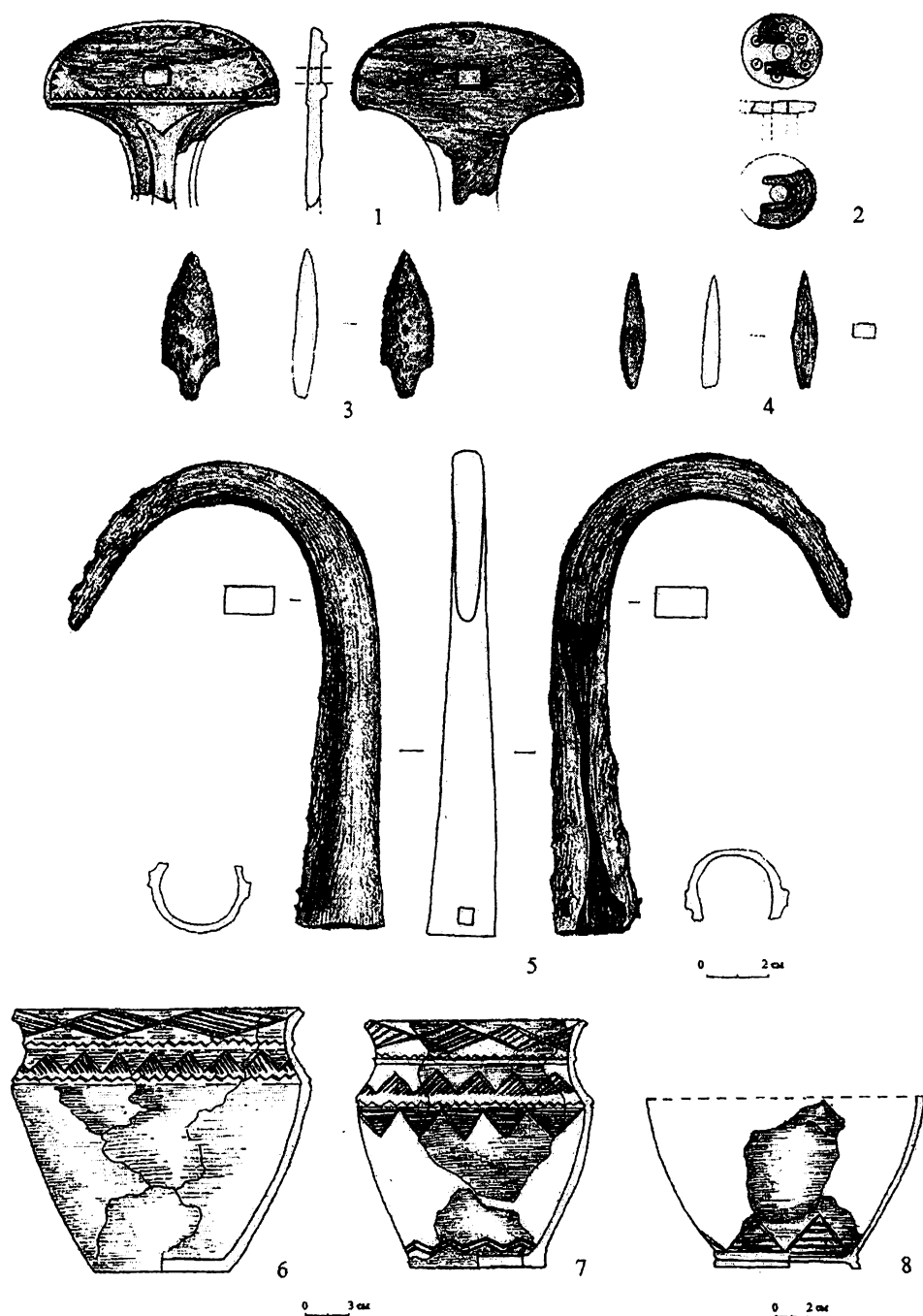
Керамическая коллекция представлена шестью частично или полностью реконструируемыми сосудами с ребристым плечом при переходе шейки в тулово. На трех горшках, составляющих реперную серию, отмечен узкий налепной валик по шейке, а также выравнивание верхней части шейки под внутренний скос до образования легкого внутреннего ребра.

Среди элементов орнамента широко представлены цепочки ромбов, треугольников, угловых вдавлений, желобки и каннелюры. Рисунок выполнен техникой прочерчивания и гребенчатым штампом.

Захоронение парных «упряжных» лошадей, уложенных на боку в западном секторе кургана за пределами или на перемышке погребальных камер, является центральноказахстанской традицией. При проведении этого ритуала активно использовался огонь, отмечаемый, как правило, в виде золистого слоя, подстилающего костяки лошадей. На определенную петровскую окрашенность погребений может указывать костяк лошади, уложенный на краю могильной ямы 1. Такое расположение лошадей – вдоль длинных сторон погребальных камер – является устоявшимся обрядом петровской культуры (Зданович Г.Б., 1988. С. 135). Характерно, что в качестве реминисценции отмечены два случая парного захоронения коней в алакульском могильнике Майтан, но совершенных не в основном сооружении, а в пристройках к центральным оградкам (Ткачев А.А., 2003. С. 23).

В федоровской традиции Центрального Казахстана этот ритуал отразился в обычае помещать кости лошади, иногда черепа, на подкурганной площадке, ограниченной плитами ограды (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002. С. 37). В федоровских памятниках Южного Зауралья кости лошади обычно находят в погребениях с кремацией (Сальников К.В., 1951. С. 114).

Пока единственной в Центральном Казахстане является находка бронзового крюка с раскованной втулкой. Аналогии данному изделию считаются характерными для памятников синташтинской культуры. Они известны в поселенческих (Нелин Д.В., 2000. С. 120. Рис. 3-1) и погребальных комплексах (Зданович Д.Г. и др., 2002. С. 39. Рис. 21-7). На территории Северного Казахстана (Акмолинская область) подобный крюк с раскованной втулкой зафиксирован на многослойном поселении Павловка, где отмечена петровская, федоровская, алакульская и саргаринско-алексеевская керамика (Малютин Т.С., 1991. С. 157). Крюк был зафиксирован в федоровском жилище (Зданович Г.Б., 1988. С. 170. Табл. 10–15).



Могильник Ащису, курган 1. Погребальный инвентарь.
1, 2 – рог, кость; 3 – камень; 4, 5 – бронза; 6, 7, 8 – керамика

Кремневые наконечники стрел с выделенным черешком относятся к массовому инвентарю синташтинских погребений (Генинг В.Ф. и др., 1992. С. 196, 212. Рис. 101, 113). Для петровской культуры более всего характерны кремневые наконечники стрел с усеченным основанием пера (Зданович Г.Б., 1988. С. 138).



В нуртайских погребениях почти повсеместно присутствуют наконечники стрел игловидных форм, изготовленные из кости и рога. Исключением являются могильники Сатан и Ащису, в которых было зафиксировано по одному кремневому экземпляру, что, возможно, указывает на их более раннюю хронологическую позицию.

До недавнего времени в Центральном Казахстане были известны всего два щитковых желобчатых псаля с треугольной планкой, вырезанные вместе с шипами из трубчатой кости, которые происходили: один – из могильника Сатан, другой – из федоровского слоя поселения Икпень 1. С этих позиций трудно переоценить находку уникального ащисуйского псаля, прямые аналогии которому не известны в скотоводческих культурах степной бронзы. Продуманность формы псаля в совокупности с филигранно выполненной резьбой заставляет предполагать не только обширный опыт в косторезном деле, но и наличие глубоких традиций в области доместикации и управления лошадью, что позволяет уверенно включить регион в ареал распространения колесничных культур Евразии.

Керамический комплекс погребений с колесничной атрибутикой в целом соответствует нуртайской культуре, которая при всем своеобразием имеет определенные черты сходства с петровским типом посуды (Ткачев А.А., 2002б. С. 147). Однако подрезка верхней части шейки под внутренний скос до образования легкого внутреннего ребра, а также наlepной валик и горизонтальная штриховка треугольников в большой мере характеризуют синташтинскую гончарную традицию и, видимо, являются довольно ранними хронологическими признаками диагностического порядка для памятников этой категории (Виноградов Н.Б., 2003. С. 247).

Вместе с керамикой остросереберных пропорций в нуртайских памятниках представлена посуда уступчатых и плавнопрофилированных форм, отмечены поддоны. Наряду с гладким штампом и прочерчиванием широко применялся гребенчатый штамп, распространенный на синташтинской посуде. В орнаментике присутствует фактически весь спектр элементов андроновского геометрического рисунка. Эти и некоторые другие признаки, по мнению А.А. Ткачева, свидетельствуют о проникновении и взаимодействии канайских (федоровских) племен Восточного Казахстана с автохтонным нуртайским населением Центрального Казахстана. Появление протофедоровских горшков в могильниках Петровка и Синташта также связывается с миграциями канайских популяций (Ткачев А.А., 2002б. С. 147, 191, 198).

Действительно, федоровские признаки в нуртайских памятниках достаточно многочисленны, но они не выбиваются из общего массива своей чужеродностью и, на мой взгляд, предполагают изначальное смешение нескольких культурных традиций. В дальнейшем происходит процесс трансформации нуртайских древностей в памятники так называемого синкретического типа, органично соединяющие в себе алакульско-федоровские черты. Впоследствии происходит размежевание андроновского этнокультурного массива на две самостоятельные культуры – алакульскую и федоровскую (Кукушкин И.А., 2002. С. 26). Показательна в этом отношении керамическая коллекция могильника Сатан, которая на 75% состоит из посуды, изготовленной по федоровским технологическим канонам (Ломан В.Г., 1993. С. 14).

Несмотря на единичность исследованных в Центральном Казахстане памятников с колесничной атрибутикой, полученные материалы погребальных и поселенческих комплексов позволяют отнести их к горизонту культур щитковых псаляев и датировать началом II тыс. до н.э. Возможно, именно с этим временем нужно связывать начало андроновского культурогенеза.



Е.В. Куприянова

Челябинский государственный университет –

ГУ СПЛиИА Центр «Аркаим», Челябинск

ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СИНТАШТИНСКО-АНДРОНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

В свете введения в последнее десятилетие в научный оборот новых археологических источников появилась интересная возможность проанализировать особенности взаимоотношений племен срубной культуры Приуралья и Поволжья с племенами эпохи средней бронзы Южного Зауралья и Казахстана на примере сопоставления комплексов украшений, относящихся к головным уборам.

Накосные украшения – одна из ярких деталей женского костюма эпохи бронзы. Основная масса известных на данный момент целых накосников и их фрагментов (более 20 случаев) происходит из памятников петровской и алакульской культур Южного Зауралья и Казахстана. Большинство исследователей признается типология накосных украшений, предложенная Э.Р. Усмановой с соавторами (Усманова Э.Р., Ткачев А.А., 1993; Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998), где выделяются два основных типа: 1-й тип – накосное украшение в виде двух низок бусин или обойм, заканчивающихся листовидными подвесками; 2-й тип – накосное украшение в виде двух или нескольких низок бусин, которые заканчивались сложносоставной комбинацией из пластин, обойм, бусин и подвесок (рисунок, 1–5). Авторами типологии было высказано предположение, что различные типы накосников маркируют принадлежность женщины к определенной возрастной группе, однако, на наш взгляд, они представляют скорее более ранний и поздний варианты украшения. Так, большинство накосников второго типа происходит из памятников петровской культуры, а первый тип украшений больше характерен для алакульских памятников, хотя, безусловно, на определенном этапе оба типа могли сосуществовать.

В погребальных памятниках срубной культуры Поволжья и Приуралья зафиксировано более десятка листовидных подвесок, являющихся деталями накосников. На данный момент также известны четыре находки в срубных могильниках целых накосников (могильники Ново-Ябалаклинский 1, погребение 3, Старо-Ябалаклинский, Спиридоновский, погребение 2) (Горбунов В.С., 1977; Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999) (рисунок, 6–8). Находки накосников и их фрагментов в срубных памятниках считаются исследователями андроновским импортом (Сальников К.В., 1967; Кузьминых Е.Е., 1983; Евдокимов В.В., Усманова Э.Р., 1990). Поволжские и приуральские накосники фиксируются в погребальных памятниках раннего этапа срубной культуры, синхронизирующегося с памятниками петровской культуры Зауралья и Казахстана (Морозов Ю.А., 1982; Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999). Интересным представляется сопоставление накосных украшений Зауралья и Казахстана с накосниками Поволжья и Приуралья. Их внешний облик соответствует второму типу накосников.

Еще одной своеобразной деталью женского головного убора, отмеченной в могильниках петровской и алакульской культур, являются челюстно-лицевые подвески (рисунок, 9–11). Украшения имеют характерное строение и состоят из нечетного (как правило) количества орнаментированных бляшек, расположенных углом и перемежа-



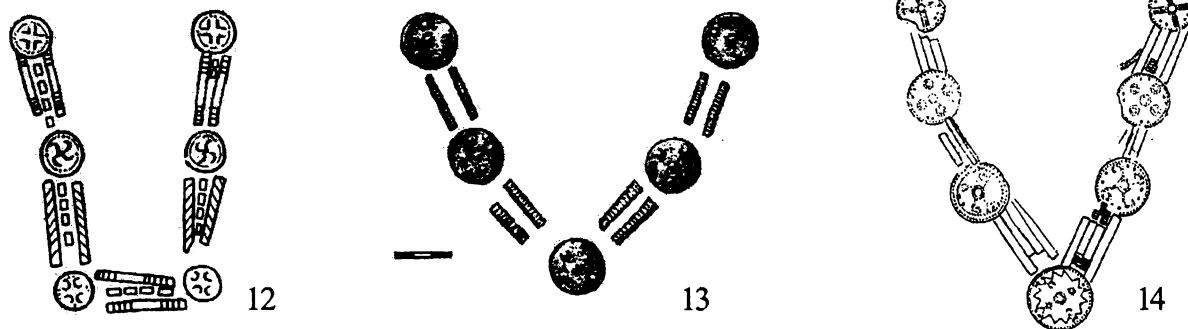
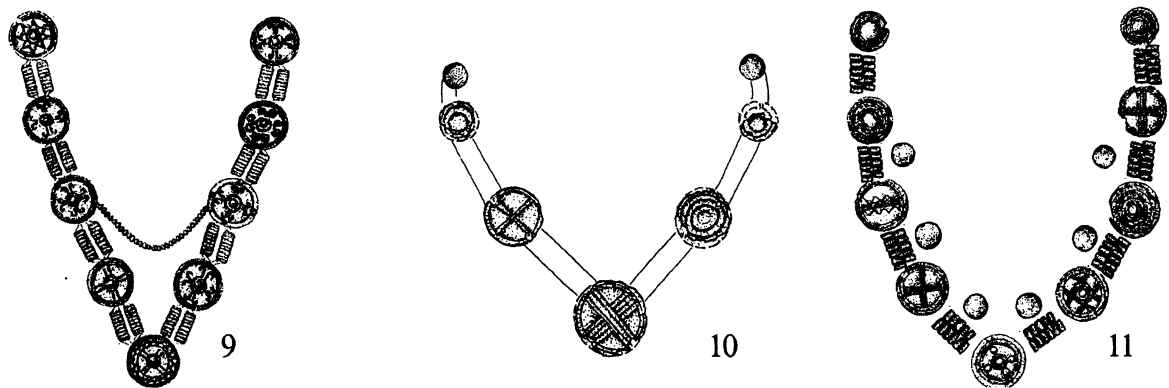
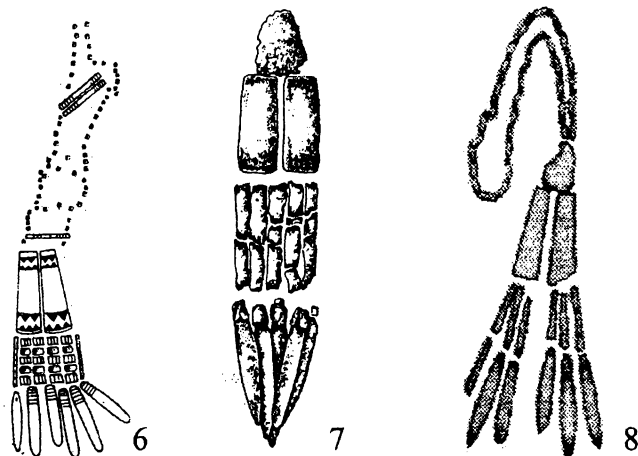
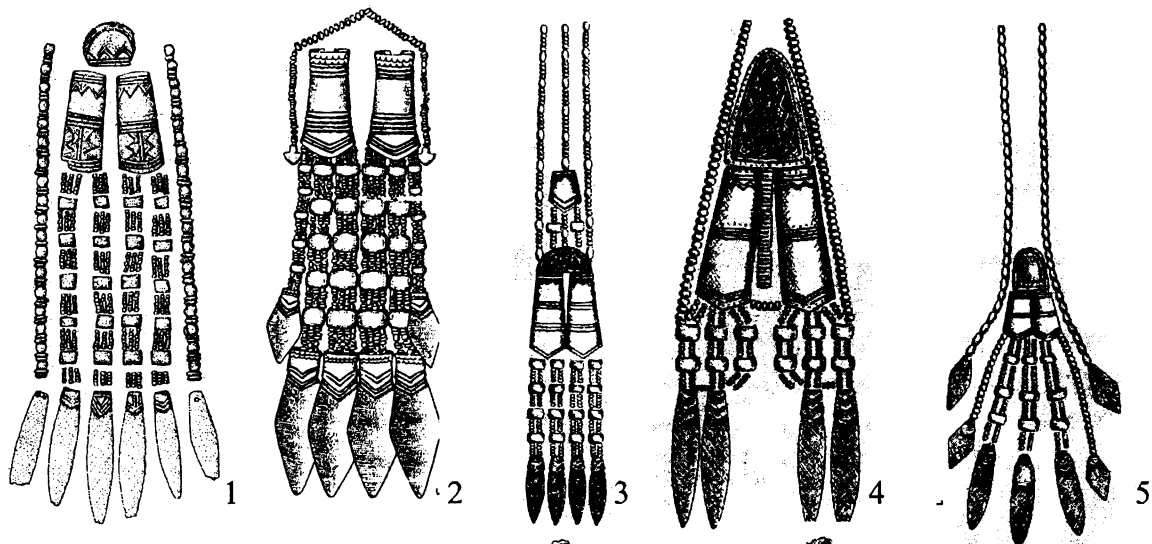
ющихся низками обойм, бусин либо пронизей. В нескольких случаях украшения были зафиксированы *in situ*: могильник Балыкты, ограда 14 (Ткачев А.А., 2002), могильник Степное 7, погребение 17 (раскопки Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой). В других случаях характерные морфологические черты позволяют интерпретировать как лицевые подвески некоторые комплексы украшений, найденные в смещенном относительно черепа состоянии и трактуемые авторами раскопок, как нагрудники, обшивки шапочек и т.п.: могильник Алексеевский, погребение 13 (Кривцова-Гракова О.А., 1947); могильник Кулевчи 6, курган 4, погребение 1 (Виноградов Н.Б., 1998), могильник Алакульский, курган 22, погребение 12, курган 27, погребение 7 (раскопки С.Н. Шиловой¹). В срубных памятниках также обнаружено несколько комплексов украшений, имеющих строение, аналогичное строению лицевых подвесок: могильник Кизильский, курган 5, погребение 2 (Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004), могильник Ново-Ябалаклинский 1, погребение 3 (Горбунов В.С., 1977), могильник Спиридоновский, погребение 13 (Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999) (рисунки, 12–14). Как и накосники, лицевые подвески в срубной культуре Приуралья и Поволжья отмечены в памятниках, синхронизируемых исследователями с петровской культурой Южного Зауралья и Казахстана.

Казалось бы, сходство срубных и петровских комплексов украшений женских головных уборов позволяют предположить, что накосники и лицевые подвески из срубных комплексов являются петровским импортом и свидетельствуют о существовании торговых либо брачных связей между двумя культурными образованиями. Но внешний вид срубных украшений демонстрирует значительное своеобразие. Так, например, сложные наборные элементы, характерные для петровских украшений, — низки бус и мелких обойм заменены здесь цельными трубками и пронизками, налицо упрощение конструкции накосников и подвесок при сохранении схемы украшения в целом. В элементах декора деталей срубных накосников и подвесок часто присутствуют пуансонные орнаменты, не столь характерные для петровских и алакульских украшений.

На наш взгляд, соотнесение срубных комплексов украшений с петровскими свидетельствует о том, что в данном случае импортированы были скорее не сами изделия, а лишь их идея. Это служит одним из доказательств существования в бронзовом веке моды на украшения. В случае брачных контактов женщина, переезжая из своего поселения в поселение мужа, берет с собой украшения, сделанные одноплеменниками. В ситуации со срубными украшениями, видимо, представителями срубной культуры были отмечены украшения, которые им понравились у племен петровской культуры. Возможно, были взяты образцы, по которым они пытались самостоятельно воспроизвести похожие украшения, несколько упростив их схему.

Таким образом, сопоставление стилевых особенностей комплексов украшений головных уборов женщин срубной культуры Поволжья и Приуралья и петровской культуры Южного Зауралья и Казахстана, несомненно, указывает на существование контактов между племенами указанных культур на данном хронологическом этапе. Однако мы не можем обнаружить явных доказательств торговых связей, речь может идти лишь об импорте идей. Причем характер материализации этих идей явно несет на себе отпечаток менталитета исполнителей: более сложные, филигранные, составленные из огромного количества деталей петровские накосники и лицевые подвески отличаются

¹ Автор выражает признательность С.Н. Шилову за предоставление неопубликованных материалов.



Украшения женских головных уборов племен эпохи бронзы



от их упрощенного срубного варианта так же, как тонкая, аккуратно орнаментированная петровская керамика отличается от более грубой и небрежно орнаментированной срубной керамики.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (№ 06-01-85116а/У).

Пояснения к рисунку:

1–5 – наконечники из могильников Южного Зауралья и Казахстана; 6–8 – наконечники из могильников срубной культуры Поволжья и Приуралья; 9–11 – челюстно-лицевые подвески из могильников Южного Зауралья и Казахстана; 12–14 – челюстно-лицевые подвески из могильников срубной культуры Поволжья и Приуралья.

1 – могильник Степное 7, погребение 17; 2 – Синташтинский большой грунтовый могильник, погребение 22; 3 – могильник Лисаковский, курган 1, погребение 1; 4 – могильник Бозенген, курган 9, погребение 2; 5 – могильник Токанай 1, погребение 9; 6 – могильник Ново-Ябалаклинский 1, погребение 3; 7 – могильник Спиридоновский, погребение 2; 8 – могильник Старо-Ябалаклинский; 9 – могильник Балыкты, ограда 14; 10 – могильник Степное 7, погребение 31; 11 – могильник Степное 7, погребение 17; 12 – могильник Ново-Ябалаклинский 1, погребение 3; 13 – могильник Спиридоновский, погребение 13; 14 – могильник Кизильский, курган 5, погребение 2.

2 – по: (Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992);

3–5 – по: (Усманова Э.Р., Логвин В.Н., 1998);

6 – по: (Горбунов В.С., 1977);

7 – по: (Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999);

8 – по: (Морозов Ю.А., 1982);

9 – по: (Ткачев А.А., 2002);

12–14 – реконструкция Е.В. Куприяновой по: (12 – Горбунов В.С., 1977; 13 – Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., 1999; 14 – Стоколос В.С., Стоколос Г.И., 2004).

Е.А. Крюкова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург*

СОСУД СО ЗНАКАМИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ П БУЛАНОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

С 1998 г. Оренбургской археологической экспедицией исследуется группа памятников в среднем течении реки Салмыш, среди которых П Булановское поселение и могильник у горы Березовая. О полевых исследованиях на этих памятниках были опубликованы краткие информационные сообщения (Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., 2002; Халяпин М.В., 2002).

П Булановское поселение расположено около села Буланово Октябрьского района Оренбургской области, на краю первой надпойменной террасы правого берега реки Салмыш (бассейн реки Урал), у подножия горы Березовая. С момента начала работ раскопано около 650 кв. м. площади, в результате чего были вскрыты материальные остатки двух



культурных слоев: уральской абашевской культуры среднего бронзового века и срубной культуры позднего бронзового века.

Основная масса материала связана с культурным слоем, относящимся к развитой срубной культуре. Керамика имеет классический облик поселенческой срубной посуды – сосуды баночной, горшковидной и острореберной форм, орнаментированные заштрихованными треугольниками и ромбами, крестами, горизонтальными линиями, зигзагами, вдавлениями разнообразной формы.

Публикуемый сосуд был найден в первый год работ на памятнике (см. рисунок). Всего было обнаружено 7 мелких фрагментов сосуда, в основном от венчика, большая часть из которых находилась на глубине (–80)–(–100) см от современной поверхности в разных квадратах раскопа. Самый большой фрагмент размерами 9 × 8 см представляет собой венчик и часть стенки с ребром. Реконструируется небольшой острореберный горшок с отогнутым наружу венчиком и тонкими стенками. Диаметр устья около 12 см, толщина венчика 0,6 см, толщина стенок 0,8–0,9 см. Поверхность сосуда коричневого цвета, тщательно заглажена.

Основными элементами декора являются оттиски мелкозубчатого и гребенчатого штампа¹, составляющие различные композиции (ряды вертикальных и горизонтальных линий, фигур), а также вдавления какой-то гладкой поверхности, также в виде линий. Судя по сохранившимся частям, орнамент занимал, по крайней мере, верхнюю половину сосуда и, вполне вероятно, был нанесен и в его нижней части.

Орнаментальная композиция сосуда состоит из четырех горизонтальных зон, две из которых – бордюры, отделяющие фриз из фигур плывущих птиц, и ряд заштрихованных треугольников вершиной вниз.

Первый бордюр проходит по венчику и представляет собой ленту шириной около 1 см. Он состоит из ряда вертикальных, слегка наклоненных оттисков мелкозубчатого штампа, который ограничивается сверху и снизу горизонтальными линиями, составленных из отпечатков того же штампа. Вертикальные штрихи объединены в группы по 3–4 пересекающимися их короткими горизонтальными штрихами, которые вместе создают вид ломаной линии. В связи с фрагментарностью сохранившихся частей сосуда невозможно проследить какую-то закономерность.

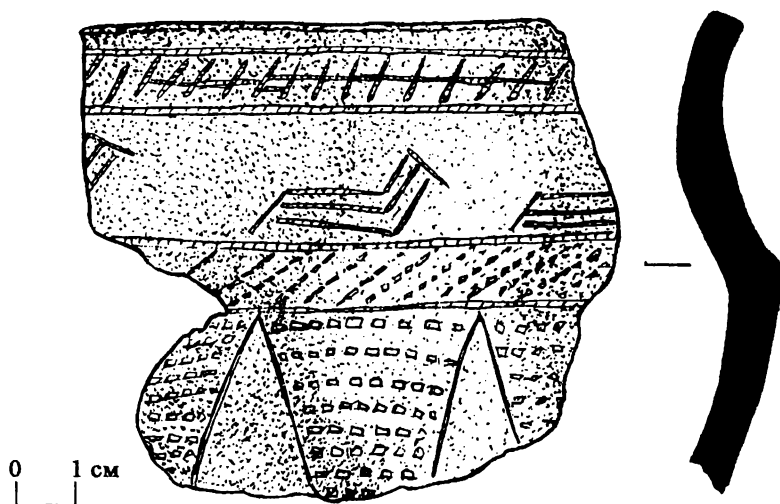
Ниже нанесен рисунок, состоящий из зооморфных изображений. Они представляют собой силуэтные изображения водоплавающих птиц, занимающие место между венчиком и ребром. Размер «уточек» в среднем 3,5 см в длину и 1,5 см в высоту. Тулово показано тремя параллельными горизонтальными отпечатками мелкозубчатого штампа. Они продолжают более короткими, сделанными под углом оттисками, которые формируют шею. Голова обозначена короткой наклонной линией, такой же линией фигурка и заканчивается, возможно, показывая задние конечности. Рисунки птиц образуют цепочку двигающихся друг за другом фигур, обращенных вправо. Расстояние между фигурками варьируется от 1,5 до 2,5 см.

По ребру проходит вторая заштрихованная полоса, состоящая из двух горизонтальных линий, нанесенных мелкозубчатым штампом, и косых оттисков того же штампа, заполняющего пространство между ними. Ширина этого бордюра 1,2–1,4 см.

¹ Техничко-технологические исследования нанесения орнамента проведены Л.А. Краевой с помощью микроскопа марки МБС-10.



Завершает композицию ряд заштрихованных равнобедренных и немного удлинённых треугольников, расположенных вершинами вниз. Фигуры треугольников ограничены линиями, сделанными вдавливанием гладкой поверхности, и заполнены оттисками гребенчатого штампа.



II Булановское поселение. Фрагмент сосуда со знаками

Изображения на сосуде из Буланово относятся к типу наглядно-изобразительных знаков (пиктограмм) – самому немногочисленному среди встречающихся на сосудах срубной общности (Захарова Е.Ю., 1998. С. 101).

Образ птицы в искусстве прошедших эпох и до настоящего времени является одним из самых распространенных мотивов. Изображения птиц известны начиная с палеолита, в виде рисунков в пещерах, мелкой пластики из камня, кости.

В мифологии различных народов мира облик птиц принимают боги, природные стихии, герои и т. п. (Мифы народов мира, 1988. С. 346). Культ птицы занимал важное место в системе представлений о происхождении мира, и особенно это относится к водоплавающим птицам, которые часто выступают как творцы мира. У различных культур распространены мифы о том, что земля сотворена из ила или глины, которую птица подняла со дна мирового океана (Мифы народов мира, 1988. С. 347). Истоки этого культа уходят глубоко в древность.

Поклонение священному гусю-лебедю и утке, сложившееся в глубочайшей индоевропейской древности, отразилось в гимнах Ригведы и Авесты, в которых этих птиц ассоциируют с Богом-творцом, Вселенной, светом, разумом, душой (Жарникова С.В., 1994. С. 119).

В индоиранской мифологии птица, особенно водоплавающая, выступала олицетворением и спутницей богини-матери, связанной с водной стихией, – Сарасвати и Ардвисуры Анахиты. Изображения водоплавающих птиц многочисленны в искусстве ираноязычных народов и могут рассматриваться как символ богини-матери (Кузьмина Е.Е., 1979. С. 43–44).

Значительную роль образа водоплавающей птицы в иранской мифологии отмечает Д.С. Раевский и связывает это со способностью передвигаться во всех трех стихиях –



по суше, по воде и по воздуху (Раевский Д.С., 1977. С. 59–60).

В.В. Отрощенко возводит традицию изображения водоплавающих птиц на посуде срубной культуры к неолитическим племенам лесной полосы Восточной Европы (Отрощенко В.В., 1974. С. 76). Описывая сосуд из погребения 3 кургана 3 Новопавловского могильника, он относит знак водоплавающей птицы – «уточки» – к нижнему миру в трехструктурной модели мироздания в представлениях носителей срубной культуры (Отрощенко В.В., 1990. С. 19).

Таким образом, с находкой нового сосуда со знаками с территории Южного Приуралья пополняется немногочисленная коллекция срубной керамики со знаками, что позволяет продолжить исследование искусства позднего бронзового века.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-81101 а/У).

Ю.А. Морозов

*Институт истории языка и литературы УНЦ РАН,
Уфа*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЕ СВЯЗИ

Проблеме контактов срубно-алакульского населения посвящено немало работ. Ареал этих контактов довольно широк и охватывает территории Украины, Поволжья, Зауралья и Притоболья. Особое внимание уделяется этой проблеме на Южном Урале, являющемся непосредственной зоной контактов двух огромных культурно-исторических общностей – срубной и андроновской (Рутто Н.Г., 2003).

Характерным примером подобного взаимовлияния может служить исследованный в 2005 г. курган № 1 Николаевского срубного могильника, расположенного в Стерлитамакском районе Республики Башкортостан на левом берегу небольшой речки Стерля бассейна реки Белая. К настоящему времени из 11 насыпей, входящих в курганную группу могильника, исследованы 8. Все они по погребальному обряду и сопровождающему инвентарю отнесены к памятникам срубной культуры.

Объектом нашего внимания явился курган № 1 диаметром 24 м, высотой около 1 м, где были исследованы 15 захоронений и 6 отдельно стоящих сосудов. Полученный материал отражает сочетание срубных и алакульских признаков.

В расположении погребений под насыпью просматривалась кольцевая планировка. Восемь детских (от 1 года до 7 лет) захоронений располагались полукругом в южном секторе, четыре подростка (до 14 лет) и два взрослых (20–25 лет) находились в северном и западном секторах. Кроме того, центральное положение под насыпью занимало еще одно взрослое захоронение. Заметим, что погребение № 11, выделенное в качестве центрального, отличалось от периферийных размерами и характером инвентаря. Могила была перекрыта деревом, кроме того, по углам и с северной стороны зафиксированы пять столбовых ямок. На дне погребальной камеры размером 225 × 200 × 43 см, ориентированной по линии С–Ю, находилось женское захоронение (20–25 лет). Костяк лежал около западной стенки на левом боку в слабо скорченном положении и был покрыт толстым слоем бе-



ресты. Помимо срубного сосуда, на кистях обеих рук находились бронзовые желобчатые браслеты (рисунок, 18), в районе височных костей найдены две подвески в полтора оборота, покрытые золотой фольгой, на поверхности которых заметны поперечные насечки (рисунок, 19, 20), а на шейных позвонках лежали биконические бусины (рисунок, 16).

Для погребенных данного кургана, где сохранились костяки и можно определить положение, характерна поза на левом боку, скорченно, головой на север, кисти рук на уровне груди или лицевой части черепа. Большинство захоронений совершены в неглубоких (5–12 см) могилах или прямо на материковом основании. Исключение представляло захоронение № 10, ориентированное головой на запад, с глубиной камеры 75 см. Кроме того, под насыпью обнаружено плохо сохранившееся детское захоронение, перекрытое двумя известняковыми плитами, под которыми найдены фрагменты сосуда алакульского облика (рисунок, 10).

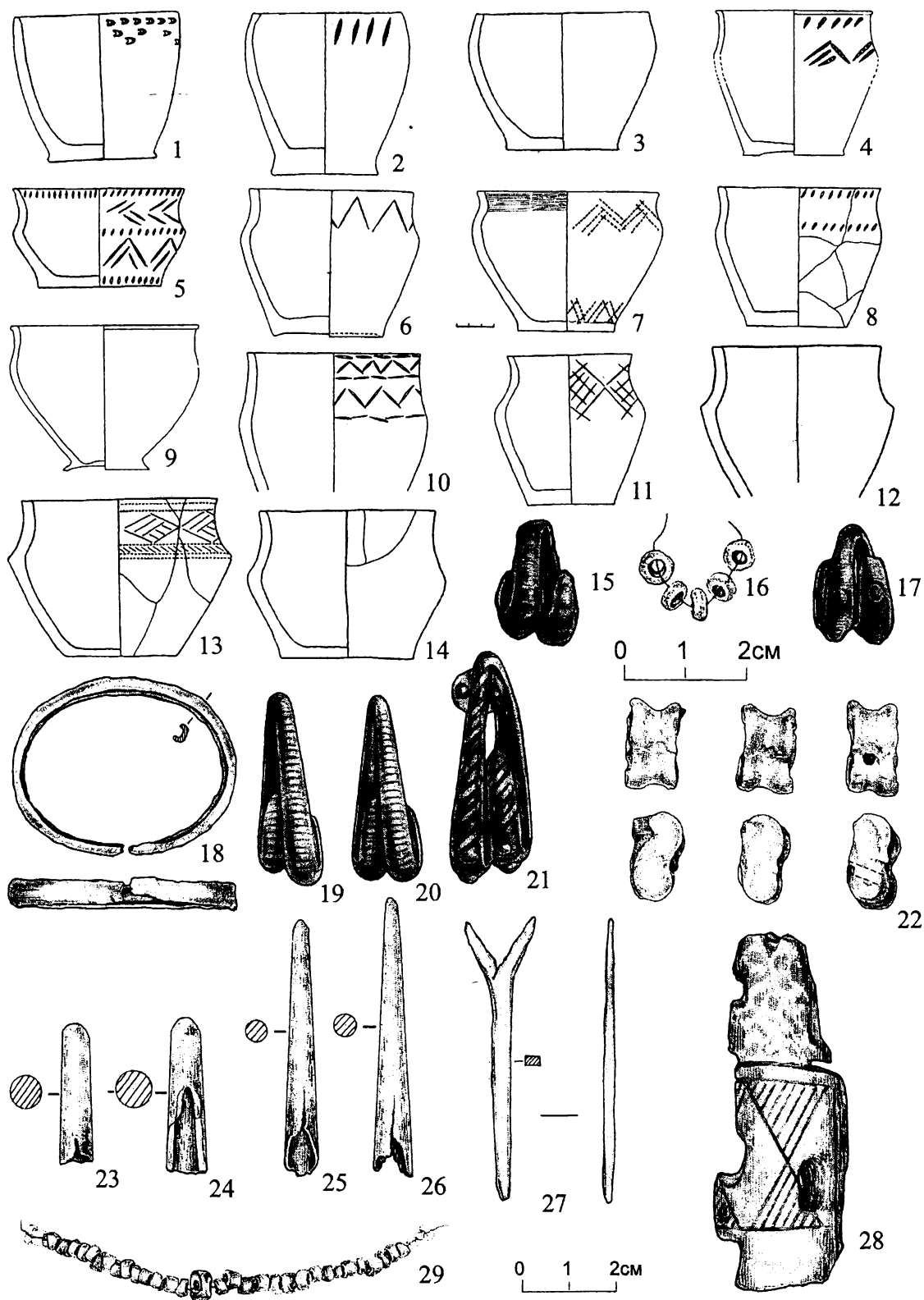
Коллекция определяемой керамической посуды представлена 26 сосудами баночной и горшечной формы. Исходя из связи формы и орнамента выделяются две группы сосудов. К первой, куда входят 16 экземпляров, относятся баночные сосуды типично срубной формы без орнамента или орнаментированные по верху ломаными линиями, одним или двумя рядами насечек (рисунок, 1–4). Во вторую группу включены 10 сосудов с типичной для алакульской посуды формой и орнаментальной композицией. К ним относятся сосуды с уступом на зоне перехода от шейки к плечу. В орнаментации использованы композиции из треугольников, ромбов, ломаных линий и украшение придонной части. Орнамент на всех сосудах выполнен при помощи мелкого и среднего гребенчатых штампов (рисунок, 5–14). На одном из сосудов изнутри по венчику орнамент нанесен проташенной гребенкой (рисунок, 7).

Одним из показателей своеобразия керамики смешанного облика является использование при ее изготовлении лощения поверхности как срубных, так и алакульских сосудов, что не наблюдалось в керамическом материале ранее исследованных курганов Николаевского могильника. Кстати, примесь глиняного теста части сосудов сходна с алакульской, т.к. в качестве присадок, кроме песка и шамота, использовался мелко растертый тальк и слюда.

Вещевой материал очень интересен и в какой-то степени характерен для срубно-алакульских погребальных комплексов. В погребении № 6 найдена небольшая подвеска округлой формы в полтора оборота, обтянутая золотой фольгой, которая была украшена несколькими выпуклинами (рисунок, 15). Вместе с подвеской в погребении находилось ожерелье из более 200 пастовых бус (рисунок, 29).

В погребении № 15 обнаружена подобная округлая подвеска (рисунок, 17). Кроме того, здесь найдена овальная подвеска в полтора оборота, обтянутая толстой золотой фольгой, в верхней части которой имелись расширенные лопасти, напоминающие очковую змею (видимо, кобру). Она была украшена выющимися насечками и выпуклинами, имитирующими кожу змеи (рисунок, 21). Аналогичная височная подвеска найдена в Оренбургской области при исследовании кургана № 25 могильника Обилькин луг III. Материалы, полученные в этом кургане, отнесены автором раскопок к алакульской и федоровской культурам (Денисов И.В., 2001. С. 47. Рис. 2, 8).

Особый интерес представляет погребение № 10, ориентированное на запад, что не свойственно срубной традиции, а более характерно для алакульского погребального обряда. Кроме сосуда, имеющего небольшой поддон (рисунок, 9), здесь обнаружено 207 таранных костей (астргалов). Из них 198 принадлежали мелкому рогатому скоту от 101



Археологические материалы из погребений кургана № 1 Николаевского могильника
(1-14 – керамика; 15, 17-21, 27 – бронза, золото; 22-26, 28 – кость; 16, 29 – паста)



особи, а 9 костей – свиные. У 20% астрагалов боковые грани сточены и заполированы, вероятно, они использовались для игры в кости (рисунок, 22). Сведения об игровых костях у населения срубной культуры эпохи бронзы крайне незначительны (Цимида-нов В.В., Чаур Н.А., 1997. С. 50–61). В более позднее время античные письменные источники упоминают о довольно распространенной игре в кости в Греции и Риме, где в качестве игровых костей использовались астрагалы (Петерс Б.Г., 1986. С. 77–91). При разборе костей в середине скопления мы нашли четыре костяных втульчатых наконечника стрел длиной от 2,9 до 6 см (рисунок, 23–26), здесь же был обнаружен бронзовый наконечник стрелы длиной 6 см с раздвоенным острием (рисунок, 27).

В северо-восточном секторе в засыпке над центральным погребением № 11 найден фрагмент костяного псалия, выполненного из расщепленной трубчатой кости. Сохранившаяся часть имела длину 7,7 см, ширину 2,8 см. Поверхность орнаментирована процерченными треугольниками, вершины которых соприкасались (рисунок, 28). По классификации Е.Е. Кузьминой, данный псалий более всего соответствует желобчатым псалиям II типа, имеющим дополнительное боковое отверстие в другой плоскости, которые она датирует концом XVI – XIII в. до н.э. (Кузьмина Е.Е., 1994. С. 181–183. Рис. 37). Возможно, этим же временем следует датировать весь могильник.

Принимая во внимание своеобразие керамики смешанного облика из кургана № 1, еще раз отметим, что при ее изготовлении и оформлении использованы приемы, характерные как для срубной, так и для алакульской керамической традиции. Показателем подобного синкретического типа керамики является срубная баночная форма сосудов, сочетающаяся с некоторыми алакульскими узорами в виде треугольников, ромбов, разделительных полос, уступов. Уступ, как было уже сказано, устойчивая алакульская примета. Здесь же он встречается даже на неорнаментированных сосудах.

Таким образом, полученные материалы из погребального закрытого комплекса Николаевского кургана позволяют расширить ареал памятников смешанного срубно-алакульского типа, свидетельствующих о взаимодействии данных культурных традиций.

Е.Л. Полякова
*Специализированный природно-ландшафтный
и историко-археологический центр «Аркам»,
Челябинск*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Первые наблюдения о связи культовых камней – менгиров – с памятниками эпохи бронзы в евразийских степях были сделаны казахстанским археологом А.Х. Маргуланом в середине XX в. Им были выделены различные типы мегалитических памятников, даны критерии определения их относительной хронологии, а также предложена типология этих памятников для Центрального Казахстана. По ряду морфологических признаков А.Х. Маргулан предлагал разделять менгиры как ранние – энеолитические (далее, менгиры бронзового века) и поздние – относящиеся к переходному этапу от бронзы к ранним кочевникам (Маргулан А.Х., 1979).



Также А.Х. Маргуланом были выделены весьма интересные признаки и детали ландшафтного и культурного характера: «Характерную особенность групповых и одиночных менгиров составляет то, что они всегда *стоят на возвышенных местах, вблизи древних поселений, у некрополей эпохи бронзы*». Выразительны результаты раскопок Маргулана, которые позволяют интерпретировать менгиры как древние святилища и алтари: «У основания каждого группового или одиночного менгира обязательно присутствуют остатки жертвоприношения и следы поклонения огню в виде кострища» (Маргулан А. Х., 1979. С. 278).

В Южном Зауралье идея о связи менгиров и неукрепленных поселений, вблизи которых они были установлены, высказывалась археологами Урало-Казахстанской археологической экспедиции (УКАЭ) неоднократно. Вероятно, первым в нашем регионе, обратившим внимание на связь культовых камней и поселений эпохи бронзы, был руководитель экспедиции Г.Б. Зданович. Во всяком случае, это наиболее ранняя публикация, найденная автором, где эта идея была высказана в небольшой газетной статье, посвященной археологическим работам в долине Большой Караганки в 1987 г. Возможно, догадка была основана на богатом опыте работы УКАЭ в Казахстане, где культовые камни различных эпох, в том числе эпохи бронзы, представлены как массовое явление. На тот момент уже был археологически изучен «менгир» Степное¹ в Челябинской области.

В дальнейшем, в ходе накопления фактического материала предположение стало получать подтверждения. Предположения о вышеупомянутой связи мегалитов и поселков эпохи бронзы высказывались уже на основании не только визуальных наблюдений, но и полевых работ В.П. Костюковым, А.Д. Таировым, И.Э. Любчанским, С.А. Григорьевым.

Эти памятники в Челябинской области раскапывались археологами до 2001 г. несколько раз. В 1982 г. А.А. Рубе (Таировой) были осуществлены раскопки менгира у с. Степное; 1988 г. А.Д. Таировым был раскопан «менгир» Утяганский; в 1990 г. в ходе полевых исследований в зоне строительства Ильясского водохранилища И.Э. Любчанским была раскопана Симбирская аллея менгиров (Полякова Е.Л., Любчанский И.Э., 2004); и, наконец, в 1996 г. С.А. Григорьевым была раскопана аллея менгиров у Наровчатского могильника (Григорьев С.А., 1996). К сожалению, раскопки менгиров и аллей менгиров не дали датирующих материалов, которые позволили бы их систематизировать, и вероятно поэтому исследования не были продолжены. Также в ходе разведочных обследований В.П. Костюковым обнаружены и зафиксированы на археологических планах одиночные менгиры Система VIII, Елизаветпольский и Варшавский. Материалы этих работ позволили автору высказать мысль о перспективности поиска и фиксации этих объектов древности.

Интерес к этому виду памятников снова возник в 1997–1998 гг. Отрядами Ф.Н. Петрова и Л.Ю. Петровой при разведочных работах был начат специальный учет менгиров, расположенных у поселений и могильников эпохи бронзы. В 2001 г. на Уральском археологическом совещании в Оренбурге В.А. Куприяновым был сделан доклад, в котором он представил некоторые материалы этих разведочных обследований. К сожалению, работа не была опубликована.

С 2001 г. началось планомерное полевое изучение мегалитических памятников Южного Зауралья, известных по разведочным работам предыдущих лет. Были раскопаны уже известные памятники, а также открыты новые.

¹ При детальном изучении археологических планов Степное и Утяганский отнесены к аллеям менгиров.



В 2001 г. под руководством Ф.Н. Петрова при участии автора предприняты раскопки на двух мегалитических памятниках – на Черкасинской аллее менгиров в Кизильском районе Челябинской области и на менгире Система VIII в Карталинском районе Челябинской области.

В 2002 г. вновь предприняты разведочные обследования, а также раскопки. В ходе разведочных обследований обнаружены две аллеи менгиров, известные ранее, но материалы по которым были утрачены.

Аллеи менгиров Чека I и Чека II. Памятники впервые были обнаружены Г.Б. Здановичем в 1990 г. Сохранились слайды, однако топографические планы сделаны не были. Аллеи были открыты вновь в ходе проведенных разведочных работ Ф.Н. Петровым, а также автором.

В 2002 г. тем же отрядом было проведено разведочное переобследование известных ранее по отчетам и публикациям мегалитических памятников на юге Челябинской области, северо-востоке Оренбургской области, а также в зауральской части республики Башкортостан. Переобследованы уже известные аллеи менгиров, а также комплекс менгиров Мордовский хутор в Кизильском районе Челябинской области, впервые обследованные в 1997–1998 гг. разведочным отрядом под руководством Л.Ю. Петровой. Изучены Андреевская аллея менгиров в Брединском районе Челябинской области, обнаруженная Н.М. Меньшениным в начале 1990-х гг.; Куйсакская аллея менгиров в Кизильском районе Челябинской области (А.Д. Таиров и И.Э. Любчанский, 1999 г.); менгир Нижняя Кийма в Адамовском районе Оренбургской области (А.Д. Таиров, 1992 г.); комплекс менгиров Сары-Таш в Баймакском районе Республики Башкортостан (В.Н. Котов и Н.С. Савельев, 2001 г.). Обнаружен новый мегалитический памятник в том же районе – менгир Муллакаевский. Кроме того, был обследован мегалитический комплекс Ахуново, открытый ранее этнографической группой Челябинского госуниверситета (Петров Ф.Н., 2002).

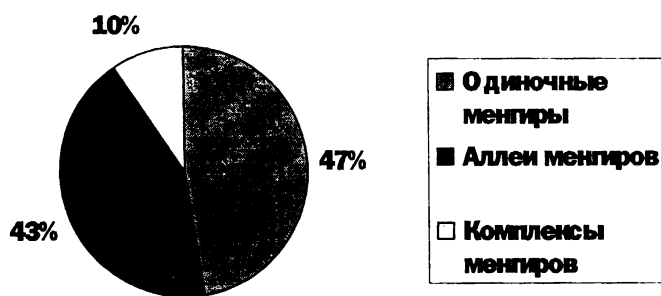


Рис. 1. Общее количество памятников

Также в 2002 г. археологической экспедицией Челябинского государственного педагогического университета в ходе работ на могильнике Песчанка Карталинского района Челябинской области была обнаружена и раскопана аллея менгиров (Марков С.С., 2003).

В 2003 г. впервые автором было проведено разведочное обследование мегалитических памятников по методике, подсказанной опытом предыдущих работ. Был взят участок с уже известными поселениями эпохи бронзы, и поиск мегалитических памятников осуществлялся непосредственно от площадки поселения. Такая методика была использована

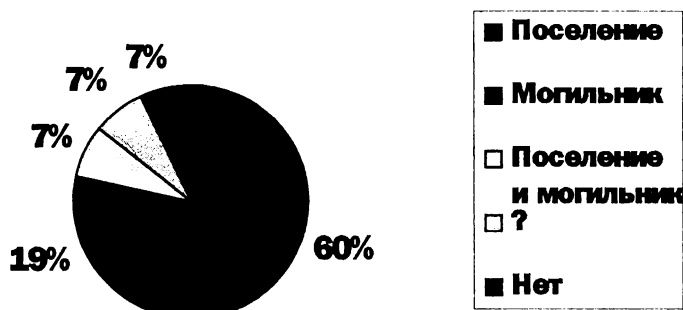


Рис. 2. Расположение мегалитов вблизи памятников ПБВ

с целью подтвердить или опровергнуть неоднократно высказывавшееся предположение о непосредственной связи менгиров, аллей и комплексов менгиров с памятниками эпохи поздней бронзы, преимущественно срубно-алакульской культурной атрибуции. Работы проводились на участке реки Большая Караганка, на котором располагалось восемь ранее изученных поселений (Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., 1996; Петрова Л.Ю., 1999). Еще одно поселение было обнаружено в ходе этих работ. На четырех из девяти поселений обнаружены мегалитические памятники разной степени сохранности.

Весной того же года при разведочном обследовании менгира Лисьи Горы в ходе его шурфовки обнаружено и расчищено погребение. Менгир был открыт отрядом совместной комплексной экспедиции Специализированного центра «Аркаим» и Челябинского университета под руководством И.М. Батаниной в 1996 г., обследован Л.Ю. Петровой в 1998 г., переобследован Степной археологической экспедицией под руководством Ф.Н. Петрова в 2003 г.

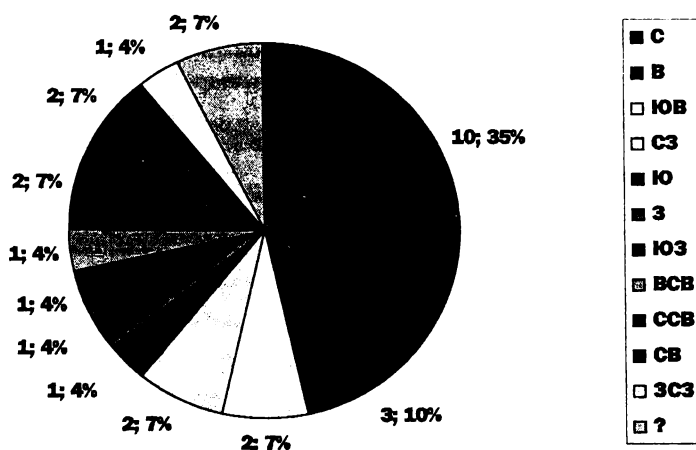


Рис. 3. Ориентировка мегалита относительно поселения

В мае–июне 2003 г. Степной археологической экспедицией под руководством Ф.Н. Петрова были проведены раскопки мегалитического комплекса Ахуново. До настоящего времени на территории Южного Зауралья не обнаруживались аналоги этого уникального памятника.



В 2005–2006 гг. автором были продолжены работы по переобследованию памятников эпохи бронзы Кизильского района Челябинской области по материалам «Атласа археологических памятников Кизильского района Челябинской области».

В течение двух лет обнаружены несколько новых памятников – на поселениях Каменные горки, Ковыльное, на площадке могильника Кайрахта I, на площадках поселений Хрустальное II, Новой II, Амамбайка. Также обнаружена аллея менгиров Гранитная, не связанная с каким-либо памятником бронзового века. Однако памятник топографически расположен подобно большинству менгиров, аллей и комплексов менгиров в Южном Зауралье, но находится практически на окраине современного поселка, в антропогенно измененном ландшафте.

Таким образом, на настоящий момент на территории Челябинской области, Оренбуржья, а также республики Башкортостан найдены 42 мегалитических памятника, 20 одиночных камней, 18 аллей и 4 комплекса менгиров. Наиболее изученной территорией является Кизильский район Челябинской области.

Все изученные памятники объединены несколькими признаками, позволяющими говорить об их родстве, относить их к определенной, самостоятельной категории древностей. На сегодняшний день мы имеем следующие признаки, позволяющие нам выделить одиночные менгиры, аллей и комплексы менгиров в отдельный вид памятников:

- Данные памятники расположены невысоко над урезом воды, как правило, на склоне холма.
- Они находятся в непосредственной близости от поселений и/или могильников, датируемых поздним бронзовым веком.

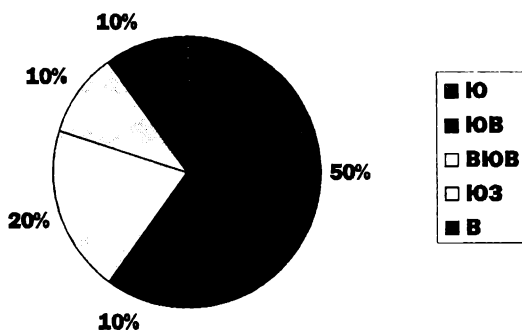


Рис. 4. Ориентировка мегалита относительно могильника

Их достаточно строгое расположение относительно поселка или могильника позволяет говорить об определенном месте, которое занимал культовый камень в структурированном пространстве древнего населения Южного Зауралья. Если расположение менгира, аллей или комплекса менгиров относительно поселения во многом обусловлено направлением течения реки (от этого зависит ориентировка памятника относительно поселения), то рядом с могильниками, которые в эпоху бронзы занимают более возвышенные и открытые площадки, положение мегалитического памятника регламентировано гораздо жестче. Если относительно поселения менгиры устанавливались преимущественно в северном секторе – везде, где это возможно гипсометрически – или иначе, но всегда как бы над площадкой поселка, то возле могильников мегалитический памятник никогда не ставился в северном секторе. Преобладало южное направление.



С.Н. Шилов, Д.Н. Маслюженко
Курганский государственный университет,
г. Курган

МЕЖОВСКИЙ КУЛЬТОВО-ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА № 5 МОГИЛЬНИКА ДАЧНЫЙ-2

Археологическая экспедиция Курганского государственного университета в 2005 г. проводила раскопки курганного могильника Дачный-2, находящегося в 1,3 км к югу от поселка Дачный Каргапольского района Курганской области. Памятник расположен на высокой (10–11 м) коренной террасе правого берега реки Миасс. Могильник, открытый М.П. Вохменцевым в 1994 г., исследовался экспедицией Курганского университета в 1996, 2004, 2005 гг. Раскопаны пять курганов раннего железного века (гороховская и саргатская культуры) и один курган (№ 5) эпохи финальной бронзы.

Курган № 5 располагался в начале западной части этого обширного курганного могильника, протянувшегося на 3 км. Высота насыпи 0,3 м, диаметр – 9 м. В 60 м к востоку от кургана № 5 находится курган № 7 гороховской культуры (раскопан в 2005 г.), а в 30 м к северу – курган № 1 саргатской культуры (исследован в 2004 г.). В ходе раскопок кургана в насыпи были обнаружены жертвенник из трубчатых костей и челюстей мелкого рогатого скота и развал одиночного плоскодонного сосуда финальной бронзы. Под насыпью, в центральной части кургана обнаружены четыре сооружения и яма (грабительский вскоп). Все сооружения с выступающими ступенчатыми входами и следами огня. Человеческие останки не обнаружены.

Сооружение 1 располагалось в юго-западной части кургана, имело размеры $2,10 \times 1,60 \times 0,45$ м, не ограблено. Ориентированно по линии ЮВ–СЗ. В центре юго-восточной стенки сооружения имеется ступенчатый выступ прямоугольной формы длиной 0,53 м, шириной 0,43 м. На глубине 0,4 м обнаружены остатки деревянного поперечного перекрытия, некогда сооруженного на уступах продольных стенок могилы. В центральной его части дерево сильно обожжено. Можно предположить, что на перекрытии сооружения был разожжён костёр, который через непродолжительное время был засыпан землей. На дне были обнаружены девять развалов сосудов. Общая планировка установок сосудов, находившихся в центральной и юго-восточной части ямы, П-образная.

Сооружение 2 находилось в западной части кургана. Также не ограблено. Его размеры $2,60 \times 2,15 \times 0,40$ м. Ориентировано по линии ЮВ–СЗ. Предположительно, имело ступенчатый выступ в северо-западной стенке, но его северный угол разрушен норой, из-за чего первоначальная форма этой стенки просматривается крайне слабо. На глубине 0,06 м расчищены остатки деревянной конструкции в виде рамы по краям могилы и поперечного перекрытия. В центральной части деревянный накатник обуглен. На дне сооружения расчищены семь сосудов, установленных П-образно.

Сооружение 3 находилось в центре кургана, размеры $2,90 \times 1,90 \times 0,51$ м, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. В центре северо-западной стенки зафиксирован ступенчатый выступ прямоугольной формы шириной 0,53 м и длиной 0,93 м. На глубине 0,07–0,43 м исследовано деревянное сооружение. На уступах вдоль стенок могилы была уложена деревянная рама-каркас, а в центральной части сооружения вдоль длинных стенок ямы, видимо, было положено обгоревшее бревно, опирающееся на ступенчатый вход в северо-восточной части сооружения. На этот каркас и центральное бревно было установ-



лено перекрытие, состоявшее из березовых(?) плах шириной 10–24 см. По периметру деревянная конструкция подверглась сильному воздействию огня. Северо-восточная половина ямы разрушена грабительским вкопом, идущим из сооружения № 4. Юго-западная часть ямы не тронута, поэтому накатник сохранился почти полностью, а под деревянными плахами обнаружены развалы двух сосудов.

Сооружение 4 располагалось в центральной части кургана между сооружениями № 1 и грабительским вкопом. Размеры его $2,50 \times 1,55 \times 0,50$ м, ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Северо-западная стенка вероятно имела ступенчатый выступ, разрушенный грабительской ямой, уничтожившей, очевидно, всю деревянную конструкцию. На самом дне расчищены развалы двух сосудов и крупный фрагмент третьего.

Яма (грабительский вкоп) расположена в западной части кургана. Имела овальную форму и размеры $1,6 \times 1,4 \times 0,55$ м. В юго-восточной стенке ямы имелся переход шириной 0,75 м, ведущий в сооружение № 4.

Весь инвентарь кургана № 5 состоит из 21 невысокого (9–18 см) плавно профилированного сосуда горшечной формы. Венчики сосудов округлые и плоские, слегка отогнутые и прямые. У 17 сосудов орнаментированы верхняя треть и половина тулова, три сосуда неорнаментированные, один орнаментирован полностью. Основными орнаментальными элементами являются желобки, одинарные горизонтальные ряды наклонных насечек, зигзаги, елочки, валики, прочерченная горизонтальная линия, горизонтальный ряд равнобедренных треугольников с наклонной штриховкой, сдвоенная зигзагообразная лента, заштрихованная наклоненными вправо насечками. В единичных случаях встречаются ряды овальных ямочек, лопасти из наклонных строенных насечек, заштрихованная решетка, фестон, с внешней стороны которого расположены горизонтальные заштрихованные треугольники. Данная керамика находит ближайшие аналоги в межовской культуре финальной бронзы.

В Южном Зауралье большая часть памятников межовской культуры приурочена к югу лесной зоны и северу лесостепи. Южнее реки Миасс межовские комплексы встречаются редко, а в междуречье Миасса и Уя они практически не исследовались (Григорьев С.А., 2000. С. 378).

На наш взгляд, наиболее близким аналогом комплекса кургана № 5, как в хронологическом и культурном, так и в семантическом плане, могут выступать курганы № 5 и 13 могильника Приплодный Лог I, исследованного Т.С. Малютиной (Малютина Т.С., 1984. С. 62–68). Керамика этих курганов по большинству признаков близка к черкаскульско-межовским древностям и может быть датирована эпохой финальной бронзы.

Межовская культура в Зауралье почти не оставила погребений; к таковым можно отнести лишь одно захоронение могильника Березки Vб и, возможно, курган № 36 Смолинского могильника (Григорьев С.А., 2000. С. 382). Этот факт, вероятно, объясняется наличием альтернативных форм погребальной обрядности. Однако в таком случае не ясно соотношение этих погребений с памятниками типа курганов № 5 и 13 Приплодного Лога I или Дачного-2. Следует поднять вопрос о случайности/целенаправленности сооружения погребальных комплексов раннего железного века, причем как гороховской, так и саргатской культуры, в непосредственной близости от кургана № 5. Линия преемственности гороховской группы населения от межовской уже давно рассматривается археологами. В нашем случае наблюдается определенная близость на семантическом уровне в целом с погребальным обрядом могильника: в гороховских курганах № 7 и 13 могильника перекрытия были обожжены, что весьма близко к сожжению перекрытий



в сооружениях кургана № 5. Подобные обрядовые действия могли сложиться в лесостепи при непосредственном влиянии степного населения. Близость с материалами кургана № 5 Приплодного Лога I наблюдается в расположении курганов: в обоих случаях они расположены на самом краю возвышенности (мыса в первом случае и береговой террасы во втором). Проводимые там обрядовые действия должны были быть видны издали, поскольку окрестности прослеживаются на десятки километров.

Уникальность подобного рода комплексов при наличии крайне немногочисленных погребальных памятников вызывает желание интерпретировать их семантический смысл, проникнуть в мировоззренческие основы сознания его создателей, реконструировать специфику религиозных представлений. Однако шаткость оснований подобных действий при одновременном отсутствии прямых или косвенных аналогов в более позднее время говорит о ее крайней гипотетичности. Авторы согласны с мнением Т.С. Малютиной в той части, что, скорее всего, сооружения кургана № 5 могильника Приплодный Лог I связаны с культом огня, о чем говорит сожжение их перекрытий (Малютина Т. С., 1984. С. 72). Можно лишь предположить, что этот культ вписывался в какие-то погребально-поминальные церемонии, ведь исследованные сооружения по своим размерам в целом отвечают стереотипам погребальных камер эпохи поздней бронзы (Шилов С. Н., Маслюженко Д. Н., 2000. С. 216–217). Следует учитывать то, что в нашем случае использованная схема установки сосудов приводила к невозможности проведения дальнейших погребальных обрядов, в частности в отношении действий с телом умершего. Резонно предположить, что изначально в курган закладывалась символика кенотафа (Шилов С. Н., Маслюженко Д. Н., 2001. С. 16–20), где огонь мог выполнять определенную очистительную функцию, при этом расположение сосудов изначально не предполагает наличие умершего. Отдельным аспектом интерпретации является оформление входов в ямы, что также было характерно для погребальных комплексов конца эпохи бронзы и начала раннего железного века, особенно в степной зоне (Ольховский В. С., Шилов Ю. А., 1995. С. 108–112). Хотя в нашем случае входы отражают лишь общий стереотип сооружений подобного рода, возможно, осознаваемый, но не понятый строителями, и использовались только однократно.

Л. Т. Яблонский

Институт археологии РАН, Москва

КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ, ХРОНОЛОГИИ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ (материалы для обсуждения)

Говоря о состоянии современной теоретической и практической базы сарматской археологии Приуралья, нужно отметить следующие важные, как представляется, моменты:

1. В специальной литературе до сих пор не преодолена путаница в использовании исторических этнонимов «савроматы» и «сарматы» и уж совсем фантастических, типа «савромато-сарматы». Студентам и молодым специалистам не помогает и замечание К. Ф. Смирнова (1984. С. 115) о его понимании «савроматской археологической культуры



как чисто условного (курсив мой. – Л. Я.) рабочего термина». На это обстоятельство уже обращал внимание А.С. Скрипкин (1997. С. 6). Среди уже сложившихся специалистов тоже существует разногласия в понимании того, когда применительно к южноуральским древностям слова «савроматы» и «савроматская культура» следует заключать в кавычки, а когда не следует. Это приводит к искажению смысла выводов, изложенных тем или иным автором.

2. Не решен окончательно вопрос о роли тех или иных мигрантов в процессе формирования раннесарматской (прохоровской) культуры. Разброс мнений – от автохтонного развития приуральских популяций до решающего участия в становлении культуры раннесарматской культуры этнических скифов (С.Ю. Гуцалов), либо населения Приуралья (Б.Ф. Железчиков и А.Х. Пшеничнюк), лесостепного и степного Зауралья (А.Г. Гаврилюк и А.Д. Таиров). Если миграция все же была, то остается не ясным, кто, откуда и когда мигрировал. Была ли эта миграция относительно единовременным актом (перенос культуры в готовом, сложившемся виде) или она носила волнообразный, растянутый во времени характер.

3. Запутанные проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры ярко отражены в специальном обзоре В.Ю. Зуева (2000). Нарочито сталкивая разноречивые высказывания коллег-сарматчиков, он высвечивает нерешенные вопросы хронологии отдельных этапов формирования раннесарматской культуры (в том числе времени ее возникновения), неопределенности времени, когда на смену ей при не очень ясных пока обстоятельствах приходит культура среднесарматская.

4. Нет до сих пор общего понимания хронологии начальных этапов становления раннесарматской культуры в Приуралье. К.Ф. Смирнов (1964) высказывался в пользу нижней даты прохоровской культуры в V в. до н.э. Однако М.Г. Мошкова (1974. С. 47–51) не соглашалась с датировкой прохоровской культуры ранее рубежа IV–III вв. до н.э. По мнению А.Х. Пшеничнюка (1983. С. 79), у нас вообще нет возможностей хронологически разделять раннесарматские памятники внутри периода от V до III в. до н.э., и на протяжении этого периода мы имеем дело с единой развивающейся культурой. А.Г. Гаврилюк и А.Д. Таиров относят нижнюю дату своего «древнепрохоровского» периода ко второй половине VI в. до н.э. (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988). К аналогичным выводам, в конечном счете, пришел Б.Ф. Железчиков (1997. С. 40). С.В. Полин (1992. С. 79–80) говорит о хронологическом разрыве между степными памятниками V–IV и II–I вв. до н.э. Одновременно, однако, он соглашается с мнением К.Ф. Смирнова о развитии раннесарматской культуры с V в. до н.э. Точка зрения о хронологическом статусе доведена до крайности в целой серии работ В.Ю. Зуева (список этих работ см.: Зуев В.Ю., 2003). При этом памятники Приуралья V–IV вв. до н.э. он вообще не выводит из круга собственно сарматских, а раннесарматскую культуру Приуралья датирует временем не ранее II в. до н.э.

5. Хронологическая концепция и периодизация сарматской культуры Б.Н. Гракова и К.Ф. Смирнова (в некоторых ее вариациях) принципиально верна и не требует основательного пересмотра. Но наши собственные позиции в отношении упомянутых вопросов нуждаются в определенном упорядочении, конкретизации и уточнении как фактологического, так и концептуального плана. Нынешнее состояние дел действительно дает возможность использовать существующие у специалистов противоречия для попыток не очень обдуманного подрыва самих основ сарматоведения (см., например, работы В.Ю. Зуева) и приводит к дискуссиям, которые отвлекают ученых от реальных проблем сарматской археологии.



* * *

Созданию стройных периодизационных схем культур сарматского типа в определенной мере препятствует традиционное, но весьма неопределенное, а иногда и внутренне противоречивое понятие «археологическая культура» (подробный анализ источников см.: Клейн Л.С., 1991). Любопытно, что, очевидно, в силу именно этих обстоятельств, расшифровка этого базового для археологии понятия отсутствует в вузовских учебниках, которые чаще всего используются при подготовке специалистов-археологов (Авдусин Д.А., 1977; Мартынов А.И., 1996). Опросы показывают, что студенты-археологи (и не только) испытывают большие трудности при ответе на простой, казалось бы вопрос: «Что такое археологическая культура?», особенно применительно к культурам ранних кочевников Азиатской Сарматии.

По традиционному определению классика отечественной археологии, А.Л. Монгайта (1955. С. 13–14), археологическая культура – это *условный* термин (опять *условный*!), курсив мой. – Л. Я.), употребляемый археологами для обозначения комплекса археологических памятников, объединенных общим временем, общей территорией и характеризующих общими чертами.

Применительно к памятникам раннесарматской археологической культуры это в целом справедливое определение не работает. Мы видим, что эти памятники датируются в пределах значительного хронологического отрезка – от V (VI) в. до н.э. до, по крайней мере, I в. до н.э. (или даже до рубежа эр). Ареал даже памятников классической раннесарматской культуры необычайно широк – от Зауралья до Волго-Донского междуречья и от лесостепи до пояса полупустынь и пустынь (например, на Устюрте). Круг так называемых «сарматоидных» (тоже *условных*) культур еще шире и захватывает области Средней Азии и Казахстана. Более того, на различных этапах своего существования территория раннесарматской культуры периодически расширялась или сужалась. Так было в V в. до н.э., когда памятники типа Филипповка располагались и в Южном Приуралье, и на границе с Зауральем (Переволочанский могильник) при отсутствии четко выраженных географических рубежей между ними. Так было в IV–III вв. до н.э., когда центр формирования раннесарматской культуры переносится в степи Южного Приуралья. Так было в III–II вв. до н.э., когда границы раннесарматской культуры отодвигаются далеко на запад от ее прародины. При наличии общих черт памятники, расположенные на столь обширной территории, имеют, естественно, локальную специфику, которая проявляется и в признаках погребального обряда, и в типологии отдельных категорий погребального инвентаря. Генезис этих памятников на разных территориях различен и самостоятелен. Степень различий такова, что остается открытым вопрос о том, насколько все эти различия дают возможность рассматривать эти памятники как принадлежащие к единой археологической культуре.

Применительно к памятникам ранних кочевников с исключительной подвижностью их носителей понятие «археологическая культура» тем более трудно использовать с достаточной определенностью. Географические и хронологические рубежи между локальными вариантами памятников раннесарматского типа либо размыты, либо не определяются вообще. Количество терминологических условностей таково, что за ними теряется смысл того, что разные авторы вкладывают в эти условности. Поэтому возникает недопонимание даже между специалистами, чьи позиции в археологической реконструкции близки или идентичны.



По-видимому, понятие «археологическая культура» не может адекватно отражать, с одной стороны, особенности населения, обитавшего в огромной области, а с другой – узко-региональные, самобытные особенности групп этого населения. Материальные и духовные признаки этих групп легче рассматривать в пределах не археологических культур, а в пространстве культурно-хронологических горизонтов культур сарматского типа с их своеобразными культурно-хронологическими маркерами – англ. *horizon makers* (Bashilov V., Yablonsky L., 1995; 2000; Яблонский Л.Т., 2001).

Horizon makers американской литературы сопоставимы с теми признаками культуры, которые, согласно определению А.Л. Монгайта (1955. С. 14), часто являются не самыми главными, но яркими и запоминающимися – по форме или орнаменту керамики, по обряду погребения или по той местности, где были впервые найдены наиболее типичные памятники данной культуры.

Применительно к памятникам ранних кочевников Южного Приуралья можно тогда выделить ряд культурно-хронологических горизонтов с их horizon makers, локальными культурными вариантами, располагающимися внутри таких горизонтов и представленных иногда не только отдельными могильниками, но и отдельными уникальными находками или яркими признаками погребального обряда, а также с переходными этапами (рисунок)¹, на протяжении которых происходило накопление признаков, впоследствии образующих устойчивые типы или «устойчивые разновидности формы» (Федоров-Давыдов Г.А., 1987).

В кочевой среде культурно-хронологические горизонты не имеют четко очерченных географических рубежей (в аланское время, например, они расширяются до территории Западной Европы), а ширина горизонтального обзора (дистанционные расстояния распространения того или иного признака от точки его отслеживания) будет зависеть от таксономического уровня, который этот признак занимает в соответствующей классификации. Признаки низкой таксономической ценности, не имеющие, как правило, локальной этнографической специфики (например, «бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел», или «подбой», или «мечи переходного типа»), позволяют рассматривать в пределах горизонта огромное число памятников, расположенных в пределах значительного региона и объединять их на данном таксономическом уровне. Признаки высокой таксономической ценности, подчеркивающие узко-региональную специфику, например, «каменные алтари-жертвенники» характерных типов или «круглодонная керамика с примесью талька в тесте», будут представлять этнографические особенности локальных вариантов горизонтального ландшафта, в данном случае – Приуральского, отличные от Поволжского или Волго-Донского.

Признаки низкой таксономической ценности расширяют степень горизонтально-го обзора, объединяя значительное количество достаточно разнородных памятников в пределах культурных конгломератов. Но каждый из таких конгломератов все же отличается от других, пусть синхронных образований. Так, скифская и сакская культурно-исторические области археологически *различаются* по составу колчанов (наличию

¹ С учетом накопленной ранее базы данных и после относительно недавних раскопок в левобережном Илеке (Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2005), на Прохоровском (Мешеряков Д.В. и др., 2006) и на Филипповском могильнике у нас, кажется, появляется возможность создания более дробной хронологической схемы так называемого «древнепрохоровского этапа» развития сарматской культуры Приуралья, который подразделяется, по меньшей мере, на два различающихся по материалу хронологических горизонта (см. рисунок).



Культурно-хронологическая периодизация памятников ранних кочевников Южного Приуралья

Примечание: М – внешние миграции.

или отсутствию черешковых наконечников стрел), но эти же области археологически объединяются по распространению в их пределах признака низкой таксономической значимости – по наличию «скифской триады». В данном случае и наконечники стрел, и «скифская триада» выступают в качестве horizon makers, но обозначают таксономически разнопорядковые уровни сопоставления, которые не соотносятся с понятием «археологическая культура».

Напротив, признаки высокой таксономической значимости, образующие устойчивые разновидности на одной территории, могут изредка встречаться и на других (как правило, результат прямого заимствования), но они уже будут подчеркивать самобытность локального участка в пределах культурно-хронологического горизонта. Скорее всего, в археологии именно эти разновидности будут свидетельствовать об этнографической или даже этнической специфике группы памятников, в которых они были зафиксированы. Отсюда становится понятным, что простое навешивание любых этнических ярлыков на группы населения, обитавшие в пределах культурно-хронологических горизонтов, – занятие бессмысленное. Много раз подчеркнутая «условность» этих ярлыков достигает такой степени этой самой условности (да еще на фоне условности понятия



«археологическая культура»), за которой теряются научно-исторические реальности, и мы оказываемся в области, вернее – в плену, псевдо-научного современного мифотворчества (подробнее см. об этом: Яблонский Л.Т., 1999).

Таким образом, в отличие от однородных, по сути своей, «археологических культур», культурно-хронологические горизонты образуют разнообразные ландшафты, подобно тому, как с высоты птичьего полета мы можем наблюдать в пределах одного горизонта леса и степи, горы и равнины или даже пустыни (если точка обзора будет еще более высокой). Такой подход позволяет перейти от конструирования упрощенно-штампованных схем к анализу исторических проявлений во всем их диалектическом разнообразии и, одновременно, – самобытности.

В плане хронологическом культурно-хронологические горизонты располагаются, прежде всего, в порядке относительной хронологии. В пределах каждого из них могут быть выявлены признаки, более или менее часто встречающиеся в хронологически смежных хронологических срезах, особенно на уровне «верхних» дат относительно нижнего горизонта и «нижних» дат – относительно верхнего. Речь идет о нормальных процессах внутренней культурной трансформации. Иногда такие трансформации происходят на протяжении столетий – традиционные комплексы еще сохраняются в материальной и духовной культуре, но инновационные уже появляются и начинают *постепенно*, но все более активно вытеснять традиционные. Эти явления, которые в древности лишь очень редко носили скоротечный (обычно связанный с внезапными завоеваниями) характер, заставляют выделять переходные культурно-хронологические этапы и датировать некоторые памятники в пределах этих этапов. На первый взгляд кажется, что при отнесении того или иного памятника к переходному этапу мы жертвуем точностью его хронологической атрибуции. Однако наши погрешности в исторической реконструкции на самом деле не увеличиваются при таком подходе, а уменьшаются. С накоплением археологического материала и развитием возможностей в области абсолютного датирования мощность переходных этапов будет постепенно уменьшаться, сжиматься. Зато уже сейчас мы сможем более корректно выстраивать археологические колонки по принципу относительной хронологии, что немаловажно при выявлении, казалось бы, разнотипных, но на самом деле синхронных групп памятников.

Итак, с принятием концепции «культурно-хронологических горизонтов» мы сможем отказаться от «условной» этнически окрашенной терминологии, сохранив при этом ставшую уже классической привычную схему периодизации раннекочевых сообществ степной Евразии.

У нас появится возможность отказаться, наконец, от внутренне противоречивой схемы «культура в культуре».

Понятие «археологическая культура», которое хорошо работает при дифференциации оседло-земледельческих сообществ или малоподвижных коллективов с их комплексным ведением хозяйства, позволяя устанавливать реальные географические и культурные барьеры, связывает по рукам и ногам специалистов в области кочевниковедения, где такие барьеры являются *закономерно* эфемерными, а то и вовсе отсутствуют.

Признание переходных этапов в развитии раннекочевнических культур позволит перевести дискуссии о соотношении автохтонного их развития и деформаций в результате миграций на более прочную методическую основу.

Эта работа, естественно, не претендует на окончательность решения поставленных вопросов, но в ней акцентировано внимание на тех проблемах сарматской археологии



(и не только), которые, по крайней мере, нуждаются в обсуждении. Автор рассчитывает именно на такое обсуждение, которое может состояться как в устной, так и в письменной форме.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №05-01-01527а).

В.В. Овсянников

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН Уфа

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – 1-й ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.

На пространстве между р. Волга и Уральскими горами, в силу географических особенностей, близкие контакты кочевого и оседлого населения могли происходить лишь в узкой полосе, примыкающей к левобережью реки Белая в ее среднем и нижнем течении и Камы в нижнем течении. Центральную часть этого пространства занимает Бугульминско-Белебеевская возвышенность. К западу от нее памятники кочевых племен севернее р. Большая Кинель практически не известны на протяжении всего савромато-сарматского времени. С другой стороны, оседлое население предпочитало долины рек Кама и Ик. Таким образом, в означенный период между кочевым и оседлым населением существовала значительная «мертвая» зона, исключая тесные контакты. Однако нельзя исключать большую вероятность существования торгового пути по Волге.

Восточнее Бугульминско-Белебеевской возвышенности наблюдается иная картина. Здесь между Белебеевским плато и Северными отрогами Большого Сырта, с одной стороны, и долиной р. Белая существует узкий степной «язык» шириной 40–50 км, достигающий нижнего левобережья Белой. По этому «языку» кочевые племена доходили до устья р. Сюнь – левого притока Белой, расположенного чуть южнее 56-й параллели, тогда как оседлое население, продвигаясь вдоль правого берега р. Белая, освоило ее долину вплоть до 54-й параллели. Таким образом, природные условия района благоприятствовали довольно тесным контактам населения двух различных культурно-хозяйственных типов. Под тесными контактами подразумеваются не только торговые связи, но и военно-политические, хозяйственные, брачные и др. отношения.

Савроматский период (VII–IV вв. до н.э.). Для рассматриваемого района в этот период характерны одиночные курганы или впускные захоронения в насыпи эпохи бронзы. Всего известно 8 памятников. В этот период кочевое население только начинает осваивать данный район, его появление здесь эпизодично.

На правобережье р. Белая в этот период появляется новое оседлое население, связанное своим происхождением с ананьинской культурой Прикамья. На базе этого населения впоследствии формируется кара-абызская культура. Поскольку с обеих сторон население было достаточно редким, то о каких-либо значительных контактах говорить не приходится.

Раннесарматский период (IV–II вв. до н.э.). Количество памятников номадов резко возрастает. На сегодняшний день известны 18 курганных могильников и одиноч-



ных курганов. В отличие от предыдущего периода, половина памятников представлена курганными могильниками (2–4 насыпи). В расположении раннесарматских памятников можно выделить ряд микрорайонов, где сосредоточено несколько памятников. Эти группировки кочевнических погребений говорят о начале процесса упорядочивания маршрутов перекочевов. Возможно, места скопления захоронений были местами постоянных летовок различных родовых объединений.

К концу раннесарматского периода ситуация резко меняется. Прохоровские некрополи выдвигаются далеко на север и занимают левобережье Белой в непосредственной близости от современного г. Уфа. Меняется и характер памятников. Теперь это крупные некрополи, насчитывающие по 20–30 насыпей, под которыми находят 10 и более захоронений. Эти памятники имеют все признаки постоянных родовых кладбищ.

В среду оседлого населения на правобережье Белой проникает новое население зауральского происхождения, оставившее курганные могильники. Пришельцы расселяются в среде постананьинского населения, в результате чего к рубежу IV–III вв. до н.э. в Центральной Башкирии складывается кара-абызская культура. К этому моменту территория расселения оседлого населения Прибелья несколько сокращается на юге. Возможно, близкое и постоянное присутствие номадов вынудило оседлое население покинуть эту территорию.

С другой стороны, территория севернее р. Сим – правого притока Белой – интенсивно осваивается кара-абызским населением. По сравнению с периодом V–IV вв. до н.э. значительно увеличивается количество и размеры постоянных укрепленных поселений. Последнее можно связать как с внутренними причинами (появление зауральских мигрантов), так и с внешними (близость номадов).

В раннепрохоровский период существует довольно значительная «мертвая» зона (более 100 км) между памятниками кочевников и оседлых племен. В кара-абызских памятниках известны находки образцов оружия и украшения раннепрохоровского типа. Последнее говорит о непременном существовании каких-либо контактов, скорее всего на основе обмена.

В позднепрохоровский период, когда стойбища номадов выдвигаются непосредственно к территории расселения кара-абызского населения, происходит интенсификация контактов. На материалах памятников обеих сторон фиксируется усиление военной напряженности. С другой стороны, просматриваются следы торговых отношений. Таким образом, в позднепрохоровский период уровень контактов оседлого и кочевого населения резко возрастает, что связано с вынужденным переселением какой-то части кочевников в среднее Прибелье. Однако, несмотря на территориальную близость, обе группы населения сохранили свою культурную доминанту, и процесса ассимиляции не произошло.

Среднесарматский период (II в. до н.э. – I в. н.э.). В это время присутствие номадов в Прибелье несколько сокращается, и они отодвигаются от территории, занятой оседлым населением. Известны 10 памятников. Среди них как довольно крупные могильники (6–12 насыпей), так и одиночные курганы и захоронения.

В Центральном Прибелье продолжают функционировать большинство кара-абызских поселений и могильников. Именно в этот период совершается большинство захоронений на Охлебининском и Шиповском могильниках. Выделяется новая группа населения, которая выдвигается южнее основного кара-абызского ареала и расселяется в бассейне р. Зилим. Эти памятники выделяются в убаларский тип.



Уровень контактов между номадами и оседлым населением, по сравнению с позднепрохоровским периодом, резко падает. Импортные изделия в кара-абызских погребениях этого периода чрезвычайно редки. Сокращение импорта вызвало в кара-абызской среде потребность выработки собственных типов ременной гарнитуры, женских украшений и оружия.

В северную часть Прибелья в этот период проникает население, оставившее пьяноборскую культуру. Район, занятый пьяноборским населением, удален от всех территорий, населенных номадами, и прямой контакт здесь исключен. Однако состав импорта, встреченного в пьяноборских могильниках, заставляет думать, что у пьяноборцев был свой «канал» контактов со степняками, не зависевший от кара-абызского населения. Вероятнее всего, этот «канал» осуществлялся через торговый путь, идущий по Волге и Каме.

Позднесарматский период (II–IV вв. н.э.). Памятники номадов в степной части Прибелья в этот период значительно сокращаются. Здесь известны лишь четыре памятника, два из которых являются одиночными погребениями. Редкое население степи не могло сильно влиять на материальную культуру кара-абызского и пьяноборского населения. Поэтому практически полное отсутствие импортных изделий на памятниках оседлых племен вполне объяснимо. Уровень контактов сведен к минимуму.

Около рубежа III и IV столетий на правобережье Белой появляется ряд крупных курганных некрополей, оставленных поздними сарматами. То есть номады занимают несвойственную для них экологическую нишу – лесостепные предгорья, оставляя незаселенным степное левобережье. В конечном счете, это привело к слиянию местного и пришлого населения, результатом чего становится формирование памятников имендяшевского типа и, позднее, турбаслинской культуры.

Судьба пьяноборского населения была несколько иной. По волго-камскому пути в среду прикамского населения вклиниваются пришельцы, оставившие курганные могильники Тураевского типа. Это привело к рассеиванию постпьяноборского населения (часть уходит за Каму, часть – за Белую) и подчинению части пьяноборского населения захватчикам.

Общим для финала позднесарматского периода является продвижение номадов в несвойственные для них экологические ниши (в бельские предгорья и лесное Прикамье). Вследствие этого степное население перестает быть кочевым и воспринимает образ жизни аборигенного населения, сохраняя при этом специфические черты в культуре.

Е.В. Иванова

*Башкирский государственный педагогический университет,
Уфа*

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ С ОСЕДЛЫМИ ПЛЕМЕНАМИ ЮЖНОГО УРАЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема культурных связей ранних кочевников с оседлыми племенами Южного Урала – одна из наиболее популярных в региональной археологии эпохи раннего железного века. Сам по себе вопрос о наличии этих связей считается вполне решенным и



сомнений не вызывающим. Впервые он был археологически обоснован А.В. Збруевой в процессе изучения и обобщения материалов ананьинской культуры. Опираясь на находки соответствующих предметов на памятниках предананьинского и ананьинского периодов Прикамья, исследовательница выделила несколько этапов и направлений в развитии культурных связей прикамско-приуральских племен. К числу наиболее ранних связей ананьинского общества, начало которых можно проследить в эпоху поздней бронзы, относятся, по ее мнению, связи с Кавказом. На это указывают находки клинков бронзовых кинжалов, четырех очкообразных подвесок и треугольной пластинки из Маклашеевского могильника II, бронзовая полоса-венчик, орнаментированная лентами и фигурами из горизонтальных и косых рядов мелких точек, из Морквашинского могильника, бронзовые бляхи круглой и ромбической формы, украшенные крупными и мелкими выпуклостями, выбитыми с обратной стороны, из Ананьинского могильника. Аналогии этим предметам находятся в памятниках кобанской культуры Кавказа (Збруева А.В., 1952. С. 167).

А.В. Збруева отмечает и наличие в культуре северо-кавказских и ананьинских племен некоторых одинаковых предметов, что свидетельствует о взаимном общении населения весьма широких территорий. К числу таких предметов относятся железные боевые топоры, бронзовые и железные клевцы, оселки, наконечники стрел скифского типа и изображение свернувшегося хищника. Связи древнего населения Прикамья и Северного Кавказа – территорий, столь удаленных друг от друга, – автор объясняет наличием Волго-Камского водного пути сообщения.

Для конца VI – начала V в. до н.э. исследовательница отмечала усиление связей «ананьинцев» со скифо-савроматским миром. На это, по ее мнению, указывают находки в ананьинских мужских погребениях предметов вооружения – втульчатых наконечников стрел, мечей и кинжалов, боевых топоров и наконечников копий – скифских типов. Кроме того, у ананьинских вождей, как и у скифской, савроматской и иранской знати, одним из признаков их достоинства и власти являлись гривны, сопровождавшие богатые мужские погребения ананьинских могильников, начиная с конца VI или начала V в. до н.э. При этом ранние ананьинские бронзовые гривны повторяют формы ранних скифских (витые или перекрученные с расплюснутыми концами) (Там же. С. 166). К скифскому же импорту автор относит обнаруженные в погребениях Ананьинского могильника мелкие плоские круглые бусы из зеленоватой или голубоватой пасты и раковины каури, а также бронзовую бляшку в виде головы льва. И наконец, изображение воина на каменной стеле из Ананьинского могильника наводит А.В. Збруеву на мысль о распространении у «ананьинцев» и одежды скифского типа (Там же. С. 164).

Основным предметом обмена ананьинцев служила пушнина. Около 70 % всех костей диких животных, найденных в раскопках Конецгорского селища, относящегося к IV–III вв. до н.э., принадлежало пушным зверям, прежде всего, соболю, белке и бобру. Рост охоты на пушного зверя для обмена являлся единственной новой чертой в хозяйстве ананьинцев.

Таким образом, на основании анализа археологического материала А.В. Збруева приходит к выводу о том, что «между ананьинскими племенами и Причерноморьем существовал постоянный обмен, в результате которого новые типы оружия и некоторых украшений быстро попадали на Каму по торговому пути, описанному Геродотом» (Там же. С. 173).



А.В. Збруева в своем исследовании основной акцент делает на культурном обмене ананьинского населения Прикамья с южным степным миром. А.Х. Халиков развил эту тему дальше, используя более обширный материал Старшего Ахмыловского и Аkozинского могильников. Опираясь на многочисленные находки украшений и вооружения кавказских и киммерийских типов, представленные в этих памятниках, исследователь пришел к выводу о том, что степное (киммерийское) и кавказское (кобано-колхидское) влияние являлось одним из факторов, который определил характер и направление культурогенеза ранних ананьинцев Волго-Камья (Халиков А.Х., 1977. С. 257).

Однако В.С. Патрушев в своем видении проблемы культурных связей «ананьинцев» с ранними кочевниками стоит ближе к концепции А.В. Збруевой и считает, что предметы киммерийских, кобано-колхидских и сарматских типов в Среднее Поволжье попадали в результате обмена. На это, по его мнению, указывает то обстоятельство, что у средневожских «ананьинцев» многие привозные изделия (части конской сбруи, украшения) часто имели совершенно другое назначение, а могилы, в которых обнаружены кавказские формы вещей, сооружены по местным обычаям (Патрушев В.С., 1992. С. 119).

Примерно в середине 1950-х гг. начинается исследование памятников кара-абызской культуры Приуралья, и уже первые материалы, полученные Г.В. Юсуповым с городищ Гафурийского района, дали находки – бронзовые наконечники стрел, бляшку в виде головы льва, обломок железного кинжала, – свидетельствующие о контактах «караабызцев» с раннесарматскими (прохоровскими) племенами (Юсупов Г.В., 1959). К памятникам, испытавшим на себе влияние раннесарматской культуры, также был отнесен Ново-Уфимский могильник, исследованный Р.Б. Ахмеровым в 1954 г. на территории г. Уфы, в погребениях которого были найдены трехгранные наконечники стрел, бронзовые, втульчатые; массивный железный меч с навершием, слегка изогнутым вверх; шейная гривна с далеко заходящими концами из круглой в сечении бронзовой проволоки, обложенной листовым золотом (Ахмеров Р.Б., 1959. С. 158).

Идею о сарматском влиянии на культуру кара-абызских племен разделяли и исследователи сарматских памятников Южного Приуралья – К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, К.В. Сальников. Правда, вопрос этот они рассматривали как процесс проникновения и оседания части сарматов-прохоровцев на поселениях правобережья Средней Белой. Основанием для подобного подхода к проблеме послужили находки керамики «гафурийского типа» как в сарматских курганах, так и на кара-абызских поселениях. Рассматривая «гафурийскую керамику», как сарматскую, исследователи в своих первых обобщающих публикациях о савромато-сарматских памятниках Приуралья поселения с этой керамикой относили к кругу раннекочевнических памятников (Мошкова М.Г., 1963. Рис. 1; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Рис. 1).

В более развернутом виде идея сармато-кара-абызских связей представлена в работах А.Х. Пшеничнюка, который рассматривает ее в традиционном контексте культурного влияния сарматов на «караабызцев». Именно этим влиянием исследователь объясняет наличие в кара-абызских погребениях бронзовых височных колец в полтора оборота, обложенных золотой фольгой, дисковидных поясных блях, изготовленных из сарматских зеркал. С сарматским влиянием связывает А.Х. Пшеничнюк и такие черты кара-абызского погребального обряда, как обычай класть в могилу куски мела, а также сопровождение покойного заупокойной пищей (кости барана, сосуды), а также находки в караабызских могильниках (Биктимировский, Охлебининский) сарматских мечей. В целом, рассматривая инвентарь кара-абызских погребений, исследователь показы-



вает, что мужчина был прежде всего воином – всадником. Это объясняется не только воинственностью «кара-абызцев», но и большой военной опасностью со стороны соседних племен – сарматов. Самым северным памятником их является Старо-Киешинский курганный могильник близ г. Уфы. Вероятно, что они кочевали и в более северных районах левобережья р. Белая. Синхронные кара-абызским и сарматским памятники в западной Башкирии на тот момент пока не известны. На значительной территории сарматы вплотную примыкали к кара-абызским племенам. Их разделяло только русло р. Белая. И в погребальном обряде, и в вещевых комплексах кара-абызских памятников четко прослеживаются культурные и этнические контакты с сарматами. Отношения между кара-абызцами и сарматскими племенами носили далеко не мирный характер. Сарматы всегда отличались воинственностью, и война для них являлась постоянным промыслом. Объектом их нападений часто становились богатые кара-абызские племена. О существовании серьёзной военной опасности для кара-абызцев свидетельствует расположение поселений на высоких, удобных для защиты берегах, укрепленных дополнительными сооружениями. На это же указывает наличие захоронений с застрявшими в костях наконечниками стрел. Под влиянием сарматов у кара-абызцев появляется обряд сопровождения умерших пищей (глиняные сосуды и кости животных). Этот обряд становится характерной чертой культуры кара-абызских племен на позднем этапе (Пшеничнюк А.Х., 1973. С. 217 и сл.).

Вместе с тем, касаясь этой же проблемы, но уже в контексте анализа культуры сарматов Южного Урала, исследователь отмечает, что сарматско-кара-абызские связи, очевидно, носили мирный характер (Пшеничнюк А.Х., 1983. С. 130 и сл.).

Таким образом, мы видим, что вопрос о культурных связях оседлых и кочевых племен Южного Урала и Приуралья имеет давнюю, хотя и не очень обширную историографию. Объясняется это тем, что он ставился и рассматривался, как правило, на фоне других задач того или иного исследования и носил второстепенный характер. Единственная попытка целенаправленного рассмотрения данной проблемы была предпринята В.А. Ивановым в самом конце 1970-х гг. Автор, во-первых, выделяет ряд аспектов проблемы взаимоотношений ранних кочевников и оседлых племен Приуралья, акцентируя внимание на их этнокультурном и этногенетическом содержании. Во-вторых, опираясь на количественные показатели распространения импортных южных вещей в памятниках оседлых племен Волго-Камья и Приуралья (ананьинской, кара-абызской и пьяноборской культур), исследователь прослеживает динамику культурных связей этих племен с кочевниками. Вывод автора: связи усиливаются и ослабевают обратно пропорционально степени территориальной близости кочевого и оседлого населения. В-третьих, связи приуральских племен с племенами Западной Сибири были кратковременными и существенной роли в культурогенезе ананьинской, кара-абызской и пьяноборской культур не играли. В этом точка зрения В.А. Иванова совпадает с точкой зрения А.Х. Халикова (Иванов В.А., 1980).

В заключение следует отметить, что обзор исследований по проблеме связей оседлых и кочевых племен Южного Урала и Приуралья в эпоху раннего железного века показывает, что сам факт таких связей является бесспорным, они имели свою динамику и развивались по определенным закономерностям. Но роль этих связей в этно- и культурогенезе приуральского населения остается еще не до конца изученной и понятой.

Н.С. Савельев

*Научно-исследовательский центр «Наследие» –
Центр этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа*

ИРЕНДЫКСКО-КРЫКТИНСКАЯ ГРУППА КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ПОИСКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ПАМЯТНИКОВ

Первые исследования погребальных памятников ранних кочевников горно-степной зоны восточного склона Южного Урала (горный массив Ирендык–Крыкты) относятся еще к 1965 г., когда Н.А. Мажитовым были раскопаны курганы около сел Давлетшино и Исянбетово (Мажитов Н.А., 1966. С. 94–98; 1973. С. 61–64). К 1970-м гг. относятся раскопки А.Х. Пшеничнюком курганов около поселка Целинный и села Сагитово (Пшеничнюк А.Х., 1983. С. 33–35, 62–63. Табл. XXV–XXVI; XLVI, 1–6), в 1980 – середине 1990-х гг. исследовались Тепяновский (В.Н. Васильев), Ивановский-5 (Ф.А. Сунгатов), Гадельшинские и Давлетовский курганы (А.Ф. Яминов). В последнее десятилетие целенаправленные исследования проводились Н.С. Савельевым (Манхар-2-3, Юмаш-тау-4-5, Майлыбай-2, Кушалыкуак-1, Семеновский-6, Ишкулово-5), также отдельные памятники раскапывались В.Н. Васильевым (Усть-Дергамышский курган), В.К. Федоровым (Чебаркульский курган) и Ф.А. Сунгатовым (Валитовский курганный могильник). Всего к настоящему времени исследовано около 30 подобных курганов (Савельев Н.С., 2000а–б; 2006; САПРБ. 2004. № 25, 29, 31, 57, 167–168; Акманова И.Р., 2005; Исмагил Р. и др., 2006).

Видимая «скромность» источниковой базы по раннекочевническим курганам Ирендыка и Крыкты связана, во-первых, с крайней недостаточностью археологических работ в горно-степной зоне восточного склона Южного Урала в целом и, во-вторых, с явным предпочтением даже «профильных» специалистов к исследованию многочисленных «савромато-сарматских» земляных курганов. При этом углубленное обследование горно-степной зоны, начатое в середине 1990-х гг., показало очень плотную освоенность этой территории во все эпохи, значительная же часть выявленных курганов относится ко времени ранних кочевников (Савельев Н.С., 2000а. С. 36–37; Акбулатов И.М. и др., 2004. С. 296–301; Котов В.Г., Савельев Н.С., 2006). Судя по закономерностям расположения, планиграфии и некоторым архитектурным особенностям, что также подтверждается исследованиями некоторых из них, данные курганы должны быть объединены в особую «ирендыкско-крыктинскую» группу кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. (ср.: Савельев Н.С., 2003а-б; 2006).

Проведенные в последние годы исследования позволили говорить о значительных культурных отличиях данных памятников от синхронных и расположенных в непосредственной близости «савромато-сарматских» курганов (Савельев Н.С., 2000а-б, 2003а-б, 2006). Суммируя все имеющиеся данные, к основным признакам памятников «ирендыкско-крыктинской» группы относятся (см. также: Савельев Н.С., 2000а. С. 36–37):

1. Топография:

- вершины каменистых сопков, горных мысов и гор (высота от подножья от 20 до 150 м и более);
- наибольшая концентрация – по крайним возвышенностям горно-степной зоны, над речными и межгорными долинами, единичные курганы встречаются непосредственно на вершинах хребта Ирендык;



- в относительно закрытых урочищах и самых дальних частях долин известны случаи расположения курганов на ровных участках или низких террасах над водотоками;
- за пределы предгорий, в степь данные курганы выходят только вдоль рек, берущих начало в горах; расположение их здесь однотипно – на вершинах сопок и мысов, ограничивающих долину реки, в непосредственной близости от воды.

2. Состав могильников:

- ярко выраженная тенденция к одиночному расположению курганов, хотя расстояние между соседними курганами может быть и невелико (70–100 м);
- особенность расположения курганов попарно, расстояние между ними в основном 5–15 м, но известны курганы и слившиеся полями, и отстоящие друг от друга на 40–70 м. Ориентированы такие двухкурганные могильники преимущественно по линии С–Ю, часты отклонения до ССЗ–ЮЮВ, единично известна и широтная ориентировка;
- могильники, в состав которых входят три и более курганов, крайне редки и являются скорее исключением, чем правилом (ср.: Савельев Н.С., 2000а. С. 36. Прим. 37).

3. Внекурганные конструкции:

- рядом с курганами часто расположены небольшие каменные выкладки (1–2 и более), форма их в основном овальная или удлиненная;
- известны курганы с небольшими «отростками» длиной 3–4 м и шириной около 1 м.

4. Архитектура насыпей:

- насыпи сложены из камня средних и крупных размеров, в основном полностью задернованы, известны курганы с полностью или частично отсутствующим дерновым покрытием;
- вершина насыпей вследствие обрушения надмогильных перекрытий и проседания части камней в могильную яму, как правило, уплощена или вогнута, дерновый слой здесь более мощный;
- в полах насыпей часто прослеживаются фрагменты кольцевых(?) оград из вертикально стоящих камней;
- некоторые наиболее выступающие камни могут быть интерпретированы как стелы;
- в некоторых случаях зафиксирована «чешуйчатость» насыпи, то есть налегание верхних камней на нижние при общем наклоне камней к центру насыпи, что связано с формированием насыпи в процессе разрушения первоначальной надмогильной конструкции – полого склепа-мавзолея;
- на поверхности центральной части некоторых курганов хорошо прослеживаются верхушки каменных ящиков, составленных из больших плит;
- наряду с курганами известны захоронения (судя по размерам могильных ям, детские) под небольшими каменными выкладками.

Приведенные поисковые признаки (1–4) позволяют достаточно обоснованно выделять курганы ранних кочевников горно-степной зоны из общей массы разнообразных каменных сооружений, в большом количестве известных в пределах горного массива Ирландык-Крыкты. Отчетливо выраженные закономерности свидетельствуют также о высокой степени близости этих памятников.

5. Размеры насыпей:

Средний диаметр насыпей 6–9 м, высота 0,3–0,5 м, известно несколько более крупных курганов, самый большой из зафиксированных – Тубакин-1 (западные предгорья Ирландыка, левый берег реки Таналык), его диаметр 17 м, высота 1,7 м, форма пирамидальная, окружен широким ровиком (см.: Акбулатов И.М. и др., 2004. С. 301).



6. Подкурганные конструкции (к сожалению, большинство курганов было раскопано без фиксации каких-либо конструктивных особенностей насыпи, поэтому имеющиеся данные крайне неполные):

- в основном центральная часть курганов окружалась каменными крепидами; в одном случае зафиксирована разреженная квадратная ограда из поставленных на торец камней, сторонами ориентирована по сторонам света;
- в трех случаях зафиксировано, что «насыпь» первоначально представляла собой полый склеп-мавзолей подквадратной в плане формы;
- к югу от центра кургана, в поле, устанавливались грубые каменные стелы.

7. Находки под насыпями:

- под насыпями на уровне древнего горизонта или среди камней насыпи практически всех курганов найдены скопления или единичные фрагменты глиняных сосудов (от 1 до 7), полные развалы крайне редки;
- в одном случае отмечено скопление мелких фрагментов преднамеренно разбитого и «растоптанного» сосуда;
- также под насыпью встречаются каменные оселки, глиняные биконические и керамические пряслица.

8. Погребальный обряд:

- простые овальные и прямоугольные (значительно реже) неглубокие могильные ямы;
- единично зафиксированы погребения в каменном ящике на древнем горизонте и глубокой катакомбе;
- значительное распространение имел обычай сожжения деревянных перекрытий;
- дважды отмечено преднамеренное положение на перекрытие нижней части грубых плоскодонных сосудов;
- очень часто кости в погребениях не сохраняются;
- умершие укладывались вытянуто на спине, в основном ориентированы головой на З–СЗ, для поздних погребений характерна южная ориентировка;
- известно положение под голову погребенных небольшого камня-«подушки»;
- единично известна кремация (детское сопровождающее погребение) на стороне.

9. Инвентарь:

- грубые плоскодонные и круглодонные «талькированные» сосуды (иногда встречаются совместно), в т.ч. и с трубчатым носиком-сливом;
- зеркала различных типов (с петелькой на обороте – с бортиком и без него, с «ножевидной» ручкой, медалевидное, с отогнутой закраиной и т.д.);
- бусы (удлиненные шестигранные синего и зеленого цвета, финикийского стекла и др.);
- бронзовые и железные браслеты;
- дважды найдены каменные жертвенники – клювовидный и овальный на четырех коротких ножках;
- предметы вооружения единичны.

7. Хронология:

Наиболее ранние из известных памятников (курган 2 могильника Цёлинный и курган 1 могильника Юмаш-тау-4) датируются VI в. до н.э. (возможно, его концом), наиболее поздние – примерно концом IV в. до н.э. (курган 1 погребение 1 Исянбетово, Майлыбай-2). За это время происходят значительные изменения в материальной культуре



(полностью изживаются грубые плоскодонные сосуды, на смену им приходит тальковая керамика с богатой орнаментацией, меняются типы зеркал, бус и т.д.) и в погребальном обряде (ориентировка в З–СЗ сектор сменяется на южную, в погребения начинает ставиться глиняная посуда и т.д.). Таким образом, происходит нивелировка культуры ирендыкско-крыктинской группы кочевников и ее сближение с общераспространенными в степной части Южного Урала раннепрохоровскими традициями. При этом сохраняются неизменными некоторые важные черты, относящиеся как к моменту освоения этим населением горно-степной зоны, так и к раннесакскому времени в целом (топография памятников, закономерности расположения, структура насыпей, овальные и катакомбные могильные ямы и т.д.).

Таким образом, полученные данные уже сейчас позволяют говорить о VI–IV вв. до н.э., как о времени сосуществования в Южном Зауралье двух культурных миров, которые условно можно назвать «савромато-сарматским» и «сакским». И если первые занимали равнинные степные пространства, то вторые, за небольшими исключениями, локализованы в предгорьях и горно-степной зоне хребтов Ирендык и Крыкты. Данная группа кочевников и сама не была внутренне однородной – в ее сложении приняли участие группы населения из Центрального и Северного Казахстана, а также Саяно-Алтайского нагорья (Савельев Н.С., 2006). Фактически она являлась этнокультурным реликтом таких же разнородных кочевников Южного Зауралья раннесакского времени (так называемый бобровский этап), в силу ряда причин вытесненных в горно-степную зону и долгое время сохранявших свои традиции на фоне активных контактов с носителями формирующейся прохоровской культуры.

С.Ю. Гуцалов

*Челябинский научный центр УрО РАН,
Челябинск*

МОГИЛЬНИК У С. ПЕСОЧИНО В ДНЕПРОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ПРОХОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ V–IV ВЕКОВ ДО Н.Э. В ЮЖНОРУССКИЕ СТЕПИ

Среди археологических культур юга Восточной Европы скифской эпохи видное место принадлежит прохоровской культуре, первоначальным ареалом распространения которой были степные пространства к северу от Аральского и Каспийского морей и к югу от Уральских гор (Смирнов К.Ф., 1964. С. 286–288; Мошкова М.Г., 1974; Таиров А. Д., 1998 и др.). Однако исследователи только подступают к ответу на вопрос о ее значении в этнокультурных процессах среди племен «скифского мира» Евразии в целом (см.: Таиров А.Д., 2005). Разрешению данной проблемы мешают устоявшиеся стереотипы во взглядах на сущность историко-культурных процессов у древних кочевников степной полосы Евразии в середине – второй половине I тыс. до н.э.

Так, общепринятым считается мнение, что утверждение господства «сарматов» (носителей прохоровской культуры) в Скифии состоялось не ранее III в. до н.э. (Смирнов К. Ф., 1984), а, возможно, только во II в. до н.э. (Полин С.В., 1992. С. 98, 121–123; Симоненко А.В., 2003. С. 297–303). Начало же вторжения южноуральских кочевников



в волго-донские степи сарматологи относят к концу IV в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1964. С. 286–288; Лукашов А.В., 1986. С. 80; Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995. С. 42 и др.) либо к середине этого столетия (Клепиков В.М., 1999; Мамонтов В.И., 1993 и др.). Но при этом на территории Нижнего Поволжья открыт ряд погребальных памятников, характерными чертами которых было совершение коллективных захоронений в широких прямоугольных могилах с ортогональным расположением костяков и обязательной южной ориентировкой (рис. 1), относящихся к рубежу V–IV вв. до н.э., в крайнем случае – к началу IV в. до н.э. (см., например: Клепиков В.М., 1999. Рис. 4; Дремов И. И., Семенова И.В., 2003. С. 131–134). Эти погребения связываются с начальным этапом миграций древних кочевников Южного Урала на запад. Приурочены они к территории Заволжья и кромке леса и степи на Средней Волге. Отдельные погребения известны и в Волго-Донское междуречье (Жутово, курган 34). Однако отрешиться от устоявшихся представлений трудно, поэтому авторы предпочитают по традиции относить их к IV в. до н.э., а не к более раннему времени. Замечу, что в этих же районах одновременно получают распространение катакомбные захоронения с южной ориентировкой костяков, насыщенные оружием, в которых встречается круглодонная посуда с примесью талька в тесте (Мамонтов В.И., 1993; Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995; Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 2000. Рис. 13–16). Представляется, что эти памятники маркируют первую волну миграций носителей прохоровской культуры на запад. То есть регионами первоначального освоения кочевниками с востока на этом этапе было междуречье Волги и Урала и лесостепная зона.

Логично предположить, что аналогичные погребальные комплексы этого же времени в лесостепной зоне можно встретить еще западнее. Я не стану сейчас заострять внимание на ярких памятниках среднедонской культуры, где с конца V в. до н.э. получили распространение курганы воинской элиты со сложными деревянными сооружениями в дромосных могилах с преобладающей ориентировкой покойников головами на юг или север (Пузикова А.И., 2001; Савченко Е.И., 2004), анализ которых требует отдельного исследования, а остановлюсь на материалах синхронных погребений из днепровской лесостепи. Наиболее ярким в их ряду является могильник у села Песочино в лесостепной зоне Северского Донца.

Могильник у села Песочино находился на юго-западной окраине Харькова, на правом берегу реки Лучки и состоял из нескольких десятков земляных курганов, из которых были раскопаны 35. Все они относятся к одному хронологическому этапу – середине V – концу IV в. до н. э. Причем количественно преобладают комплексы, датированные серединой – второй половиной IV в. до н.э. (Бабенко Л.И., 2005. С. 171).

К характерным чертам погребального обряда здесь относятся (рис. 2):

1) сооружение курганов в один строительный прием, причем в отдельных случаях засвидетельствовано наличие плиток дерна толщиной 2–3 см, использованных при сооружении погребального объекта;

2) архитектурной особенностью курганов является наличие в них деревянных склепов, сооруженных на уровне древней дневной поверхности. Среди таковых имеется «сруб», состоявший из опорных столбов, обшитых вертикальными брусками, нижние концы которых крепились во рву, вырытом по периметру склепа. Не исключено, что в ряде случаев были представлены шатровидные надмогильные конструкции (Там же, 2005. С. 48–49);

3) укладка материкового выкида вокруг могилы;

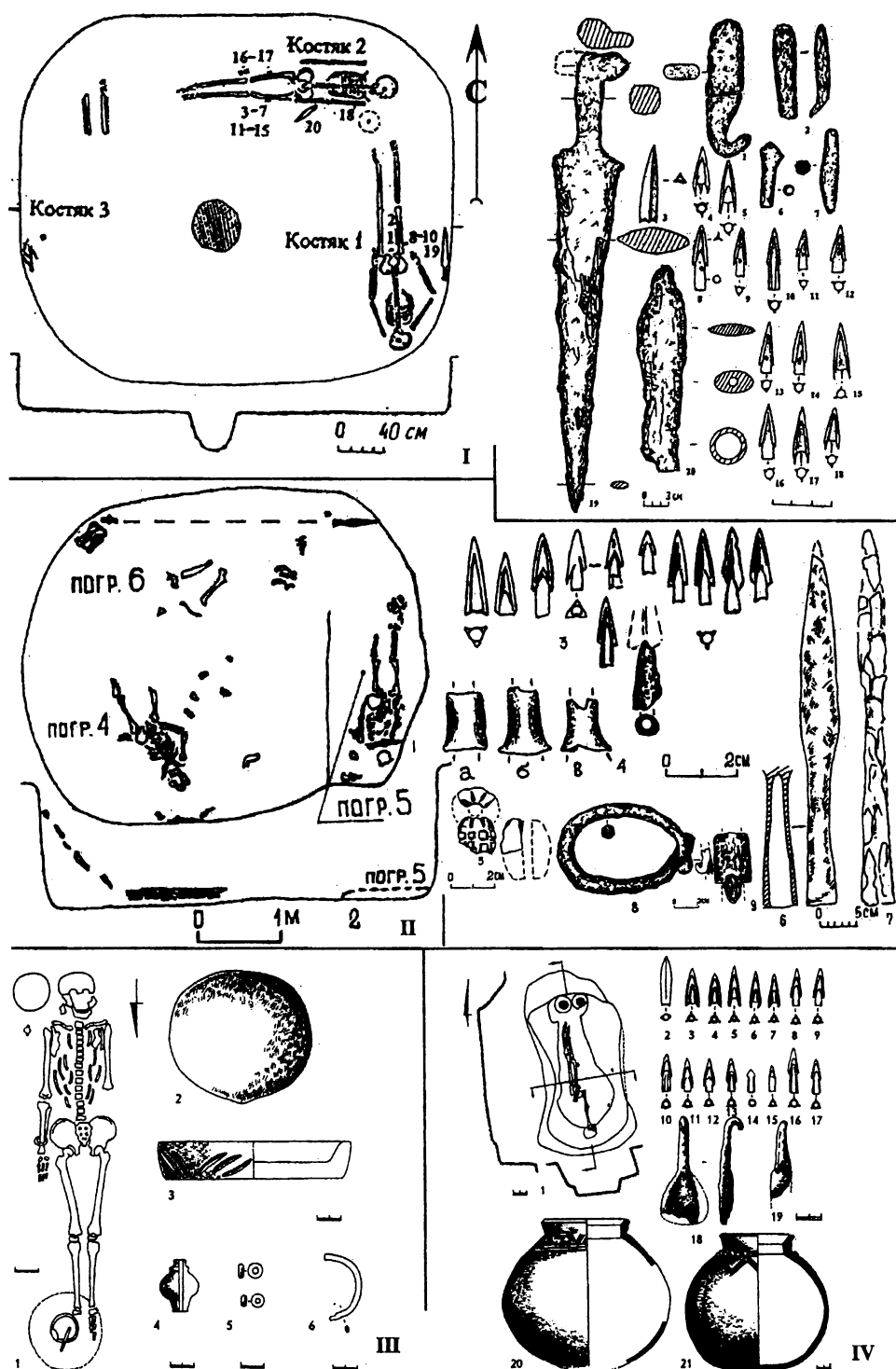


Рис. 1. I – план погребения и находки из кургана № 4 у с. Березовка (по: Дремов И.И., Семенова И.В., 2003) (номера рисунков соответствуют нумерации на плане), 1, 2, 6, 7, 19, 20 – железо; 3 – кость; 4, 5, 8–18 – бронза. II – Жутово, курган № 34, погребения 4–6 (по: Клепиков В.М., 1999): 2 – погр. 4–6; 3 – бронзовые и железный наконечники стрел; 4 – бронзовые ворворки; 5 – бусина из песчаника; 6–7 – железные наконечники копий; 8 – железное кольцо; 9 – железный вток копья. III – могильник Красносамарский I, курган № 1, погребение 1 (по: Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 2000): 1 – план погребения; 2 – бронзовое зеркало; 3 – каменный алтарь; 4 – глиняное пряслище; 5 – стеклянные бусы; 6 – обломок железного браслета. IV – могильник Новопавловский, курган № 10, погребение 1 (по: Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А., 2000): 1 – план погребения; 2–17 – бронзовые наконечники стрел; 18 – железный колчаный крючок; 19 – обломок железного ножа; 20–21 – глиняные сосуды

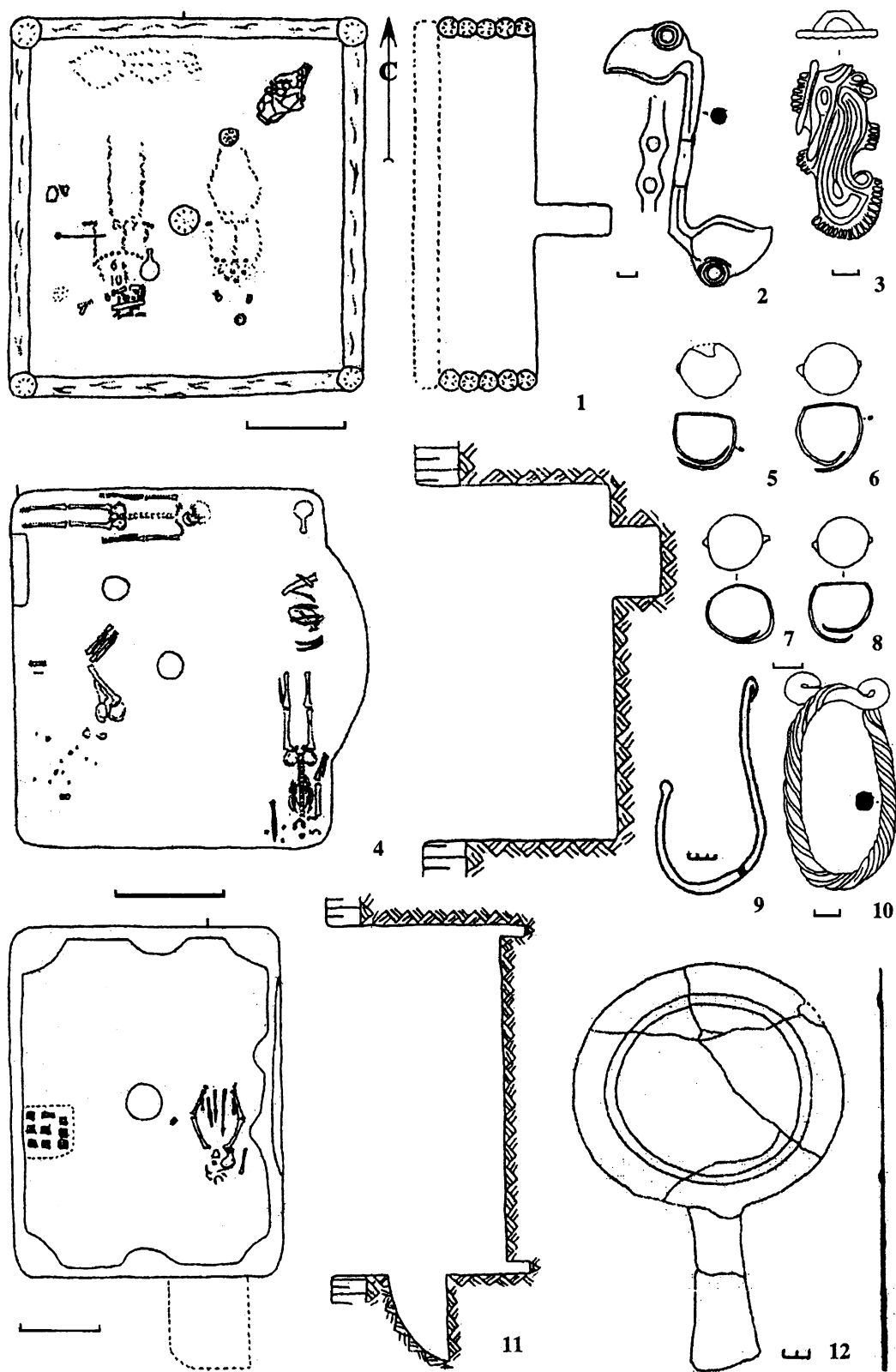


Рис. 2. Могильник Песочино (по: Бабенко Л.И., 2005): 1 – план и разрез погребения 1 кургана № 8; 2 – бронзовый псагий из кургана № 2; 3 – бронзовая уздечная проница из кургана № 7; 4 – план и разрез погребения кургана № 25; 5, 6 – золотые перстни из кургана № 8; 7, 8 – серебряные перстни из кургана № 6; 9 – железный крючок из кургана № 33; 10 – железное кольцо из кургана № 5; 11 – план и разрез погребения кургана № 9; 12 – бронзовое зеркало из кургана № 8



4) в пяти курганах на уровне погребенной почвы прослежены следы кострищ¹;

5) как правило, под курганами находилась одна могильная яма. В курганах высотой до 1 м были представлены простые прямоугольные ямы с ровным горизонтальным дном (около 50%) или же со ступенькой вдоль длинной (восточной) стенки. Один раз (курган № 28) обнаружена катакомба, относящаяся к первому варианту второго типа, по типологии В.С. Ольховского (1991. С. 27). В больших курганах наличествуют ямы с канавкой по периметру дна, использовавшейся для крепления деревянной облицовки могилы (курганы № 5, 16), или же со столбовой конструкцией при обязательном наличии центрального столба. Иногда фиксировалось сочетание последних двух признаков;

6) в одном случае предполагается кремация покойных на уровне погребенной почвы, но преобладающим является обряд трупоположения. В индивидуальных захоронениях доминирует положение покойников головой на юг – 5; на запад и на север – по 3, на восток – 1. В коллективных погребениях наблюдается ортогональное расположение скелетов, среди которых обязательно положение одного из них головой на юг. В целом можно констатировать господство южной ориентировки покойников, которая проявилась в первую очередь в элитарных захоронениях;

7) наличие в отдельных курганах захоронений коня и предметов конского снаряжения.

Показательно и то, что среди заупокойного инвентаря наиболее широко представлены предметы вооружения: наконечники стрел (до нескольких сотен штук в отдельных погребениях), наконечники копий, дротиков и втоки от них (обнаружены в 11 могилах) и защитное вооружение – пластинчатый панцирь, остатки щита(?) с железным пластинчатым покрытием и кожаный пояс с бронзовым пластинчатым покрытием. Эти находки часто сочетаются с предметами античного импорта (посуда и украшения) (Бабенко Л.И., 2005. С. 67–68).

Таким образом, в данном некрополе явно проявилась культурная неоднородность проживающего здесь кочевого населения, вероятно, тесно связанная с социальной дифференциацией общества. В частности, это разнообразие выражается в устройстве деревянных гробниц, которые характерны именно для курганов больших размеров. Данный признак погребального обряда в целом был характерен в скифскую эпоху для памятников Днепровского левобережья, но в предыдущее время был распространен, главным образом, в Посулье (Ильинская В.А., 1968). На Среднем Дону в VI–V вв. до н.э. аналогичные памятники отсутствовали – там они появляются синхронно с северскодонцовскими (см.: Пузикова А.И., 2001; Савченко Е.И., 2004).

С другой стороны, могилы со столбовыми деревянными конструкциями были широко распространены по всей днепровской лесостепи еще в раннескифскую эпоху (Ильинская В.А., 1968. С. 81, 82; Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. 1980. С. 31–35; Радзиевская В.Е., 1985. С. 257–260). Правда, нельзя это уверенно утверждать о характере обрядности в предшествующее время. При этом в степях Северного Причерноморья встречаются отдельные погребения этой разновидности гробниц (Ольховский В.С., 1991. С. 40–41).

¹ Такой признак, как значительное распространение различных форм ритуального применения огня (сожжение деревянной гробницы, разведение кострищ на погребальной поверхности, зольные пятна в могилах и насыпях, использование пережженной глины при сооружении насыпи), я опускаю, в силу того, что в настоящий момент многие из перечисленных положений подвергаются сомнению на предмет их принадлежности к культу огня.

Сложно говорить о культурной преемственности населения лесостепи и в такой особенности погребального ритуала, как южная ориентировка погребенных. После широкого распространения в раннескифское время в Посулье (Ильинская В.А., 1968) и Поросье (Совпаненко Г.Т., 1981) в Поднепровье она исчезает как в лесостепной, так и в степной зонах (Ольховский В.С., 1991. С. 67). Ее распространение в песочинском некрополе в тесной увязке с коллективными захоронениями и ортогональной ориентировкой скелетов заставляет видеть ближайшие параллели названным чертам обряда среди древностей прохоровской культуры южноуральских степей, где они появились в конце VI – V в. до н.э. (Кадырбаев М.К., 1984. С. 86–88; Пшеничнюк А.Х., 1983. С. 53–54, 82–83; Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988. С. 141–159) (рис. 3). Важно, что как здесь, так и на Южном Урале эти воинства ритуала проявили себя в первую очередь в погребениях кочевой элиты, дав основание исследователям удреbnить прохоровскую культуру вплоть до VI в. до н.э. (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988; Пшеничнюк А.Х., 1995; и др.).

В этом плане интересными являются еще и восточные аналоги элементов обряда и материальной культуры, зафиксированные в курганах у села Песочино. Речь идет о катакомбе из кургана № 28 и нише, прорытой в боковой стенке могилы кургана № 9. До V в. до н.э. в Северном Причерноморье были распространены катакомбы I типа (Ольховский В.С., 1991. С. 56, 66). И в Южном Приуралье, кстати, они появляются не ранее IV в. до н.э. (Мещеряков Д.В., 1996; Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В., 1999), а в Южном Зауралье, скорее всего, на рубеже V–IV вв. до н.э. (Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г., 2001). Территорией, где традиция совершения погребений в могильных ямах с подбоем и катакомбах сохранялась на протяжении всей первой половины I тыс. до н.э., является Северный и Северо-Западный Китай (Таиров А.Д., 2005). Могилы с нишами в стенках в степях Восточной Европы в предшествующий период тоже были неизвестны; они также обнаруживаются значительно восточнее Южного Урала – в могилах скифского времени Северного Китая, где кости животных укладывались в определенном порядке в головах погребенного в специальной нише (могильники Маоцингоу, Таохунбала и др., относящиеся к VI–III или V–III вв. до н.э.) (Таиров А.Д., 2005). С начала IV в. до н.э. этот элемент обряда стал известен и в Южном Приуралье (Родионов В.В., Гуцалов С.Ю., 2000).

Помимо вышеперечисленных свойств, стоит обратить внимание и на состав сопровождающего заупокойного инвентаря из курганов у села Песочино. Среди таковых бросается в глаза бронзовое зеркало из кургана № 8 (см. рис. 2, 12). Оно имеет широкий невысокий валик по краю и украшено циркульными кругами по центру диска. Бронзовые зеркала этого типа получают распространение у кочевников Заволжья в погребениях IV в. до н.э. в могильнике Лятошинка (Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995) и Среднего Дона в погребениях могильника у сел Терновое и Колбино, датированного второй половиной IV в. до н.э. (Гуляев В.И., 1998. С. 163). Однако и там они являются, скорее всего, привнесенными с востока, так как аналогичные им экземпляры встречены в Приуралье в кургане у хутора Веселый под Акбулаком (Смирнов К.Ф., 1964. Рис. 38); в Южном Зауралье в могильниках: IV Ивановские, курган № 2; Альмухаметово, курган № 6, курган № 14 (Пшеничнюк А.Х., 1983. Табл. XXIX, 2; XXXI, 2; XXXVII, 2) со второй половины V в. до н.э. И не исключено появление этого типа зеркал с территории Центральной Азии. По крайней мере, самая ранняя находка близкого по форме зеркала встречена в кургане Иссык в Семиречье (Акишев К.А., 1978). Показательна находка в кургане № 33 колчанного крючка, выкованного из железного прута, верх которого закручен в петлю (рис. 1, 9), – до IV в. до н.э. в погребениях кочевников Восточной Европы этот тип не представлен.

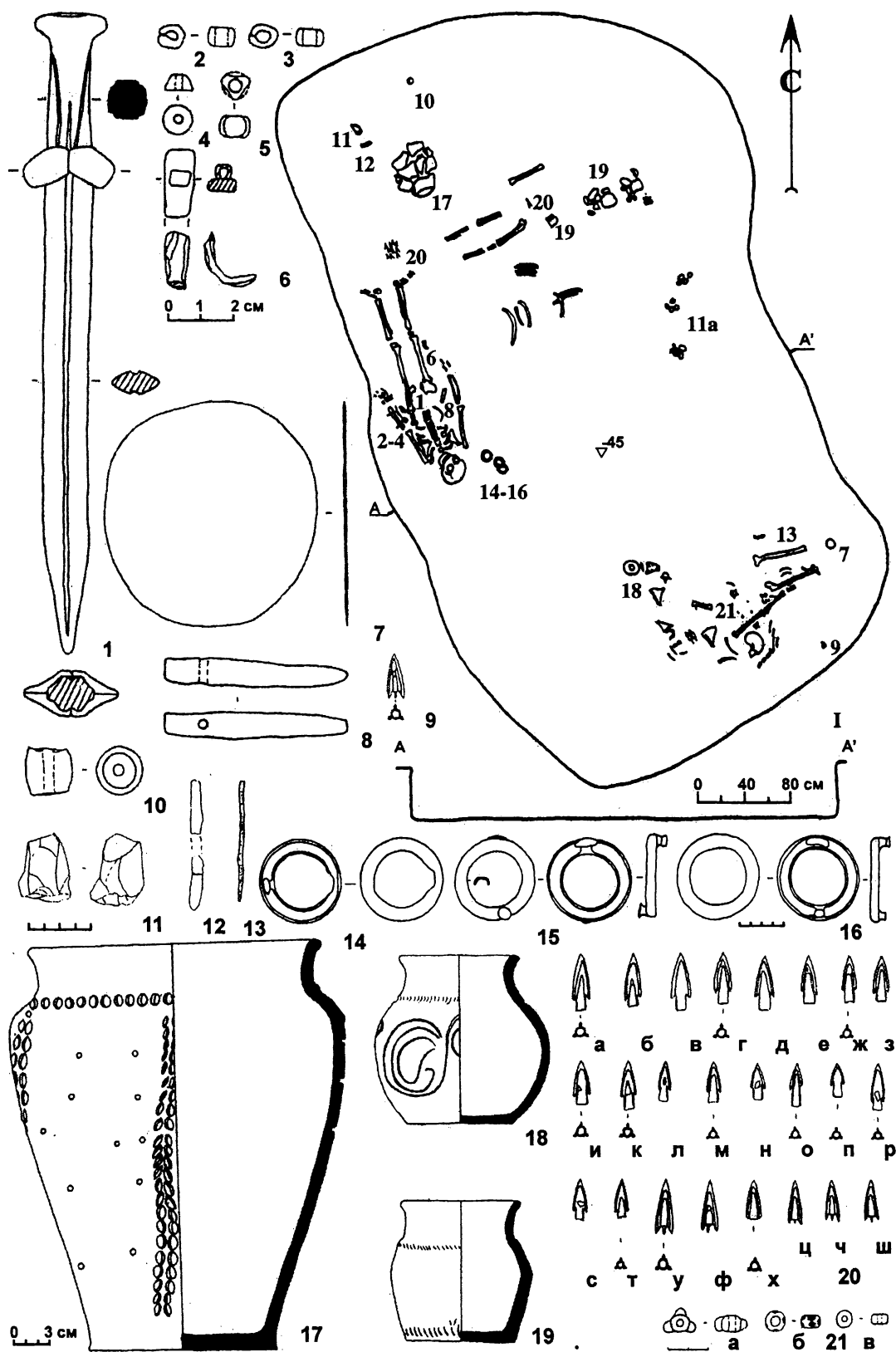


Рис. 3. Могильник Танаберген II (курган № 3, погребение 1). План и инвентарь (номера рисунков соответствуют нумерации на плане): 1-4, 6, 7, 12, 13 – железо; 5, 21 – стекло; 8, 11 – камень; 7, 9, 14-16, 20 – бронза; 10, 17-19 – глина

В южноуральских степях он распространяется на рубеже V–IV вв. до н.э. вместе с плоскими каменными (и глиняными) алтариками круглой формы и иными новациями прохоровской культуры, широко распространенными среди древностей саргатской культуры лесостепной зоны Западной Сибири (Полосьмак Н.В., 1987. Рис. 49.19; 60.4). Стоит также заметить, что в песочинском некрополе фиксируется новый тип украшений – перстни с плоским щитком круглой или овальной формы, получившие распространение в Скифии с IV в. до н.э. (Петренко В.Г., 1978. С. 68) (рис. 2, 5–8).

Таким образом, имеются достаточные основания для утверждения того, что могильник у села Песочино конца V – IV в. до н.э. имеет очень много черт инновационного характера. Данное наблюдение подтверждается выводами скифологов о характере культурогенеза в лесостепной зоне Восточной Европы. Так, по мнению Ю.Н. Бойко, «...в степях Северного Причерноморья с VII по III в. до н.э. сменилось несколько этнических групп ираноязычных кочевников, объединяемых общим названием “скифы”; наибольшими являлись различия между скифами I и II хронологических периодов. Нет оснований для утверждений о каком-либо существенном присутствии скифов в Лесостепи. Отдельные группы кочевников, вытесняемых из Степи новыми завоевателями, что проявляется в эффекте “запаздывания” связей, оседали на ограниченной территории луговой степи между Тясмином и притоком Южного Буга. Для Левобережья более актуальными, по крайней мере с конца архаики, были связи с кочевниками савромато-сарматского мира» (Бойко Ю.Н., 1993. С. 24).

С учетом фиксации параллельных культурных явлений в лесостепной зоне Поволжья и в Заволжье, полагаю, есть резон говорить о значительном импульсе, воздействовавшем на культуру населения степной зоны Восточной Европы опосредованно через кочевников Южного Урала. И, скорее всего, речь идет о миграциях достаточно большого массива племен центрально-азиатского происхождения.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект 05-01-85118а/У).

М.С. Стрижак

*Московский государственный университет,
Москва*

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ПРИУРАЛЬЯ И ПОВОЛЖЬЯ VI–IV ВЕКОВ ДО Н.Э.

К настоящему времени в науке сформировались определенные представления о положении, роли и месте женщины в «савроматской» культуре. Здесь имеются в виду кочевники, условно называемые «савроматами» в соответствии со сложившейся традицией в археологии. Термин условен по нескольким причинам, одна из которых – то, что степи Южного Приуралья не были населены теми савроматами, о которых рассказывает Геродот, и, хотя это были не тождественные, однако, возможно, родственные племена. Именно с «савроматами» принято связывать легенды об амазонках – женщинах-воительницах, широкое отражение преданий о которых встречается в античной литературе, искусстве, вазописи. Особенно утвердился в научной литературе и повлиял на последующие представления о женщинах «савроматской» культуры образ, созданный

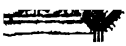


древними авторами Геродотом и Псевдо-Гиппократом (женщины вместе с мужьями и без них ездят верхом, выезжают на охоту, выступают в поход, стреляют из лука и бросают копья, носят одинаковую одежду с мужчинами, а также – девушка не выходит замуж, пока не убьет врага). Впервые подняв «женскую» тему, М.И. Ростовцев пробудил к ней живой интерес многих исследователей (Ростовцев М.И., 1918. С. 78; 1925. С. 110; 2002. С. 89). В 1947 г. Б.Н. Граков в своей статье, доказывая существование отдельной единой культуры (названной савроматской) на территории от Дона до Южного Приуралья и соотнося ее с «савроматами» Геродота, привлекал в качестве одного из доказательств женские погребения с предметами вооружения и с жертвенниками, открытые на этой территории. Говоря о многочисленных захоронениях «женщин, стрелков из лука», свойственных блюменфельдскому («савроматскому») этапу, он, тем самым как бы подтверждая письменные источники, формирует устоявшееся затем представление о женщинах «савроматской» культуры как о воительницах. Подчеркивая особо высокий статус женщин у «савроматов», Б.Н. Граков усматривал в этом пережитки матриархального рода (Граков Б.Н., 1947). Предложенная концепция нашла как сторонников (Синицын И.В., 1960. С. 198; Виноградов В.Б., 1963. С. 96; Смирнов К.Ф., 1964. С. 200–211; Толстов С.П., 1948. С. 325–331), так и противников (Шилов В.П., 1959. С. 430–432; Берхин-Засецкая И.П., Маливицкая И.Я., 1965. С. 143, 153; Смирнов А.П., 1966. С. 85; 1971. С. 188–191). Но основная идея о высокой роли женщин и их участии в военной и религиозной жизни, об относительном равенстве с мужчинами, самостоятельности, которую исследователи подтверждали, ссылаясь на наличие в женских захоронениях предметов культа и вооружения, со временем утвердилась как общепризнанная.

При обращении к источникам (архивным и опубликованным материалам «савроматских» комплексов) выяснилось, что число погребений, которые достоверно могут считаться женскими, невелико. Для большей части захоронений не были сделаны антропологические определения, и погребения трактовались как женские или мужские на основании погребального инвентаря. Так, к традиционно женскому инвентарю принято относить украшения, зеркала, раковины, пряслица, иглы, шилья, проколки, костяные ложечки; а к мужскому – предметы вооружения, конскую сбрую. Руководствуясь наличием каких-либо из этих вещей в могиле, археологи даже долгое время уверенно давали определение пола погребенного. В настоящей работе были выделены и проанализированы комплексы, меньше подвергнутые разрушению и с единственным костяком в погребальной камере. Из более 460 погребальных комплексов Волго-Уральского региона, относящихся к периоду VI – начала IV в. до н.э., только для 63 были сделаны антропологические определения пола. Из них 36 погребений с территории Приуралья и 27 – Поволжья.

Предметы вооружения встречаются в 24 погребениях из 63 данной выборки. Наконечники стрел обнаружены в 22 захоронениях и во всех 22 в мужских погребениях. Число наконечников в могилах колеблется от одного экземпляра до сотни: одиночные стрелы обычно лежат среди костей погребенного, от нескольких и больше находятся плотными скоплениями, видимо, лежали в колчанах.

Мечи и кинжалы присутствуют в 10 погребениях, 7 из которых относятся к мужским и 1 кинжал к женскому захоронению. В 8 случаях из 10 кинжалы и мечи находились в погребении с наконечниками стрел. В женском погребении (Барановка I, курган 8, погребение 1), кроме кинжала, имелись 1 бусина, нож, кости животных, т.е. также не было ни одного предмета из тех, которые принято считать характерным для женского погребения, да и сам набор можно считать скорее характерным для мужских захоронений. Бусины



не следует считать маркёром женского погребения, т.к. в числе от 1-2 они часто встречаются в мужских захоронениях, возможно, как деталь украшения ножен или колчана. Здесь следует отметить, что антропологические определения пола погребенного из этого захоронения были сделаны на основании замеров черепа, а, по мнению многих антропологов, такие определения дают погрешность, т.е. могут быть не верны до 10 % случаев.

Барановка I курган № 8, погребение 1 – это единственное антропологически определенное женское погребение «савроматской» культуры, содержащее предмет вооружения, что, к сожалению, является недостаточным для подтверждения традиционных представлений о воинственности «савроматских» женщин. Говоря о «савроматских» пучницах, Б.Н. Граков, не имея антропологических определений, сам давал определение пола по вещи, находящейся в захоронении (Граков Б.Н., 1947. С. 116, 118 и др.). Подобным образом поступали и многие другие археологи. Один из поводов для формирования представления о женщинах, как воительницах, у кочевников Приуралья и Поволжья дал К.Ф. Смирнов, заявив о наличии у «савроматов достоверно женских погребений с оружием или конской сбруей... (не менее 20 % от всех могил с оружием и конской сбруей)» (Смирнов К.Ф., 1964. С. 201). Но не совсем ясно, что это были за погребения и были ли для них сделаны антропологические определения пола. Вероятнее всего, определения были сделаны не для всех захоронений, и К.Ф. Смирнов также мог относить погребение к женскому или мужскому по составу инвентаря, считая некоторые предметы характерными для женских погребений (Смирнов К.Ф., 1964. С. 102–103). Тем не менее, это положение закрепилось в археологии, и исследователи, впоследствии обращавшиеся к теме вооруженных женщин, оперировали приведенными К.Ф. Смирновым данными – 20 %, тем самым еще более укрепляя сложившиеся представления (см. напр.: Смирнов А.П., 1971. С. 189; Мирошина Т.В., 1990. С. 168; Бози Ф., 1994. С. 24 и др.). На основании анализа данной выборки видно, что предметы вооружения не являются характерным инвентарем женских погребений, тем самым не подтверждая представлений об участии «савроматских» женщин в военных действиях. Несмотря на этот факт, нельзя с уверенностью говорить об отсутствии вооруженных женщин в «савроматской» культуре, в частности, из-за небольшого количества антропологически определенных погребений.

Любопытно, что в последнее время не подтверждается и бытовавшее до этого представление о скифских женщинах, как о скромных хозяйках домашнего очага, которым противопоставлялись «савроматские», участвовавшие в войне наравне с мужчинами, – мнение, которое сохранялось в науке до открытия многочисленных женских погребений с оружием у скифов. В целом исследователи отмечают неоднородность этих захоронений, их достаточно высокий социальный статус. Большинство высказывается за то, что женщины-воительницы составляли особую социальную группу; из-за отсутствия тяжелого вооружения в погребениях предполагается, что формировавшиеся женские отряды выступали в качестве вспомогательных (Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. С. 176–182; Фиалко Е.Е., 1991. С. 4–16; Гуляев В.И., 2001. С. 29).

В дальнейшем планируется подробный анализ 460 погребений VI–IV вв. до н.э., с учетом возможного выделения предметов инвентаря, характерных более для женских или мужских погребений, а также подобное исследование планируется осуществить для раннесарматского этапа, хотя уже на сегодняшний день собранный материал не позволяет говорить о существовании женских вооруженных отрядов у ранних сармат: из 260 антропологически определенных погребений содержат предметы вооружения 76, всего 6 из которых женские.



И.В. Ульянов, А.А. Ульянова
Троицкий филиал ГОУВПО «ЧелГУ»,
Троицк

ВОИНСКИЕ КУЛЬТЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (к постановке вопроса)

Социальной структуре ранних кочевых обществ евразийских степей посвящено довольно много работ. В целом, кочевое общество рассматривается как общество, находящееся на раннегосударственном, предгосударственном уровне и на стадии «военной демократии». Социальная дифференциация в подобных племенных объединениях могла достигать сложностратифицированного уровня, когда из общего коллектива соплеменников выделялись группы людей, специализирующихся на выполнении религиозных, управленческо-организационных, военных функций.

Наиболее завершенный характер подобного разделения общества на профессионально-сословные страты являет нам древнеиндийское общество Ариев с их Варнами: брахманов, кшатриев и вайшья. Подобное же трехчастное деление скифского общества Северного Причерноморья на жрецов, воинов и «пахарей» прослеживается в работах Ж. Дюмезиля (Дюмезиль Ж., 1982).

Однако в современной археологической литературе поиск аналогичной стратификации в среде восточных соседей скифов – савроматов, сарматов и саков, принял ярко выраженный половой характер. Вслед за работой Б.Н. Грекова «Пережитки матриархата у сарматов» (1947) стало общепризнанным выделение профессионально-социального статуса высших «сословий» в соответствии с половой детерминатой. Условно говоря, женщины – жрицы, их «мужья» – воины и вожди.

В то же самое время возросшая роль воинского сословия, появление крупных племенных вождей объясняется исключительно социально-экономическими и политическими причинами (Таиров А.Д., 2000. С. 152–153; Павленко Ю.В., 1989. С. 115–116). Оставаясь целиком и полностью на позициях «классического» определения появления военной знати в кочевой среде в ходе ухудшения военно-политической обстановки в среднеазиатском регионе и в силу внутреннего общественного развития, в данной работе мы хотели бы остановиться на поисках идеологической основы легитимизации воинского сословия.

В условиях, когда религия являлась основополагающей базой мировоззренческого поведения, выделение целого слоя людей, не занятых в повседневном процессе производства общественного продукта, чьим уделом отныне становилась война и добыча того же самого общественного продукта насильственными методами, требовало определенного идеологического оправдания, подчас на уровне дихотомии – «мы»–«они». По нашему мнению, это должно было в первую очередь находить свое отражение в специфических формах проявления обрядово-культовой деятельности.

К сожалению, письменные источники не дают нам подтверждения существования специфических воинских культов ранних кочевников Южного Урала. Античные авторы говорят о воинственности кочевников вообще, о их крайней милитаризованности, практически не разделяя и не выделяя их страт. Однако ряд исторических аналогий все же заставляет нас думать об их наличии. Из числа наиболее ярких следует упомянуть европейскую средневековую политическую доктрину епископов Адальберта Ланского



и Жерара Камбрейского с их делением общества на «трудящихся», «молящихся» и «воюющих» (Средневековая Европа... 1994. С. 19). Исследователями однозначно трактуется данное положение, как присущее всем индоевропейским народам устоявшееся деление на три части. И если подобный взгляд смог преодолеть и преломить христианский менталитет, то что же говорить о тех временах, когда в обществе индоевропейцев господствовало язычество.

В данной работе мы не ставим себе цели дать окончательный ответ о сущности и видовом разнообразии воинских культов ранних кочевников Южного Урала. Здесь больше вопросов, чем ответов. Однако мы попытаемся проследить основные пути решения проблемы на основе археологических источников.

Все воинские культы целесообразно было бы разделить на две большие сферы, взаимопересекающиеся и взаимопроникающие друг в друга. Первая будет связана с обыденно-практической деятельностью и воплощаться в конкретных предметах, часть из которых попадала в могилы воинов в качестве погребального инвентаря. К этой сфере логично отнести проявления культа меча (не вооружения вообще, а именно оружия ближнего боя), культа коня (боевого, «Солнечного»), а также культа хищника, зверя или птицы.

Кульм меча символизировал, прежде всего, личную храбрость и мужество воина. От умения владеть мечом во многом зависела жизнь воина в ближнем бою, где практически не было места случайности, гибели от «шальной» стрелы. Кульм меча (Ареса) – один из основополагающих скифских культов.

Напрямую с этим связано искусство украшать мечи изображениями хищных животных или птиц. Среди прочего оружия следует особо выделить тип меча с когтевидным навершием и почковидным (бабочковидным) перекрестием. Обращенный острием клинка вверх, он всем своим видом напоминал орла, восседающего на вершине горы. Не случаен тот факт, что мечи именно такого типа составляют значительный процент среди случайных находок на территории Южного Урала. По нашему мнению, они могут быть не связаны с погребальными сооружениями, а представлять собой элементы святилищ «Ареса».

К этой же сфере обрядово-практических культов следует отнести и особое предпочтение к цветовой гамме вещей, так или иначе связанных с принадлежностью к воинскому сословию. Как известно, цвет варны кшатриев – красный, и именно с этим цветом связан целый ряд вещей, соотносимых с предметами воинов: окрашенные в красный цвет древки стрел, ножны, луки, седла и т.д.

Вторая сфера напрямую связана с погребальными традициями. Естественно, что элементы первой сферы составляли важную часть погребальной практики воинских захоронений. Хотелось бы привести в данном контексте одно наблюдение. В традициях индоевропейских народов принято выделение особого места в загробном мире, куда попадают души особо отличившихся в бою воинов, героев. Это Вальхалла у скандинавов, Елисейские поля у древних греков и т.д. Смеем предположить, что подобная Вальхалла была и у ираноязычных воинов евразийских степей. Следовательно, чтобы достичь ее, при погребении необходимо было выполнить ряд обязательных требований в ритуале, в сооружении погребальной конструкции и т.п. В данном контексте особую роль играли «средства доставки» души умершего к месту своего загробного пребывания. Вероятное месторасположение «воинского рая» на небе, рядом с богами, требовало участия здесь «средств», так или иначе связанных с воздушной и солнечной стихиями – дым от погребальных костров и коней.



И последнее. В связи с вышесказанным, обращает на себя внимание факт обнаружения в женских могилах костей лошади или целых костяков коней. Процент данных захоронений довольно невысок. Хотелось бы для данной категории умерших предположить их прижизненный социальный статус и определить носителей данного статуса как «лиц женского пола, принадлежащих к сословию воинов». Женщин, относящихся к данной категории, уместнее было бы назвать не «амазонками», термином, вполне прижившимся в археологии, а «кшатриянками». Понимая всю условность как первого, так и второго наименования, хотелось бы пояснить терминологическую разницу. «Амазонка» – женщина-воин по роду занятий, «кшатриянка» – женщина-воин по факту своего рождения и социальному статусу.

Наши высказывания носят предварительный характер и в ходе дальнейшего изучения данного явления в религиозно-мировоззренческих представлениях ранних кочевников могут быть существенно скорректированы.

С.Н. Заседателева

*Орский историко-краеведческий музей,
Орск*

ПРОХОРОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НОВО-КУМАКСКОГО МОГИЛЬНИКА. К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Курганы Ново-Кумакского могильника расположены группами на возвышенности восточной окраины г. Орска, западнее поселка Новый Кумак (ранее Новоорского района) на протяжении 7–8 км. Восточную группу этого могильника исследовала в 1958, 1959, 1962 гг. Оренбургская экспедиция Института археологии АН СССР и Оренбургского краеведческого музея под руководством М.Г. Мошковой (Мошкова М.Г., 1962). В 1971–1973 гг. исследование могильника продолжила экспедиция Института археологии АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова (Смирнов К.Ф., 1977).

В 1979–1994 гг. Орская археологическая экспедиция под руководством автора раскопала 12 курганов, в которых обнаружены погребения бронзового (Заседателева С.Н., Ткачев В.В., 2000), раннего железного веков, эпохи средневековья (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988).

III группа (северо-западная) из курганов с земляными насыпями находится северо-западнее курганов, раскопанных К.Ф. Смирновым у обелиска Славы (Смирнов К.Ф., 1977), в 3–4 км северо-западнее-западнее корпусов завода тракторных прицепов, на северном конце улицы Братская г. Орска.

Курган № 3. Курган располагался в центре могильной группы. Насыпь кургана диаметром 14 м и высотой 0,66 м имела более пологий восточный и южный склоны. По основанию и в центре просматривались камни. В центре кургана имелась воронка диаметром 2 м, глубиной 0,2 м. Курган раскапывался вручную с оставлением двух бровок шириной 0,4 м, ориентированных по линиям С–Ю, 3–В (рисунок, 1). В центре под дерновым слоем, представлявшим собой гумусированную супесь, на глубине 0,15–0,2 м обнаружены следы кострища, вытянутого с севера на юг на 4,7 м и с запада на восток –



на 3–3,5 м. Верхняя часть его состояла из обожженной земли красного цвета, ниже которой прослеживался слой золы и древесного угля. В центре, на площади $1,3 \times 0,9$ м, следы костра отсутствовали. Внутренние края кострища полого спускались в воронку. Внешние находились на валах могильного выброса, состоявшего из желтой материковой супеси с галькой и лежавшего на уровне погребенной почвы (глубина 0,5 м от нулевой точки). Ширина валов 1,3–3 м, мощность – 0,15–0,3 м. В 4,5–5,5 м от центра обнаружено кольцо из каменного плитняка шириной до 3 м, лежавшее на уровне погребенной почвы (рисунок, I).

Инвентарь в насыпи

Фрагменты лепного сосуда (часть горловины и плечиков) (рисунок, III, 4) обнаружены в 0,9–2 м северо-западнее центра на глубине 0,2 м (рисунок, I). Сосуд имел прямую широкую горловину, переходящую в тулово со слабо раздутыми в верхней части боками. Широкий, ровно срезанный венчик плавно переходит в небольшое ушко, возвышающееся над краем на 2 см. Вероятно, их было два. Форму дна установить не удалось. Из 20 фрагментов нет ни одного от донной части. На линии перехода горловины в тулово расположены две каннелюры, ниже – горизонтальная полоса из ногтевидных вдавлений. От нее опускаются вниз гирлянды из таких же вдавлений. Пространство между гирляндами и горизонтальной полосой заполнено косыми прочерченными линиями. Стенки горловины очень толстые (1,6–2 см). Толщина стенок тулова 0,6 см. Коричневое тесто рыхлое, комковатое, с добавлением большого количества талька. На внутренних стенках имеются остатки пригоревшей пищи. Фрагменты этого же сосуда обнаружены в двух метрах юго-западнее центра на глубине 0,2 м (рисунок, I).

Два бронзовых браслета (рисунок, III, 1) из проволоки диаметром 0,3 см, скрученных между собой, найдены в 1 м северо-западнее центра (рисунок, I). Три конца браслетов имеют следы заточки, острие одного обломано.

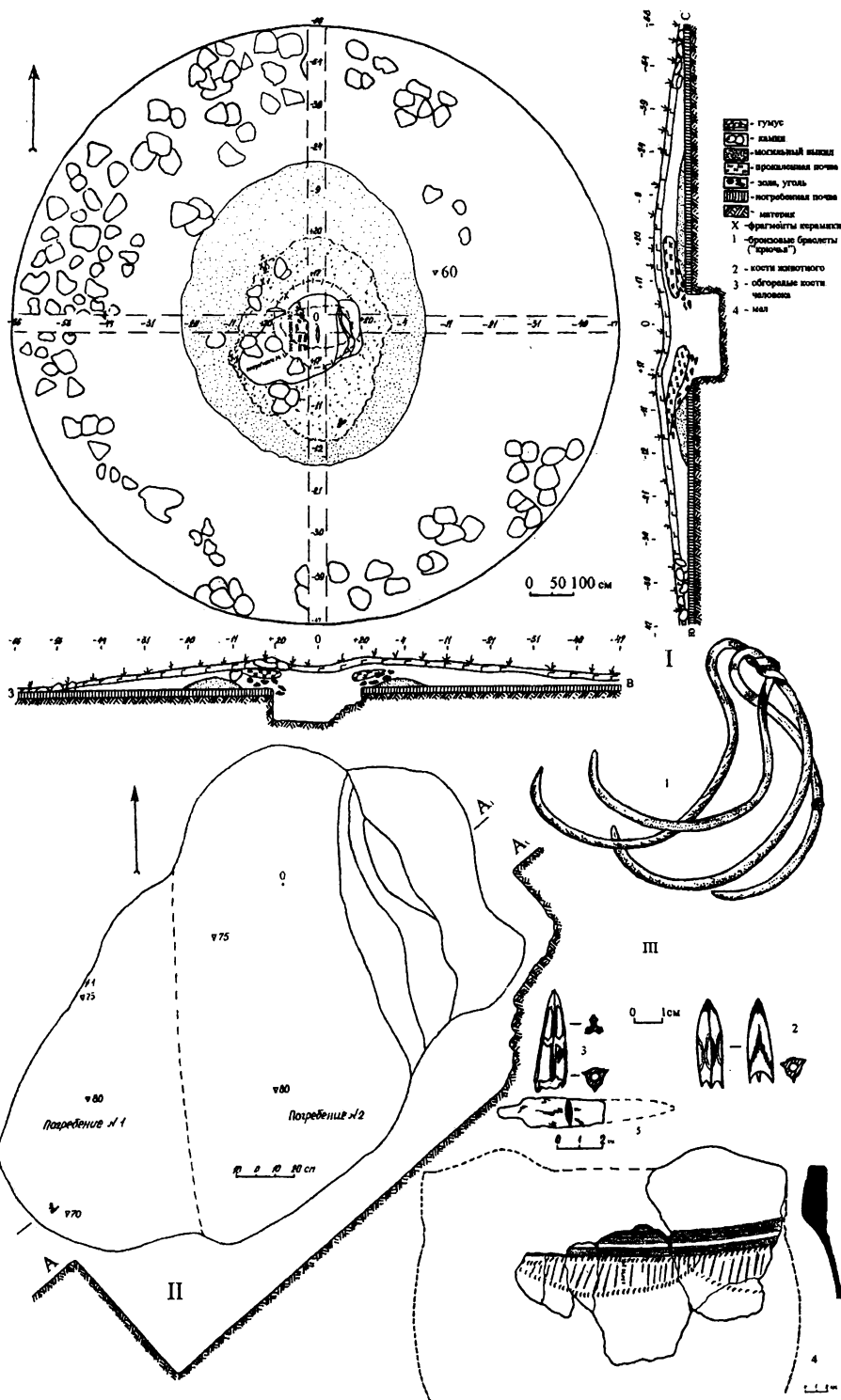
Кусок мела найден при снятии каменного кольца в 5 м западнее центра под камнями (рисунок, I).

Среди фрагментов керамики, в 2,5 м восточнее-юго-восточнее центра зафиксированы обломки костей животного (рисунок, I).

Погребение 1 (основное). В северо-западном секторе, в месте скрещивания северной и западной бровок, в зольнике обнаружены обожженные кости человека (рисунок, I). Обширное могильное пятно, вытянутое с северо-востока на юго-запад, располагалось в центре ($3,1 \times 1,7$ м). В верхних слоях засыпи ямы встречались угли и обгорелые бревна. На глубине 0,25 м от уровня погребенной почвы обнаружены обожженные череп и бедренная кость человека (рисунок, I). По мере углубления стенки ямы четко прорисовывались в юго-западной части. По всей видимости, это была овальная яма длиной до 3 м, шириной до 1,3 м, северо-восточный конец которой оформлен в виде трех ступенек шириной от 0,08 до 0,45 м. Первая из ступенек выявлена на глубине 0,33 м. Дно вышло на глубине 0,8 м от погребенной почвы. Яма была ограблена. На дне вещей не обнаружено. Весь инвентарь, относящийся к этому погребению, найден в засыпи ямы (рисунок, II) и в насыпи кургана (рисунок, I).

Инвентарь

Бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой (рисунок, III, 2, 3) обнаружены в засыпи ямы в северо-западной стенке на глубине 0,7 м (рисунок, II, 1). Среди них наконечник со сводчатой головкой и орнаментом в виде выпуклых дужек на лопастях (рисунок, III, 2), длина наконечника 2,8 см; наконечник с узкой треугольной головкой и



Ново-Кумакский могильник курган № 3 III (северо-западной) группы
I – план и разрез кургана; II – план и разрез погребения; III – погребальный инвентарь:
1 – бронзовые браслеты; 2–3 – наконечники стрел; 4 – глиняный сосуд;
5 – железный нож



орнаментом в виде косых выпуклых линий на лопастях (рисунок, III, 3), длина наконечника 3,2 см.

Обломок маленького железного ножика с прямой спинкой (рисунок, III, 5) найден в юго-западном конце ямы на глубине 0,75 м (рисунок, II, 2). Острие ножа обломано.

По профилю кургана представляется следующая последовательность погребальной церемонии. Над могильной ямой (средняя часть ее была разрушена дважды: во время грабежа и при сооружении погребения № 2¹), расположенной в центре и ориентированной по линии СВ–ЮЗ, возвели деревянное сооружение, которое опиралось на кольцевой вал могильного выкида. Детально восстановить его невозможно. После того как прогоровевшее сооружение рухнуло в яму (в результате обуглились кости скелета), погребение засыпали и возвели насыпь. Полы кургана обложили камнями. Камни были использованы и в конструкции центральной части надмогильного сооружения.

Керамика с орнаментом, аналогичным орнаменту на фрагментах из насыпи кургана, характерна, по периодизации А.Д. Таирова, для стадии С (Таиров А.Д., 2004). Встречается он и на сосудах гафурийских памятников. Оформление горловины – широкий прямой венчик с ушками, горловина, утолщенная по отношению к стенкам самого сосуда, широкие мягкие желобки на ее внутренней стороне и др. – также характерно для гафурийской керамики (Пшеничнюк А.Х., 1983). Судя по погребальному обряду и инвентарю, погребение относится к прохоровской культуре не позднее начала IV в. до н.э. и свидетельствует о связях прохоровского населения Орской равнины с оседлыми лесными племенами среднего течения реки Белая.

Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ № 06-01-00434а.

Л.А. Краева

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург*

НЕОБЫЧНЫЙ САРМАТСКИЙ СОСУД ИЗ ВТОРОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛА АКОБА

В 2005 г. экспедицией Оренбургского педагогического университета был раскопан второй курганный могильник у села Акоба, расположенный на водораздельном участке на левом берегу реки Илек (Моргунова Н.Л., 2005).

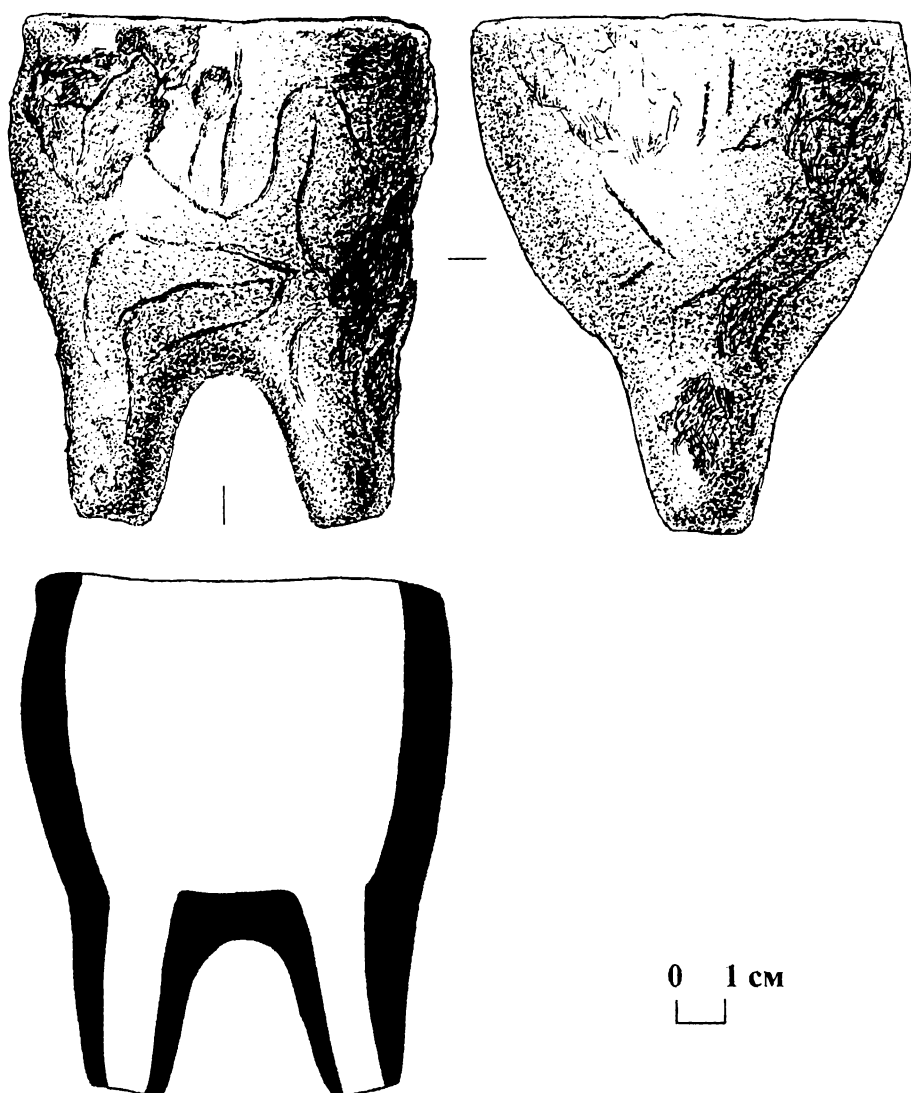
Могильник состоял из двух курганов, сооруженных в савроматское время.

В курган № 1 (V в. до н.э.) было совершено впускное погребение 3, которое по погребальному обряду и вещевому комплексу датируется IV в. до н.э.

В погребении были захоронены две женщины. Рядом с кистью правой руки одной из погребенных на боку лежал необычный сосуд.

Сосуд имел нестандартную форму (рисунок). Устье сосуда прямое, верхний срез венчика прямой, от нижней части тулова сосуда отходили две ножки в виде усеченных конусов со сквозными отверстиями.

¹ Погребение № 2, относящееся к эпохе раннего средневековья, предполагается опубликовать отдельно.



Могильник Акоба II, курган № 1, погребение 3. Сосуд № 3

По тулову сосуда и частично по ножкам прочерчен орнамент в виде абстрактных линий и фигур. Полностью восстановить композицию орнамента невозможно из-за отслоенных участков внешней поверхности. Общая высота сосуда 10 см, высота ножек 3,5 см, диаметр ножек в нижней части 1,7 см, в верхней – 3 см, диаметр сквозных отверстий 8 мм, диаметр устья 8,2–8,7 см, толщина стенок емкости 8–9 мм, толщина стенок ножек 3–5 мм.

Сосуд был изготовлен¹ из ожелезненной глины средней степени запесоченности. В глине присутствуют следующие естественные примеси: единичные включения охры красного цвета размерами 0,5–3 мм (концентрация – 1 шт. на 1 кв. см), редкие включения обломочного бурого железняка коричневого цвета размерами 0,5–2 мм (концентрация

¹ Техничко-технологические исследования производились с помощью микроскопа марки МБС-10 по методике А.А. Бобринского (Бобринский А.А., 1975; 1999. С. 5–110).



менее 1 шт. на 1 кв. см), песок цветной окатанный и полуокатанный с преобладанием кварцевого прозрачного (размеры песчинок 0,3–1,5 мм). В составе формовочной массы фиксируются искусственные примеси: навоз во влажном состоянии, единичные включения шамота (размеры частиц 0,5–1 мм), волос животных(?).

Интересные наблюдения были сделаны при исследовании внешней и внутренней поверхностей сосудика под МБС-10 при 8–16-кратных увеличениях.

Внешняя поверхность оранжевого цвета, внутренняя поверхность и срез венчика пятнистые – с черными и коричневыми пятнами. Такой цвет мог образоваться изначально при неравномерном воздействии кислорода на поверхность сосуда во время обжига в примитивном устройстве типа кострища или очага.

Внешняя поверхность сосуда была сильно повреждена отслоившимися участками. Причем большинство из них образовались еще в древности. Это так называемые «отскоки», или «выколы» отдельных участков поверхности сосуда, которые возникают во время обжига в связи с недостаточной просушкой посуды или под влиянием вспучивания включений известняка (Августинник А.И., 1975. С. 18). Как правило, такие «отскоки» имеют округлую форму. Примечательно, что на таких участках в верхней части сосуда сохранились следы нагара, что лишний раз подтверждает их древнее происхождение. Очень тонкий слой нагара фиксировался на таких участках на высоте 1–1,5 см от края устья на внешней поверхности, а также по срезу венчика сосуда. На внутренней поверхности слой нагара читался лучше и проходил по кругу полосой шириной 1–1,5 см от края устья. Следы от нагара аналогичной толщины были зафиксированы на внутренней поверхности сквозных отверстий «выступов-ножек».

На внутренней поверхности стенки сосудика с одной стороны, на расстоянии 3,8 см от устья были зафиксированы семь бессистемных неглубоких лунок от вдавлений ногтя. Такие следы, видимо, возникли в ходе конструирования сосуда и не связаны с ornamentацией или с целенаправленным нанесением. Аналогичные следы на сосудах были исследованы в Шумаевских курганах (Краева Л.А., 2003. С. 336, 340–341).

Заглаживание внешней и внутренней поверхностей производилось плохо выделанной кожей, о чем свидетельствуют следы скольжения, образованные от заглаживания данным материалом, а также редкие динамичные отпечатки выпавших волосков.

Точных аналогий данному сосуду не обнаружено. Сам предмет напоминает по форме козье вымя. Именно вымя этого животного состоит из одной пары долей и имеет более удлиненные соски, чем вымя овцы, которое имеет аналогичное строение (СЭС, 1988. С. 259).

Как известно, в составе стад ранних кочевников преобладал мелкий рогатый скот. Овцы и козы были основным источником молока, мяса, шерсти (Акбулатов И.М., 1999. С. 21; Археология СССР.. 1989. С. 204). Это были священные животные, которые приносились в жертву при совершении погребального обряда. В захоронениях ранних кочевников в савроматское время погребенных сопровождают целые обезглавленные туши этих животных, а в раннесарматское время обряд помещения в могилу лопатки и ноги овцы становится обязательным и широко распространенным (Мошкова М.Г., 1963. С. 24). Об особом отношении к козе, как к культовому животному, говорит захоронение козы по человеческому обряду, исследованное во втором Шумаевском курганном могильнике (курган № 9 погребение 7) (Моргунова Н.Л. и др., 2003. С. 138).

Таким образом, форма сосуда, найденного в Акобинском кургане, повторяющая очертания вымени мелкого рогатого скота, не случайна.



Данные о существовании сосудов в форме вымени известны у скотоводческих народов Средней Азии и Сибири, но они изготавливались непосредственно из настоящего вымени животного и служили емкостью для хранения различных вещей. В коллекциях музея антропологи и этнографии РАН хранятся сосуды алтайцев из коровьего вымени, киргизов из кобыльего вымени, а также сосуды арауканов (индейцы центрального Чили) из коровьего вымени (Зиберт Э.В., 1953. С. 93–97). Интересно, что в этой же коллекции присутствует деревянный сосуд, подражающий коровьему вымени. Сосуд вырезан из куска светлого дерева в виде неглубокой чашки на четырех ножках, напоминающих соски (Там же. С. 94–95. Рис. 4).

Из археологических находок нам известен только один керамический предмет из погребения ранних кочевников, повторяющий форму вымени. Это сосуд из кургана № 7 Филипповского могильника на четырех полых ножках, названный автором «курильницей» из-за неясного его назначения (Пшеничнюк А.Х., 1988. С. 17. Рис. 106). На внешней и частично внутренней поверхностях этого сосуда имеются следы в виде темно-серых «звездочек». Аналогичные следы были нами зафиксированы на миске из погребения 3 кургана № 5 могильника Бердянка V, использованной в особой обрядовой церемонии (Краева Л.А., 2000. С. 122–123).

Технологический анализ формовочной массы филипповской «курильницы»¹ показал, что она была изготовлена из смеси слабозапесоченного ила и нежелезненной сильнозапесоченной глины с добавлением искусственных примесей, аналогичных акабинскому сосуду (волос(?), шамот, навоз).

Использование в качестве примеси волос животных – очень редкое явление в сарматском гончарстве, в котором преобладают рецепты, сочетающие только шамот и органику (Краева Л.А., 2003а. С. 358; Краева Л.А., 2003б. С. 12).

Возможно, не случайно, что такая примесь (волос) была добавлена именно в формовочные массы сосудов, повторяющих по своим очертаниям вымя. Таким образом гончары хотели как бы подчеркнуть связь животных с этими сосудами.

Помимо одинакового рецепта формовочной массы, филипповский и акабинский сосуды сближает форма ножек, имеющих сквозные отверстия. Существенное отличие, безусловно, заключается в количестве полых ножек. У филипповской «курильницы» их четыре, что воспроизводит парное двухдолевое строение вымени, известное у коров и лошадей (СЭС, 1988. С. 259), а у акабинской всего две.

Примечательно также, что оба сосуда имели почти одинаковое местоположение, рядом со средней частью скелета: у тазовых костей (Филипповка, курган № 7, костяк 5), у кисти руки (Акоба II, курган № 1 погребение 3, костяк 2).

Все перечисленные общие признаки указывают на то, что сосуды со сквозными ножками из Филипповского и Акабинского могильников могли иметь сходное назначение.

Располагая наиболее полной информацией по изучению сосуда из сарматского погребения Акоба II, можно высказать более аргументированные предположения об использовании данного предмета.

В сарматских погребениях редко встречаются керамические предметы нестандартных форм. Так, в Ново-Кумакском могильнике (курган № 20 погребение 1) была найдена

¹ К сожалению, сосуд сейчас находится в экспозиции музея, поэтому осмотр поверхности предмета осуществлен только визуально, через витринное стекло. Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить главного хранителя МАЭ ЦЭИ УНЦ РАН, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Н.Г. Рутто за предоставленную возможность работы с материалами.



керамическая воронка с одним отверстием (Мошкова М.Г., 1972. С. 27. Рис. 1, 8). Вполне возможно, что акинский сосудик мог использоваться в качестве воронки для наполнения жидкостью одновременно двух емкостей.

Но более вероятной все же нам представляется гипотеза о культовом назначении данного предмета. Учитывая, что сосуд имел только две неустойчивые ножки, он не мог устанавливаться на них, поэтому, видимо, ставился в перевернутом положении, венчиком вниз. Так как тонкий слой нагара проходил по кругу полосой шириной 1–1,5 см от края устья, а также фиксировался на внутренней поверхности сквозных отверстий «выступов-ножек», можно предположить, что сосуд ставился в перевернутом положении на какое-то горящее вещество, дым от которого выходил из отверстий «ножек-сосков». В таком случае, по всей видимости, мы имеем дело с предметом, используемым в ритуальных целях. Косвенно подтверждает эту гипотезу и абстрактный орнамент на сосудике, напоминающий взвизгивающие языки пламени.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 05-01-81101а/У).

С.Н. Шилов, Е.А. Рябинина

*Курганский государственный университет,
Курган*

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ «ДАЧНЫЙ» В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ Р. МИАСС

Комплекс памятников у поселка Дачный Каргапольского района Курганской области исследуется с 1996 г. экспедицией Курганского госуниверситета. Комплекс состоит из поселенческих памятников, включающих в себя поселения Дачный-1 и Дачный-2, а также погребального памятника – курганного могильника Дачный-2. Данный комплекс памятников с большой долей условности можно разделить на периоды или этапы взаимодействия различных групп населения в раннем железном веке.

Жилище, исследованное на поселении Дачный-1, представляло собой однослойное обособленное наземное однокамерное жилище с каркасно-столбовой конструкцией стен, основание которых зафиксировано узкой неглубокой канавкой. В заполнении жилища была найдена в основном керамика гороховской, встречались также фрагменты керамики носиловской, байтовской и воробьевской культур. Скорее всего, в данном жилище проживало смешанное население, состоящее в основном из двух групп: гороховское и носилово-байтовское. Если первая группа представлена керамическим материалом, то вторая – особенностями домостроительства (Стоянов В.Е., 1970. С. 240–242; Шилов С.Н., Кайдалов А.И., Маслюженко Д.Н., 1997. С. 54–56). Данное жилище датируется концом VI – началом IV в. до н.э. и отражает один из ранних этапов взаимодействия культур на территории Примиасса в раннем железном веке. Свидетельством другого, даже более раннего взаимодействия культур может являться курган № 5 могильника Дачный-2, в котором были исследованы погребения межовской культуры, отражающие черты преемственности погребального обряда населения финальной бронзы и раннего железного



века (в данном случае гороховского): неглубокие могилы с сожженными деревянными конструкциями внутри.

Следующий период межкультурных контактов на этой территории можно проиллюстрировать на примере курганного могильника Дачный-2, в том числе на материалах раскопанных курганов № 1, 7, 11 (по нумерации М.П. Вохменцева – 24), 13 (28), 29 и на примере поселения Дачный-2. Данный период относится к взаимодействию местного гороховского населения и пришедших в конце V в. до н.э. на территорию Среднего Приобья представителей саргатской культуры. На многослойном поселении Дачный-2 выделяется слой раннего железного века (около III–II вв. до н.э.), в котором была найдена керамика гороховской и саргатской культур, располагавшихся в синхронном горизонте, что может свидетельствовать о совместном проживании на территории одного поселения их представителей. Особенностью саргатской керамики раннего железного века на поселении является незначительная примесь талька в тесте сосудов, что в целом не характерно для этой культуры и является одним из признаков гороховской посуды. Этот признак может свидетельствовать о межкультурных контактах представителей данных культур на поселении Дачный-2.

В то же время, несмотря на синхронное проживание в рамках одного поселения и, возможно, одного жилища, а также на отмечаемую исследователями близость погребального обряда саргатского и гороховского населения (Корякова Л.Н., 1994. С. 127; Могильников В.А., 1992. С. 309), материалы раскопанных курганов четко разделяются по культурной принадлежности на гороховские (курганы № 7, 13, 29) и саргатские (курганы № 1, 11).

Среди отличительных черт гороховского погребального обряда, характерного для данного могильника, можно выделить следующие: небольшие размеры и высота курганов; небольшая глубина могильных ям; наличие полностью или частично сожженных перекрытий или деревянных конструкций в могиле (в кургане № 13 сожжение перекрытия происходило непосредственно в могиле), а также следы угля в погребениях (курган № 29); очень малое количество рвов (на три кургана один ров в кургане № 13), а при наличии рва – его небольшие размеры и глубина; отсутствие следов тризны или сосудов в насыпях (лишь один сосуд в кургане № 7); достаточно «бедный» инвентарь погребений. Среди сопровождающих предметов в могилах можно выделить орудия труда – железные ножи, керамические пряслица, обломки каменных плиток, малое количество сосудов. Причем тесто сосудов гороховской культуры в могильнике, вне зависимости от времени сооружения кургана, отличается ярко выраженной примесью слюды и талька, в отличие от сосудов с поселенческих памятников (поселение Дачный-2). Среди предметов вооружения были найдены несколько бронзовых наконечников стрел, а из украшений – одна импортная бусина.

В свою очередь саргатские курганы отличаются более крупными размерами и высотой, многомогильностью; наличием нескольких рвов в курганах по количеству сооруженных могил, причем размеры рвов гораздо значительнее, чем в гороховских курганах. Саргатский погребальный обряд отличается также большей глубиной могил, наличием парных погребений, присутствием жертвенников и поминальных сосудов в насыпях, четким распределением инвентаря по половому признаку. Перекрытия в могилах не сжигались, а подвергались частичному воздействию огня, причем отличаются также размеры плах перекрытий и их расположение в несколько ярусов. Состав и количество инвентаря в погребениях значительно шире: предметы вооружения – бронзовые



и железные наконечники стрел, железные мечи и кинжалы; предметы конской упряжи; бытовые и культовые предметы, украшения – зеркала, берестяная сумочка с вышивкой, стеклянные бусины, бронзовые нашивные бляшки, глиняные бусины, тальковые плитки, пряслица, серьги, ножи.

Таким образом, в духовной сфере на уровне погребальной обрядности, являющейся благодаря сакрализации наименее подверженным вмешательствам извне аспектом культуры, следов активных контактов или взаимодействия данных групп населения в период их непосредственного соседства на данной территории на протяжении IV–II вв. до н.э. не зафиксировано. С другой стороны, не выявлено примеров враждебного отношения местного и пришлого населения, учитывая, что один из первых погребальных памятников саргатской культуры (курган № 1) на данном могильнике, как символ освоения новой территории и закрепления на ней, был сооружен, как и остальные курганы впоследствии, на родовом кладбище местной гороховской культуры.

Не зафиксировано достоверных примеров намеренного разрушения погребений какой-либо из культур, несмотря на то, что часть курганов синхронны и расположены вперемешку. Но в то же время не наблюдается и взаимовлияния в погребальном обряде, данная сфера остается практически недоступной для воздействия.

В качестве пока единственного исключения приведем курган № 1, в насыпи которого встречены несколько сосудов гороховской культуры с характерной сильной примесью талька в тесте. Это отчасти может свидетельствовать о гипотетической возможности каких-то контактов в сфере погребального обряда этих культур на данном могильнике, которые будут выявлены при дальнейшем исследовании памятника.

В результате всего вышеизложенного можно утверждать, что на примере комплекса памятников у поселка Дачный прослеживается межкультурное взаимодействие: на уровне поселенческих памятников в VI–IV вв. до н.э. – совместное проживание представителей разных культур (по материалам поселения Дачный-1). В то же время, в силу отсутствия погребальных памятников одной из групп населения данного периода, взаимодействие на идеологическом уровне рассмотреть не представляется возможным. Кроме того, вероятно преемственность черт погребального обряда данного могильника для гороховской культуры с предыдущим периодом – межовской культурой (на примере кургана № 5).

В дальнейшем контакты представителей гороховской культуры с пришедшим в конце IV в. до н.э. саргатским населением носят двойственный характер – с одной стороны, возможное совместное проживание на территории одного поселения (Дачный-2) с влиянием на уровне некоторых изменений в традициях гончарства и захоронение умерших на одном могильном поле, с другой – четкое разделение специфики погребальной обрядности, характерной для конкретной культуры.

Авторы признают достаточную условность подобных выводов вследствие незавершенности исследования могильника и аварийного характера одного из поселений (Дачный-2) и, соответственно, осознают предварительный характер заключения. Дальнейшие работы по исследованию могильника и окружающих поселенческих памятников могут дать более полное представление о межкультурных взаимодействиях в данном регионе в эпоху раннего железного века.



А.В. Беспокойный, Г.Н. Макаров
МУ «Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова»,
Шадринск

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИКИ И СТИЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОЛОВЫ БАРАНА НА ЮЖНОУРАЛЬСКИХ КАМЕННЫХ ПЛИТАХ

Идентификация каменных плит с изображением головы барана с соответствующими этносами и их культурами является одной из старых проблем археологии. Она важна не только для самих археологов, но и для специалистов разных дисциплин, так или иначе соприкасающихся с проблемами генезиса религий, то есть для этнологов, религиоведов, историков первобытности. Никто из них не может обойтись без прямого или косвенного обращения к соответствующим археологическим материалам и проблеме религиозной интерпретации этих артефактов.

Учитывая, что реконструкция прошлого из каменных плит с головой барана не является простой, зеркальной, мы ставим полноту получаемой исторической информации в зависимость от методов, использованных для ее получения. Количество и качество информации «зависит не только от объектов отражения, но и от того, кто и как эту информацию извлекает и потребляет» (Клейн Л.С., 1978. С. 36).

Так, например, А.А. Ковригин, С.Н. Шилов, О.П. Ченченкова и Н.Ю. Колеватова направление изучения плит с головой барана видели в создании максимально полного каталога, задача которого состоит в обобщении старых поступлений и введении в научный оборот новых находок (Ковригин А.А., Шилов С.Н., Ченченкова О.П., 2001. С. 117–118; Колеватова Н.Ю., Шилов С.Н., Ченченкова О.П., 1994. С. 142).

Помимо этого, по мнению О.П. Ченченковой, результативными могли бы оказаться феноменологическая модель М.Л. Подольского, предполагающая изучение плит с головой барана на уровне культурной типологии, а также метод Е.Д. Паульса, позволяющий сравнивать и анализировать «на уровне категорий» эти артефакты, с целью перехода «из мира вещей в мир идей» (Ченченкова О.П., 2001. С. 126).

В предыдущей работе мы, предварительно разделив точку зрения ряда исследователей о принадлежности плит гороховской культуре раннего железного века, провели попытку их исследования по тем ранним формам религий, к которым могли относиться эти артефакты (Беспокойный А.В., Макаров Г.Н., 2004. С. 16–19). Формами религии, к которым предположительно могли принадлежать плиты, по нашему мнению, стали культ семейно-родовых святынь и хранителей и культ племенного бога.

Визуально такая эволюция анимистических элементов культа от духа родового хранителя к племенному богу, по нашему мнению, выражается в разделении плит на реалистические, стилизованные и схематические. Как известно, П.А. Дмитриев был первым, кто разделил плиты на две группы – реалистичные и схематические (Дмитриев П.А., 1948. С. 13–16). Впоследствии Н.П. Матвеева выделила группу стилизованных плит (Матвеева Н.П., 1986. С. 89).

Различие в технике исполнения обусловлено, на взгляд В.И. Мошинской, индивидуальными возможностями и способностями изготовлявших их мастеров (Мошинская В. И., 1976. С. 74). Однако, на наш взгляд, более вероятна точка зрения Н.П. Матвеевой, которая видит причину вышеупомянутого в различном времени изготовления



плит. Предполагая, что зооморфная каменная скульптура Зауралья развивалась так же, как и искусство лесостепной и степной полосы Евразии того времени – от ярких реалистических образов конкретных животных к стилизации и схематизации, Н.П. Матвеева отнесла реалистичные плиты к началу раннего железного века, упрощенные схематичные плиты датировала IV–III вв. до н.э., а стилизованные плиты поставила в промежуточное положение между ними (Н.П. Матвеева, 1986. С. 89–90).

Если исходить из подобных тенденций развития каменной скульптуры Зауралья, то плиты «реалистического типа», по всей вероятности, принадлежали культу материнско-родовых святынь и хранителей, бытовавшему у носителей гороховской культуры на нижней границе ее существования. Наиболее ранние памятники гороховской культуры относятся к концу VI в. до н.э. или, по крайней мере, к началу V в. до н.э. (Матвеева Н.П., 1995. С. 85–86; Таиров А.Д., 2000. С. 87–88).

Однако вызывает интерес мнение О.П. Ченченковой, о том, что «по крайней мере, часть плиток “схематичного типа” предшествовала “реалистическим” и “стилизованным”» (Ченченкова О.П., 2001. С. 135). Как же быть в таком случае?

При таком раскладе следы культа семейно-родовых святынь и хранителей следует искать несколько ранее периода нижней границы существования гороховской культуры. По предположению Н.П. Матвеевой, плиты с головой барана могли быть атрибутами культа барана, характерного для племен баитовской культуры (Матвеева Н.П., 1986. С. 90). Большое количество памятников, где баитовская и гороховская керамика встречаются совместно, говорит об их частичной одновременности и чересполосном проживании на Среднем Тоболе и Исети (Матвеева Н.П., 1995. С. 85). Поэтому не исключено, что культ материнско-родовых святынь и хранителей мог быть воспринят социальной верхушкой кочевников Приаралья, принявших участие в формировании гороховской культуры, у ее местных носителей в качестве основы для последующей из него формы религии – культа племенного бога. «Стремясь по мере сил подняться до уровня древневосточных владык, кочевая знать использует древние и привычные изображения зверей в организации пышных ритуальных церемоний...» (Мелюкова А.И., 1989. С. 100).

В начальный период существования гороховской культуры ее иранские носители, по всей вероятности, находились на той стадии развития кочевого хозяйства, которую можно определить как переход от первой ко второй ступени кочевания. Основным богатством кочевников в течение всей их истории являлся скот. На основании этнографических материалов, относящихся к первой стадии кочевания, можно предполагать, что стада включали лошадей и мелкий рогатый скот, т.е. тех животных, которые легче всего переносили постоянные перекочевки (Мелюкова А.И., 1989. С. 113–114). Основное место в стаде, по-видимому, принадлежало овцам. Крупный рогатый скот кочевники на первой ступени, как правило, не разводили. Он стал широко использоваться лишь с ограничением радиуса перекочевки, т.е. на второй стадии кочевания. По мнению специалистов, переход ко второй стадии кочевания знаменуется ограничением территории кочевания и четким определением границ кочевки, появлением постоянных зимников и летников (Мелюкова А.И., 1989. С. 114).

Согласно данным остеологических материалов по составу стада у гороховской культуры, А.Д. Таиров и Н.П. Матвеева характеризуют их хозяйство как полукошачье скотоводство, которое, по нашему мнению, характерно для четвертой ступени кочевания (Матвеева Н.П., 1995. С. 83–84; Таиров А.Д., 2000. С. 84).



Признаки для определения четвертого типа кочевания были даны А.М. Хазановым: «...население кочует весной, летом и осенью в меридиональном и вертикальном направлениях, возвращаясь на зиму к постоянным жилищам. Наряду с кочевым скотоводством присутствует земледелие, но лишь как *подсобный* вид хозяйства» (Мошкова М.Г., 1989. С. 207). Эти признаки, по нашему мнению, согласуются с оценкой хозяйства носителей гороховской культуры, данной А.Д. Таировым (Таиров А.Д., 2000. С. 84, 85).

Итак, если исходить из упомянутой точки зрения Н.П. Матвеевой, можно предположить, что плиты «реалистического типа», относимые нами к культу семейно-родовых святынь и хранителей, возникли на стадии перехода от первой ко второй ступени кочевания, а плиты «схематического типа» — на четвертой ступени кочевания и соответствовали стадии племенного бога в культе барана. Тогда плиты «стилизованного типа», можно было бы отнести к третьей ступени кочевания, когда часть носителей гороховской культуры — главным образом малоскотные и бесскотные семьи — стали переходить к оседлости.

Но здесь опять встает вопрос о месте той части плит «схематического типа», которая предшествовала реалистическим и стилизованным. Если культ родовых святынь и хранителей уходит своими корнями за нижнюю границу хронологии гороховской культуры и соотносим с упомянутыми плитами «схематического типа», то время существования гороховской культуры связано как раз со сложением культа племенного бога. Давайте обратимся к семантике образа барана.

Если исходить из принадлежности памятников гороховской культуры к самаро-уральскому савроматскому локальному варианту, то образ барана должен трактоваться как савроматский. Помимо использования савроматского звериного стиля главным образом в качестве прикладного искусства, он, по мнению К.Ф. Смирнова, имел и определенный магический смысл (Смирнов К.Ф., 1989. С. 168). Ряд других исследователей, рассматривая религиозную сущность изображений звериного стиля, также считали, что в основе его лежат магические представления и смысл этих изображений как оберегов-амулетов у них не вызывал сомнения (Мошкова М.Г., 1989. С. 212). А.М. Тальгрэнн же прямо указывал, что «эти плитки — специальные амулеты, используемые людьми для успеха в их основном занятии (имея в виду скотоводство)» (Ченченкова О.П., 2001. С. 136).

Участвуя в работе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, Л.М. Левина проследила притоки инокультурного населения в Восточное Приаралье и провела анализ их погребений. По ее мнению, к последним векам до нашей эры относится немало курганов, содержащих материалы, типичные для зауральских гороховской, саргатской и соседних с ними лесостепных и лесных культур Зауралья (Левина Л.М., 1998. С. 53). Помимо указанного, она пришла к выводу о большой степени вероятности того, что именно с появлением в последние века до нашей эры значительных масс зауральского населения можно увязывать распространение определенных зооморфных и антропоморфных изображений.

Мифы и легенды, отражающие мировоззрение древних людей Хорезма, изучала Г.А. Брыкина. Она отметила, что древние люди прибегали к помощи всевозможных оберегов — предметов, обладающих магической силой (Брыкина Г.А., 1998. С. 96–99). Амулеты имели разную форму и вид. Чаще всего они являлись изображениями зверей, птиц, насекомых, в которых отразился культ сакральных животных. Значительное место в этих культах принадлежит барану, который являлся оберегом. Считалось, что



он сам и отдельные его части обладают магической силой, а изображения рогов барана могли охранять дом от «дурного глаза».

Эти данные, по нашему мнению, подтверждают предположение о том, что семантика реалистичного изображения барана на каменных плитах носила характер амулетов.

А «там, где имеются амулеты... можно рассчитывать с большой уверенностью встретить и фетиши» (Вундт В., 2002. С. 519–520). Поэтому та часть плит «схематического типа», которая предшествовала реалистическим и стилизованным, по нашему мнению, могла являться родовыми фетишами носителей байтовской культуры. Фетишем может легко стать предмет, который либо вызывает удивление и обладает притягательной силой, символическим подобием, либо отличается красотой или курьезным уродством. Это могли быть предметы так называемой «игры природы», имеющие сходство с частями животных (крыльями, лапами, рогами). Например, у Дж. Фрэзера описано много случаев, когда камень, который своей формой поражает воображение, становится объектом жертвоприношения (Фрэзер Дж. Дж. 1990. С. 273–280).

Однако одна форма сама по себе не делает предмет фетишем. Главное то, как этот предмет воспринимается, как к нему относятся, чего от него хотят. Если вещи приписывается личное сознание и магическая сила, если к ней обращаются с речами, ругают, приносят жертвы, поклоняются и молятся ей, то можно уверенно говорить об элементах фетишизма. Анимистическому мировоззрению свойственно населять живую и неживую природу духовными существами. Духам животных, растений, камней приписывалась определенная свобода воли и способность к передвижению, а главное – свойство вселяться в любые предметы. Именно вера в способность «вселения» разного рода духовных существ в самые неожиданные вещи привела к тому, что магические предметы, например, плиты так называемого «схематического типа», стали рассматриваться, как одушевленные, как фетиши.

На последующей стадии религиозного и общественного развития данные духовные существа могли приобретать реалистические черты на каменных плитах с головой барана. Однако появление реалистических плит могло не означать того, что духовное существо с чертами барана было по-прежнему физически слито с данными артефактами. По мнению В. Вундта, «искусственно обработанный камень есть лишь заместитель предмета, который он изображает» (Вундт В., 2002. С. 531). Искусственно обработанные плиты, если они стали исполнять роль амулетов, в сознании носителей гороховской культуры уже воспринимались, по-видимому, как не содержащие в себе духовное существо.

Итак, фетишизм, несомненно, может иметь место в качестве первичной мифологической формы культа барана. Этот культ, по всей видимости, покоится непосредственно на представлении о некой магической силе, связанной с любым объектом. Подобные явления могут иметь место в качестве вторичных образований, там, где объект какой-нибудь высшей формы культа, бывший первоначально символом некой общей религиозной системы, становится предметом самостоятельного культа. Так, например, уже в древних культах превратились в настоящие фетиши жертвенные камни, в особенности небольшие, служившие для домашнего и частного употребления, в которых первоначально предполагали присутствие духов во время жертвоприношения, а затем, в более позднее время – изображения богов.

В отличие от этого, амулеты представляли всегда вторичные продукты. Они сами вовсе не являются объектами культа, а должны опереться на какой-нибудь другой культ;



только таким косвенным образом благодаря представлениям, связанным со всяким первоначальным культом, они получают свою собственную магическую силу. Каждый объект культа или каждый напоминающий о нем предмет может стать амулетом благодаря ассоциативному перенесению связанных с ним чувств святости и превращению его в сознание магической силы. Причем «характерно, что как легко ни могут стать фетишами изображения богов в процессе индивидуализирования, но не они все-таки становятся амулетами, а почти исключительно такие предметы, которые находятся с ними в простой внешней связи» (Вундт В., 2002. С. 531).

Таким образом, культ амулетов может возникнуть из первобытного фетишизма в качестве побочного продукта. Но и прочие представления о духах могут, в свою очередь, вызвать появление обладающих магической силой средств, если они превратились в отдельные фетишистские объекты культа. В этом В. Вундт видел объяснение родства, существующего между фетишизмом и верой в амулеты и обнаруживающегося в том, что во многих случаях фетиш может стать непосредственно амулетом (Там же. С. 522). Существенное различие этих явлений в том, что никогда один и тот же объект не может быть одновременно фетишем и амулетом. Поэтому при указанном выше переходе оба рассматриваемых явления относятся обыкновенно к разным стадиям мифологического развития: фетиш – к более ранней, амулет – к более поздней. В случае амулета объект культа превратился в простой ценный объект, который ценится, однако, не за его внешние свойства, а за его магическую силу. Именно в этом и кроется, по нашему мнению, основная причина постепенной стилизации и возврата к схематизации изображения барана на плитах.

Таким образом, та часть схематических плит с головой барана, которая могла предшествовать реалистическим, выполняла, по всей вероятности, роль фетишей (соединенных физически с духом хранителем) в культе семейно-родовых святынь и хранителей. Но впоследствии плиты с головой барана выполняли функцию амулетов в культе племенного бога.

Фетиш сам является объектом культа и носителем демонических сил. Амулет никогда не является им; он защищающее магическое средство, могущее иметь большую ценность благодаря приносимой им пользе. Но эта ценность постоянно сообщается ему извне, от божественного источника; она не коренится в нем самом. Поэтому если в фетише свойственная ему магическая сила может быть увеличена благодаря культу, направленному на него, то в амулете – лишь благодаря такому культу, объектом которого являются силы, придающие ему действие. Этому внутреннему различию соответствует и внешнее, в смысле стиля изображения на каменных плитах головы барана, принадлежащей духовному существу – источнику магической силы.



Т.В. Барынина

Стерлитамакская государственная педагогическая академия,
Стерлитамак

РОЛЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Эпоха Великого переселения народов принесла заметные изменения в этнополитическую и этнокультурную карту Прикамско-Приуральского региона. Проявилось это в переселении из лесостепного Зауралья и Западной Сибири значительной части угорских племен, входивших некогда в состав единого угорско-самодийского этнокультурного ареала (Иванов В.А., 2006). Археологически это выражается в распространении неволинской и ломоватовской культур на территории Прикамья и кушнаренковской культуры – на территории Южного Приуралья. В этническом отношении это родственные, но не идентичные по отношению друг к другу племена, с характерными для них культурными признаками.

Общими для них признаками материальной культуры является геральдическая поясная гарнитура, некоторые элементы женских украшений, принадлежности конского снаряжения и использование предметов восточной (сасанидской) торевтики в культовых целях (Барынина Т.В., 2005. С. 306–316). В связи с этим необходимо отметить, что материальная культура Прикамско-Приуральского населения в VI–VII вв. формировалась на основе нескольких компонентов: местного – угорского (принадлежности женского убранства), южного – кавказского и среднеазиатского (геральдическая поясная гарнитура и некоторые типы женских украшений) и переднеазиатского (сасанидская торевтика и монеты) (Барынина Т.В., 2000. С. 7). Определенное влияние происходило и со стороны Византийской империи, что проявилось в распространении у Прикамско-Приуральского населения византийской торевтики и монет, обнаруженных, наряду с сасанидскими, в составе кладов.

Необходимо отметить, что восточная торевтика III–IX вв. (сасанидская, византийская и среднеазиатская) составляет одну из наиболее ярких категорий материальной культуры средневекового населения Прикамья и Приуралья. Вопрос о факторах ее проникновения в регион ставился исследователями неоднократно, причем в качестве основного выделялся торговый (Даркевич В.П., 1976; 2001; Лещенко В.Ю., 1971; Иванов А.Г., 1997). Несколько по-иному раскрывал этот вопрос Th. Noonan, который в качестве основного фактора назвал военно-политический, а в процессе поступления сасанидской и византийской торевтики и монет в регион выделил два этапа: на первом этапе, в результате ирано-византийских войн и причастности к ним кочевников (хазар) торевтика и монеты в качестве военных трофеев попадали в степь, а на втором – в результате торговли – они поступали в Прикамско-Приуральский регион (Noonan Th., 1982). По-разному решался вопрос о начальном периоде ее поступления в регион (Даркевич В.П., 1976; Лещенко В.Ю., 1971; Иванов А.Г., 1997). Однако на сегодняшний день начало притока торевтики в Прикамье и Южное Приуралье определяется серединой – второй половиной VII в. (Noonan Th., 1982; Иванов А.Г., 1997; Морозов В.Ю., 1996), хотя допускается и более ранняя дата (Иванов А.Г., 1997. С. 52).

В связи с этим необходимо отметить, что некоторые клады, содержащие предметы восточной торевтики, обнаружены в пределах селищ и городищ ломоватовской (Вереин-



ский клад находился недалеко от Малышатского городища, Мальцевский, Климовский клады и пр.) и неволинской (Бартымский, Шахаровский клады, находки у с. Стрелка, с. Курилова и пр.) культур Прикамья. Несколько кладов восточной торевтики известно на территории современного Башкортостана – ареала распространения кушнаренковской и караякуповской культур (Стерлитамакский могильник, Уфимский могильник, Аврюзтамакский клад, находки у с. Алкино Чишминского района и пр.).

Обращают на себя внимание и сасанидские и византийские монеты. Всего на территории Прикамья известно более 200 сасанидских драхм, около 300 византийских и около 20 хорезмийских монет (Голдина Р.Д., 1999. С. 391). Самые ранние сасанидские монеты в памятниках ломоватовской культуры относятся ко времени правления в Иране шаханшаха Пероза (456–486) и характерны для погребений Харинской стадии (конец V–VI вв.) (Голдина Р.Д., 1985. С. 126). Для погребений Агафоновской стадии (конец VI – первая половина VII в.) ломоватовской культуры характерны монеты Пероза (456–486), Кавада (488–531) и Хосрова I (531–579), для Деменковской стадии характерны монеты чекана Хосрова II (590–628) (Голдина Р.Д., 1985. С. 128–130). Монеты Пероза и Кавада характерны для памятников Верхсаинской стадии (500–575) неволинской культуры (Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. С. 92). Находки монет в погребениях ломоватовской и неволинской культур синхронизируются с сасанидскими монетами на территории Средней Азии (современного Узбекистана и территориях Приаралья) (Масон М.Е., 1971. С. 219–237). Это наводит на мысль о том, что сасанидские монеты поступали в Прикамье непосредственно в эпоху правления в Иране династии Сасанидов через среднеазиатские степи – по Северной трассе Великого шелкового пути. Здесь необходимо упомянуть о Степном торговом пути, который издавна связывал Переднюю и Среднюю Азию с Прикамско-Приуральским регионом (Йессен А.А., 1952. С. 206–231). Он являлся одним из ответвлений Великого шелкового пути и проходил из Средней Азии через плато Усть-Урт, казахстанские и оренбургские степи, вдоль реки Белая до впадения в нее реки Уфа и далее – в верховья рек Ирень и Сылва – в Пермский регион. Этим же путем в Прикамско-Приуральский регион поступала и восточная торевтика, о чем свидетельствует топография кладов на всем его протяжении – от Средней Азии до Прикамья (клад серебряной посуды у пос. Чилек под Самаркандом, четыре клада с восточным серебром на территории Казахстана, клад на территории Оренбуржья, шесть пунктов находок на территории современного Башкортостана, шестнадцать – с территории Среднего Прикамья, тринадцать – с территории Верхнего Прикамья и семь – с территории бассейна рек Вятки и Чепцы). Однако в памятниках кушнаренковской культуры отсутствуют монеты чекана династии Сасанидов, характерные для памятников Прикамья. Это можно объяснить ситуацией, сложившейся в Передней и Средней Азии в V–VI вв., связанной с политикой сасанидской Персии в отношении своих северных и северо-восточных соседей – эфталитов, а затем тюрков.

Период с V по VI в. – это время активных взаимоотношений персидских шаханшахов с эфталитами, когда войны чередовались с периодами перемирия. В результате этих отношений торевтика могла попасть к эфталитам в качестве дипломатических подарков и военных трофеев. Точно так же она попадала и к тюркам, разгромившим эфталитов и около 552 г. создавшим свое государство. Тюрки оказались хозяевами значительного отрезка Великого шелкового пути, проходившего через Среднюю Азию, поэтому они сразу же включились в отношения между давними соперниками в борьбе за него – Ираном и Византией, причем выступая чаще всего на стороне последней. Поддержка тюрков



щедро оплачивалась Византией, и, возможно, именно к тюркам первоначально попали византийская торевтика и монеты. Именно с деятельностью тюрков связывают Перещепинский клад, содержащий византийские и сасанидские серебряные изделия, найденный в Полтавской губернии (Залеская В.Н. и др., 1997. С. 87–101). С походами тюрков на запад связано и распространение на всем пространстве Евразийской степи поясов геральдического типа, являвшихся продуктом византийского ремесленного производства (Залеская В.Н. и др., 1997. С. 71), которые становятся характерными для средневековых памятников VI–VII вв. Северного Кавказа, Средней Азии (джетыясарская культура), Алтая (кудыргинский этап в истории культуры тюрков). С конца VI – VII в. геральдическая поясная гарнитура распространяется и в Прикамско-Приуральском регионе вместе с пришедшими сюда угорскими племенами – носителями неволинской и кушнаренковской археологических культур.

В Прикамско-Приуральский регион неволинское и кушнаренковское население пришло в результате распада Великого Тюркского каганата, в этнополитическую орбиту которого они входили, и распада некогда единой древнеугорской общности, на которой отразились социальные процессы, происходившие в Каганате (Иванов В.А., 2006). В Приуралье угры продвигались по двум направлениям – на запад и северо-запад и расселились в двух районах: кунгурско-месягутовской лесостепи (неволинская культура) и в бассейне среднего и нижнего течения реки Белая (кушнаренковская культура) (Иванов В.А., 2006). Кроме моды на геральдические пояса, пришедшее в регион угорское население принесло с собой сасанидскую и византийскую серебряную посуду и монеты, с которыми они познакомились еще до своего прихода в регион.

Находясь в составе единого угорско-самодийского этнокультурного ареала, угры, до своего прихода в Приуралье, были вовлечены в этнополитическую орбиту сако-массагетского мира казахстанских и южносибирских степей, в результате чего открыли для себя торгово-ремесленное население Средней Азии. Кроме того, в середине VI в. западносибирские угры были втянуты в этнополитическую систему Великого тюркского каганата, под контролем которого находились многочисленные племена, населявшие пространства от территории Монголии до Крыма (Иванов В.А., 2006). Вполне возможно, что в войнах между Ираном, Византией и Каганатом участвовали и угры. Именно тогда в качестве военных трофеев к ним могла попасть торевтика, образы и сюжеты которой им были по-своему понятны (Барынина Т.В., 2005. С. 306–316). В Прикамско-Приуральский регион угры двигались по двум направлениям; соответственно, и импорт первоначально мог поступать двумя путями, и этим можно объяснить отсутствие сасанидских монет у угров-кушнаренковцев. В этой связи можно отметить, что население Прикамья использовало монеты в качестве украшений (Морозов В.Ю., 1998. С. 378–385), что, видимо, не было характерно для угров-кушнаренковцев.

Таким образом, можно заключить, что распространение произведений восточной торевтики в Прикамско-Приуральском регионе связано именно с приходом сюда угорского населения, причем большую роль при этом сыграл этнополитический фактор. Соответственно и время начала поступления восточного импорта в регион можно определить концом V – началом VI в. – это именно тот период, когда в регионе расселяются угорские племена – носители неволинской, ломоватовской, а затем и кушнаренковской культур.



В.А. Иванов
Башкирский государственный педагогический университет,
Уфа

**СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
ОГУЗО-ПЕЧЕНЕЖСКОГО И ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДОВ
(к вопросу об этнокультурной преемственности
в кочевнической среде Евразии)**

Большинство исследователей, занимающихся проблемами этнической и этнополитической истории средневековых кочевников Евразийских степей, вопрос об этнокультурной преемственности племен, последовательно сменявших друг друга в степях Восточной Европы, оставляют как бы «за скобками», ограничиваясь констатацией самого факта смены одних кочевых орд другими. Единственным, пожалуй, исключением является вышедшее относительно недавно учебное пособие С.А. Плетневой «Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья», в котором автор (хотя во многом и априори) уверенно говорит «о сложении в степях с конца X в. тюркоязычной культурно-этнической общности», достигшей своего апогея ко второй половине XII в. и выразившей собой процесс закономерного слияния трех родственных народов – печенегов, огузов и половцев (Плетнева С.А. 2003. С. 165). Мысль, безусловно, интересная, хотя на археологическом материале пока не проверенная. А возможности для этого как источниковые, так и методические вполне есть.

Ниже предлагаются результаты сравнительно-типологического анализа погребальных памятников кочевников Заволжья и Южного Приуралья огузо-печенежского (конец IX – первая половина XI в.) и золотоордынского (XIII–XIV вв.) периодов. Хронологические рамки работы выбраны не субъективно и не искусственно. Они определяются, прежде всего, состоянием источниковой базы по археологии средневековых кочевников Урало-Поволжского региона: сейчас здесь именно курганы и курганные могильники кочевников огузо-печенежского объединения и Золотой Орды составляют основную массу средневековых кочевнических памятников, доступных сравнительно-статистическому анализу. Памятников промежуточного, половецко-кыпчакского, периода немного (41 комплекс), а потому в плане сравнительно-статистического анализа они мало перспективны (Иванов В.А., 2004).

С другой стороны, сравнительно-типологический анализ кочевнических погребальных памятников, «разведенных» во времени на два столетия, может дать вполне интересные результаты как в плане установления этнокультурной преемственности золотоордынских кочевников Урало-Поволжья с предшествующим населением региона, так и в плане отсутствия таковой. И в том, и в другом случаях полученные данные будут полезны для реконструкции этнокультурных процессов среди племен, кочевавших в центре Великого пояса евразийских степей.

Для анализа были использованы данные по 159 погребениям огузо-печенежского периода и 272 погребениям золотоордынского периода из могильников, расположенных на довольно обширной территории степного Заволжья и Южного Приуралья, от левого берега Волги (между Самарской Лукой и Волжской дельтой) на западе до Тобола на востоке. Объем первой выборки предполагает нижний порог процентного показателя



при степени вероятности 0,9 равным 2 %, второй – 1 %. То есть признаки, характеризующие данные выборки, от указанных процентов и выше являются для них представительными, ниже – не представительными, случайными (Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. С. 64 и сл.). Результаты суммарной характеристики погребального обряда кочевников огузо-печенежского и золотоордынского периодов Урало-Поволжья представлены в таблице.

**Признаки погребального обряда кочевников огузо-печенежского
и золотоордынского периодов Урало-Поволжья, %**

№ п/п	Содержание признака	Огузо-печенеги (X–XI вв.)	Кыпчаки Золотой Орды (XIII–XIV вв.)
I. Надмогильное сооружение			
1	Земляные курганы	94,0	83,8
2	Каменные курганы	–	1,09
3	Земля вперемешку с камнем	–	3,3
4	Каменная выкладка над могилой	–	10,6
5	Каменное кольцо	–	1,4
6	Каменный «панцирь»	–	1,8
7	Каменная прямоугольная оградка	–	1,09
8	Оградка из сырцового кирпича	–	4,4
9	Кирпичное сооружение-«мазар»	–	1,8
10	Кострище в насыпи	–	3,6
11	Отдельные угольки в насыпи	–	2,2
12	Кости животных в насыпи	–	12,4
13	Керамика в насыпи	–	2,7
14	Деревянная конструкция в насыпи	–	1,4
15	Ровик у основания насыпи	–	8,8
16	Основное погребение	21,4	89,3
17	Впускное погребение	74,2	5,8
18	Два и более погребений в насыпи	11,9	10,2
II. Конструкция могильной ямы			
19	Могила простая	60,4	67,0
20	Стенки сужаются ко дну	–	2,7
21	Стенки расширяются ко дну	–	0,73
22	Ступенька слева	3,8	7,3
23	Ступенька справа	–	2,2
24	Ступеньки вдоль длинных стенок	–	9,1
25	Ступеньки вдоль всех стенок	–	0,7
26	Подбой без уступа у входа	3,8	4,0
27	Подбой с уступом у входа	–	3,6
28	Перекрытие на насыпи могилы	26,4	21,6
29	Перекрытие на ступеньках	–	8,4
30	Перекрытие на одной ступеньке	–	3,6
31	Перекрыт подбой	–	1,8
32	Могила обложена камнем	–	0,3
33	Кирпичный склеп или заклад	–	2,9
34	Конструкция могилы неизвестна	30,2	5,5
III. Конские захоронения			
35	Конская шкура слева от человека	20,8	4,7
36	Конская шкура над человеком (в насыпи или на перекрытии)	30,8	1,8

143

↓
90%

115

кирным шрифтом)¹, мы видим, что значения их разнятся между собой настолько, что говорить о наличии какой-либо генетической связи между двумя группами погребальных кочевнических памятников едва ли возможно. Это подтверждается и значением коэффициента типологического сходства C_3 , представляющим собой результат деления квадрата суммы признаков, одинаково представительных для сравниваемых выборок, на произведение суммы признаков, представительных для первой выборки, и суммы признаков, представительных для второй выборки (Федоров-Давыдов Г.А., 1987). В нашем случае $C_3 = 0,38$. Причем значение этого коэффициента складывается в основном за счет наличия общих признаков, семиотически не имеющих никакого этнокультурного значения, – земляные курганы, место и количество погребений в курганной насыпи, могильная яма простой конструкции, западная ориентировка погребенных, расположение деревянного перекрытия на насыпи могильной ямы и т.п.

Итак, по результатам формально-типологического анализа, об этногенетических связях кочевников огузо-печенежского объединения и Золотой Орды говорить не приходится. Но с другой стороны, присутствие в погребальном обряде золотоордынских кочевников таких признаков, как могилы со ступеньками или подбоями, помещение конской шкуры слева от погребенного или над ним, захоронения с наборными поясами (см. таблицу), можно, при желании, трактовать и как огузо-печенежские реминисценции. Вывод из этого тезиса и приведенных выше данных следует только один: построения, касающиеся этнокультурной преемственности и, тем более, этнокультурного слияния различных (пусть даже и родственных) кочевнических групп, должны опираться не на набор отдельных, вырванных из этнокультурного контекста признаков, а на статистически обоснованные модули, отражающие сохранение и перемещение в пространстве и времени религиозных и мировоззренческих традиций, что, в итоге, и означает этнокультурное взаимодействие и слияние.

О.В. Игнатьева

*Пермский государственный педагогический университет,
Пермь*

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (историографический аспект)

В истории изучения пермского звериного стиля можно выделить два основных периода: 1) с середины XIX в. по 1930-е гг.; 2) с 1950-х гг. по современный момент.

Первый период изучения пермского звериного стиля связан с господством в науке эволюционистских представлений. Под их влиянием развиваются в это время такие исторические науки, как археология, этнография, поскольку исходным положением эволюционизма является идея постепенного развития человечества от самых древних ступеней до современного состояния. Кроме того, эволюционизм характеризует идея единства человеческого рода и единообразия развития культур, для становления архео-

¹ Об определении представительных признаков см.: Писларий И.А., Пожидаев В.Ф., 1982. С. 178.



логии это имело решающее значение в аспекте выделения единых стадий исторического прошлого человечества и их изучения. Эволюционистская парадигма обуславливала и первый период истории изучения пермского звериного стиля. Главным образом это проявлялось в стремлении выделить некую ступень в развитии древнего искусства, которой соответствует «звериный стиль». В связи с этим культовое литье Прикамья не рассматривалось как некий феномен, подчеркивающий своеобразие локальной культуры, а задачи исследователя сводились к определению стадии развития, которой соответствует пермский звериный стиль.

Большую роль на научное изучение пермского звериного стиля сыграл и диффузионизм, возникновение которого относится к концу XIX – началу XX в. В качестве ведущих форм развития культуры, с позиции диффузионизма, рассматриваются заимствования, переносы культурных элементов, а также их смешение. Обобщенно эти формы определяются как диффузия. При этом диффузии подвергаются как предметы материального быта, так и духовные явления – мифы, культы, обычаи. Любой элемент культуры, с точки зрения диффузионизма, возникает только однажды, и если составить карту его распространения, то можно определить первоначальное место зарождения каждого элемента.

Теория диффузионизма, которой придерживалась часть дореволюционных исследователей пермского звериного стиля, влияла и на аспекты изучения: так авторов интересовала не столько проблема семантики культового литья, сколько проблема происхождения. Взгляды на иноземное происхождение пермского звериного стиля были чрезвычайно распространенными, в качестве генетической родины культового литья называли разные цивилизации – Древнюю Индию, Китай, античный мир и т.д. Наиболее ярко данная теория в отношении пермского звериного стиля отражена в работах Д.Н. Анучина и А.В. Шмидта.

Одним из главных вопросов в исследовании предметов пермского звериного стиля в первый период изучения был вопрос о культурной принадлежности культового литья. Важную роль не только в привлечении интереса к древностям Прикамья, но и к находкам пермского звериного стиля, сыграли легендарные представления о Биармии и Чуди. Археология рассматривалась как наука, которая сможет подтвердить или опровергнуть эти легендарные представления, а предметы пермского звериного стиля зачастую выступали для исследователей в качестве «чудских» изображений или иллюстраций биармийских мифов. Открытие памятников скифского звериного стиля также содействовало познавательной активности в отношении культового литья Прикамья.

В спорах и размышлениях о культурной принадлежности древнего искусства Прикамья появляется и сам термин «пермский звериный стиль», причем к использованию данного названия до сих пор нет однозначного отношения.

Местным населением находки предметов культового литья связывались с Чудью, назывались «чудскими богами», выделялись и особые изображения, например, многочисленные птицевидные изображения получили название «курочкин бог», для других типов изображений использовались термины «дивовища», «чечки» и т.д. Эти представления влияли и на первых исследователей пермского звериного стиля. Так, Ф.А. Теплоухов относил предметы культового литья к легендарной Чуди, называя их «чудскими идолами», и считал их принадлежностью религиозных культов древнего населения Прикамья. Автором на основе этнографического материала впервые выдвинута теория угорского происхождения пермского звериного стиля (Теплоухов Ф.А., 1893. С. 2).



Впервые термин «пермский звериный стиль» появляется в работах А.В. Шмидта в 1920-е гг. Автор, критикуя работы предшественников о заимствованном характере культового литья Прикамья, сам, тем не менее, не исключал влияние эллинистического Египта. В развитии пермского звериного стиля А.В. Шмидт выделяет два переломных момента, относящихся к IV и к X–XI вв.; связаны они с этническими процессами, и результатом их стали стилистические изменения в культовом литье Прикамья. Так, переход от реалистичных изображений к схематическим в пермском зверином стиле в X–XI вв. автор соотносит с «происшедшей этнической переменой и появлением новой народности, может быть, пермских финнов (тогда как среди предшествующих насельников пермского Прикамья главную роль, по-видимому, играли угорские элементы)» (Шмидт А.В., 1927. С. 161).

С точки зрения В.А. Городцова, культовое литье Приуралья в своем развитии испытывало влияние со стороны различных народов. В первый период – это влияние скифов и сарматов, затем Римской империи и одновременно Индо-Парфянского царства, «из них последнее могло сообщить обитателям Пермского края религиозные символы в виде ящера (индийского крокодила), птицы Гаруды и др., оказавшие глубокое влияние на идеологию туземцев» (Городцов В.А., 1937. С. 141). С начала IV в. главным источником влияния на Приуралье, по мнению автора, становится сасанидское искусство, послужившее толчком для расцвета пермского звериного стиля.

В советский период большая часть исследователей связывает культовое литье Прикамья с автохтонным финским населением, считая, что пермский звериный стиль создан непосредственными предками коми-пермяков. Такая позиция утверждается с 1930-х гг. в связи, прежде всего, с идеологическим запросом. Развенчивая «буржуазные» теории заимствования в отношении предметов звериного стиля, важным было связать данное явление с народами, исторически проживающими на территории распространения находок культового литья и с уровнем их социально-экономического развития. Так, Л.С. Грибова отмечает: «Этот стиль было бы правильней называть уральским звериным стилем или даже чудским – ввиду преимущественного распространения его у “чудских”, т.е. финноязычных племен Приуралья и частично Севера, но ввиду его известности и широкого употребления в научной литературе, мы пользуемся старым термином» (Грибова Л.С., 1975. С. 4–5). Близкая позиция высказывается и В.А. Обориным, который прослеживает эволюцию звериного стиля Прикамья с эпохи палеолитического искусства и до этнографического времени, связывая пермский звериный стиль с традициями коми-пермяков (Оборин В.А., 1976).

В 1980-е гг. новым явлением становится стремление исследователей рассмотреть пермский звериный стиль в контексте более широкого круга источников, а именно культового литья Урала и Западной Сибири. Еще в 1941 г. В.Н. Чернецов поставил вопрос об объединении в единый комплекс уральских и западносибирских предметов культового литья, он отказался от термина «звериный стиль» и употреблял понятие «фигурное литье».

В 1980-е гг. формируются две точки зрения на проблему урало-сибирского культового литья. С одной стороны, развивается идея о наличии нескольких звериных стилей на территории Урала и Западной Сибири. Первым представляет эту точку зрения Г.М. Буров, развив идею о существовании трех «звериных» стилей на Европейском северо-востоке: пермского, печорского и западносибирского (Буров Г.М., 1984. С. 32). Каждый из трех стилей, по мнению автора, отличается как набором сюжетов, так и, в случае



их совпадения, трактовкой. Сравнивая между собой все три стиля, Г.М. Буров приходит к выводу, что западносибирский и печорский стили связаны низким художественным уровнем и отсутствием сложных композиций, то, что является характерным для пермского звериного стиля. (Буров Г.М., 1984. С. 42).

Другая позиция представлена Л.В. Чижовой. С ее точки зрения, нет необходимости в выделении в самостоятельную группу предметов культового литья Прикамья: «Ареал распространения столь своеобразных находок довольно велик, хотя и строго ограничен лесной зоной Евразии, где находки достаточно одинаковы, чтобы отнести их к одной категории вещей и анализировать в совокупности. Следовательно, не правомерно вводить ограниченно географический термин, типа «пермский», поскольку он сужает понятие и не соответствует действительности» (Чижова Л.В., 1983. С. 7–8).

Данная научная дискуссия по поводу необходимости выделения в самостоятельную группу предметов пермского звериного стиля и, соответственно, уместности самого названия, или же считать его частью урало-сибирского культового литья, является незавершенной. Одной из последних работ, посвященных данному вопросу, является работа А.М. Белавина, в которой автор поддерживает позицию тех исследователей, которые рассматривают пермский звериный стиль в единстве с «региональным» урало-сибирским звериным стилем, как некий его вариант. С точки зрения исследователя, «звериные стили... маркируют угорские территории на Востоке Европы и Западе Азии» (Белавин А.М., 2001. С. 15, 20).

Теория заимствования в отношении пермского звериного стиля также имеет место быть. В частности, Шверин фон Крозигк в 1999 г. в Берлине опубликовал статью, посвященную пермскому звериному стилю, под названием «Zum Aussagewert zweier Bronzeblecharbeiten im Permer Tierstil unter den Votiven der Lomovatovo-Kultur an der Kama im Uralvorland im 6–9 Jahrhundert». Автор стоит на позиции культурного заимствования в отношении пермского звериного стиля. Таким источником заимствования для пермского культового литья он видит китайское искусство. Так, прообразом ящера пермского звериного стиля Шверин фон Крозигк видит дракона древнекитайской мифологии. В частности, он считает, что на культовых пластинах из Нырғынды и Ухты изображены крылатые всадники на драконах – распространенный мотив древнекитайской мифологии. Сам ящер, по его мнению, является посредником между миром богов и людей и выполняет функцию партнера богов и гениев (Schwerin von Krosigk, 1999. P. 594).

Для второго периода в истории изучения культового литья характерно то, что к этому времени этнокультурная карта древнего и средневекового Прикамья в целом была определена. Пермским звериным стилем начинают заниматься, прежде всего, исследователи, для которых проблема этнокультурной истории Прикамья не была злободневной, поэтому они, как правило, обращаются к семантической стороне данного явления. Тотемическая и анимистическая теории, через призму которых во многом идет исследование пермского звериного стиля в это время, обозначают основную проблему в изучении культового литья, проблему смысла. Но, решая обозначенную проблему, исследователи, как правило, увлекались теоретическими построениями, что влекло за собой зачастую искусственную «привязку» источника к выстроенной гипотезе. Прежде всего это объясняется тем, что вопрос об этнокультурной принадлежности пермского звериного стиля не был решен и, соответственно, не возникло и научно обоснованной, принятой всеми исследователями позиции по поводу связи культового литья с мифологией



конкретного этноса-носителя традиции. Результатом стали разночтения одних и тех же сюжетов и образов, и даже использование этнографических источников не позволяло в полной мере приблизиться к сути явления.

Тем самым, несмотря на то, что пермский звериный стиль начал изучаться еще с середины XIX в., до сих пор остается ряд дискуссионных вопросов, прежде всего, о его этнокультурной принадлежности.

Т.В. Любчанская

*Челябинский государственный университет,
Челябинск*

НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1976–1992 гг.)

3 августа 1976 г. на основании приказа Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР о структуре Челябинского государственного университета от 7.07.1976 г. приказом ректора ЧелГУ С.Е. Матушкина был организован историко-филологический факультет, призванный осуществлять подготовку специалистов по двум специальностям: 1008 – история и 2001 – русский язык и литература.

В это время начинает формироваться штат сотрудников и преподавателей. Из воспоминаний Л.А. Шкатовой, первого декана историко-филологического факультета: «...Челябинцы, образовав ядро, начали уже по золотым крупцам собирать народ со стороны. Я знаю, что Юрий Сергеевич Кирьяков и Геннадий Борисович Зданович с супругой появились по частному приглашению. Люди появлялись по знаниям, по знакомству, по интересам» (Архив П.Ф. Назырова).

Для Г.Б. и С.Я. Здановичей большой удачей стала заинтересованность в их приезде в Челябинск со стороны Н.Б. Виноградова. Из воспоминаний С.Я. Зданович: «...оказалось, что в нашем приезде были заинтересованы. Например, Николай Борисович Виноградов, ныне преподаватель в педагогическом институте. Он был очень увлечен археологией, участвовал в ряде экспедиций, работал с 1972 г. на Синташте. Мечтал профессионально заниматься археологией, но серьезного отношения со стороны Генинга, начальника археологической экспедиции, не получил. Н.Б. Виноградов начал бегать, выяснять, посылать наши документы, другими словами – исподволь помогать нашему приезду в Челябинск» (Архив П.Ф. Назырова).

Первой исторической кафедрой ЧелГУ стала кафедра марксизма-ленинизма (общественных наук), в ее состав в качестве старшего преподавателя был принят Г.Б. Зданович в августе 1976 г. Судя по отчету кафедры за 1976/77 учебный год, его учебная нагрузка была самой большой по кафедре (773 часа). Кроме того, «кандидат исторических наук Зданович Г.Б. принимал активнейшее участие в обществе по охране памятников, руководил кружком юных археологов при Дворце пионеров, был куратором группы И-102» (Отчет кафедры марксизма-ленинизма за 1976–1977 учебный год).

Уже в первый год работы ЧелГУ на историко-филологическом факультете появился студенческий археологический кружок (16 человек, руководитель Г.Б. Зданович). По признанию многих, основной причиной прихода студентов в археологический кружок явля-



лось личное обаяние руководителя. Один из первых выпускников факультета Б.И. Ровный так охарактеризовал отношение к преподавателю: «...Г.Б. безумно любили... Его любили за то, что он настаивал не на знании, а на вере. На вере в то, что мир был всегда, и что человек должен прожить так, чтобы не нагадить в этом мире, и что бог-то – он всё видит...» (Личный архив Т.В. Любчанской, интервью март 2000 г.).

Уже в первом учебном году студенты археологического кружка И. Бавыкина, И. Осокина, Б. Сюртуков участвовали в очередной IX УПАСК в г. Уральске. В дальнейшем участие в таких конференциях стало традиционным. Кроме того, студенты-археологи представили свои доклады на итоговую факультетскую конференцию. «Выступившие на конференции профессор А.И. Лазарев, ст. преподаватель Г.Б. Зданович, заслуженный учитель А.И. Александров, преподаватель ЧГПИ Н.Б. Виноградов говорили о том, что студенты показали в целом хороший уровень подготовки и способность заниматься наукой» (Протокол заседания Совета историко-филологического факультета № 9, 1976–1977 уч. г. Необработанный архив кафедры новейшей истории России ЧелГУ).

В мае 1977 г. был заключен хозяйственный договор на археологическое обследование зоны будущего Долгобродского водохранилища на реке Уфа (68 тыс. руб.), что позволило организовать летом 1977 г. первую хоздоговорную экспедицию.

Разновозрастные археологические экспедиции являются одним из важнейших школообразующих факторов. Уральские экспедиции второй половины XX в. (в отличие от столичных академических, многих сибирских) никогда не набирались по производственному принципу найма рабочих для раскопок, основную рабочую силу в них всегда составляли студенты и школьники. Главной причиной сложения такой ситуации стало формирование археологических центров вокруг вузов. Это определило тот факт, что археологические экспедиции создавались прежде всего для выполнения учебных целей – проведения учебной археологической практики. Так, в приказе о создании археологической экспедиции в Челябинском госуниверситете сказано: «§ 1. В соответствии с планом научно-исследовательской работы и в целях активизации учебного процесса, создания базы для проведения практики и специализации по археологии организовать при ЧГУ археологическую экспедицию».

При этом студенты рассматривались не только как практиканты, но и сотрудники (старшие лаборанты и лаборанты) экспедиции: «§ 3. ...Отряд 3. Время работы – с 25 июля по 25 августа 1977 года. Зданович С.Я. – ст. науч. сотр., Хабдулина М.К. – мл. науч. сотр., Малютин Т.С. – мл. науч. сотр., Новгородцев Н.В. – мл. науч. сотр., Сюртуков Б. Н. – ст. лаб., Бавыкина И.В. – ст. лаб., Потемкин Д.И. – ст. лаб., Семенов А. И. – ст. лаб., Ровный Б. И. – ст. лаб., Осокина И.В. – ст. лаб., Нилова Е.А., Хрисанова С.В. – лаб., Масленникова О.Н. – лаб., Карась В.В. – лаб., Ширшова Т.В. – лаб., Миллер М.Л. – лаб., Яблонская Л.М. – лаб., Пономарева Л.В. – лаб., Атланова И.В. – лаб., Бычкова Т.В. – лаб.».

Кроме того, археологические экспедиции должны были способствовать проведению профориентационной работы со школьниками и укреплению связей с научными организациями региона и другими вузами: «§ 7. С целью укрепления материальной базы и более тесной координации научных исследований предложить Уральскому университету, ЧГПИ, Челябинскому, Златоустовскому и Северо-Казахстанскому краеведческим музеям совместное участие в работе археологической экспедиции.

§ 8. Создать при археологической экспедиции совместно с Челябинским Дворцом пионеров и Педагогическим институтом краеведческий лагерь “Юный археолог” для школьников 8–9 классов. Сроки функционирования лагеря: 1 сезон – с 15 июня по 8



июля; 2 сезон – с 10 июля по 5 августа. Всю ответственность за бытовые условия лагеря, воспитательную и культурно-массовую работу со школьниками возложить на начальника экспедиции Здановича Г.Б.».

Таким образом, уже первый приказ о создании Урало-Казахстанской археологической экспедиции очерчивал разновозрастной состав этой экспедиции: начальник экспедиции – Г.Б. Зданович, в то время старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма, кандидат исторических наук; кроме него, в составе второго отряда экспедиции работал в качестве старшего научного сотрудника старший преподаватель той же кафедры Ю.С. Кирьяков; начальником третьего отряда стала заведующая подготовительным отделением ЧелГУ С.Я. Зданович; в качестве младших научных сотрудников работали в экспедиции будущие штатные сотрудники археологической лаборатории университета М.К. Хабдулина, Т.С. Малютина.

Совместные раскопки с Челябинским пединститутом позволили собирать в одном отряде студентов разных возрастов. Из воспоминаний И.В. Бавыкиной: «...на Новоникольском. Отряд у нас был смешанный, часть из университета, часть из пединститута, Меньшенин, Боталов, Марков, еще мальчик какой-то из пединститута... Во-первых, мы пахали, пахали мы страшно... работали наравне с Колей Меньшениным. Вот у нас Вася Карась, например, он здоровый мужик, у него природная сила... Вася после четырех часов работы выпадал в осадок, когда он работал с Колей, а мы – слабые женщины – с Колей выкидывали землю стахановскими лопатами. И носилки носили...» (Личный архив Т. Любчанской, интервью апрель 2000).

И уже с первых дней существования экспедиции в ее составе работал лагерь «Юный археолог», куда выезжали школьники. Основы этого лагеря были заложены еще в 1971 г., когда «на раскопки укрепленного поселения бронзового века у с. Кизильского на р. Урал вместе со студентами-историками выехала группа челябинских школьников». Возглавлял эту группу Н.Б. Виноградов (Виноградов Н.Б., 2001. С. 3). С момента начала работы Урало-Казахстанской археологической экспедиции в ЧелГУ лагерь «Юный археолог» стал составной частью и этой экспедиции. В рамках этого лагеря впервые попробовали свои силы многие будущие археологи: В. Булдашов, Д. Нелин, А. Епимахов, Т. Любчанская, Ф. Петров и др.

Разновозрастные экспедиции научных школ коммуникативного типа, в первую очередь, служат для передачи корпоративной культуры сообщества. При этом под корпоративной культурой мы понимаем совокупность норм, ценностей, убеждений, образцов поведения, которые определяют способ объединения групп и отдельных личностей в сообщество для достижения определенных целей (Родин О., 1998. С. 67–77). В первый полевой сезон многие нормы дальнейшего экспедиционного существования только закладывались, однако участие студентов Петропавловского и Челябинского пединститутов, сотрудников различных организаций Урала и Казахстана обеспечивало и передачу уже существовавших ценностей УКАЭ.

К началу следующего учебного года на факультете сложился довольно многочисленный коллектив студентов-археологов. Следующим шагом в формировании научной школы стало создание лаборатории археологических исследований при научно-исследовательском секторе ЧелГУ 8 декабря 1977 г. Ее первыми штатными сотрудниками стали М.К. Хабдулина и Т.С. Малютина. В том же учебном году в целевую аспирантуру МГУ для завершения кандидатской диссертации была направлена С.Я. Зданович, в аспирантуру при ИА АН СССР рекомендована М.К. Хабдулина. В отчете секции гражданской



истории кафедры марксизма-ленинизма за 1977/78 учебный год была особо подчеркнута роль археологов в научно-исследовательской работе кафедры и факультета. Так, было отмечено, что всего в течение учебного года секцией было опубликовано пять научных статей, из них три – археологов (Зданович Г.Б. – 1; Хабдулина М.К. – 1; Малютина Т.С. – 1). Археологами было освоено 27 тыс. руб. по хозяйственной теме № 77/8 «Культура». В отчете о работе кафедры за 1977/78 учебный год сказано: «Отчеты за истекший период по научной работе сданы вовремя и качественно. Свидетельством этого является утверждение научных отчетов Г.Б. Здановича, Т.С. Малютиной, М.К. Хабдулиной, Н.И. Барминой АН СССР, АН Каз ССР, АН УССР и выдача полевых листов на сезон 1978 г.

В 1978 г. значительно расширился объем научных экспедиций: кроме Уральского отряда организован Крымский отряд археологической экспедиции (нач. Н.И. Бармина). Научные экспедиции, секции и лаборатория археологии стали прочной базой научных исследований студентов и проведения учебной практики. Однако научные экспедиции по-прежнему испытывают острый недостаток транспортных средств и квалифицированных кадров»... (Отчет о работе секции истории кафедры марксизма-ленинизма за 1977/78 уч. г.).

Впрочем, что касается коллектива УКАЭ, то он регулярно пополнялся «своими» учениками разных лет: в 1979–1980 г. в ЛАИ ЧелГУ начинают работать выпускники Карагандинского университета – А.Д. Таиров, Н.О. Иванова, Н.И. Зилизецкая; с середины 1980-х на работу в лаборатории устраиваются и выпускники ЧелГУ – В.С. Мосин, С.А. Григорьев, В.М. Красусский, Г.Я. Маламуд, А.В. Епимахов, А.Г. Гаврилюк, М.Г. Миронова (Епимахова), Е.Ю. Шарова (Мосина), И.Э. Любчанский, Е.В. Курчавая, О.А. Кузнецова, К. Федоринин, И.А. Русанов; и выпускники ЧГПИ, участники совместных экспедиций университета и пединститута – С.Г. Боталов, Н.М. Меньшенин, М. Меньшенина, А.И. Гутков.

Ведущая тема исследований – «Социально-экономическая история древних племен степной и лесостепной полосы Урало-Иртышского междуречья» – фактически становится концептуальным оформлением исследовательской программы коллектива. Большое внимание уделялось постоянному воспитанию новых учеников: фактически все студенты, специализирующиеся по археологии, являлись активными участниками студенческого археологического кружка, ежегодно принимали участие в работе УПАСК и других студенческих конференций. Дипломантами УПАСК становились В.С. Мосин (1981); А.В. Епимахов (1985, 1986); А.Г. Гаврилюк (1985, 1986, 1987 + диплом 1 степени ВАСК, 1986); М.Г. Миронова (1986, 1987 + диплом II степени ВАСК, 1988); И.В. Соловьева (1987, 1988); Е.Ю. Шарова (1986, 1987); И.Э. Любчанский (1986, 1987, 1988, 1989 (2 диплома по секциям средневековья и РЖВ); Е.В. Курчавая (1988); К.Н. Бабенков (1987, 1989); А.И. Мазына (1989); Р.Р. Галлиулин (1989, 1990) и др. Дважды (в 1987 и 1989 гг.) делегация ЧелГУ получала специальные грамоты оргкомитета УПАСК как лучшая делегация.

В 1988 г. газета «Челябинский университет» публикует статью С.Г. Боталова (в то время – младший научный сотрудник, заместитель заведующего археологической лабораторией) и И.Э. Любчанского (студента IV курса, старосты археологического кружка) «Создание ученого», где делается первая попытка осмысления деятельности археологической лаборатории по формированию кадров ученых-археологов: «Этапы вызревания грядущих исследователей особенно заметны нам – археологам. Специфика работы обрекает нас трудиться бок о бок на протяжении круглого года. Отношение у нас к студентам самое серьезное. В поле в период экспедиции они вместе с нами входят в число



старшего «сахемского» состава. В лаборатории наравне с нами принимают самое активное участие в подготовке отчетов. Ко II–III курсам студенты-археологи получают первые открытые листы, которые позволяют проводить самостоятельные археологические исследования. Со своими первыми докладами они выезжают на региональные и всесоюзные студенческие конференции. И без лишней скромности заметим, что челябинская делегация на протяжении десяти лет считается одной из самых сильных среди вузов Урала, Сибири и Поволжья» (Боталов С.Г., Любчанский И.Э., 1988. С. 2).

Появление статьи именно в это время не случайно. Можно сказать, что это год наивысшего развития студенческой археологии в ЧелГУ. Далее, начиная с набора 1987 г. и до набора 1994 г., по археологии специализировалось по 1–2 человека с курса, в основном из бывших «ноушат»; из студентов, увлекшихся археологией «без предварительной» школьной подготовки, можно назвать только И. Ульянова и Л. Петрову.

Снижение студенческого интереса к археологии с конца 1980-х до середины 1990-х гг. связано с рядом причин. Немаловажное место здесь, конечно, занимают политико-экономические факторы – развал СССР, экономический кризис, политизация общества, обострение национального самосознания, что приводило к актуальному обращению к новейшей истории, политологии и этнографии. Но вероятно, можно говорить и о внутренних причинах, главной из которых мы считаем, распад научной археологической школы. Катализатором распада стало открытие Аркаима.

В науковедении неоднократно высказывалась точка зрения, что крупные научные открытия приводят к складыванию научных школ, консолидации ученых вокруг новой идеи. В нашем случае, большое научное открытие стало началом распада уже существовавшей школы. Вероятно потому, что Аркаим первоначально стал не только и не столько научным явлением, а прежде всего явлением политическим, что заставило и коллектив лаборатории играть по политическим, а не научным правилам. Когда к проблемам внутриидеологическим добавились экономические (закрытие хоздоговорных тем, прекращение финансирования археологической практики студентов), распался коллектив (в течение 1991–1992 гг. из лаборатории уволилось 15 археологов; осталось – 7), вслед за своими реальными научными руководителями покинули лабораторию и без того немногочисленные студенты. Фактически перестала существовать УКАЭ. Жизнь лаборатории (с 1.07.1992 г. – лаборатория «Археология и историческая экология») сосредоточилась на Аркаиме. В период начала 1990-х гг. археологической лаборатории объективно не требовались археологи, нужны были иные специалисты. Других археологических площадок ЧелГУ тогда предоставить не мог (с 1994 по 2001 г. даже финансирование археологической практики полностью берет на себя центр «Аркаим»), оставшиеся несколько человек вполне справлялись с вузовской учебной нагрузкой и археологическими работами на Аркаиме.

В январе 1995 г. создается кафедра археологии, этнографии и социоестественной истории. Хотя открытие кафедры рассматривалось как первая ступень к «открытию новой специальности – социоестественная история», тем не менее оно, безусловно, способствовало более целенаправленному подбору студентов-археологов, количество которых заметно увеличивается с 1995 г. Но говорить о возрождении научной археологической школы в ЧелГУ пока преждевременно, поскольку вряд ли можно и сегодня вести речь о создании группы единомышленников, работающих в одной предметной или проблемной области, неформально связанных друг с другом системой исповедуемых ценностей и определенными типами коммуникаций.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия, Москва
АПО – Археологические памятники Оренбуржья, Оренбург
АЭБ – Археология и этнографии Башкирии, Уфа
ВАСК – Всесоюзная археологическая студенческая конференция
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск, Екатеринбург
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГИМ – Государственный исторический музей, Москва
ИА – Институт археологии
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук, Москва
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии, Москва
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры, Москва
ЛАИ ЧелГУ – Лаборатория археологических исследований Челябинского государственного университета, Челябинск
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МАЭ ЦЭИ УНЦ – Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра УрО РАН
МГУ – Московский государственный университет, Москва
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград
НАВ – Нижневолжский археологический вестник, Волгоград
ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
РА – Российская археология. Москва
РАН – Российская Академия наук, Москва
СА – Советская археология, Москва
САИ – Свод археологических источников, Москва
САПРБ – Свод археологических памятников Республики Башкортостан
СЭС – Советский энциклопедический словарь
Тр. ЗИН – Труды Зоологического института АН СССР
УАВ – Уфимский археологический вестник, Уфа
УКАЭ – Урало-Казахстанская археологическая экспедиция
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
ЧГПИ – Челябинский государственный педагогический институт, Челябинск
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет, Челябинск
ЧелГУ – Челябинский государственный университет, Челябинск



ЛИТЕРАТУРА

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул, 1997.
- Августинник А.И. Керамика. Л., 1975.
- Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977.
- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.). Уфа, 1999.
- Акбулатов И.М., Ахтарянова Д.И., Котов В.Г., Минеева И.М., Савельев Н.С. Исследования Ирландской экспедиции на юге Башкирского Зауралья // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.
- Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. М., 1978.
- Акманова И.Р. Валитовский курганный могильник эпохи раннего железного века Башкирского Зауралья // II Башкирская археологическая студенческая конференция: Тез. докл. Бирск, 2005.
- Ахмеров Р.Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (По данным исследований 1952–1956 гг.) // СА. 1959. № 1.
- Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков, 2005.
- Барынина Т.В. Истоки декора костюма приуральских угров конца VI–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.
- Барынина Т.В. Семантика сюжетов восточной торевтики на Урале // Россия и общества Востока: динамика социального развития, политические отношения, межкультурная коммуникация: Материалы межвуз. науч. семинара. Уфа, 2005.
- Белавин А.М. Об этнической принадлежности пермского средневекового звериного стиля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 1-2. Пермь, 2001.
- Берхин-Засецкая И.П., Маливицкая И.Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3.
- Беспокойный А.В., Макаров Г.Н. К изучению каменных жертвенных плит с рельефным изображением головы барана // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Он же. Гончарство Восточной Европы. М., 1975.
- Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- Бози Ф. Античные источники о савроматах // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М., 1994.
- Бойко Ю.Н. Приднепровская Лесостепь и кочевники скифского времени (фрагмент динамико-дистанционной модели) // Тезисы Международной конференции, посвящ. 95-летию со дня рождения Б.Н. Гракова. Запорожье, 1993.
- Боталов С.Г. Волго-уральские и казахстанские степи в V–VIII вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.



- Он же. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- Он же. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000.
- Он же. Сарматские памятники Урало-Казахстанских степей и среднеазиатских оазисов конца III – I в. до н.э. (Юэчжийско-Сарматский историко-культурный комплекс) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск, 2003.
- Боталов С.Г., Любчанский И.Э. Создание ученого // Челяб. ун-т. 1988. № 14.
- Брыкина Г.А. Культы и культовые места в Фергане // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском северо-востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.
- Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 1. М., 1991.
- Васюткин С.М. О происхождении и этнической принадлежности населения кушнаренковской культуры // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992.
- Верецагин Н.К., Барышников Г.Ф. Ареалы копытных фаун СССР в антропогене // Тр. ЗИН АН СССР. Т. 93. Л., 1980.
- Викторова В.Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения. Екатеринбург, 1999.
- Она же. Погребальные комплексы на острове каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.
- Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- Виноградов Н. Предисловие // Педагогическая археология. Из опыта работы школьных археологических объединений Челябинской области. Метод. материалы. Челябинск, 2001.
- Он же. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Он же. Новые материалы для реконструкции облика алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.; Магнитогорск, 1998.
- Он же. Синташтинские и петровские древности бронзового века Южного Урала и Северного Казахстана в контексте культурных взаимодействий // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск, 1999.
- Вишняцкий Л.Б., Колпаков Е.М. Периодизация в археологии // Проблемы хронологии и периодизации в археологии (Археологические изыскания. Вып. 3). Л., 1991.
- Вундт В. Миф и религия // Мюллер М., Вундт В. От слова к вере. Миф и религия. М., 2002.
- Гаибов В.А., Кошеленко Г.А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (Данные письменных источников) // ВДИ. 2005. № 1.
- Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 // Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы, 1998.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье



- во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992.
- Гарустович Г.Н., Котов В.Г. Таналыкское поселение // УАВ. Вып. 6. 2006 (в печати).
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этно-культурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. Вып. 5. 2004.
- Гафуров В.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970.
- Он же. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). Киев, 1989.
- Он же. Этническая история Южного Прикамья в I тыс. н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974.
- Он же. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. I. Челябинск, 1992.
- Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // ВДИ. 1947. № 2.
- Гиренко Н.М. Социология племени. М., 1991.
- Глушко Е.В. Цикличность ландшафтообразования Южного Приаралья в голоцене // География и природные ресурсы. 1996. № 4.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Он же. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
- Голдина Р.Д., Водолагов Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.
- Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Демы // СА. 1977. № 1.
- Городцов В.А. Подчеремской клад // СА. 1937. № 2.
- Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975.
- Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья: В 2 т. Т. 1. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Он же. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999.
- Гуляев В.И. «Золотой» курган скифского времени на среднем Дону // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы междунар. симп.): В 2 т. Новосибирск, 1998. Т. 1.
- Он же. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени // Проблемы археологии Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской экспедиции ИА РАН. М., 2001.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г. Курганы прохоровской культуры в районе г. Магнитогорска // УАВ. 2001. Вып. 3.
- Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы (По соматологическим материалам) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.
- Данченко Е.М. О связях лесного и лесостепного населения Прииртышья в середине – 2-й половине I тыс. до н.э. // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991.
- Даркевич В.П. Клад из эпохи Сасанидов // Родина. 2001. Май.



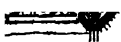
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях – проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996.
- Демкин В.А., Рысков Я.Г. Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. и их роль в жизни населения бронзового и раннежелезного веков // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996а.
- Денисов И.В. Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург, 2001.
- Дмитриев П.А. Жертвенные камни Зауралья // КСИИМК. Вып. XIX. 1948.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории Геродота» (тексты, перевод, комментарий). М., 1982.
- Дремов И.И., Семенова И.В. Курган позднесавроматского времени у с. Березовка // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.
- Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1982.
- Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // АО 1980 года. М., 1981.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.
- Евдокимов В.В., Усманова Э.Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана) // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.
- Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск, 1991.
- Епимахов А.В. Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. тр. Барнаул, 2004.
- Он же. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок (в печати).
- Жарникова С. В. Образ водоплавающих птиц в русской народной традиции (Истоки и генезис) // Культура Севера. Вологда, 1994.
- Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья и Нижнего Поволжья в VI–II вв. до н.э.: Науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.
- Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1995.
- Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонакова Н.А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.
- Заседателева С.Н., Ткачев В.В. Новые материалы бронзового века из Восточного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Захарова Е.Ю. Классификация знаков на керамике срубной культурно-исторической общности // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследо-



- вания по археологии Урала и Приуралья. Т. 5. МИА. 1952. № 30.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Он же. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984. Вып. 177.
- Он же. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАУ. 1973. Вып. 12.
- Зданович Д.Г. К этнокультурной характеристике населения степного Зауралья эпохи средней бронзы: обряды жертвоприношения животных // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004.
- Зданович Д.Г. и др. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.
- Зиберт Э.В. Сосуды из коровьего вымени в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Сб. МАЭ. Т. XIV. М.; Л., 1953.
- Зуев В.Ю. Материалы к истории изучения прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003.
- Он же. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΤΙΑ. СПб., 2000.
- Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1997.
- Иванов В.А. Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками Великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1980.
- Он же. Разложение первобытнообщинного строя // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996.
- Он же. Угры в восточном Закамье и Приуралье // История татар. Т. II. (в печати).
- Он же. Этнокультурная карта Южного Урала в предмонгольский период (вторая половина XI – начало XIII в.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2004.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XI–XIV вв.). М., 1988.
- Иванов В.В. Двадцать лет спустя: О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Исмагил Р., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Оленные камни Валитовского (Кизяташского) святилища в Башкирском Зауралье // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
- Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. Т. XVI.
- Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
- Кадырбаев М.К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1984.
- Казаков Е.П. О территориях и этнонимах угров Урало-Поволжья в VI–XIV веках нашей эры // УАВ. Вып. 6. 2006 (в печати).
- Он же. О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X–XII вв. // Древние



- этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985.
- Калиева С.С. Поселение Кожай 1. Алматы, 1998.
- Калиева С.С., Колбин Г.В., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак // Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.
- Каргалы. Том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология. М., 2002.
- Каргалы. Том III: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования. М., 2004.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кисленко А.М., Татаринцева Н.С. Культурно-хозяйственные комплексы палеометалла в ишимской степи // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990.
- Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
- Он же. Археологические источники. Л., 1978.
- Клепиков В.М. Погребения IV в. до н.э. и начало раннесарматской миграции в Нижнее Поволжье // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999.
- Ковалева В.Т. Генезис, датировка и этническая специфика ташковской культуры // Археология Урала и Западной Сибири: К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга. Екатеринбург, 2005.
- Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. 1991. Вып. 20.
- Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
- Ковригин А.А., Шарапова С.В. Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 1998.
- Ковригин А.А., Шилов С.Н., Ченченкова О.П. Каменные плитки с изображением головы барана (Новые находки) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.
- Колеватова Н.Ю., Шилов С.Н., Ченченкова О.П. Южноуральские плитки с изображением головы барана из Курганского и Шадринского музеев // Шадринская старина. 1994 (Краевед. альм.). Шадринск, 1994.
- Корякова Л.Н. Период раннего железа // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Томск, 1994.
- Она же. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991.
- Косинская Л.Я. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
- Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003.
- Косинцев П.А., Варов А.И. Костные остатки из поселения предандроновского времени



- Сергеевка // Проблема реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993.
- Юстюков В.П., Епимахов А.В. Хронология и культурная интерпретация памятников финальной бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актюбинск, 2005.
- Юстюков В.П., Ражев Д.И. Погребения из курганной группы Верблюжьей Горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1, Ист. науки. Челябинск, 2004.
- Ютов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // УАВ. Вып. 5. Уфа, 2004.
- Он же. Культ гор на Южном Урале // Ядкяр. 2001. № 1.
- Ютов В.Г., Савельев Н.С. Разведочные работы на озерах Якты-Куль (Банное) и Сабакты в Башкирском Зауралье // АО 2005 года. М., 2006 (в печати).
- Сраева Л.А. Некоторые аспекты изучения технологии изготовления керамики из сарматских погребений III-I вв. до н.э. бассейна р. Илек // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМе: Тез. конф. Ч. II. М., 2003б.
- Он же. Технично-технологическое исследование керамики из сарматских погребений Шумаевских курганов // Шумаевские курганы. Оренбург, 2003а.
- Он же. Технология изготовления керамики из «прохоровских» погребений на р. Бердянка // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Вып. 2. Самара, 2000.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1947. Т. XVII.
- Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968.
- Он же. Тенденции развития каменного инвентаря Южного Зауралья в посленеолитическую эпоху // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990.
- Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. 1968. Т. III.
- Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996.
- Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999.
- Кузьмина Е.Е. Мифологические представления о коне в культуре индоевропейцев // Миф 7. София, 2001.
- Он же. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц // СА. 1979. № 1.
- Он же. Откуда пришли индоарии: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьминых С.В. Андроновские импорты Приуралья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Кукушкин И.А. Андроновские памятники «синкретического» типа в шкале относительной и абсолютной хронологии // Археологические исследования в Казахстане: Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения № 14». Шымкент; Алматы, 2002.
- Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997.



- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Основные геолого-палеоэкологические события конца позднего плейстоцена и голоцена на восточном склоне Южного Урала // Природные системы Южного Урала. Челябинск, 1999.
- Лебедева Е.Ю. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы // XIII Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Ч. 1. Уфа, 1996.
- Левина Л.М. К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Лещенко В.Ю. Восточные клады на Урале: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.
- Логвин А.В., Шевнина И. В. Исследование могильника Бестамак в полевом сезоне 2003 года // Ахинжановские чтения – 2004: Тез. докл. науч. конф. молодых ученых. Алматы, 2004.
- Логвин А.В., Шевнина И. В. Раскопки могильника Бестамак в 2005 г. // Археологиялык зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2005.
- Логвин В.Н., Калиева С.С., Гайдученко Л.Л. О номадизме в степях Казахстана в III тыс. до н.э. // Маргулановские чтения: Сб. материалов конф. Алма-Ата, 1989.
- Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Лукашов А.В. К вопросу о миграции прохоровских племен Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.
- Лю Дуншэн, Дун Гуанжун, Ан Чжишэн. Природная обстановка пустынных и лесовых областей Китая // Доклады 27-го Междунар. геолог. конгресса. Секция С. 03. Четвертичная геология и геоморфология. М., 1984.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.
- Он же. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа // Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 г. Уфа, 1966.
- Он же. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. Уфа, 1976.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // НАВ. Вып. 7. 2005.
- Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.
- Малютина Т.С. Могильник Приплотный Лог-I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Она же. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
- Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Мамонтов В. И. Раннесарматское погребение из кургана у пос. Вертячий на Дону // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1. Луганск, 1993.
- Маргулан А.Х. Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.



- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Мартынов А.И. Археология. М., 1996.
- Маршак Б.И., Распопова В.И. Кочевники и Согд // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Массон М.Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Матвеева Н.П. Край в раннем железном веке и средневековье // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т. I. Курган, 1995.
- Она же. О жертвенных камнях скифского времени из Зауралья // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
- Она же. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Он же. Энеолит Южного Урала. М., 1982.
- Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
- Мелюкова А.И. Скифское искусство звериного стиля // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Она же. Хозяйство, быт, торговля скифской материальной культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // АПО. Вып. I. 1996.
- Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т. Старая коллекция из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // РА. 2006. № 1.
- Мирошина Т.В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.
- Мифы народов мира. Энцикл.: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
- Могильников В.А. Саргатская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Молодин В.И. Памятник Сопка 2 на реке Оми. Новосибирск, 2001. Т. 1.
- Монгайт А.Л. Археология СССР. М., 1955.
- Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках курганов у села Акоба в Акбулакском районе Оренбургской области в 2005 году по Открытому листу № 315 // Архив ИА РАН.
- Она же. Периодизация и хронология ямных памятников Приуралья по данным радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Моргунова Н.Л. и др. Шумаевские курганы / Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, Л.А. Краева, Д.В. Мещеряков, М.А. Турецкий, М.В. Халяпин, О.С. Хохлова. Оренбург, 2003.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. III. 1999.
- Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Исследования в степном Оренбуржье // АО 2000 года. М., 2002.



- Морозов В.Ю. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1998.
- Он же. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.
- Морозов Ю.А. Находки бронзолитейного производства на поселении Азануй в верховьях реки Белой // УАВ. Вып. 4. Уфа, 2003.
- Он же. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // УАВ. Вып. 5. Уфа, 2004.
- Он же. Срубные памятники Приуралья (вопросы периодизации и хронологии) // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.
- Морозов Ю.А., Котов В.Г. Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. Уфа, 2002.
- Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Он же. Мезолит-энеолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005.
- Он же. Энеолит Южного Зауралья // Археология, этнография и антропология в Евразии. 2004. Вып. 2 (18).
- Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. № 115. 1962.
- Она же. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1-10. 1963.
- Она же. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Она же. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.
- Она же. Хозяйство, общественные связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Наумов И.Н. Факторы сложения предмариупольской культурно-хозяйственной общности в Поволжско-Донских степях // Археол. записки. Вып. 3. Каменный век. Ростов н/Д, 2003.
- Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибаетов-1: результаты исследования // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
- Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа, 1997.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межевская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Овсянников В.В. Новые материалы по позднему бронзовому веку Приуралья // УАВ. Вып. 4. 2003.
- Ольховский В.С. Древние святилища Устюрта: контакт и конфликт культур // Наука в России. 1997. № 6.



- Он же. Каменные храмы Устюрта // Наука в России. 1999. № 4.
- Он же. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии VII–III вв. до н.э. М., 1991.
- Ольховский В.С., Шилов Ю.А. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка // РА. 1995. № 4.
- Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
- Он же. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. 1974. № 4.
- Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989.
- Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Препринт. Тюмень, 1993.
- Пань Джиянгли, Хуань Чунчанг, Чжань Чжаньпин. Микроморфологические и геохимические признаки изменений климата и почв Лёссового плато в голоцене // Почвоведение. 2003. № 2.
- Пастушенко И.Ю. Религиозные представления остяков сылвенско-иренского поречья в XVII–XVIII вв. // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.
- Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. – начало II тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1992.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Петренко А.Г. К истории появления животноводческих основ в среднем Поволжье и Приуралье // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М., 1978.
- Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- Писларий И.А., Пожидаев В.Ф. О применении метода процентных соотношений // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982.
- Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987.
- Полякова Е.Л., Любчанский И.Э. Аллея менгиров у пос. Симбирка. Челябинск, 2004.
- Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5. 1973.
- Он же. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Он же. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
- Он же. Отчет о раскопках Филипповских курганов в Илекском районе Оренбургской области в 1987 году. Уфа, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1, № 12951.
- Он же. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
- Радзиевская В.Е. Курганы VI в. до н.э. у пос. Коломак на Харьковщине // СА. 1985. № 1.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.



- Родин О. Концепция организационной культуры: происхождение и сущность // Менеджмент. 1998. № 7.
- Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. Вып. 2. 2000.
- Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград, 1918.
- Он же. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Он же. Эллинизм и иранство на юге России. М., 2002.
- Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Вып. 2. Петроград, 1925.
- Рудковский И.В. Могильник Тегиз-жол // Ломан В.Г., Рудковский И.В. Археологические исследования на территории Карагандинской области в 1989 году (отчет). Караганда, 1989. // Архив Сарыаркин. археол. ин-та.
- Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа, 2003.
- Савельев Н.С. Горно-долинные ландшафты хребта Ирэндык как фактор сохранения этнокультурных изолятов в эпоху ранних кочевников // Человек в пространстве древних культур: Материалы всерос. науч. конф. Челябинск, 2003а.
- Он же. Курганы Баишевской долины в контексте культурогенеза ранних кочевников Южного Урала // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара, 2000б.
- Он же. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. Вып. 2. 2000а.
- Он же. Курганы эпохи ранних кочевников Кушалыкуак-1 в восточных предгорьях хребта Ирэндык // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- Он же. Население Месягутовской лесостепи в V–III веках до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2002.
- Он же. Формирование иткульского металлургического очага в свете кочевнических миграций раннескифского времени // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. науч. конф. Пермь, 2003б.
- Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности и кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
- Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН. М., 2004.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. № 21. 1951.
- Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Симоненко А.В. «Проблема III века до нашей эры» – вариант решения? Рецензия на книгу В.М. Клепикова «Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э.» // НАВ. Вып. 6. 2003.
- Синицын И.В. Древнейшие памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78.
- Скрипкин А.С. Памятники III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. М., 1997.
- Смирнов А.П. К вопросу о матриархате у сарматов // Проблемы сарматской археологии. М., 1971.



- Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.
- Смирнов К.Ф. Орские курганы древних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
- Он же. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Он же. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Он же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1-9. 1963.
- Советский энциклопедический словарь. М., 1988.
- Соловьев Б.С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4.
- Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. III. Средневековый человек и его мир. М., 1994.
- Старостин С.А. Как говорили в палеолите? // Наука и человечество. М., 1990.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
- Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на реке Урал // Вестн. ЧГПУ. Сер. 1, Ист. науки. 2004. № 2.
- Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы археологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Таиров А.Д. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. Вып. 2. 1998.
- Он же. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003.
- Он же. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Он же. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Докл. к 5-й междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.
- Он же. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
- Он же. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья: В 2 т. Т. 2. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000.
- Он же. Этнокультурные процессы в степях Южного Урала во второй половине V–IV в. до н.э. // РА. 2006. № 1.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск, 1988.
- Телегин Д.Я., Соботович Э.В., Ковалюх Н.Н. Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов (сообщение 2 Координационного совета комплексного изучения памятников археологии ИА АН УССР за 1975–1977 гг.) // Использование естественных наук в археологии. Киев, 1981.
- Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Вып. 2. Пермь, 1893.
- Ткачев А.А. Бронзовый век Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.,



2003.

Он же. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень, 2002а.

Он же. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень, 2002б.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Трифонов В.А. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб., 1996.

Он же. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана. Лисаковск, 1998.

Усманова Э.Р., Ткачев А.А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. 1993. № 2.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987.

Фиалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1990.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Халяпин М.В. Некоторые вопросы изучения памятников конца эпохи средней – начала эпохи поздней бронзы Степного Приуралья // Диалог культур и цивилизаций. Тобольск, 2002.

Цимиданов В.В., Чаур Н.А. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности // Древности Подонцовья. Луганск, 1997.

Ченченкова О.П. Плитки с изображением головы барана из лесостепного Зауралья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. 2004. № 1.

Черных Е.Н., Черных Н.Б. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005.

Чижова Л.В. Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири: По материалам культового литья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. Т. 1.

Он же. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975.

Шилов С.Н., Кайдалов А.И., Маслюженко Д.Н. Жилище раннего железного века Дачный I (по раскопкам 1996 г.) // Итоги и задачи регионального краеведения. Курган, 1997.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. К вопросу о кенотафах в системе погребальной обрядности бронзового века // УАВ. Вып. 3. 2001.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О роли «социального возраста» в погребальной обрядности эпохи бронзы (по материалам алакульских памятников лесостепного Приобья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000.



- Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сб. МАЭ. Вып. VI. Л., 1927.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург, 1999.
- Юдин А.И. Костяные предметы искусства из коллекции Варфоломеевской стоянки // РА. 2003. № 4.
- Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.
- Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.
- Яблонский Л.Т. Археологическое мифотворчество и этногенетическая реальность // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Челябинск, 1999.
- Он же. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // РА. 1998. № 4.
- Он же. Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // РА. 2001. № 1.
- Anthony D.W., Vinogradov N.B. Birth of the chariot // Archaeology. An official Publication of the Archaeological Institute of America. Vol. 48. № 2. 1995.
- Bashilov V., Yablonsky L. Introduction. Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age. Berkeley, 1995.
- Bashilov V., Yablonsky L. Some Current Problems Concerning the History of Early Iron Age Eurasian Steppes Nomadic Societies // (J. Davis-Kimball, E. Murphy, L. Koryakova, L. Yablonsky – editors) Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age. Oxford, 2000.
- Cattani M. Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // У истоков цивилизации: Сб. ст. к 75-летию Виктора Ивановича Сараниди. М., 2004.
- Gorsdorf J., Parzinger H., Nagler A. ¹⁴C dating of the Siberian steppe zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. Dordrecht, 2004.
- Logvin V.N. The Cemetery of Bestamak and the Structure of the Community. In: Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Vol. I, Karlene Jones-Bley and D.G. Zdenovich (eds.) // J. of Indo-European Studies Monograph Series 45. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 2002.
- Mei J. Cultural interaction between China and Central Asia during the Bronze Age // Proceedings of British Academy. Vol. 121. 2003a.
- Mei J. Qijia and Seima-Turbino: The Question of Early Contacts between Northwest China and the Eurasian Steppe // Bulletin of the Museum of Far East antiquity. Vol. 75. 2003b.
- Noonan Th. Russia, the Near East, and the Steppe in the Early Medieval Period: An examination of the Sasanian and Byzantine finds from the Kama-Urals area // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden, 1982. V. II.
- Schwerin von Krosigk. Zum Aussagewert zweier Bronzeblecharbeiten im Permer Tierstil unter den votiven der Lomovotovo-Kultur an der Kama im Uralvorland im 6–9 Jahrhundert // EURASIA ANTIQUA, 5. Berlin, 1999.



СЕКЦИЯ ЭТНОГРАФИИ

И.И. Буляков

*Сибайский институт (филиал) Башкирского
государственного университета, Сибай*

БАШКИРЫ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

История Башкортостана золотоордынской эпохи до сих пор остается малоизученной. Частые горячие споры среди историков вызывают такие проблемы, как вхождение башкир в состав монгольского ханства, хронологические рамки этого процесса, степень политико-государственного развития башкир к моменту их первой встречи с татаро-монголами, политико-правовое и социально-экономическое положение башкир в составе Золотой Орды и др. Объясняется это немногочисленностью источников, значительную часть которых составляют башкирские устные предания, легенды и записанные спустя много веков письменные памятники, дошедшие до нас в позднейших редакциях.

На сегодняшний день какие-либо специальные научные исследования, посвященные данной проблеме, в исторической литературе отсутствуют. Отдельные моменты этой темы затрагивались историками лишь в общих чертах при освещении средневековой истории башкир. До последнего времени было принято рассматривать Башкортостан лишь как кочевую часть Золотой Орды, хотя и сохранившую некоторую самостоятельность. Только с 90-х гг. XX в. историки Башкортостана стали высказывать мысль об ином социально-экономическом и политико-правовом положении башкир. Данному вопросу были посвящены лишь отдельные главы и параграфы в научных исследованиях, монографиях, отдельные статьи в журналах, научных сборниках и т.п. Так, проблеме отношений башкир с Золотой Ордой уделили большее внимание Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова (Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994. С. 241–269), авторы коллективной монографии «История Башкортостана с древнейших времен до наших дней» (История Башкортостана с древнейших времен до наших дней, 2004. С. 64–76), Р.М. Юсупов (Бихбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф., 2002. С. 156–163), Р.Г. Буканова (Буканова Р.Г., 2000. С. 106–109), И.В. Антонов (Антонов И.В., 2004. С. 6–10), А.Ф. Яминов (Яминов А.Ф., 1999. С. 151–157). Несмотря на это, данная тема пока еще не стала предметом специального исследования.

Большинство современных исследователей сходятся в едином мнении, что башкирские племена к моменту прихода татаро-монголов на Южный Урал находились на пути к созданию собственных государственных образований. Возможно, что некоторые крупные племенные союзы представляли собой одну из форм государственных образований во главе с ханами. Подтверждением этому служат многочисленные упоминания в башкирских эпосах, шежере, записях арабских путешественников и географов о подобных союзах. Необходимо отметить огромное влияние на развитие общественных отношений у западных и северных башкир волжских булгар, создавших первое в регионе крупное раннефеодальное государство с собственным денежным обращением. Основываясь на сообщениях арабских путешественников и географов, мы можем говорить о зависимом положении западных башкир от своего могущественного соседа.



Спорным является вопрос о хронологических рамках периода вхождения Башкортостана в состав монгольского государства. Различные источники дают возможность проследить последовательность завоевания татаро-монголами народов Волго-Уральского региона и показывают, что этот процесс не был единовременным. Первыми власть татаро-монголов добровольно признали восточные и юго-восточные башкиры под предводительством Муйтен-бия. Остальная часть народа в союзе с Волжской Булгарией оказывала достойное сопротивление до тех пор, пока последняя не была разгромлена завоевателями в 1236 г. Только чуть ли не через пятнадцать лет после начала продвижения на Запад татаро-монголам удалось покорить основную часть башкирских племен. А их окончательное подчинение произошло лишь в 1242–1243 гг., когда территориально и административно оформилось государство хана Бату, получившее в дальнейшем название «Золотая Орда».

Не менее важной является проблема социального и политического обустройства башкирского общества после установления над ними власти золотоордынских ханов. Так, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что вскоре после прихода татаро-монголов «земля и воды были распределены между (башкирскими) родами» (Башкирское народное творчество. Т. II., 1987. С. 168). В той же легенде есть и другие не менее интересные сведения, как, например: «Каждому роду предназначалась своя тамга, оран, дерево, птица» (Там же). Об этом же свидетельствуют и шежере некоторых башкирских племен (Родословная от Адама до Юрматы-бия и далее по аулам и аймакам, 2002. С. 67; Родословная от Адама до Багауддина, составленная Таджиддином, сыном Ялчыгула, и скопированная Мингнигулом, сыном Джиянбирди, Габдуннасыровым, 2002. С. 180; Кузеев Р.Г., 1960. С. 155–156).

Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова полагают, что это было одновременно своеобразной переписью населения, т.к. обложение башкир налогом последовало после получения тамги, орана, дерева и птицы (Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994. С. 254). Существовали различные виды других поборов. Подвластное население, например, платило «десятинный» оброк (одна голова скота с каждых 10 голов). Обременительным считалось обязательство поставлять хану дойных кобыл (Федоров-Давыдов Г.А., 1973. С. 34–42). Рубрук оставил сведения о том, что монголы вывозили от болгар и башкир пушнину, и ясак платил «каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец» (Очерки по истории БАССР, 1956. С. 47–48). Башкиры обязаны были также поставлять соколов и кречетов для ханской охоты (Очерки по истории БАССР, 1956. С. 48). Кроме того, башкиры привлекались и к несению военной службы, о чем говорится в легенде «Акман-Токман»: «Но однажды от хана пришел новый указ. Молодые мужчины и парни со своим конем, снаряжением призывались в ханское войско» (Башкирское народное творчество. Т. II., 1987. С. 168).

Верховным сюзереном башкир выступал сам Чингисхан, и дань выплачивалась непосредственно императорскому двору. В то время как для монголов было свойственно уничтожать всех представителей аристократической верхушки завоеванных стран и народов, из преданий и шежере известно, что башкирские ханы и бии сохранили свой титул как пожалование, подтверждаемое специальным ярлыком – золотой или серебряной пайцзой. Это обеспечивало и гарантировало внутреннее самоуправление народа и право на владение родовыми землями.

Таким образом, власть монголов над башкирскими племенами осуществлялась не напрямую, а через местную родовую аристократию или наместников. Это напоминает то положение, в котором находилась и Русь.



Отдельного внимания заслуживает письмо венгра-францисканца, брата Иоганки, к генералу своего ордена о положении, деятельности и задачах католической миссии «в стране баскардов» (в Башкортостане) (Буканова Р.Г., 2000. С. 107–109). Автор письма вместе с англичанином Вильгельмом на протяжении шести лет в период между 1310–1320 гг. оставался среди башкир, «большого народа, подчиненного татарам» (Там же). Иоганка сообщает, что «государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением» (Там же). Этим подтверждается мысль о государственном характере тогдашнего башкирского общества с собственной государственной религией. Иоганка также сообщает и о татарах, представителях золотоордынской центральной власти, которые пребывали там и исполняли судебные функции над башкирами, контролировали своевременное поступление налогов, осуществляли надзор за внешнеполитическими связями башкирских ханов. Золотоордынские власти требовали от подданных, «чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону» (Там же). Когда же татаро-монголы шли в бой, «те (подданные, в т.ч. башкиры), вооружившись, следуют за ними и соблюдают верность договору» (Там же). Однако татаро-монголы оставили в неприкосновенности все то, что существовало до них в сфере хозяйственной и внутривнутриполитической жизни, «позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится» (Там же).

В настоящее время вопрос культурного развития башкир в XIII–XIV вв. остается по-прежнему малоизученным.

В золотоордынскую эпоху в башкирскую этнокультурную среду проникли, с одной стороны, некоторые монгольские элементы, с другой – возросло влияние кыпчакского компонента. Тюркский компонент, составивший основу культуры всего населения Золотой Орды, которая занимала обширную территорию, способствовал созданию у них универсальной, единой культуры, литературы, формированию единого тюркского литературного языка. По мнению известных лингвистов, данный язык стал совместным литературным языком современных узбеков, татар, башкир, казахов, каракалпачков (История башкирской литературы, 1990. С. 169), чьи предки вошли в тесное взаимодействие со времен Золотой Орды. Однако, как бы ни велико было влияние кыпчаков, они не могли стереть того своеобразия в языке и материальной культуре, которое отличает язык башкир от языка других кыпчакских народов. Более того, кыпчаки и связанные с ними роды и племена, оказавшись среди башкир, сами восприняли культурно-языковые особенности последних (Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф., 2002. С. 17).

Культура местных башкирских племен в XIII–XIV вв. претерпевает самые серьезные изменения. Бросается в глаза заметное уменьшение курганов, где умерших хоронили языческим способом, т.е. с вещами. Другая группа памятников отражает процесс активной мусульманизации башкирского населения – это грунтовые могильники, где умершие уложены согласно требованиям мусульманского обряда. Встречаются памятники, отражающие черты, типичные для переходного от язычества к исламу времени (Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994. С. 263–264).

О том, что уже в начале XIV в. мусульманство пускает глубокие корни в башкирском обществе, о сильном влиянии мусульманского духовенства в нем, свидетельствуют и ранее упоминаемое нами письмо Иоганки (Буканова Р.Г., 2000. С. 106–109), и ряд воздвигнутых в XIV в. мавзолеев (Бикбулатов Н.В., 1999. С. 145).



Под влиянием ислама среди башкирского населения начинает распространяться арабская письменность, о чем свидетельствует надмогильная плита, где арабскими буквами выведены тюркские слова «надмогильный знак Кукляра сына Буги» (Ишбердин Э. Ф., 1980. С. 64–67). Текстологический анализ надписи на камне приводит исследователей к однозначному выводу о том, что «население бассейна р. Агидели, оставившее нам указанные памятники, говорило на тюркском (башкирском) языке» (Мажитов Н.А., Султанова А.Н., 1994. С. 265).

В XIII–XIV вв. укрепляются политические, экономические и культурные связи между Золотой Ордой и Египтом. Источники тех времен свидетельствуют о значительной роли тюрков – выходцев из башкирской части Золотой Орды в административно-политической жизни, науке и культуре Египта. Мурат Рамзи среди подобных тюрков, мамлюков упоминает имена двух башкир, принадлежащих к высшим слоям египетского общества – Гилметдин Санжар Башкурди, который являлся эмиром Египта, и Насретдин аль-Насыри – известный в свое время ученый и поэт (Мурат Рамзи, 1965. С. 194).

Из всего сказанного следует, что вхождение башкир на правах договорного вассалитета в состав монгольского государства, далее – Золотой Орды, не привело к ликвидации власти местной родовой верхушки в лице биев и ханов. Они по-прежнему сохраняли свое право на владение родовыми землями и главенство над своеобразными государственными образованиями в виде крупных племенных союзов или родов. После признания власти золотоордынского хана на территории башкир их государственная политика оставалась суверенной с некоторыми ограничениями в плане контроля над внешними связями башкирских ханов, обязательного призыва воинов из башкир в случае войны и исполнения юридических функций представителями татаро-монголов. А в экономическом отношении подчинение башкир ограничивалось лишь своевременной выплатой установленного ясака. Все остальные стороны внутренней жизни и быта башкирского общества развивались независимо от золотоордынского влияния. В большей степени благодаря этому башкиры сохранили не только свой этноним, но и названия крупных родов и племен, восходящих к домонгольскому периоду истории, самобытную культуру, особенности развития этнографических групп.

М.М. Маннапов

*Институт истории, языка и литературы
Уральского научного центра РАН, Уфа*

К ВОПРОСУ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ И ЛЕТНИХ КОЧЕВКАХ БАШКИР И КАЛМЫКОВ В XVII ВЕКЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Степи Заволжья и Южного Урала, включая современное Оренбуржье, как известно из источников эпохи средневековья, входили в обширную зону кочевых территорий башкирских родов и племен (Ибн Фадлан, Идриси и др.). Появление калмыков в Приуралье и Степном Заволжье произошло гораздо позже – в начале XVII в. В этот период они начали движение на запад, к верховьям реки Яик и реке Орь. В 1608 г. часть калмыков появилась на реке Эмба, где их обнаружили ногаи, кочевавшие по Яику, тогда и



произошло первое столкновение между калмыками и ногаями на реке Эмба. В 1611 г. ногайский князь Иштерек, кочевавший по Яику, сказал русскому переводчику П. Врасскому, что он посылает в Москву только небольшой вспомогательный отряд, потому что опасается нападения калмыков, а мурза Келмамет отказался присоединиться к этому отряду под предлогом, что стоит на заставе против башкир и калмыков. Прокофий Врасский возразил Келмамету, что на башкирской стороне стоять на заставе против калмыков не приходится, так как калмыки идут из-за Яика, а не от Уфы.

Итак, наметился новый маршрут, по которому двигались калмыки – на Эмбу, на Яик и далее к Волге. Данное направление имело большое значение, так как движение на север натолкнулось на вооруженное сопротивление русских. Калмыкам были необходимы звероловные и рыболовные угодья, но под сибирскими городами такие угодья были уже заняты русскими поселенцами. Движение калмыков в яицком направлении также встретило сопротивление (Богоявленский С.К., 1939. С. 56–57). Следует отметить, что ожидание мурзой Келмаметом нападения башкир предполагает их присутствие в Степном Заволжье. Во второй половине XVI – начале XVII в. башкиры кочевали в степях Степного Заволжья по рекам Большой и Малый Узень, Чижи, в низовьях Яика. Во время тебеневок в Степном Заволжье у башкир возникали споры с калмыками (Кузеев Р.Г., 1974, С. 504; Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1959. С. 159; Томашевская Н.Н., 2002. С. 25). Первоначально калмыки проявляли большую сдержанность по отношению к башкирам. В 1623 г. один из тайш упрекал башкир, что они вторгаются в занятые калмыками места, а калмыки не могут ничего сделать, так как старшие тайши запретили обижать башкир. Последние так осмелели, что один башкир на охоте убил калмыка «за посмех» (Богоявленский С.К., 1939. С. 62). С этого момента начались башкирско-калмыцкие конфликты, которые усилились с появлением калмыков в верховьях Тобола, на среднем течении Яика, по рекам Илек, Орь, Киил (Кизил) и Сакмара (Колесник В.И., 2003. С. 88), то есть на основных территориях проживания башкир. К сожалению, мнение авторитетного исследователя Н.В. Устюгова о том, что вышеназванные территории использовались башкирами как охотничьи угодья (Устюгов Н.В., 1947. С. 49), вошло в оборот в исторической литературе, тем самым исказилась реальная историко-географическая этнокартина. В действительности, на данной территории проживали и проживают представители башкирских родов бурзян, усерган, тангаур и кыпсак. Поэтому башкиры не могли отказаться от своих территорий, так как это нанесло бы экономический ущерб их собственному хозяйству.

Калмыки вели непрерывные войны со своими соседями – башкирами, ногаями и казахами. В основном борьба шла за кочевья. Выбор места кочевки зависел от политических соображений. В 1629 г. астраханский воевода Ф. Куракин обнаружил калмыков Хо-Орлюка в низовьях реки Эмба и доложил в Москву, что калмыцкие тайши приблизились к Яику, желают быть «в холопстве», то есть просят о подданстве, а также разрешения на кочевания по рекам Эмба и Яик (Колесник В.И., 2003. С. 51). 24 июня 1630 г. послан Балте и Баучину по вопросу территории для кочевий не было разрешено кочевать в Приуралье и Эмбе и порекомендовали уходить на старые кочевья к сибирским городам, где прежде кочевали, чтоб «им с нагай и з башкирцы ссор не было», а в июле 1630 г. в Москву прибыли послы от Далай-Батыра с просьбой о разрешении на кочевку вблизи города Уфа, а уфимский воевода И.Г. Желябужский еще раз напомнил калмыкам, чтобы в башкирских вотчинах по Ембе и по Яицким вершинам не кочевали, а также «по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали» и возвращались на кочевья в Иртышских



вершинах (Материалы по истории русско-монгольских отношений, 1959. С. 159). Следовательно, в источниках говорится о пределах башкирских вотчин, которые располагались до реки Эмба.

Калмыки не желали делить с ногаями богатые пастбища междуречья Волги и Яика. 22 апреля 1633 г. объединенные силы русских и ногайцев потерпели поражение, и по этой причине некоторые из ногаев, не чувствуя себя в безопасности, откочевали на Дон и при этом принудили к переселению часть подвластных им башкир, которые через некоторое время вернулись (Колесник В.И., 2003. С. 58–59). С этого момента калмыки становятся полными хозяевами региона, окончательно оттеснив ногайцев за Волгу, на правобережье. При этом совершили дерзкие военные походы в Волго-Уральское междуречье в 1634–1635 гг. Нужно отметить, что на Яике расположился со своими улусами старший сын Хо-Орлюка Дайчин, а сам Хо-Орлюк остановился на реке Эмба (Беликов Т.И., 1965. С. 13). Таким образом, в 30-х г. XVII в. присутствие калмыков в степях Заволжья и Южного Урала носило характер непродолжительных военных экспедиций, которые стали повторяться все чаще, но постоянно обитаемые калмыками кочевья расположились к востоку от реки Эмба.

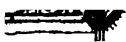
С начала 40-х гг. XVII в. обнаруживается тенденция к освоению пространства между Яиком и Волгой как постоянных кочевий. Тайша Лаузан кочевал в Рын-песках по рекам Большой и Малый Узень, приближаясь к Астрахани на расстояние трех дней пути, и намеревался кочевать на урочище Иргизе между Самарой и Саратовом. Летом 1643 г. Хо-Орлюк перешел Яик и прикочевал к Самаре, а его сыновья Сююнч и Шункей расположились по реке Чагра на расстоянии дневного перехода от Самары к югу (Богоявленский С.К., 1939. С. 78–81). В 1644 г., возмущенная нападениями калмыков, царская администрация решила вытеснить их за Яик. Из Уфы и Астрахани воеводы Л. Плещеев и Ф. Волконский послали на калмыцкие улусы отряд русских ратных людей и башкирских воинов и вытеснили калмыков за Яик, на Орь, Иргиз, Илек, Оил и Сагиз (Кичиков М.Л., 1976. С. 8.; Очерки истории Калмыцкой АССР, 1967. С. 106). В 1645 г. Дайчин тайша уладил конфликт мирным путем; и калмыки во главе тайш Лаузана, Шункея, Йелдена, Нама-Серена продолжали кочевать на Илецких и Индерских вершинах, по рекам Уил, Киил, Сагыз, то есть между Яиком и Эмбой, а в 1649 г. источники отмечают кочевание улусов по рекам Яик, Орь, Сакмара, Киил (Колесник В.И., 2003. С. 45). В апреле 1646 г. сорвался процесс переговоров между уфимским представителем царской администрации, стрелецким сотником А.Б. Кудрявцевым и тайшой Лаузаном по причине обострения калмыцко-башкирских отношений из-за неурегулирования вопроса о кочевьях в верховьях Яика (Максимов К.Н., 2002. С. 58). Остро стоял вопрос о кочевьях в бассейне реки Большой Иргиз, где произошли столкновения с башкирами «Ицких волостей Ногайской дороги». Сегодня название местности в Большечерниговском районе Самарской области, где в XVII в. произошло сражение башкир с калмыками, имеет специфическое название «Оло уба» (Большой курган) (Информатор Хасьянов Х.Д.).

В июле 1649 г. царская администрация предложила Дайчину отойти за Яик и Эмбу для прекращения столкновений с башкирами (Там же). Дайчин тайша при разговоре с Иван Онучиным о причинах и перспективах калмыцко-башкирских столкновений ясно давал понять, что башкиры вправе сами решать, кому подчиняться, и что, в конце концов, они перейдут под его руку, потому что он сильнее и его верховенство для них предпочтительнее русского владычества (Колесник В.И., 2002. С. 58–90). Дайчин ценил боевой дух башкир и не терял надежды привлечь их на свою сторону. По мнению Дайчина,



быстро подчинить башкир не было возможности, ибо в вооруженных стычках победа в большинстве случаев доставалась башкирам. По этой причине он задумал добиться добровольного подчинения башкир калмыкам (Устюгов Н.В., 1947. С. 53). Вскоре Дайчин захватил 200 башкирских дворов и склонил к отъезду под свою руку еще 1500 дворов. Влиятельный тархан Ногайской дороги Ишмухамет Давлетбаев признал над собой власть калмыцкого тайши Аюки и получил от него район кочевья вверх по Яику, а башкир Ицких волостей Карабаш Утеев подчинился Дайчину и собирался кочевать с ними по Волге (Колесник В.И., 2003. С. 90). Астраханский боярин Петр Шубников, прибывший в улусы Дайчина в январе 1663 г., встретил там башкир, которые договорились с Дайчином о переезде в его улусы и только «упрошали срока до лета, покамест хлеб снимут» (Устюгов Н.В., 1947. С. 91). Такое расселение башкир и калмыков показывает Г.И. Перетяткович, который отметил, что «земли луговой стороны (Заволжья) в продолжение первой четверти XVIII в. были вполне во власти калмыков, которых посещали наездом – башкирцы. Область, орошаемая реками Б. и М. Иргизами, была местом, где, кажется, они временно встречались и вместе кочевали» (Перетяткович Г.И., 1857. С. 127–133). Исследователь А.А. Гераклитов убежден, что близкое соседство с калмыками и башкирами уменьшает безопасность соседних территорий. Так, крестьяне монастырских поселений Терса и Малыковка на правой стороне Волги свидетельствовали перед правительством, что земли и угодья, отведенные их монастырю в конце XVII в. на левой стороне Волги, «остались не меряны и не межеваны, потому что межевать той земли и с вервью идти и столбов ставить и ям копать и на деревьях грани насекать невозможно для того что по Иргизу и по степи калмыки и башкирцы кочуют зимовьями; а опричь татарских кочевий на той луговой стороне русских людей жилья ничего нет». Эти же старожилы жаловались, что земли невозможно размежевать, так как по реке Иргиз «калмыки и башкирцы воровскими кочевьями и зимуют и за зверьями ходят и их колют и грабят и от того их воровства они на луговой стороне пашни не пашут и сен не косят, а вокруг де той земли дикая порозжая степь и жилья ничего нет» (Гераклитов А. А., 1923. С. 333). В 1680 г. в Казанский дворец из разных мест с Ломовой черты были сообщены сведения воеводами, что приходившие к Пензе азовцы, калмыки, черкесы, возвращавшиеся с полоном, встретили калмык и башкир «и промеж собою советовали», и встретившимся воинским людям «велели» идти на украинные города. На Яик была прислана военная помощь Аюке, который захотел прийти к низовым и украинным городам, соединяясь с башкирами. В разных числах июля 1680 г. видели переход калмыков и башкир (Новосельский А.А., 1994. С. 44, 113). Следовательно, высказывания самарского исследователя Ю.Н. Смирнова о невозможности в Степном Заволжье постоянного совместного обитания и регулярных кочевок башкир и калмыков являются ошибочными (Смирнов Ю.Н., 2001. С. 8).

Нормативные документы 1655 г., а также 1657 и 1661 гг. окончательно оформили принятие калмыками российского подданства и определили территорию их обитания. С начала второй половины XVII в. калмыки обрели постоянные и обширные территории – оба берега Волги, от Астрахани до Царицына, до Самары, к степи Придонья, – по которым они могли беспрепятственно и спокойно кочевать (Максимов К.Н., 2002. С. 61, 67). Следовательно, русское государство предоставило калмыкам территории для кочевок за счет малозаселенных русскими земель на юго-востоке и за счет территорий обитания ногаев и кочевок башкир. Следует отметить, что после подписания договора 1661 г. русское правительство повело решительную борьбу с набегами башкир на калмыцкие владения (Преображенская П.С., 1960. С. 69). Возможно, в связи с развернувшимися



обытиями башкиры в 1661 г. ходатайствовали о подтверждении жалованной грамоты царскими властями, и результат был положительным. По тексту жалованной грамоты границы расселения юго-восточных башкир, согласно шежере, определялись течениями рек Кизил, Сакмара, Зилаир, Большой и Малый Сурень, Саелмыш, Таналык, Ассель, то есть восточные и южные пределы расселения башкир доходили в конце XVI–XVII в. до реки Яик и ее правых притоков (Томашевская Н.Н., 2002. С. 23). Территория, нижняя граница которой шла «от упомянутого Сарымсака, три Узени, до горы в степной стороне, три реки Узени и Камелек, от истоков до устьев со всеми горами; верхняя граница – до глубокого Дурткуль», являлась особым владением племени бурзян (Башкирское шежере. 1960. С. 200–203). Тем самым с принятием калмыками русского подданства и предоставлением им территории ареал обитания башкирских племен сократился до рек Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижи (Сэде). Необходимо отметить, что большинство калмыков, посчитавших себя стесненными, в 1771 г. покинули регион, откочевав на свою историческую родину – в Джунгарию (Новиков А.А., 1995. С. 170). По истечении калмыцкой угрозы башкиры в массовом порядке стали возвращаться на свои старые кочевки в бассейнах рек Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижи (Сэде) и у озера Сакрыль (Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М., 2002. С. 14).

Таким образом, в начале XVII в. в Волго-Уральском регионе появился новый кочевой народ – калмыки, которым были необходимы звероловные и рыболовные угодья, и по этой причине на протяжении века постоянно происходили их столкновения с башкирами. Во второй половине XVI – начале XVII в. башкиры кочевали в степях по рекам Узень, Чижи (Сэде), Эмба, Чаган и в низовьях Яика и не могли отказаться от своих территорий, так как это принесло бы хозяйствам экономический ущерб. В результате усиления калмыков башкиры вынуждены были оставить Степное Заволжье и переселиться в Уфимскую провинцию. Есть большая вероятность предположения того, что часть башкир, чтобы сохранить свои кочевья, признала номинальную власть калмыков. Калмыки ценили боевой дух башкир и в большинстве случаев привлекали их наемников-вассалов в ряды своего воинского контингента для совершения военных походов. По нашему мнению, башкиры Степного Заволжья сосредоточили свой военный потенциал с X в. от реки Чаган до реки Кондурча, а в начале XVII в. источники отмечают пределы башкирских вотчин, которые располагались до реки Эмба. С принятием русского подданства калмыкам предоставили территорию за счет кочевков башкир, которые были сокращены до бассейнов рек Узень и Чижи (Сэде).

Ю.А. Абсалямова

*Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН,
Уфа*

К ВОПРОСУ О РОДОВОЙ СИМВОЛИКЕ БАШКИР ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ И КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА

У тюркских, монгольских и иранских народов было распространено использование тамг с древнейших времен. В Зауралье и Северо-Западном Казахстане известны знаки-тамги на каменных стелах V–IV вв. до н.э. (Яценко С.А., 2001. С. 28). У тюрков, а также



у монголов, существовал обычай наделения каганом (ханом) тамгой племени. В башкирском и казахском фольклоре и шежере получил широкое распространение факт назначения тамгами родов и племен легендарным Огуз-каганом и позже Чингиз-ханом. Тамги являлись одним из атрибутов родовой символики наряду с птицей, деревом, боевым кличем, которую имело каждое башкирское племя. Тюркские тамги обычно имели название и ассоциировались с образами конкретных предметов, природных явлений (Там же. С. 107). Экономическое значение тамги заключалось в том, что она обозначала собственность рода на орудия труда, ценные вещи, предметы и границы родовых земель. В эпоху средневековья тамги играли важную социально-экономическую роль, но в XVIII–XIX вв. постепенно начинает теряться их социальная роль и сужается функция.

В документах XVIII–XIX вв. башкиры нередко ставили свои тамги вместо подписи. В архивных материалах сохранилось довольно большое количество башкирских тамг того периода (так, тамги башкир Усерганской волости – современного Восточного Оренбуржья, имеются в ГАОО. Ф. 13. Оп. 2. Д. 109, 118). В Восточном Оренбуржье, по нашим материалам, тамги обнаружены на некоторых предметах быта, например на ручных каменных жерновах, деревянных ступах и т.д. Хорошо сохранились тамги на надмогильных плитах башкирских кладбищ. В Восточном Оренбуржье среди надмогильных сооружений преобладают каменные плиты, и поэтому, видимо, здесь сохранилось большое количество подобных тамг. Иногда тамги на плитах сопровождаются эпитафией, иногда идут без надписи.

Обычай нанесения тамг на поминальную стелу широко распространен, он известен в эпоху раннего железа на надмогильных сооружениях и предметах пазырыкской, сармато-аланской культур (Яценко С.А., 2001. С. 18). Ареал распространения тамг на камнях охватывает довольно обширную территорию. Они зафиксированы на Мангышлаке, Мугоджарах, на надмогильных плитах башкирских кладбищ Оренбургской области, юго-восточном и южном Башкортостане до широты г. Уфы. Кроме Урало-Аральского региона, тамги на камнях известны на Кавказе и в Крыму. Как отмечает Р.Г. Кузеев, они как родоплеменные знаки распространены на путях движения кочевников с Приаралья и Мангышлака на Южный Урал, Кавказ, Среднее Поволжье (Кузеев Р.Г., 1997. С. 81). Датируется большинство тамг на надмогильных плитах башкирских кладбищ XVIII–XIX вв. (Кузеев Р.Г., Кузеев Н.Г., Гарипов Т.Н., 1977. С. 79).

Тамги были широко распространены и у ближайших соседей башкир – казахов, с которыми башкиры находились в тесном этнокультурном взаимодействии. На территории Восточного Оренбуржья такие контакты на протяжении XVII–XIX вв. были особенно тесными. Здесь башкиры племен *усерган* и *кипчак* граничили с казахами Младшего Жуза, большей частью с *жагалбайлинцами*, которые являлись одним из крупных (70 тыс. человек) родов в составе отделения *жетыру*. Кроме жагалбайлинцев соседями башкир были: западнее – роды *тама* (отделения *жетыру*), южнее – роды *шекты* и *кете* (племени *алимулы*), *табын* (*жетыру*).

Тамгами казахи, так же, как и башкиры, клеймили скот, ставили их на колодцах, на надмогильных сооружениях и пользовались вместо подписи или печати в документах.

Как известно, многие средневековые тюркские и монгольские племена вошли в состав как башкирского, так и казахского народов. И это является одной из причин аналогий в видах тамг у обоих народов. Одно из крупнейших племен в составе башкир и казахов, а также узбеков, ногайцев, каракалпаков – это кипчаки. Кипчаки, как известно, – одно из крупных племен в составе башкир, часть которого расселялась и в Восточном



Оренбуржье, а у казахов кипчаки – племя в составе Среднего Жуза. Тамга башкирских и казахских кипчаков имеет форму двух параллельных черточек (П). Причем в Восточном Оренбуржье тамги кипчаков часто совмещены с тамгой усерган, что говорит о тесных контактах между ними. В литературе уже отмечалась схожесть тамг башкирского племени *бурзян* и казахского племени *жагалбай* – одного из крупнейших в составе объединения Жетыру Младшего Жуза (Т). При этом тамга *бурзян* называется «ягалбай» («яғалбай» – один из подвидов ястребиных). Племя *бурзян* расселялось на Южном Урале, то есть на границе башкирских земель с территорией обитания казахов Младшего Жуза. *Бурзяне* когда-то населяли частично и степи Восточного Оренбуржья, что подтверждается топонимией края (Усманова М.Г., 1994, С. 56–57). *Жагалбайлинцы* – казахи жили по среднему течению реки Яик, по рекам Гумбейка, Кизил, Кизил-Чилик. В XVI в. из-за нашествия джунгар они были вынуждены продвинуться к Яику и вступили в тесные контакты с башкирами.

В составе обоих народов есть племя *табын*, которое является частью существовавшего задолго до монгольского нашествия в степях Западного Казахстана и Зауралья племенного объединения *табын*. Тамги их имеют форму круга. У казахских *табынцев* тамга называется «тастаган» (по сведениям Н.И. Гродекова, уран у сыр-дарьинских казахов также «Тостаган») (Востров В.В., Муканов М.С., 1968. С. 96–98). Башкирские *табынцы* живут на востоке и юго-западе башкирских земель. На территории Восточного Оренбуржья встречаются этнонимы *каратабын* и *кувакан* как названия родовых подразделений (д. Мало-Халилово и Яльчибаево Гайского р-на). Роды *кувакан* и *каратабын*, которые имеются в составе табынцев-башкир, тесно связаны своим происхождением (Янгужин Р.З., 1998. С. 83).

На территории Восточного Оренбуржья остались следы пребывания племени *тангаур*, что подтверждается также тамговым материалом архивных источников. Тамга *тангаур* имеет форму полумесяца («айбаш») и встречается единично в различных деревнях Восточного Оренбуржья наряду с тамгами усерган и кипчаков. Такую же тамгу имеет род *орманши* родоплеменного объединения *аргын* Среднего Жуза и называется «айтамга» (Курылев В.П., 1989. С. 214). Кстати, у усерган есть крупное родовое подразделение *мамбет*, которое своим происхождением тесно связано с казахскими аргынами.

Сходство форм тамг башкир и казахов отражает их генетическую связь на доэтническом уровне, то есть на уровне средневековых племен, которые вошли в состав обоих народов. Кроме общих этнических корней башкир надо отметить и наличие поздних контактов. Известно, что часть башкир укрывалась у казахов Младшего Жуза во время восстаний XVIII в. Поселившиеся среди казахов башкиры, по-видимому, должны были сохранять свои тамги. В документах, которые фиксировали переход башкир в 1762 г. обратно на правый берег Урала, на российскую сторону, башкиры указывали свои тамги. Из них же видно, что башкир в основном принимали казахи родов *табын*, *чумекей*, *тама*, *байбакты*, *черкес*, *алчин*, *каракияк* (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 63. Л. 151, 155, 155 (об.), 162, 166, 211, 208, 248, 312, 351, 417, 432). Часть башкир, которая соединилась брачными узами с этими родами, возможно, осталась у казахов и волилась в состав казахского народа. То же самое происходило с казахами, оставшимися у башкир. В башкирских деревнях Восточного Оренбуржья имеется большое количество родовых подразделений, которые тем или иным образом связывают свое происхождение с казахами. Часть из них поселилась в XIX в., когда были частыми переходы казахов в башкирские селения с целью найма



в работники. В основном это были казахи родов *жагалбайлы*, *тама*, *чикли* Младшего Жуза и *кипчак* Среднего Жуза (Султангалеева Г.С., 2001. С. 127).

Таким образом, схожесть тамг башкир и казахов указывает, с одной стороны, на наличие одних и тех же субэтнических компонентов в составе обоих народов, то есть потомков древних родоплеменных групп, с другой стороны, более поздних включений в их состав представителей этих же родов, которых башкиры называли общим этнонимом – казахи.

Г.Х. Самигулов, С.А. Мишин

Челябинский научный центр УрО РАН, Челябинск

С.Н. Шилов

Курганский государственный университет, Курган

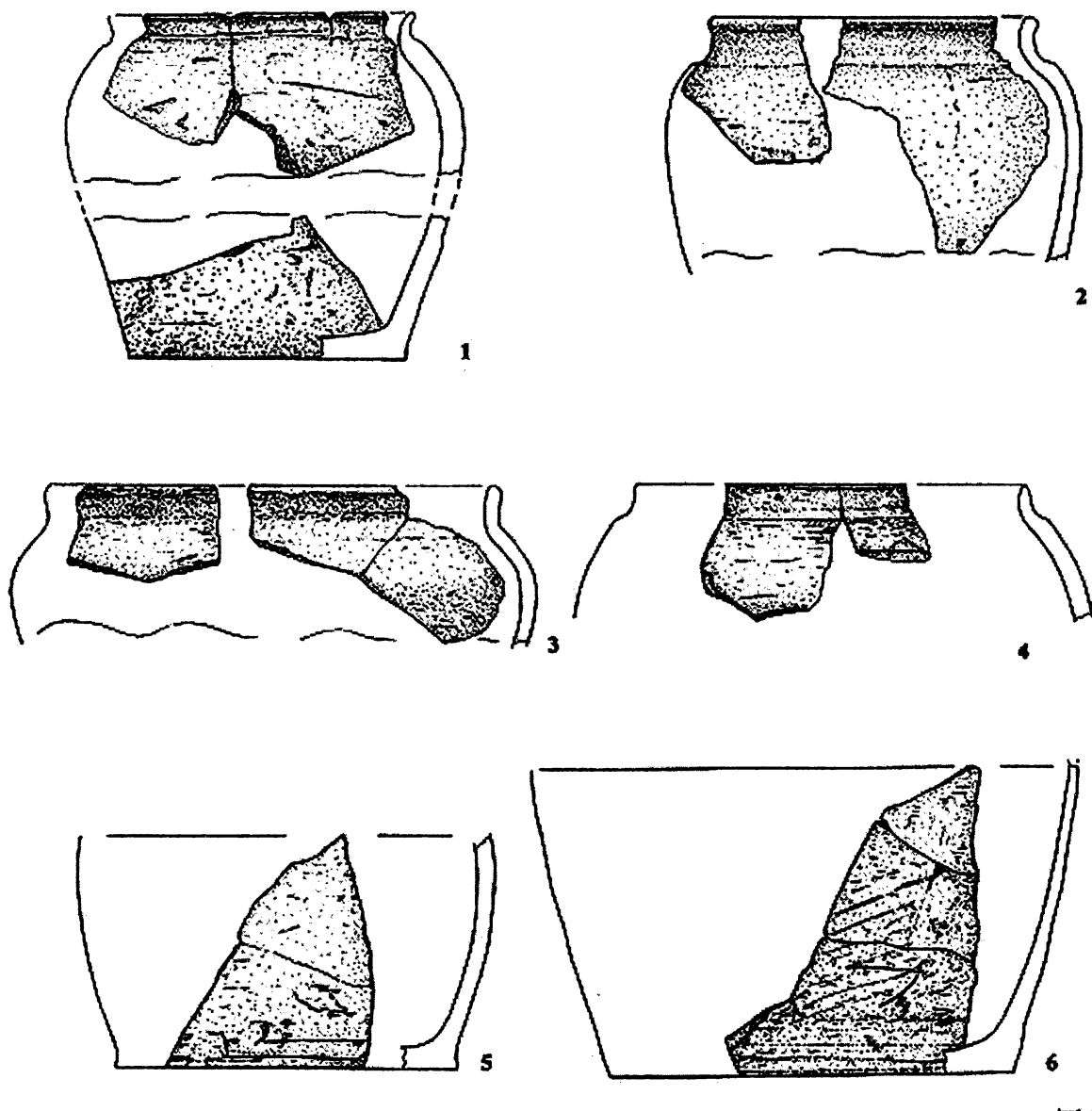
«КОКАРЕВО ЖИЛИЩЕ» – АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ XVII–XVIII ВЕКОВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Кокарево жилище было выявлено в ходе разведочного обследования, проводившегося К.В. Сальниковым в 1937 г. Памятник расположен на правом берегу реки Юргамыш в 0,7 км к ВСВ от д. Ерохиной Юргамышского района Курганской области. На возвышенности, в излучине реки Юргамыш зафиксированы около 40 впадин диаметром 4–8 м, глубиной 0,1–1 м. В ходе обследования К.В. Сальниковым был заложен раскоп площадью 37 м², которым вскрыта прямоугольная «яма» размерами 2,7 × 1,3 м, содержащая остатки жилой постройки предположительно XVII–XVIII вв. (Археологическая карта Курганской области, 1993. С. 297; Сальников К.В., 1940. С. 8–9).

Полученный материал представлен 15 фрагментами керамики от шести сосудов (рисунков). Из них один реконструируется полностью, один – на две трети верхней части и по два сосуда реконструируются на одну треть верхней и нижней частей соответственно. Также в коллекции присутствует кусок железной руды (сидерос).

Представленную керамику по составу и качеству глины, качеству обжига, обработке внешней поверхности и морфологическим признакам можно разделить на две группы. Первая группа представлена двумя сосудами горшечного типа средних размеров (рисунк: 1, 2), с соотношением высоты и диаметра тулова, близким единице. Стенки слабопрофилированы, венчик слегка отогнут наружу. У сосуда 1 верхний край сплюснен, у сосуда 2 фиксируется уступ. Тесто плотное, обжиг равномерный. Цвет внешней поверхности коричневый, на изломе красно-коричневый. С внутренней и внешней сторон фиксируется нагар. Вторая группа (рисунк: 3–6) представлена более крупными сосудами горшечного типа. Стенки также слабопрофилированы, со слабовыраженным венчиком. У сосуда 4 венчик прямой, немного заостренный. Тесто средней плотности, обжиг неравномерный, на поверхности фиксируются следы отслаивания. В тесте присутствует примесь талька и мелкого галечника. Цвет поверхности красный, на изломе – серый. Поверхность грубая, с шероховатостями. Нагар отсутствует. Вся посуда изготовлена гончарным способом.

Данная керамика находит прямые аналогии с материалами русского населения Урала и Сибири XVII–XVIII вв. Сосуды первой группы идентичны посуде, получаемой



Керамика с поселения Коварево жилище

из слоя XVIII в. г. Челябинска (Самигулов Г.Х., 2004. С. 172). Керамика второй группы в коллекции Челябинска относительно малочисленна, но также присутствует в слоях и объектах, датируемых XVIII в. (Самигулов Г.Х., 2004. С. 173. Рис. 4). Эта группа керамики находит также свое отражение в материалах XVIII в. Нерчинского, Илимского острогов (Артемьева Н.Г., 1995. С. 125, 130. Рис. 1: 4-7; Добржанский В.Н., 1979). Таким образом, керамику Коварева жилища можно датировать не позднее XVIII в.

Теперь обратимся к историческим данным. Название «Коварево жилище» было дано К.В. Сальниковым со слов местных жителей и к истинному названию поселения отношения не имеет. По рассказам гражданки деревни Ерохиной А.Л. Тельмановой, лет 70 назад (тогда ей было 10 лет) в отвесном склоне речного увала было выкопано жилище. В нем обитал неизвестный раскольник. Точного имени его никто не знал. Жил он один, ловил рыбу и занимался изготовлением гончарной посуды. Звали его обычно Кокарем.

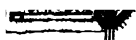


Затем он куда-то скрылся. «Избу», сделанную им в обрыве речного увала, местное население с тех пор и стало называть «Кокаревым жилищем» (Астафьев А.У., 1998. С. 105). И на сегодняшний день это единственная информация о данном месте. Но приблизительно в 10 км к северо-западу от «Кокарева жилища», на левом берегу реки Юргамыш, на берегу болота Кипелко располагается селище Кипельское II. Памятник был обследован К.В. Сальниковым в 1939 г. На поверхности фиксировались 15 впадин. Керамика из культурного слоя была без орнамента, изготовлена на гончарном круге (Археологическая карта Курганской области, 1993. С. 297).

Местное население данное селище связывает с легендой об усадьбе Кипелина. В начале XVIII в. на берегу старицы реки Юргамыш поселился человек по фамилии Кипелин. «Известно только одно, что он прибыл из района уральской реки Белой. Было у него четверо сыновей и три дочери. Время тогда было беспокойное. Край только что начал заселяться русскими. Нередки были случаи нападения кочевников на возникающие русские поселки. Это же произошло и с усадьбой Кипелина. Первое нападение было отбито. Но в дальнейшем Кипелин и его сыновья были убиты, усадьба разграблена, дочери были взяты в плен. Их судьба неизвестна. Вскоре после этой трагедии вниз по реке Юргамыш, на расстоянии 1 км от разрушенной усадьбы Кипелина была основана деревня Кипель. С тех пор прошло свыше 200 лет, но местные жители старицы, на берегу которой находилась усадьба Кипелина, все еще называют ее Кипелкой. От фамилии Кипелин унаследовало свое название и нынешнее село Кипель» (Астафьев А.У., 1959; 1998. С. 58).

Юргамышским краеведом Сергеем Васильевичем Плотниковым из архива Владимира Александровича Харитонов, 1967 г. рождения, проживающего в Санкт-Петербурге, потомка обер-берггауптмана А.Г. Качки, бывшего владельца села Петровское, была приобретена копия указа Елизаветы Петровны от 14 декабря 1748 г. об отводе земли на берегах реки Юргамыш полковнику Оренбургского драгунского полка Петру Степановичу Бахметьеву. В документе, в частности, зафиксировано следующее: «А что же де в копии с указа Оренбургской канцелярии упоминается, что на значенном плане при следствие порутчиком Моисеевым на Юргамыше прежнем жиле о том они окуневские крестьяне в той скаске показали якобы на прежде на том месте бывала деревня Кипелина Сибирской губернии Утятского форпоста (деревню) разгромили киргисцы и ныне на том месте жила нет». Деревню Кипелину основали крестьяне Утятской слободы. У этой деревни была граница Утятского форпоста, проходила она метрах в 300 западнее д. Кипелиной. Возможно, что такая же деревня стояла на месте, именуемом сейчас селище «Кокарево жилище». После образования Куртамышского дистрикта в 1756 г. граница с Сибирской губернией была передвинута восточнее за д. Ерохину. (Письмо С.В. Плотникова).

Таким образом, можно предположить, что Кипельское II селище – это бывшая деревня Кипелина, а Кокарево жилище – деревня, существовавшая одновременно и, возможно, разделившая с ней судьбу, разоренная кыргыз-кайсаками до 1748 г. Подборка керамики с Кокарева жилища невелика, но полученные материалы имеют аналоги среди находок с памятников Урала и Сибири XVII–XVIII вв.



В.А. Трусов

Общество уральских краеведов,

Уральское историко-родословное общество,

Уральское генеалогическое общество, Первоуральск

НАПАДЕНИЕ БАШКИР НА ШАЙТАНСКИЙ ЗАВОД, СЕЛА БОГОРОДСКОЕ И АЛТЫННОЕ

В августе 1737 г. было совершено разбойное нападение на Шайтанский завод Никиты Никитича Демидова. В то время приказчик Терентий Мосолов отсутствовал в селе. Материалов об этом в Главном правлении Сибирских и Казанских заводов в делах башкирских известий не отыскалось. Известно только из челобитной Н.Н. Демидова императрице Анне Иоанновне, поданной 13 ноября 1740 г., что убито четыре человека и ущерб оценен в 1507 рублей 25 копеек.

14 июня 1738 г. башкиры устроили погром в селах Богородское (оно же Вариинское) и Алтынное, приписанных к Баранчинскому заводу Никиты Никитича Демидова. О событиях этого года в Кунгурском уезде сохранились ведомости убытков в делах Главного правления Сибирских и Казанских заводов в Екатеринбурге (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 903. Л. 10-11). Приказчик Т. Мосолов в это время находился в Шайтанском заводе.

В селе Алтынном (тож Егоровское, тож Георгиевское)

	количество	рублей	копеек
Убито людей: мужеска пола	11		
женска	11		
Ранено: мужеска пола	7		
женска	1		
Скота и пожитков пограблено и убито:			
лошадей	118	623	70
рогатого	173	651	
овец, и коз, и свиней	386	269	50
Да созджено 4 двора, 2 мельницы, да домового скарбу пограблено		1792	
Хлеба пограблено и насаемого в поле вытравлено		776	
Денгами взято		88	95
Вина казенного 10 ведер		13	
Пчел, улей и бортей жилых разорено		54	
Итого в Алтынном людей			
убито: мужеска и женска полу	22		
ранено	8		
Скота, хлеба и пожитков взято и разорено		4268	15

В селе Богородском, в деревнях Горной и Шатуновой

Людей убито: мужеска полу	24		
женска	25		
Ранено: мужеска полу	11		
женска	16		
безвестно не стало	3		



	количество	рублей	копеек
Скота и пожитков пограблено и убито:			
лошадей	138	766	
рогатого	160	504	50
овец и свиней	105	36	10
Домового скарбу пограблено		714	10
Денгами взято		134	50
Вина казенного 9 ведер		11	70
До сожжено: дворов	4	205	
мельница	1	40	
Хлеба из домов пограблено и наseedного в поле вытравлено		68	80
Итого в Богородском и в деревнях людей убито мужеска и женска полу	49		
ранено	27		
безвестно не стало	3		
Скота, хлеба и пожитков взято и разорено		2480	70
Всего во оных селах людей убито:			
мужеска и женска пола	71		
ранено	35		
безвестно не стало	3		
Скота отогнано, хлеба и пожитков пограблено и дворов сожжено		6748	85

Кто именно из башкир напал на владения Н.Н. Демидова, узнаем по справке из дел по башкирской комиссии.

«1. Бывшей в полону у воров башкирцов 1737 году августа 1 дня черемис Кутлемет Иванов сказал, что воры башкирцы Аип Богатой, да Тулы Кучюра с собранием в 2000 пошли в Гаинскую волость разорять Кунгурской уезд.

2. Пойманной 6 числа августа на воровстве башкирец Гаинской волости Мишар Усеньюков с розыску показал, вор Мандар ходит в 2200 человек и с ним были старшины Зианбай Бепен, мулла да Гаининской волости и лиш з братом Араланом Кривым, а во-жатыми были на оной Кунгурской уезд, того ж уезду Констанентиновой деревни татары Билтай Асылбаев, Смегул Кузеваев, кои нарочно для того да с ними ж при разорении оном был батыр Мансур и при том де оные воры отогнали скота многое число и 6 деревень сожгли.

3. От 13 августа в репорте ис Пермской земской канторы между прочим показано, что приписные ис Кунгурского уезду к заводу Никиты Демидова Баранчинском села при самой башкирской границе и Вариинском селе тож и Богородское ныне недавних числах воры башкирцы были и несколько дворов сожгли.

А означенные старшины Аип с товарищи то Богородское село разорили. Того во объявлении черемисина и розыске башкирца Усеньюкова, так же и в других из разных команд сообщениях подлинно не показано» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 903. Л. 8–9).

«А 13 июля в присланном при письме ис Красноуфимской крепости от майора князя Путятина допросе пойманного партией 5 числа июля 738 году башкирца Уфимского уезду Сибирской дороги Султаныпской волости Таимаса Себакаева показано, в Кунгурской уезд в нынешнее лето для воровства ездили башкирцы батыри Котряс да Заит в 1000 человеках с ними же были Дуванской волости башкирской деревни Кузян да Бекер Кускаловы дети» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 903. Л. 12).



Одним из видов дохода, на который Н.Н. Демидов стал строить металлургические заводы, было кредитование. Как отмечает Волков в своей статье, вероятно, он был самым крупным в Туле кредитором. Далее Волков пишет о кредитовании того времени: «Кредитные сделки в России второй половины XVII – первой четверти XVIII в. имели вид беспроцентных кредитно-ссудных операций, поскольку Соборное уложение 1649 г. (гл. X, ст. 255) установило, чтобы впредь «правити заемные деньги по кабалам и по духовным на заимщиках исцам истину, а росту на те заемные деньги не правити потому, что по правилу святых апостол и святых отец росту на заемные деньги имать не велено». Однако реально и после 1649 г. многие кредитно-ссудные операции были процентными (ростовыми). При их оформлении согласие получателя денежного кредита на оплату ссудного процента закрепляли записью о размерах кредита. В договор в качестве долга вписывали сумму, составными частями которой были деньги «истины» и деньги ссудного процента («роста»), вследствие чего процентная кредитно-ссудная операция обретала вид беспроцентной.

Формально Н.Н. Демидов строго соблюдал названную норму Соборного уложения 1649 г., и все его сделки имеют вид беспроцентных кредитно-ссудных операций. Более того, в записях о 22 договорах особо зафиксировано, что он дал в долг различные суммы денег «прямых, без приписи». Тем не менее состав получателей кредита, размеры ссуд и порядок их выдачи дают основание считать, что кредитованием он занимался с целью присвоения ссудного процента и накопления таким путем своего денежного капитала (Волков М.Я., 2001. С. 21–22).

Никита Никитич был жесткий человек, умел вернуть свои деньги от должников. Кафенгауз приводит такой случай: «В 1710 г. в Сенате слушалось донесение тульского кузнеца Семена Демидова Евтифьева, признававшегося в двоеженстве, а также в незаконном беспопышном провозе товаров. Он жаловался на сына Никиты Демидова, Никиту Никитича, также названного Евтифьевым. Тот пришел к Семену на его двор в Москве со многими людьми, схватил его с женой, забрал пожитки и представил Семена Демидова в Приказ артиллерии, хотя за ним не было никакой вины. Тот же Никита Никитич отобрал у Семена в Туле 1100 пудов железа и продал его» (Кафенгауз Б.Б., 1949. С. 85).

Семен Демидович приходился дядей Никите Никитичу, но тем не менее племянник обошелся с ним не по-родственному.

В нападении на Шайтанский завод в 1737 г. и на приписанные к заводам Н.Н. Демидова села Богородское и Алтынное в 1738 г. в основном просматриваются две причины. Во-первых, в погромах участвовали тульские кучера, которых узнали при событиях в Шайтанском заводе местные жители – выходцы из Тулы. Возможно, кого-то из кучеров Никита Никитич обманул при расчетах за перевезенный груз, и они подговорили башкир совершить набег на владения обидчика. Во-вторых, Шайтанский завод много времени простаивал из-за малого количества воды в пруде. В связи с этим начались разговоры о постройке на реке Серга передельных заводов из шайтанского чугуна. Ранее на реке Серга находилась башкирская деревня Атиг, и башкиры опасались, что строительство новых заводов создаст им неудобства.

Приказчик Т. Мосолов вряд ли был замешан в «башкирской шалости». Во время нападения на Шайтанский завод он отсутствовал в селении, а через год, при нападении на села Богородское и Алтынное, Терентий находился при Шайтанском заводе. Скорее всего, башкиры узнавали от кого-то, что приказчик в данный момент находился в отлучке. Они



совершали разбойные нападения, когда в населенных пунктах не было руководителя, который мог бы организовать оборону.

В полутора часах ходьбы на север и столько же на юг от Шайтанского находились Билимбаевский завод баронов Строгановых и Ревдинский завод Акинфия Демидова. Погром был совершен только на Шайтанском. Соседние металлургические предприятия оказались не тронутыми нападающими. И поэтому можно сделать вывод, что башкиры и тульские кучера целенаправленно сделали свой выбор для набегов в 1737 и 1738 гг.

Н.Н. Демидов писал донесение в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов о том, чтобы награбленное башкиры возвратили. Крестьяне живут в разорении и скудости, и если имущество и скот не вернут, то на заводах они работать не смогут, и подушной сбор в казну будет оставаться не уплаченным.

Из Главного правления за подписью майора Леонтия Угримова, Константина Гордеева, главного межевщика Игнатия Юдина и секретаря Евдокима Яковлева был отправлен ответ, что «башкирцы судом и расправою состоят под ведением Исетской провинциальной канцелярии» в Оренбурге. Нужно жителям и приписным крестьянам Демидова собрать доказательства и написать прошение в Исетскую канцелярию, чтобы вернуть награбленное.

Башкир, принимавших участие в нападении на владения Н.Н. Демидова в 1737 и 1738 гг., не нашли и имущество не возвратили.

О.Я. Бахарева

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург*

М. Фрюауф, С. Фрюауф
ФРГ, Берлин, Гейдельберг

ПОКОЛЕНИЯ ФРИАУФОВ (ФРЮАУФ) В РОССИИ И АМЕРИКЕ

Данная публикация имеет цель – проследить историю нескольких поколений рода Фриауфов (Фрюауф) в России, в частности, в Оренбурге с середины XIX в. и в Америке. Следует отметить орфографические изменения в написании фамилии с начала XVIII в. до начала XXI в. Братья Матиас и Стефан носят современный немецкий вариант фамилии Фрюауф, корень которой «*фрю-*»; по-немецки «*frueh*» означает «ранний», их фамилия на немецком языке пишется «*Frueauf*». В начале XVIII в. она оканчивалась на «*-фф*», как требовала орфография того времени.

История рода Фриауфов тесно связана с возникновением религиозной общины гернгутеров в 1722 г., когда Николаус Граф из Цинцендорфа в своем богатом имении Гернгут основал религиозную общину среди богемских братьев. К этому евангелическому движению присоединились немецкие христиане, относившие себя к официальной церкви. Первый Иоганн Фридрих Фриауф из г. Гота вошел в общину в 1739 г. Установленный распорядок и структура не допускали бедственного положения христианско-социальной общины. Грамотность и начальное образование считалось большим достоянием и уступало по значению только церковному делу. Поэтому в XVIII в. некоторые из рода Фриауфов отправились в Россию, Америку и в другие европейские страны, чтобы руководить школами и общинами.



Имя Фриауф часто встречалось в Готе и окрестностях. В самом первом списке жителей (1543 г.) упоминалось 8 дворов Фриауфов (Шмидт-Эвальд В., 1925. С. 52, 53). Носители этой фамилии проживали в Эрфурте¹ (Оверманн А., 1934. С. 299; Вейссенборн Й. К., 1899. С. 107), в Лангельзальце², Вальтерхаузене и Ордруфе³. Другое историческое место поселения Фриауфов – Фогтланд⁴.

В самой старой церковной книге Готы находятся записи 1583 г. и 1613 г. о бракосочетании Андреаса Фриауфа (Шмидт Эвальд В., 1925. С. 52, 53; Оверманн А., 1934. С. 299). Его сын Георгий (1611–1680) оставил после себя 15 детей. Пятеро сыновей получили академическое образование в г. Альтдорфе (Франкония) и г. Йене. Христиан Вильгельм Фриауф (1716–1741) защитил философскую работу на степень доктора наук в 1741 г. при Йенском университете.

Самый младший сын Иоганн Фридрих Фриауф I (1729–1799), основатель гернгутерской линии Фриауф, рос без родительской опеки. В возрасте 5 лет он остался круглым сиротой. Родственники воспитали мальчика в духе христианства и строгости⁵. В возрасте 17 лет он впервые познакомился с братьями гернгутерами, которые оказали на него евангельским вероисповеданием влияние при выборе профессии. Иоганн Фридрих Фриауф I учился в г. Йене и возобновил контакты с братской общиной. После недолгой деятельности в качестве домашнего учителя получил в 1754 г. вакансию проповедника в общине Нейдитендорфа, где служил свыше 29 лет. После смерти жены в 1782 г. братское унияство направило его в 1783 г. в общину Христианфельд под Копенгаген в Данию. Там он вновь женился и в течение 16 лет, до самой смерти (1799 г.), занимал должность священника. После себя он оставил дочь и четырех сыновей. Все они пошли по стопам отца, стали священниками и проповедовали евангелие гернгутеров в Америке, Германии, Голландии, России.

Сына, служащего в Америке, звали также Иоганн Фридрих II (1762–1839)⁶. Он получил школьное образование в известном частном учебно-воспитательном учреждении в Ниски (Оберлаузиц) и на Теологическом семинаре в Барби на Эльбе. В 1785 г. вернулся в Ниски учителем и вскоре по приглашению переехал в 1788 г. в Назарет-Холл штат Пенсильвания (Америка) (Эгл У.Г., 1895. С. 3). Он работал в школе для девочек в Вифлееме, затем священником первой степени церковного сана гернгутеров в Шенске (1799), Филадельфии (1800) и Лититце (1805–1815 гг.). В 1808 г. получил вторую степень церковного сана пресвитера и был избран в 1815 г. на конференцию для всего штата Пенсильвания. Им была создана музыкальная композиция на литургию № 26 «Литургия Адвента и

¹ Нотариус Герман Фруофф, 1516 г.

² Архив Евангелического управления Эрфурта. Сообщение доктора Виеманн, 1969. Петер Фрюауфф. Боеттнер. Община монахов Эрфурта. Крещение детей – 1574, 1575, 1578.

³ Государственный архив Тюрингии, Гота. Архив г. Ордруф. Абт. Ф. Лок, 30, № 1 (4). Бл. 399 (бывш. 12334): письмо о рождении Антония Фриеауффа, придворного повара г-на Реуссена из Грейца, Ордруф, 1581; отец Адам Фруеауфф, поденщик, примерно 1550, Ордруф, около 1580, Сусанна Фиедлер; дедушка Петер Фруеауфф из Вальтерсгаузен, примерно 1520, Вальтерсгаузен, примерно 1550, Барбара Рингельманн.

⁴ Стефан и Матиас Фрюауф. История Фрюауфа из Фогтланда: достойна внимания жизнь сварливого магистра Лаурентиуса Фруеауффа (1540–1600), споры об университете и о церкви. Архив исследований кровного родства, 56, изд. номер 120, 1990/91, С. 577–586.

⁵ Архив братьев-униатов. Гернгут, реестр 21, 31, 23, биография Иоганна Фридриха Фрюауфа (1729–1799).

⁶ Униатский архив Гернгут. Биография Иоганна Фридриха Фрюауфа (17862–1839), дополненная из Аугуст-Шульте // Путеводитель по старому Моравскому кладбищу Вифлеема, 1742–1897 // Тр. Морав. ист. о-ва. 1899. 5, № 30. С. 52.



Рождества» (Кордуэлл Эллис М., 1987. С. 461–463). Через жену Элизабет, урожденную фон Швайнитц¹, в 1798 г. породнился с графом Цинцендорфом, основателем движения гернгутеров (Линн Джон Б., Эгл Уильям Х., 1880. С. 114).

После работы в Шенске семья вернулась в Вифлеем, где был построен в 1819 г. дом на Чечьстрит, в котором живут потомки Фриауффов и поныне. Автор литургии не мыслил жизни без служения богу и умер в 1839 г. во время путешествия в Филадельфию, оставив сына Евгения Александра (1806–1879) и трех дочерей на попечение матери². Евгений Александр Фриауфф получил хорошее образование в Назарет-Холл, которое закончил в Гнаденфельде (Шлезия). В Лондоне познакомился с кузиной Агнес Клара, на которой позже женился³. Он пробыл 22 года учителем и управляющим пансиона для девочек Линден-Холл в Лититце (Пенсильвания⁴). Библиотека колледжа Линден-Холл и сегодня носит его имя.

В следующем поколении потомок Фриауфа – Иоганн Фридрих III (1838–1816) – спас братскую общину от раскола. Имена его крестных отцов показывают далеко протянувшуюся сеть отношений в униатстве: дедушка Иоганн Фридрих Фриауф III, дядя Фридрих Ренатус Фриауф из Берстельсдорфа в Саксонии, Вильям Малалей из Лондона, Луиза Амалия фон Швайнитц из Пенсильвании и Анни Броувер из Цейста в Нидерландах.

И.Ф. Фриауф III вырос в Лититце, в 1851 г. начал учебу в Назарет-Холле. Он изучал право в университетах Берлина, Гейдельберга и Каена, со временем стал крупным специалистом в английском, немецком и французском правоведении. В 1860 г. ему поручили вести судебный процесс в Нозэмтон Кантри. Добровольно участвовал на стороне северных штатов в американской гражданской войне в 153-м Пенсильванском полку. Во время пленения или ранения военачальников он в чине майора водил полк в битву от Ченселорвилла и Геттисбурга. После войны Фриауф открыл адвокатскую контору в Холлидейсбурге, штат Пенсильвания, и женился на дочери судьи Элен Аманди Колдвелл. Вскоре после рождения сына Давида в 1864 г. и дочери Элен в 1865 г. жена умерла, и вся забота о детях легла на его плечи. Он вынужден был вернуться в Лититц для работы в суде Ланкастер Кантри. Со второй женой Иоганн Фридрих III переехал в маленький город Колумбию, где родились пятеро сыновей – Джон, Фрэнк, Гарри, Вильям и Чарльз. Почти всех детей крестил дедушка Евгений Александр Фриауф.

В качестве делегата от общины Лититца И.Ф. Фриауф III в 1878 г. относился к северной провинции синода в Хоупе, штат Индиана. На решающем заседании фракция меньшинства стремилась разделить братское униатство на отдельные независимые общины. В жестокой борьбе, которую Фриауф выиграл в результате его юридической экспертизы и опыта общения с братским униатством, удалось предотвратить раскол, как изложено

¹ Университетский архив. Дневник Вифлеема, 1828. Реестры 14, 19, биография Иоганны Элизабет Фруеауфф, урожденной фон Швайнитц.

² Униатский архив Гернгут, биография Евгения Александра Фруеауффа (1806–1879), дополненная из Августа Шульце: Путеводитель по старому Моравскому кладбищу Вифлеема, 1742–1897. // Тр. Морав. ист. о-ва 5, 1899. № 30. С. 159, 179.

³ Униатский архив Гернгут, биография Агнес Клара Фруеауфф, урожд. Фруауф (1816–1897), дополненная из Августа Шульце: Путеводитель по старому Моравскому кладбищу Вифлеема, 1742–1897. // Тр. Морав. ист. о-ва 5, 1899. № 34. С. 158.

⁴ Новая Англия и Северные Штаты 1850 г.: Перепись. Евгений Александр Фруеауфф, Ланкастер Ко, РА 107. Warwick TWP 1850; Пенсильвания, 1860, указатель переписи (CD-22). Главный указатель по автоматизированным архивам. Изд-во Эвертон, Логан, Юта. 1993.



в докладе синода. Община гернгутеров в Америке высоко оценила заслугу Фриауфа в сохранении братского единства.

В 1880 г. семья Фриауфов из Колумбии переехала в Лидвилл, штат Колорадо. Этот городок лежал в 75 милях севернее Денвера, и в нем находился самый доходный серебряный рудник всей страны. Население быстро росло, с 200 чел. оно к 1877 г. увеличилось до 25 000 чел. В Лидвилле царили жестокие нравы и законы. Мужчины постоянно носили при себе заряженные пистолеты и холодное оружие. На руднике часто убивали, и, кроме того, городок славился большим количеством проституток. Жизненные условия не отличались удобствами. Рабочие, добывающие серебро, спали по дюжине в одном помещении на земляном полу, покрытом тряпьем. В Лидвилле на престижной улице Гаррисонстрит располагались многочисленные конторы адвокатов. Семья Фриауфов жила в своем доме на Западной пятой авеню, а контору имела на Гаррисонстрит, 303. Следуя договору, И.Ф. Фриауф III возглавил школьную общину в Лидвилле и стал главным интендантом воскресной школы пресвитеров. В Денвере он вступил в республиканскую партию и баллотировался в качестве кандидата на пост генерального государственного адвоката. В числе первых подписал грамоту об образовании в Колорадо исторического общества. Здание исторических наук названо сегодня в честь Иоганна Фридриха Фриауф. В 1886 г. И.Ф. Фриауф III умер от воспаления легких, оставив шестерых детей в возрасте от 8 до 20 лет. В связи с банкротством рудника жена Анни Дей Фриауф переехала в Денвер. Нищета выработала у братьев Фриауфов стремление к достижению финансового успеха и независимости. Фрэнк Уиткрофт Фриауф (1874–1922) от учетчика показаний счетчика в «Электрическом обществе» поднялся до президента газоэлектрической компании Денвера и поста директора других 141 общества, писала газета «Нью-Йорк Таймс» в некрологе. Он умер в молодом возрасте от инфаркта в своем доме в районе Нью-Йорк-Сити (Кто был кем в Америке. 1968. С. 429). Гарри Дей Фриауф (1875–1959), Джон и Вильям Фриауф заняли руководящие посты в электропромышленности и в производстве керосина в нефтеперерабатывающей промышленности. Самый младший из братьев Чарльз учился в Мичиганском университете правоведению и стал главным советником Ситиз Сервис. Как и его брат Фрэнк, Чарльз переехал в Нью-Йорк. Когда он умер в 1950 г., то осталось завещание, по которому 4 млн долл. пошли в фонд имени Чарльза Фриауфа и поступили в распоряжение первого президента фонда Гарри Фриауфа. Целью фонда стала поддержка обучения, особенно, в частных школах¹. Фондом Чарльза А. Фриауфа ежегодно финансируются один или два профессора-правоведа, храня, таким образом, память о роде Фриауфов.

Жена Фрэнка Уиткрофт Фриауф Антуанетте Пери (1888–1946), будучи известной актрисой на Бродвее и имея состояние в 13 млн долл., после смерти мужа вновь вышла на сцену. Позже она поставила фильм «Дом по имени Гарвей» (1944), ставший впоследствии классическим, и учредила премию Тони Эдварда – ежегодную награду за сценическое искусство, которая по значимости равнялась премии Оскара в кинопроизводстве. Три дочери Фрэнка Фриауфа выбрали творческие профессии, связанные с миром искусства. В 1996 г. в американском телефонном справочнике находилось 11 упоминаний фамилии Фриауф².

¹ Фонд Чарльза А. Фриауфа. Inc.307 Ист севен авеню, Талахасса, Флорида 32303, США.

² Фонд Диск Резидентил США, 1996.



Самый старший из четырех братьев Иоганн Вильгельм Фриауф (род. в 1760 г. – умер после 1826 г.) изучал сначала в Лейпциге медицину, математику, филологию (Эрлер Г., 1909. С. 101), а не теологию, как его братья. В г. Йене он успешно защитил научную работу о воспалительном заболевании суставов¹ и уехал в Москву работать врачом (Годеке К., 1964. С. 117). Во время Отечественной войны 1812 г. И.В. Фриауф работал в госпитале русской армии. В 1814 г. из-за болезни оставил военную службу и отправился в имение Муратово, принадлежавшее сестре поэта Жуковского, где переводил русскую литературу на немецкий язык. Затем переехал в Санкт-Петербург и в 1819 г. получил должность младшего библиотекаря в Императорской публичной библиотеке. Это место он занимал до 1826 г., когда окончательно ушел со службы.

Многочисленное потомство оставил самый младший брат Карл Якоб Фриауф (род. в 1768 – умер после 1820 г.). Он много лет проработал в педагогическом заведении Ниски в Оберлаузитце и поступил в колледж Барби учителем. В 1794 г. его пригласили на должность инспектора школы и интерната в город Сарепту на Волгу. После женитьбы в 1802 г. на Фридерике Кребс молодожены вышли из братской общины, чтобы выехать по вызову в качестве лютеранского пастора в Олешну – в колонию на Волгу². Удаленность от общей культуры братьев гернгутеров растянулась на долгие годы. В 1820 г. он был уволен с должности из-за длительного пьянства. Большинство его сыновей остались верными профессии пастора, поступив на богословский факультет Императорского Русского Университета г. Дерпта – современного эстонского города Тарту.

Первый сын Карл Фридрих Людвиг Фриауф (1802–1890) учился с 1830 по 1834 гг. и был направлен служить дивизионным проповедником в Иркутск, где рано умер. Второй сын Карл Август Вильгельм Фриауф (род. в 1806 г. – умер перед 1852 г.) учился с 1833 по 1837 гг. и занял место дивизионного проповедника в Тобольске и Златоусте. Третий сын Карл Генрих Эдуард Фриауф родился 7 августа 1813 г. в Олешно Саратовской губернии, но годы учебы прошли в г. Дерпте. С 1832 г. учился сначала в гимназии, а с 1836 г. до 29 ноября 1841 г. в Дерптском университете. В Москве был ординирован в церкви Святого Михаила, получил чин пастора-адъюнкта и направлен в Оренбург дивизионным проповедником и пастором евангелическо-лютеранской общины Святой Екатерины³. Дважды назначался викарием евангелической общины Св. Марии в Златоусте (Amburger E., 1998. S. 130). С конца июля 1842 г. и до самой смерти он служил в Оренбурге. Пастор Фриауф вел хронику кирхи, начатую в 1768 г., а после отъезда инспектора полевой аптеки Розенберга в 1842 г., вел метеорологические наблюдения (Гра А., 1903. С. 10), отмечал «вскрытие и замерзание реки Урал с 1843 по 1872 г., что облегчало вычисление среднего дня вскрытия и замерзания реки» (Королев-Антошечкин Г.Е., 1914. С. 85). Эти данные были необходимы для ежегодного строительства пешеходного и гужевого мостов через Урал до и после весеннего половодья. Немецкий доктор философии Теодор Базинер, участник дипломатической миссии в Хиву 1842 г., упоминает пастора Фриауфа при описании городской немецкой диаспоры Оренбурга (Th. F. S. Basiner's..., 1848. С. 40). Под его руководством был проведен внутренний и внешний ремонт здания в 1852, 1859, 1865 гг. За прилежание и добросовестный труд он трижды награждался похвальными грамотами, семь раз денежными премиями, исчисляемыми в серебряных рублях. Например, в 1877 г. награда составила 342 рубля серебром. Он также был награжден бронзовым

¹ Гулиелм Иоанн Людовик Фриауф. Защита диссертации по медицине о причинах артрита. Йена, 1790.

² Архив университета Гернгута, U-A-C протокол, 1802.

³ РГИА. Ф.828. Оп. 13. Д. 251. Л. 32.



наперсным крестом в память о Крымской войне 1853–1856 гг., орденом Святого Станислава III степени в 1868 г.

Следует отметить, что пастор Эдуард Фриауф заслужил высшую награду от императора Александра II в 1859 г. – золотой наперсный крест за пятнадцатилетний труд. Николай I учредил эту почетную награду для евангелических священников. Крест носили на длинной позолоченной цепи поверх талара (ризы). На лицевой стороне изображено распятие Иисуса Христа, на обратной выгравированы слова – «Пастору, дающему пример пастве словом и житием, установлен в благочестивое царствование Великого государя императора Николая I. 1843 г. 20 мая» (Ehrung evangelischer..., 1961. S. 128).

Эдуард Фриауф преподавал лютеранское вероучение в 1874 г. в Николаевском девичьем институте. От общины при кирхе имел квартиру площадью в 60 квадратных метров. Его годовой доход составлял 342 руб. 85 коп., на питание выделялось 99 руб., на оплату квартиры – 175 руб. из Казанского окружного интенданства и на отопление – 200 руб. Все денежные выплаты шли по курсу серебряного рубля, то есть примерно в четыре раза больше обыкновенного рубля. Пастор Фриауф был женат на Марии Вильгельмине фон Вебер с 25 января 1849 г., имел трех сыновей – Эмиля (род. в 1851 г.), Базиля (1856), Фридриха (1869) и пять дочерей. Эдуард Фриауф занимал должность дивизионного пастыря, что подтверждает Адрес-календарь (Адрес-календарь..., 1857. С. 66).

Старший сын Петер Эмиль Эдуард выбрал профессию военного и с 1867 г. числился в Первом Оренбургском линейном батальоне. В 20 лет, будучи прапорщиком, заведовал оружейным отделением этого батальона (Справочная книжка..., 1870. С. 46, 63). В метрической книге г. Оренбурга удалось обнаружить запись о рождении сына Владимира 25 марта 1882 г. у отца майора Э.Э. Фриауера (Фриауф), лютеранина, и матери Ольги Антоновны, православной христианки¹). Восприемниками были поручик Сергей Ликанский и 2-й гильдии купчиха Александра Карловна Каретникова.

Основатель оренбургской ветви Фриауфов (Фрюауф) пастор Карл Генрих Эдуард овдовел 1 апреля 1877 г., умер в 1883 г. и похоронен на оренбургском кладбище. Таким образом, пастор Эдуард Фриауф служил в Оренбурге с 1842 по 1883 г. при губернаторах: В.А. Обручеве, В.А. Перовском, А.А. Катенине, А.П. Безаке и Н.А. Крыжановском, оставив после себя заметный след в истории лютеранской церкви г. Оренбурга. Он был единственным священником, кто провел всю свою долгую жизнь в этом южно-уральском городе.

В колонии Саратовской губернии на Волге остался четвертый сын Карл Эрнст Фриауф (1810–1876), который в одном имении нашел место управляющего. Там он обзавелся семьей, детьми и внуками. Один из сыновей Александр I (род. 1866 г.) уехал из Норки в г. Маркштадт Саратовской области. Судьба четверых отпрысков Александра I сложилась по-разному. Александр Александрович II (род. 1890 г.) умер от голода в уральском ГУЛАГЕ в трудармии в годы войны 1941–1945 гг. Александр III родился в 1923 г. в Маркштадте Немецкой Республики Поволжья. В годы Великой Отечественной войны провел юношеские годы в спецпоселениях трудармии на территории Свердловской области. Там он обзавелся семьей, где родился сын Александр IV в 1948 г. и еще семь детей. В настоящее время он и его семья, пять братьев и две сестры с семьями живут в Германии. Они приняли фамилию Фриауф.

¹ ГАОО. Ф.173. Оп.16. Д.424. Л.20–21 об.



Остальные дети Александра Карловича I Фриауфа разлетелись по огромной стране. Их судьба сложилась по-разному. Владимир работал профессором по микробиологии в Ашхабаде (Туркмения), где проживает, вероятно, и сейчас его сын Эдуард.

Фридрих Александрович, ветеринар по профессии, был расстрелян в 1937 г. во время репрессий, после 1956 г. посмертно реабилитирован. Две дочери остались жить в Саратове. Последний сын Константин руководил сельскохозяйственной высшей школой в Энгельсе в предвоенное время, умер относительно недавно – в 1993 г. Его дети живут под Новосибирском, в Кемеровской области.

Другие Фриауфы (Фрюауф) выехали из села Норки в 1906 г. в штаты Колорадо и Небраска, США (Кэр Джон Эн., 1986. С. 34–51; Амен Делберт Д., 1984. С. 34–51). В селе Нейбауер Саратовской области жил Якоб Фриауф, который родился примерно в 1865 г., чей сын Филипп (род. в 1893 г.) в августе 1941 г. был принудительно выселен из Поволжья. Его внук Валентин Фриауф с сыном Виктором в середине 60-х годов XX в. выбрали местом жительства Германию – Фрейбург под Брайзгау.

Так, служба в братской общине гернгутеров разбросала род Фриауф (Фрюауф) по России и Америке. Общение с чужими культурами и с определенным духом времени наложили на них особый отпечаток. Свыше ста лет проживания на земле других народов привело к ассимиляции потомков. Теперь только лишь немецкая фамилия напоминает про общие корни с Германией.

Интересная информация о носителях фамилии Фриауф (Фрюауф) прошла 11 января 2004 г. в Интернете на портале «Российские немцы». Искали корни своей родословной Надежда Фриауф и москвич Николай Фриауф. Если эта публикация поможет кому-либо из носителей данной фамилии восстановить оборванные родословные нити, то исследовательская работа авторов статьи не была напрасной.

А.И. Кортун

*Башкирский государственный педагогический университет,
Уфа*

ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К середине XIX в. Оренбургское казачье войско (далее ОКВ) по своей численности стояло на третьем месте среди всех казачьих войск России, уступая лишь Донскому и Кубанскому. «Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1851–1852 гг.» дает описание численности войска в середине XIX в.: к январю 1852 г. числилось в составе войска: мужского пола 84 877, женского 85 089, всего 169 966 душ (ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

50-е годы отличаются от других десятилетий XIX в. появлением большого количества прошений о зачислении в Оренбургское войско от башкир и казахов. Это было связано с указом от 14 августа 1848 г., по которому было разрешено зачислять в «Оренбургское и Уральское казачьи войска башкир, киргиз-кайсаков (казахов) и других азиатов». После данного указа начался приток в ОКВ представителей вышеупомянутых национальностей. По статистическим данным, уже в 1859 г. на службе в Оренбургском войске состоит: башкир – 3073 чел.; бухарцев – 40 чел. (ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 117. Л. 160 об.–161).



Позже прошения также поступали на рассмотрение в правление губернии, но уже в меньших количествах. Большинство из них получало отказ. В архивных источниках мы находим прошения татар, мещеряков, тептярей (исповедовавших, как и башкиры, мусульманскую религию), относящиеся к 50–60-м годам XIX в., но они, как правило, были единичны. Многие из этих прошений не были удовлетворены по причине неблагонадежности поведения просителей, их бедности (казак должен был нести службу с собственным снаряжением – лошастью, формой и др.) или же не подходивших по другим условиям (возрасту, месту жительства и т.д.).

В 1854 г. к ОКВ приписываются жители сел Донецкое, Мамалаевка и Капитоновка. История возникновения данных населенных пунктов относится к 30-м годам XIX в. В 1831 г. на левом берегу реки Самара появляется село Капитоновка, первыми поселенцами которого становятся мордовские крестьяне из Пензенской губернии в количестве 354 душ обоего пола. В следующем году их числилось уже 549 человек. В 1832 г. появляется поселение под названием Мамалаевка. Ее жители в количестве 600 человек (все по национальности мордва) прибыли на реку Самара из разных деревень Пензенской губернии. В том же году русскими и мордвой на левом берегу реки Сакмара было основано село Донецкое, которое впоследствии стало крупной станицей ОКВ (Зобов Ю.С., 1995. С. 230).

Национальный состав войска конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. нам позволяют установить некоторые архивные документы, в частности, «Статистические сведения Оренбургского, Уральского и Башкирских войск за 1859 г.». Здесь приводятся данные на 1 января 1860 г. о количестве казаков различных национальностей, имеющих свое представительство в Оренбургском войске: «русских – 183 582 человека обоего пола; калмыков – 3567 человек обоего пола; башкир – 3073 человек обоего пола; ногайцев – 5646 человек обоего пола; нагайбаков – 1250 человек обоего пола; чуваш – 936 человек обоего пола; мордвы – 3638 человек обоего пола; поляков – 133 человека обоего пола; бухарцев – 40 человек обоего пола. Итого: 212 097 человек» (ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 117. Л. 160 об.–161).

В 60-х гг. XIX в. жизнь на Оренбургской пограничной линии стала намного спокойнее, в связи с умиротворением киргиз-кайсаков в степи. В 1858 г. военные силы ОКВ были увеличены на два конных полка и на шесть пеших казачьих батальонов, а уже в 1860 г. значительно сокращается количество постов по всей линии, при этом от Орска до станицы Звериноголовской они окончательно упраздняются. Была окончена служба на так называемой Новой линии (от крепости Орской, по прямому направлению через степь на поселок Березовский Старой линии) и по Ново-Илецкой линии. Крепость Оренбург была также упразднена в 1860 г. (Стариков Ф.М., 1891. С. 114).

В начале 70-х гг. общее число населения ОКВ составляло 253 453 души обоего пола без городского населения. Распределение населения войска по национальностям представляется следующим образом: «В настоящее время (начало 70-х годов), в общей сложности, славяне (т.е. русские, украинцы и поляки) достигают цифры 220 261 душ обоего пола (86,9 %), за ними преобладающими по численности следуют татары, которых считается здесь 20 623 души (8,14 %). Распределение же остающихся ... 12 569 душ, между прочими разноплеменностями...» (Материалы по истории России, 1900. С. 125).

В конце 70-х гг. XIX в. население ОКВ «...увеличивается в числе довольно быстро от переселений, часто добровольных, часто же сделанных по распоряжению правительства, так, что к 1879 г. в общей сложности славяне (русские и украинцы) достигают 223 812 душ обоего пола (88,33 %), за ними преобладающими по численности следуют татары, которых считается здесь 20 794 души обоего пола (8,22 %). Остающимся



за ними 8759 распределяются между прочими разнотроменами следующим образом: башкир – 5093 д. (2,01 %), мордвы – 2511 д. (0,99 %), киргиз (казахов) – 622 д. (0,25 %), чувашей – 330 д. (0,13 %), калмыков – 163 д. (0,06 %), черемис (марийцев) – 30 д. (0,01 %). Итого 253 365 душ обоего пола, городское население войска – 37 433 души. Всего получается 290 798 душ» (ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 64/а. Л. 56–56 об.).

В конце 1889 г. в Оренбургском казачьем войске подводятся итоги переписи населения, по которым славян – 87, 5 %, поляков – 0,02 %, мордвы – 2 %, чуваш – 0,01 %, калмык – 0,5 %, нагайбак – 3 %, татар – 6 %, башкир – около 1 % (Стариков Ф.М., 1890. С. 155).

Особый интерес для нашего исследования представляет Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, состоявшаяся в 1897 г., которая включила в себя материалы по всем российским казачьим войскам, в том числе и по Оренбургскому войску, что позволяет сравнить этнический состав разных казачьих войск.

Сравнивая все российские казачества по национальному составу, следует отметить, что ОКВ отличалось от других войск присутствием наибольшего количества белорусов (1493 чел.), а также татар (34 906 чел.). Отмечается большое количество в Оренбургском войске украинцев (10 865 чел.). ОКВ уступает в этом показателе лишь Кубанскому и Терскому казачьим войскам.

Национальная принадлежность в переписи 1897 г. определялась по родному языку. Эти данные не могут точно характеризовать национальный состав ОКВ, потому что, например, многие украинцы или татары говорили на русском языке и считали его своим родным языком. Также нельзя полностью полагаться на предоставленные этим документом цифры, потому что многие народы, входившие в состав войска, имели давние связи, и смешение различных народов стало обычным явлением внутри казачьей общины Оренбуржья (Футорянский Л.И., 1997. С. 53–54).

Итак, отметим, что вторая половина XIX в. начинается для ОКВ активным процессом зачисления в ряды казаков башкир, в связи с Высочайшим повелением от 14 августа 1848 г., в котором говорилось «о разрешении зачисления в войско башкир, киргиз-кайсаков и других азиатов». Кроме башкир, в войско принимаются киргиз-кайсаки и бухарцы. Также в Оренбургском войске отмечается присутствие казаков-поляков. Поляки, появившись в статистике 50-х годов XIX в., уже в конце 70-х гг. в статистических данных не указываются. Скорее всего, они записывались русскими. Увеличивается количество татар в войске. Резко уменьшается количество казаков-калмыков.

Д.И. Смирнов

*Шадринский государственный педагогический институт,
Шадринск*

РОЛЬ И ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ В ХОДЕ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ

Бесспорно, что территория лесостепного Зауралья, начиная с момента его освоения человеком, в силу природно-географических, прежде всего ландшафтных факторов, являлась контактной зоной различных этнокультурных социумов. Наличие развитой речной сети как основного вида коммуникаций древности (рек Тобол, Исеть, Миасс и их



многочисленных протоков) уже с эпохи каменного века способствовало миграционным движениям и межэтническим контактам самого разного характера.

Русская колонизация Западной Сибири в XVII–XIX вв. при всей неповторимости и многогранности этого процесса в исторической ретроспективе является, по сути, только значительным отрезком в очень сложной мозаике миграционных процессов, протекавших в данном ареале. Русские поселения возникали на издавна освоенных человеком территориях, в условиях существования аборигенного населения – угорских народов и татар, которые, с точки зрения русскоязычных пришельцев, считались местными жителями, а также перманентно развивающегося фактора давления кочевых и полукочевых народов (калмыков, башкир, киргиз-кайсаков).

Неизбежные при этом межэтнические контакты, какие бы формы они ни носили (мирные, основанные на симбиозе различных социально-экономических структур или культурной ассимиляции отсталых народов; военные – в виде открытых конфликтов или латентных форм противостояния в ожидании таковых), неизбежно должны были порождать феномен так называемой этнической маргинализации, то есть появления прослойки индивидов, потерявших устойчивую связь с имеющимися в данном хронологическом и локальном континиуме этническими образованиями. К сожалению, изучению этого феномена наша историческая наука пока не уделила достаточного внимания. Пожалуй, впервые обозначенная проблема была поднята в работах молодого ученого М. Ершова на материалах зауральских городов XVIII – начала XX вв. (Ершов М.Ф., 1994. С. 113–114; 1996. С. 44–46; 2003. С. 131–138; 2006. С. 188–204). Однако уровень разработки экспликации категории «маргинализация» в современном обществознании позволяет более глубоко изучить процессы этнических взаимодействий на Урале и в Западной Сибири, связанные с русской колонизацией этих территорий.

Вместе с тем, для избежания размывания семантики термина и, как следствия, неизбежной категориальной неразберихи хотелось бы отметить ряд особенностей этнической маргинализации, присущей в указанный период Западной Сибири в целом и Южному Зауралью – в частности.

Во-первых, этническая маргинализация части аборигенного населения не была связана с появлением русских колонистов. Значительная прослойка маргиналов такого типа имела в тюрко-угорской среде. Учесть данный фактор во всем его объеме при скудности и лапидарности письменных источников, как нам представляется, чрезвычайно трудно. Однако сложность этнополитической ситуации в Западной Сибири накануне и в начале ее освоения русскими неоднократно подчеркивалась исследователями (Меньшиков В.В., Маслюженко Д.Н., 2005. С. 62–65).

Во-вторых, освоение русскими Северного Приуралья и Урала, а затем Зауралья, происходило в условиях перманентных военных конфликтов со степняками, что приводит ряд современных серьезных исследователей русской колонизации Западной Сибири к выводу о том, что «ожесточенный характер столкновений русских с кучумовичами, башкирами, калмыками, казахами, их длительность дают возможность говорить о возможности использования термина «завоевание» применительно к колонизации Зауралья» (Меньшиков В.В., 2004. С. 175). Сам характер вооруженных конфликтов, происходивших в форме набегов кочевников на русские поселения с целью захвата скота и пленных, заставляет высказать предположение о наличии маргинальных групп русскоязычного населения в местной среде.

Размах и масштабы охоты за говорящей добычей подтверждаются многочисленными факторами. Далматовский монастырь неоднократно подвергался осаде. В 1651 г. кочевни-



ки сожгли часовню, убили трех монахов, семнадцать монастырских служащих, а некоторых увели в неволю (Плотников Г.С., 1906. С. 9, 19). В 1662 г. кучумовичи «жен и детей в плен поймали» (Кондрашенков А.А., 1966. С. 89–90). В 1707 г. башкиры из деревни Ключи увели в плен десять мужчин и пять женщин, а в 1737 г. в ходе очередного восстания кочевники ограбили деревни Анчугово и Ложечный бор, захватив двух мужчин и двух женщин (Хлызова Т.В., 1999. С. 20–22). В вотчине Усть-Уйской Далматовского монастыря киргиз-кайсаками на рыболовных промыслах были пленены в 1701 г. один монах и девять рыболовов, в 1704 г. – девять рыбаков, в 1741 г. – один работник и два человека пропали без вести и т.д. (Плотников Г.С., 1906. С. 91). В 1691 г. степняки разграбили и сожгли Царево Городище, двести человек были уведены в плен (Васильева А.М. и др., 2002. С. 5). В августе капитан В. Томилов в рапорте докладывал, что прибежавшие из степи под слободу Царево Городище и слободу Смолино воровские люди в полон взяли трех человек русских (Меньшиков В.В., 1997. С. 163). А.М. Васильева, описывая ужасы пленения и ссылаясь на записки сосланного Павлом I в Курган Августа Коцебу, отмечает: «Курганцы с ужасом вспоминали то время, когда не смели выходить гулять за город, не подвергая себя опасности быть пойману “киргизами”» (Васильева А.М., 1997. С. 30–31).

Вероятнее всего большинство русских рабов, попавших в плен, отправлялось на невольничьи рынки Средней Азии благодаря посреднической деятельности бухарских купцов. Однако какая-то их часть (прежде всего женщины, девушки, дети) на какое-то время или навсегда могла оседать в кибитках мурз и тайши в качестве прислуги, наложниц и т.д. Естественно, эта категория населения, как и их потомки, являлась группой носителей этнического маргинализма.

В-третьих, в составе русских переселенцев на протяжении XVI–XIX вв. было большое количество этнических маргиналов, причисляемых к русскоязычному населению и являвшихся, на самом деле, «своими среди чужих», поскольку своим происхождением они не были связаны с великороссами. Известная исследовательница Т.С. Мамсик на основе данных ономастики указывает на большую роль коми-зырян в формировании колонизационного потока в Среднее Приобье в XVII в. (Мамсик Т.С., 2004. С. 35–37). Очень показателен в этом отношении пример старца Далмата (в миру Дмитрия Ивановича Мокринского), основателя Далматовского Успенского монастыря – первого русского поселения в Южном Зауралье (Меньшиков В.В., 1995. С. 116). Свое происхождение «русский первопроходец» вел от «служилой литвы» (его отец был выходцем из польско-литовских земель, вероятно, попавшим в плен в ходе Ливонской войны или в начале Смуты) и местной татарской знати (мать – новообращенная татарка из знатного татарского рода Илигея Магметова) (Плотников Г.С., 1906. С. 4, 14; Пашков А.А., 1997. С. 21).

В-четвертых, формирование устойчивого русского населения из числа потомков колонистов первой волны привело к складыванию местных форм, отличающихся специфическим этнокультурным своеобразием. Последующие волны русского колонизационного потока воспринимались старожилами, получившими собственные локальные самоназвания («чалдоны», «кержаки»), уже как нечто отличное. Вновь прибывшие не были иногородцами (которые за период длительного сосуществования воспринимались как данная обыденность), но и не принадлежали к кругу «коренных сибиряков». Эта ситуация ставила новых поселенцев в положение «чужих среди своих», что дает нам полное право отнести их к одной из групп этнических маргиналов. Оценивая данную ситуацию, сибирский ученый М.В. Шиловский доказывает, что «массовые переселения на рубеже XIX–XX вв. породили ситуацию фронта и своеобразного противостояния прежде всего между



старожилами и новоселами», так как «сибиряк считает себя русским, а на русского поселенца смотрит, как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской народности» (Шиловский М.В., 2004. С. 67–68).

В-пятых, следует помнить, что вопрос о принадлежности к этнической группе в данный период решался в основном на базе конфессиональной принадлежности. Крещенные «кыргызы» получали русские имена, и выделить в письменных источниках их как этнических маргиналов достаточно сложно. Раскол в русской православной церкви также отразился на этнической самоидентификации русскоязычного населения. Кержаки, являясь старообрядцами, противопоставляли себя остальному русскому населению и искусственно от него изолировались (Савицкая О.Н., 1998. С. 305).

В-шестых, процессы этнической маргинализации уже с самого начала русской колонизации Сибири находились под неусыпным контролем государства и церкви. Нормы канонического права запрещали брачные отношения с «нехристями», поэтому вступлению в брак с колонистом предшествовало обращение будущей супруги в лоно православной церкви. В качестве примера можно напомнить судьбу матери старца Далмата – крещеной татарки. Церковь крайне отрицательно относилась к проявлениям полигамии в среде русских поселенцев. Г.В. Миллер отмечал, что «многоженство было распространенным пороком в Сибири, оно не только удовлетворяло похоти зажиточных казаков, но льстило их самолюбию, так как, по татарскому обычаю, повелевавший многими женами и наложницами приобретал тем самым бульший почет» (Миллер Г.Ф., 1941. С. 72). Эту информацию подтверждает И.В. Щеглов, утверждающий, что «разъезжая для сбора ясака по инородческим улусам, воеводы, казаки, стрельцы и разные служивые люди отнимали силой жен, детей и работников; особенно же был развит захват женского пола – для женитьбы, простого сожительства или же обращения в прислугу» (Щеглов И.В., 1993. С. 288. См. 81). Поэтому, по словам Миллера, «архиепископ обвинял казаков в том, что они во время поездок смешивались с татарскими, калмыцкими, остяцкими, вогульскими женщинами и приживали с ними детей» (Миллер Г.Ф., 1941. С. 73).

В дальнейшем государство использовало конфессиональный фактор как инструмент закрепления части аборигенного населения в системе сословного строения российского общества. Эта политика выражалась в различных формах: от насильственного крещения плененных и купленных «азиат» и всяческого поощрения добровольного перехода в «греческую веру» инородцев до перевода крещеных башкир, калмыков и киргиз-кайсаков, находящихся в личной зависимости, в крестьянское и мещанское состояние. В 1826 г. Указом № 409 царское правительство даровало «иноверцам магометанского толку или языческого закона, принимающим святое крещение, выгоды»: трехлетнюю льготу от платежа всех податей, освобождение от личной рекрутской повинности и пр. (Щеглов И.В., 1993. С. 287). Указами 1808, 1822 и 1826 гг. регламентировался отпуск дворовых крещеных инородцев на волю, при этом правительство назначило компенсацию в размере 150 рублей за каждого отпущенника (Там же. С. 228–229).

Наконец, для понимания роли маргинальных слоев следует учесть их удельный вес и роль в среде русского общества. Крещеные аборигены, метисные потомки межнациональных браков, ссыльные, представители царской администрации и военные, имеющие иноземное происхождение, – перечень этих групп не является исчерпывающим. Представители всех категорий этнических маргиналов в силу присущих им менталитету космополитических черт играли огромную роль как при продвижении русских в Сибирь, так



и при освоении колонизируемых территорий. Они быстрее адаптировались в незнакомой среде, часто составляли ядро инициаторов освоения новых земель. В системе управления колонизируемых территорий этномаргиналы играли далеко не последнюю роль на протяжении всей истории русской колонизации Сибири. Как наиболее динамичный этнический элемент зауральского общества, они внесли неоценимый вклад в развитие культуры и экономики края.

Е.Д. Королева

*Уральская государственная академия ветеринарной медицины,
Троицк*

О «НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ» В ИСТОРИОГРАФИИ

Под так называемым «народным православием» обычно подразумевается сплав христианских и языческих представлений народа. Этому более смягченному термину предшествовали понятия «двоеверие», «бытовое православие», используемые уже в XIX в. Все три характеризовали народную религиозность, как противопоставление «домашней набожности» «официальному синодальному православию. Тем самым противопоставлялось православие церковное православию народному, включающему в себя «языческие пережитки» и религиозное мифотворчество народа.

В отечественных гуманитарных дисциплинах вопрос о содержании и значении «народного православия» остается одним из спорных, причина тому – цель и предмет изучения той или иной науки и методология исследователя, в том числе и его воцерковленность.

В решении этого вопроса условно можно выделить три подхода. Представители первого, признавая органическое единство народной религиозности, заявляют о равноправном сосуществовании исстари двух начал – славянского язычества и восточного христианства – на том основании, что нет принципиальных различий между ними. Поэтому перемена веры древними славянами расценивалась не как «смена убеждений, а как перемена формы обрядности и замена имен божеств» (Рыбаков Б. А., 1988. С. 774). По мнению С.А. Токарева, из всей совокупности христианских представлений и обрядов в народном быту прочно укоренилась, прежде всего, их магическая сторона (лечение болезней, обеспечение урожая), культ мощей, чудотворных икон, святых источников. Но они уживались с аграрной магией, с привычными и понятными обрядами опаживания полей, купания куклы и т.д. Не вмещаемые земными заботами крестьянина «христианская догматика, мораль, официальный церковный культ... остались чуждыми народной жизни и народному сознанию» (Токарев С.А., 1957. С. 151, 153).

Одним из излюбленных примеров равнозначности язычества и христианства у исследователей этой концепции стало «замещение» культа славянских богов Перуна, Велеса, Мокоши почитанием христианских святых: свт. Николая, пр. Илии, вмч. Георгия Победоносца, мчч. Флора и Лявра, вмч. Параскевы. Святые угодники впитали некоторые черты мифологических персонажей, став узлом связи христианства и языческих верований (Успенский Б.А., 1982). Именно культ святых и святынь, будучи проявлением



новой системы ценностей, облегчили средневековому человеку с его конкретным образом жизни и мысли возможность воспринять «всякую абстракцию и низвести до привычного уровня» (Чернецов А.В., 1994. С. 16).

Уверенность в стабильности развития религии, видоизменении и переплетении магических идей исключала представление об иноприродности христианства и Церкви, соответствуя их марксистско-ленинской трактовке и целям работы. Исповедуя безбожие, идеологи социализма и ученые по отношению к религии и Церкви руководствовались указанием Ф. Энгельса, что «с религией... нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками и бессмыслицей... необходимо прежде суметь объяснить ее происхождение и ее развитие из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 19. С. 307).

Наряду с утверждением, что древняя Русь XIV–XVI вв., несмотря на устойчивость народных воззрений, была христианской страной с христианским населением, православие оценивается как принадлежность официальной и феодальной культуры. Однако это не мешает ученым-медиевистам признавать, что христианство, обращающееся к человеку как вместилищу «духа и истины» противостоит «роевому» образу жизни и сознания, то есть наглядно-чувственной религиозности народа, и является высшим пределом духовной культуры народа (Клибанов А.И., 1996. С. 9, 51). Точку зрения о сосуществовании христианских и языческих начал в народной культуре отстаивают и современные авторы. В полухристианских и полужаязыческих обрядах «время было четко разделено на две части: канун и середина дня подчинялись церковным предписаниям, затем проявляло себя народное начало» (Коробков Ю.Д., 2003. С. 159, 165).

Представители другого направления определяют народную религиозность как «историческую форму сознания, отличную от архаической мифологии и догматического христианства». Как можно классифицировать надписи в Софийском соборе Новгорода XII–XIV вв.: изображения креста, имена авторов надписи, рисунки частей тела, записки на могилке блаженной Ксении в Ленинграде (типа «блаженная Ксения, помоги сдать экзамен по научному атеизму»), записочки с просьбами в пещерке – месте явления величайшей святыни Южного Урала Табынской иконы? Только ли как православно-языческий синкретизм? Несмотря на «семиотические сходства с магией» при сравнении, например, «пронимания» больного через священное дерево и «пролезания» под чудотворной иконой во время крестного хода, исследователи уверены, что не следует считать обряды, связанные с почитанием освященных Церковью святынь, магическими. В подобной практике обрядов – жертвоприношения, заклинания, молитвы – «скорее следует усматривать не генетическое, а общетипологическое родство ритуалов и преданий» (Панченко А.А., 1998. С. 19, 94, 139).

Причины устойчивости архаических воззрений в народной набожности, как правило, рассматриваются всеми исследователями. В первую очередь называется воспроизведение коллективного религиозного опыта в традиционном обществе как способ выживания в окружающем мире и самоидентификации. Именно сила традиции возрождает «религиозно-бытовую обрядность» среди советских людей в 60–70-х гг. (Тулцева Л.А., 1990).

Живучесть суеверий простолюдинов авторы публикаций и священники дореволюционной России объясняли, прежде всего, невежеством народа, вызванным как склон-



ностью паствы к ритуализму, так и соседством с раскольниками и инородцами. Суевериями были опутаны церковные таинства. Редкое обращение, например, к причастию верующие объясняли тем, что им «не снести» подвига воздержания, будто бы требуемого этим таинством. Жители Миасского завода были убеждены, что ради «хранения» себя после причастия шесть недель нельзя было ходить в баню, соотноситься с женой, сквернословить и пьянствовать (ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 5262. Л. 362 об.).

В отношении другого таинства – елеосвящения – бытовали заблуждения, которые встречаются и по сей день. Редкое обращение народа к соборованию, особенно людей молодых, объяснялось мнением, что это таинство проводится над человеком больным и готовящимся к смерти. Поэтому в некоторых местах крестьяне при встрече с соборовшимся не приветствовали его поклоном: он считался отпетым и погребенным.

Разночинная дореволюционная интеллигенция и советская историография присовокупляли и фактор «социальной придавленности трудящихся масс», когда религия и ее спутник – суеверия играли роль утешения и обмана (Токарев С.А., 1957. С. 58).

Сторонники третьего подхода в целом настаивают на ошибочности противопоставления православия народного и церковного. У истоков противопоставления – обмирщение значительной части образованного общества императорской России, отпадение от православия и его живого восприятия. Уже во второй половине XIX в. собирание сведений по программам, исследования этнографов и фольклористов обнаруживают искаженное освещение религиозности основной массы русского народа. Поверхностное знание догматов и культа оборачивалось тем, что некоторые представления народа (например, о нечистой силе), обряды и обычаи, рассматривались как «свидетельства о язычестве... аргументом в пользу двоеверия, либо трактовались как невежественные суеверия, даже не пытаясь сопоставить эти знания с православной богословской демонологией» (Громыко М.М., Буганов А.В., 2000. С. 531). Автор XIX в., записывая сведения о битве XIV в., характеризует предание, которое до сих пор бытует, суеверием: «этих воинов и по сие время записывают в памятки и служат по ним заупокойные обедни» (Цит. по: Голикова С.В., 2004. С. 181).

Богословы поясняют, что в Церкви Христовой пребывают не только праведники. «Быть слабым, малосведущим членом Церкви, не значит быть еретиком (или язычником. – Т.Б.). Не все церковное доступно и вмести́мо всякому ее члену, так было и есть во всякие времена» (Булгаков С., прот. Цит. по: Бернштам Т.А., 2000. С. 336). «Что же, что (старушка) верит в то... что гроза бывает от того, что Илья Великий ездит по небу на колеснице?... это ведь не преступление. Зато она крепко верует в Бога Милосердаго... который на небе вознаградит тех, кто верою и терпением несет свой тяжелый жизненный крест», – приходит к утешительному заключению батюшка (Васильев С., иер., 1908. С. 601).

Современный пастырь пишет, что у опытных священников состояние народной религиозности вызывает не столько беспокойство, сколько «объективный пессимизм» относительно возможности полного приближения народной веры к ортодоксальному христианству. «Эти люди (пожилые прихожанки) живут в особом культурном социуме, не чуждом христианским истинам, но и отличном не в целях, а в способах веры. Они... христиане, чье христианство обусловлено именно так сложившейся социально-исторической реальностью (Шантаев А. иер., 2004. С. 70). Таким образом, пастырь-исследователь убежден, что со сменой поколений исчезнет «коллективно-общинное бытие и сознание, питающие народную веру».



Бытует и другое мнение о причинах неистребимости неканонической народной веры. «Задаток суеверия отчасти скрывается в самой природе человека... Главное же основание суеверия всегда заключается в недостатке умственного и нравственного развития, в ограниченности понятий, легкомыслии и слабости духа... совершенное искоренение почти невозможно» (Полный православный богословский словарь, 1992. С. 21). Изгнание прародителей из рая последовало за желанием стать «как боги», «обожиться» не путем трудного и длительного внутреннего совершенствования, а посредством внешнего делания: вкушения запретного плода, чтения определенного текста, количества поклонов и прочих ритуальных тонкостей. Различные магические действия, пусть даже с освященными авторитетом Церкви предметами, притягательны в силу простоты исполнения, нет нужды в подвиге веры, поста, молитвы, смирения и любви.

Существует множество доказательств глубокого проникновения православия в ткань жизни русского народа, доказательств неложности и недвоеверности: в духовной устремленности, в быту, в просторечии, в литературе, в понятии «совести» – этом «живом сознании постоянного присутствия Божия». Когда жнецы оставляли на поле несжатую полосу «Николe (соседушке) на бороду», понимали, что это милостыня бедным, а не жертва духу-полевiku или обед Николe-Угоднику.

Необходимость избегать оценочных суждений предполагает путь не опровержения или развенчания точек зрения, а различение целей изучения и сопоставления итогов. Если целью обозначено выявление «в поздних народных верованиях... значительного блока феноменов, восходящих к дохристианским культам» (Чернецов А.В., 1994. С. 16), то и в богослужебной практике можно отыскать следы первобытной магии – просьба к священнику помолиться о благополучных родах при открытых царских вратах в церкви.

Характеристика народной религиозности как «ситуационной» веры, зависящей от обихода, ландшафта, этнокультурных и социальных процессов, первоочередными выстраивает «проблемы трансформации и конструирования повседневного... (в) этой форме русского народного православия» (Панченко А.А., 1998. С. 263).

Вместе с тем нельзя не учитывать, что «иное есть ведение вещей, а иное – ведение Истины»: одно преходящее, а другое – вечное. О серьезном препятствии в изучении духовного наследия прошлого предупреждает В.Н. Торопов: рационализм сопротивляется, затрудняется в восприятии «идеи святости и ее реального воплощения – святынь и святых». «Разумеется, безрелигиозное сознание может во всем (сомневаться предлагать свою интерпретацию), но оно не может не признать... реальности самой проблемы святых и святынь... ибо есть реальность и реальность» (Торопов В.Н., 1995. С. 9). Не стоит ли опасаться, что характеристика исследователями почитания святынь как средства «коммуникации с сакральным миром», поиск «вариативности и окказиональности актуализации религиозно-мифологических воззрений» может стать помехой, и не только словесной, в обнаружении вероисповедания своего народа.



Е.С. Данилко

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА СРЕДИ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Распространение старообрядчества на Южном Урале связано, прежде всего, с притоком русского населения, однако дальнейшее его существование на этой территории проходило в теснейшем взаимодействии с другими этносами, что привело к принятию некоторыми из них (мордвой, чувашами, пермяками) старообрядческого вероучения. Основа для такого взаимопроникновения закладывалась в течение именно XVIII и XIX столетий, характеризующихся активными миграционными движениями.

Строительство крепостных линий, ограничивших приток населения из Азии и Волго-Яицкого междуречья и открывших пути для проникновения в еще слабо заселенные районы Нижнего Поволжья, Западного и Южного Приуралья, расширило возможности миграционных сдвигов не только русского населения. Плодородные земли этих районов притягивали как земледельцев, так и кочевников. Вытеснение с коренных территорий постоянным и интенсивным притоком русских крестьян, истощение охотничьих и рыболовных угодий, низкая производительность крестьянского хозяйства способствовали активизации переселенческих процессов финно-угорских и тюркских народов. Еще одним стимулом для ухода с обжитых мест стала насильственная христианизация (Кузев Р.Г., 1992. С. 141–142). В этом контексте для моего исследования наибольший интерес представляет развернувшееся в XVIII в. массовое движение мордвы с северо-запада и запада – из Нижегородского, Арзамасского и Алатырского уездов, то есть преимущественно мордвы-эрзи, в Заволжье. Основные пути проходили по уже сравнительно заселенному (на севере – чувашами, на юге – русскими) пространству между реками Сура и Волга и через Симбирск шли далее на восток в слабо заселенные лесостепные и степные уезды Самарской и Оренбургской губерний, прежде всего в Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский и Самарский уезды (Мордва Заволжья, 1994. С. 11).

Продолжался колонизационный приток в Оренбуржье и русских крестьян, поэтому образовавшиеся здесь мордовские села впоследствии оказывались в плотном русском (часто – старообрядческом) окружении. Так в это время близ Бугуруслана возникло самовольное поселение с характерным названием Староверовка. Затем крестьяне из Тамбовского наместничества (современная Рязанская область) основали село Елатомка (1797). Отсюда старообрядцы разъехались по округе: в Нижнее и Верхнее Заглядино, Русскую Боклу, Борисовку, Козловку и др. (Полевые материалы автора 2001 г.), и их вероучение постепенно стало проникать и в мордовскую среду.

В «Списке населенных мест Самарской губернии» за 1910 г. на интересующей нас территории значится множество смешанных мордовско-русских поселений, где соотношение «православных» и раскольников примерно равное, более всего старообрядцев значилось в Бугурусланском и Бузулукском уездах. К сожалению, в «Списке» не указана численность по всем населенным пунктам, однако имеются некоторые красноречивые примечания. Например, в графе, где с. Дубовое, сделана запись, что вокруг расположены русские раскольниковы села Дураковка, Екатериновка и Давыдовка; то же для села Михайловка – рядом села Дмитриевка и Богдановка. Были и чисто мордовские села



со смешанным «православно-раскольничьим» конфессиональным составом. Это села Ега (где значилось 728 православных и 715 раскольников), Кабаевка (соответственно, 424 и 475), Кирюшкино (1339 и 1491), Рождественское (1345 и 1498), Пронькино (1261 и 1411), Каменка (610 и 715) (Список населенных мест Самарской губернии, 1910. С. 135–302.). При этом не исключено, что под «православными» обозначали единоверцев, то есть, по сути, тех же старообрядцев.

Приведенные данные относятся к началу XX в., однако случаи перехода мордвы в раскол фиксировались значительно раньше, и этому немало способствовала активная миссионерская деятельность иргизских монастырей и скитов, находящихся на территории Уральского казачьего войска. Так, уже в 40-х гг. XIX в. один из чиновников МВД, ссылаясь на отчеты приходских священников, отмечал, что в ряде сел «мордва признает обряды раскольников и просит крестить и венчать по солнцу». Кроме того, «в среду мордвы проникают настроения пустынножительства – девки-мордовки избегают замужества, уходят жить в лесные кельи, хотя многие из них за это подвергаются насмешкам соплеменников и односельчан». Открытый отказ от исполнения обрядов официальной церкви и распространение келейничества свидетельствует, что старообрядчество заняло достаточно прочные позиции среди части мордвы этой местности, а для некоторых приняло характер глубокой убежденности. Тем более что гонения, которым подвергались «раскольники», а также высокие религиозные и бытовые требования, если не исключали, то серьезно ограничивали приток неофитов, принимающих только внешнюю сторону «старой веры» и православия вообще. В этом отношении весьма характерно признание приходского священника деревни Оркино, что он «не опасается проповеди раскольников только потому, что мордва его прихода грубо невежественная и вообще не восприимчива к христианству». Еще одно сообщение такого рода: в деревне Сукино «возник раскол между чувашами. Отпали от церкви самые усердные и имевшие более сознательное понятие о вере». «Не признавали святых тайн» и «молились в церкви с лестовками и подручниками по обычаю староверов» и в других чувашских деревнях – Прилежайке, Барановке, Пичеур, Чувашской Кулатке (Ряжев А.С., 1999. С. 167).

Судя по всему, старообрядческие миссионеры, проповедуя свое учение, не слишком придавали значение этнической принадлежности обращаемых. К 1789 г. относится сообщение об «отпадении» от официального исповедания малороссов, выяснилось, что 25 душ из их числа в селе Порубежка «созранны в начале 80-х годов XVIII в.» старцами Верхнеуспенского монастыря. С течением времени все население этой слободы соляных возчиков стали раскольниками (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1668. Л. 150б.). Старообрядцы украинского происхождения имелись также среди казачества в селах Дедуровском, Илеке, Рассыпной и др. (Ефименко М.И., 2000. С. 35).

Наибольший приток мордовского населения в Уфимскую губернию пришелся на вторую половину XIX столетия, при этом многолюдные и компактные поселения мордвы образовались в Стерлитамакском уезде. В крупном поселении Федоровка насчитывалось 1600 жителей, Кузьминовке – 1,2 тыс., Садовке – 1106 и т.д., в деревне Зирган мордва жила вперемешку с татарами и чувашами (мордвы – 1279 чел., татар – 1168, чувашей – 295 чел.) (Народы Башкортостана, 2002. С. 327).

В 1871 г. старообрядцы основали село Помряскино (другое название – Убежище), затем часть его жителей основала Озерковку (1891) и Гурьяновку (1896) (Асфандияров А.З., 1997. С. 150, 154, 166). Села Гавриловка (1886 г.) и Польшовка (1890) также были известны как раскольничьи (ЦГИА РБ. И-9. Оп. 1. Д. 906. Л. 34). В настоящее время, со-



гласно полевым исследованиям, Помряскино является русским селом, однако из работы известного историка А.З. Асфандиярова можно сделать вывод, что в конце XIX в. там была и мордва, так как основателями Гурьяновки были 14 мордовских семей из этого села (Асфандияров А.З., 1997. С. 150). Архивные документы начала XX в. фиксируют наличие в русских и мордовских населенных пунктах, расположенных в этом кусте, нескольких старообрядческих согласий – белокриницкого, спасовского и рябиновского. Современные полевые материалы подтверждают эти сведения и позволяют проследить перемещения старообрядцев после исчезновения мелких деревень в более крупные села и города Стерлитамак, Ишимбай, Салават, Мелеуз. Все они, как правило, поддерживают отношения друг с другом в рамках своих согласий, собираются на общие богослужения, связаны тесными родственными контактами (Полевые записи автора, 2000–2004 гг.). По документам 1909 г., белокриницкое согласие было распространено в деревне Саратовка (320 чел.), ныне не существующих Полыновке и Ново-Михайловке (732 чел.) и в селе Помряскино (687 чел.). В настоящее время небольшая группа белокриничан имеется только в Стерлитамаке. Большинство же здешних старообрядцев относились к спасовскому согласию – села Зирган (185 чел.), Бугульчан (30), Федоровка, деревни Гумбет и Гавриловка (808 чел.), села Помряскино (700 чел.), Садовка (196 чел.) и т.д., выделялось также рябиновское согласие на хуторе Морозовка, Бурангуловском, в селе Мелеуз, а также самокресты в селе Александровка.

Расселение мордвы на территории современной Башкирии изучено сравнительно мало, до сих пор демографы затрудняются определить хотя бы примерные даты и направления переселенческого процесса. Возможно, какой-то свет на эту проблему может пролить исследование старообрядческого материала. Во-первых, границы спасовского и рябиновского согласий, распространенных среди мордвы, в пределах исследуемого региона достаточно четко локализируются только в центральных районах Башкортостана. Это позволяет предположить, что переселенцы появились здесь примерно в одно время (конец XIX в.) и из одних мест выхода. Во-вторых, спасовское и рябиновское согласия, образовавшиеся на территории бывшей Нижегородской губернии, распространились не так широко, как другие старообрядческие направления, и, скорее всего, в Башкирию они пришли именно оттуда. Косвенным подтверждением могут послужить имеющиеся на сегодняшний день публикации. Так, Е.С. Ключкова описывает внутренние деления спасовщины на толки в Нижегородской губернии; приведенные ею самоназвания и внешние определения этих групп практически полностью совпадают с архивным материалом по Башкирии, где также имеются «спасовцы», «спасово согласие», «рябиновцы» и, наконец, «самокресты» – «*нижегородская разновидность спасовщины, немногочисленное, не получившее широкого распространения*» (выделено мной. – Е.Д.) в Нижегородской губернии и существующее в виде нескольких крепких общин на юге губернии, в Сергачском и Княгининском уездах» (Ключкова Е.С., 1999. С. 220). Е.А. Бучилина, характеризуя современное состояние спасовских общин, пишет, что у них встречаются самоназвания «истинные старoverы» и «истинная кафолическая вера», а также «кулугуры», при этом старообрядцы затрудняются идентифицировать себя с каким-либо согласием (Бучилина Е.А., 1999. С. 264–265), что также совпадает с нашими исследованиями.

Как известно, мордва ранее остальных финно-угорских народов Поволжья подверглась русской ассимиляции, существенную роль сыграла в этом и успешная христианизация. Принятие старообрядчества отразилось, прежде всего, на духовной культуре отдельных групп мордвы. Как показали полевые исследования, характерные для старообрядчества



аскетизм и отказ от многих архаических дохристианских элементов в традиционной обрядности способствовали утрате некоторых этноспецифических черт в их ритуальной культуре. Эту особенность отмечают и сами информаторы, сравнивая комплекс своей семейной и календарной обрядности с комплексом, принятым у православной мордвы.

Л.С. Соболев

Уральский государственный университет им. М. Горького,
Екатеринбург

ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ МАРИЙЦЕВ ЮЖНОГО УРАЛА ГЛАЗАМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Южный Урал – зона контактов трех крупных этнических групп: тюркской, восточнославянской и финно-угорской. В результате хозяйственного, культурного, бытового взаимодействия в контактирующих культурах появились новые элементы. Сильному влиянию подверглась материальная культура, где взаимное обогащение проявилось в одежде, быте, навыках ведения хозяйства и прочем. В духовной сфере взаимообогащение протекало медленнее. Это было связано, прежде всего, с различиями в религиозных верованиях, для устранения которых, начиная с XVII в., российское правительство активно проводило политику христианизации.

Использовались разные методы: от пропаганды и экономического принуждения до насильственного крещения иноверцев. Однако ожидаемых результатов получить не удалось. На Южном Урале процесс христианизации затронул не только мусульманское население, но и языческое, каковым является марийский народ. В течение XVIII–XIX вв. параллельно с христианизацией южно-уральских марийцев в их среде энергично пропагандировался ислам. Попытки обращения в ислам были более удачными, чем крещение, но, несмотря на это, этнос почти в полной мере сохранил свои языческие верования.

Распространение ислама и православия проходило путем наслоения новых религий на традиционную языческую. Марийцы исповедовали язычество в форме анимизма. В основе религиозных представлений марийцев лежит вера в трехъярусную модель мира: в верхнем и нижнем мирах обитают боги и духи; средний мир населен животными и людьми. Религия основана на признании священности мироздания и природы. Основным постулатом веры является бережное отношение к природе, к человеческой жизни. Пантеон богов и духов очень разнообразен. Верховное божество в этой религии Кугу Юмо – податель земных благ. Особо почитаются Ош кече кугу юмо, Тяня-юмо, Кама-юмо, женские божества – Вяд-ава, Мланде-ава, Нур-ава, или Пасу-ава, Тул-ава. В честь богов и богинь совершались моления. Постепенно складывалось целое сословие лиц, возглавлявших моления и приносивших жертвы богам. Таких служителей называли картами.

В дореволюционных русских источниках и официальных документах марийцы упоминаются как «черемисы». Эндоэтноним (самоназвание) народа «мари», «марий» стал употребляться после образования в 1920 г. Марийской автономной области. Основными источниками изучения проблемы исламизации и христианизации марийцев Южного



Урала являются произведения материальной и духовной культуры, данные переписей населения XIX – начала XX в., правительственные указы, сведения, зафиксированные учеными, местными краеведами и представителями духовного сословия. Каждая группа перечисленных источников бесценна, но в рамках данного исследования внимание будет направлено на анализ историко-краеведческой литературы.

В историко-краеведческой литературе XIX – начала XX в. данная проблема специально не рассматривалась. Тем не менее практически из всех историко-краеведческих очерков о черемисах можно почерпнуть сведения о процессе исламизации и христианизации, особенно в главах об истории расселения народа и в описаниях языческой религии. Наиболее важными для исследования проблемы являются сведения из трудов В.М. Черемшанского, С.К. Кузнецова, Н.В. Никольского, И.Н. Смирнова, С.О. Соммье, П. Ерусланова, С. Рыбакова, Алонзова, С.М. Матвеева, В.И. Филоненко. Особо выделяются статьи В.И. Филоненко (Филоненко В.И., 1912; 1914), так как в них рассматривается не только традиционная языческая религия марийцев Уфимской губернии, но и исследуются проблемы неудачного православного просвещения. В большей или меньшей степени каждый из авторов в своем исследовании затрагивает ряд вопросов, связанных с исламизацией и христианизацией марийцев Южного Урала: характер проводимой правительственной политики в области религии, результаты, причины неудач и успехов, проявления новых элементов в религиозных воззрениях.

Что касается вопроса о характере религиозной политики XIX – начала XX в., то во многом он был определен предшествующим столетием. После неудачной политики христианизации иноверцев в XVIII в., когда по России прокатилась волна народных восстаний, российское правительство отступило от насильственных методов (Указ о терпимости ко всем вероисповеданиям от 1773 г. и другие законодательные акты). Исследователи XIX – начала XX в. своими сведениями подтверждают изменение характера правительственной политики, высказываясь однозначно: «Просветительские стремления возрождаются только в XVIII в.» (Смирнов И.Н., 1889. С. 57) «Теперь русские употребляют только убеждения, чтобы заставить черемисов креститься...» (Соммье С.О., 1896. С. 106). В характере исламизации сомневаться не приходится хотя бы по той простой причине, что мусульманское население само со стороны российского правительства подвергалось христианизации. Авторы XIX – начала XX в. рассказывают в своих работах о попытках православного духовенства просветить как языческие народы, так и мусульманские. Согласно исследованию С. Рыбакова, «распространение ислама ведется деятельно среди языченствующих финских народностей Поволжья и Приуралья уже издавна, со времени принятия ислама покорителями Руси татарами. Эта пропаганда то ослабевает, то усиливается в зависимости от того, насколько энергично и целесообразно ведут просветительскую деятельность русские» (Рыбаков С., 1900. С. 1). То есть единодушно признавалось, что два параллельно развивающихся процесса имеют одинаковый характер – просветительский.

Из исследований также видно, что процесс исламизации проходил удачнее христианизации. Дореволюционные авторы отмечают ряд причин, одной из которых является отсутствие языкового барьера между мусульманами и марийцами. О данном факте в середине XIX в. В.М. Черемшанский высказался так: «...в языке сходство с татарским, так как в разговоре понимают друг друга» (Черемшанский В.М., 1859. С. 179). Более поздние авторы упоминают этот факт, еще и прибавляя, что это затрудняло проведение православного просветительства.



Среди причин авторы историко-краеведческих очерков отмечали грамотно организованную мусульманским духовенством религиозную пропаганду. Марийцам сложно было сразу отказаться от своих обрядов, поэтому требовалась некоторая лояльность. Равнодушное отношение мусульманского духовенства к некоторым традиционным для язычества обрядам только пропагандировало ислам. Православное же духовенство, наоборот, было непреклонно и не разрешало марийцам использовать старые обряды. Кроме того, распространенным мнением среди простого народа в марийских деревнях было: «...вашему попу давать много надо. А мулла ничего не берет» (Филоненко В.И., 1914. С. 26). Укрепление ислама происходило благодаря проповеди мулл, открытию мечетей и медресе. Окрепнув в Уфимской губернии, мусульманское духовенство к концу XIX в. попыталось распространить свое влияние на соседние губернии: «Магометанская пропаганда не первые годы действует среди вотяков Большого, Малого и Верхнего Гондырей и окрестных деревень. Впервые она замечена была в 70-х годах XIX столетия. Вероятно, она занесена из Уфимской губернии, где ислам свил прочное гнездо и где в Татышлинской волости, Бирского уезда, соседней с Осинским, Пермской губернии, вотяки даже добились разрешения на переход в магометанство» (Рыбаков С., 1900. С. 5).

Несмотря на периодически принимаемые российским правительством указы, по которым для новокрещенных устанавливались льготы на выплату государственных налогов, православие утверждалось слабо. В историко-краеведческих работах встречаются сведения о массовом принятии православия и налоговых льготах для новокрещенных (Нурминский, 1846). Эти факты наталкивают на мысль, что это, скорее, свидетельство номинальности крещения, чем духовной потребности марийского народа.

Кроме того, причиной неудачи христианизации авторы считают и отношение к только что принявшим веру марийцам со стороны мусульман и русских, которое было различным. Мусульмане старались окружить отеческой любовью, и такая опека благоприятно отражалась на укреплении мусульманской религии. Отношение русского населения к иноверцам во многом препятствовало распространению православия. Согласно В.И. Филоненко, «мы, русские, вообще как-то чуждаемся инородцев. Смотрим на них, как на людей низкого происхождения. Несмотря даже на принятие христианства, инородец для большинства все-таки остается “крещеной собакой”» (Филоненко В.И., 1914. С. 26).

Затрагивая вопрос о результатах христианизации, практически все авторы историко-краеведческой литературы констатировали не вполне удовлетворительные итоги для православного духовенства. В.М. Черемшанский в 1859 г. пишет о политике христианизации: «Никакие меры правительства не могли вывести народ из невежества» (Черемшанский М.В., 1859. С. 181). Спустя практически сорок лет С.О. Соммье заключил следующее: «Многие черемисы крещены и сделались таким образом более или менее хорошими христианами... Немногие другие приняли магометанскую веру. Но не мало осталось верными их древней религии» (Соммье С.О., 1896. С. 99). Что касается исламизации марийцев Южного Урала, то В.И. Филоненко в своей статье о религии марийцев Уфимской губернии пишет о постепенном «отатаривании» марийского населения: «Мусульманство расшатало основы старых языческих верований черемис и привело их к тому, что они, как говорится, стали ни то ни се, ни язычниками ни магометанами, а скорее полужазычниками и полумагометанами, хотя сами они этого не осознают, часто выдавая магометанские понятия за языческие» (Филоненко В.И., 1912. С. 2).



Несмотря на неудачный процесс христианизации и более удачную исламизацию, в традиционной языческой религии появляются новые элементы, заимствованные из ислама и православия. По мнению И.Н. Смирнова, от мусульман черемисы заимствовали представления о стране мертвых, об аде, его повелителе и судье, о темном и светлом мирах, идею о грехе, добродетели, представление об Аллахе и его пророке, а христианство обогатило идеей о едином боге, новыми объектами для поклонения (Николай Чудотворец, Варсонофий и икона Казанской Божьей Матери, отождествленные с культом языческих богов), числом фетишей (христианская икона) (Смирнов И.Н., 1889. С. 151–171). Практически во всех исследованиях просматривается мусульманское влияние в названии духовного сословия. Описывая жертвоприношения черемис, авторы упоминают о муллах, которые являются главными действующими лицами во время жертвоприношений.

Итак, исследователи XIX – начала XX в. подводят к выводу, что, несмотря на просветительский характер исламизации и христианизации марийцев, основной религией осталась традиционная языческая. А большая часть поменявших веру марийцев Южного Урала отдала предпочтение исламу. Таким образом, историко-краеведческая литература XIX – начала XX в. значительно обогащает представление о процессе исламизации и христианизации южно-уральских марийцев и является важным источником при рассмотрении проблемы.

О.В. Новикова

*Челябинский государственный университет,
Челябинск*

СВАДЕБНАЯ ОДЕЖДА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Свадебная одежда является неотъемлемой частью всего комплекса традиционной одежды. Общие тенденции развития одежды в свадебной одежде присутствуют особенно ярко, в связи с ее особой демонстративностью. Свадьба, безусловно, один из наиболее публичных актов в жизни семьи. Жених и невеста находятся в центре внимания общины. В образах жениха и, особенно, невесты аккумулируются социальные представления о красоте, они выступают как некая квинтэссенция эстетических представлений группы. Кроме того, в костюмах жениха и невесты конца XIX – начала / середины XX в. сохраняется и ряд традиционно присутствовавших ритуально-магических аспектов, характерных для обрядов перехода.

Предметы одежды традиционно занимали важное место в приданом невесты и кладке жениха. В конце XIX – начале XX века у оренбургских казаков приданое играло большую роль, чем кладка, которая к этому времени уже практически не содержала предметов одежды и состояла в основном из денег и продуктов, покрывавших свадебные расходы. Однако повсеместно достаточно долгое время (по крайней мере, до 30-х гг. XX в.) сохраняется традиция, когда жених обеспечивал невесту свадебной обувью.

Приданое являлось одним из немаловажных мотивов в выборе невесты. Кроме всего прочего (денег, скота, птицы, предметов домашнего обихода), приданое обязательно



содержало всевозможные предметы одежды. Фактически невеста забирала всю имеющуюся у нее одежду, но приданым считалась только новая, ранее не носимая. Особо ценились дорогие покупные вещи. Важное место в приданом занимало белье. Из верхней одежды каждая невеста обязательно должна была иметь шубу или сак, в зависимости от достатка семьи. Приданое перевозили в дом жениха в первый день свадьбы.

Важную роль в предсвадебной обрядности играло взаимное одаривание родственников со стороны жениха и невесты. Здесь также использовались предметы одежды. Наиболее популярным подарком были нарядная катетка или шаль. Невеста также делала подарок жениху – как правило, какой-либо собственноручно изготовленный предмет одежды: часто пуховый шарф, варежки, иногда вышитую рубаху.

Важнейшей частью свадебной одежды, безусловно, была одежда невесты, которую обеспечивали родители девушки. Вся одежда обязательно должна была быть новой. Одежду невесты в конце XIX – начале / середине XX в. старались шить по последней городской моде. Единственным типом венчальной одежды невесты в конце XIX – середине XX в. были кофта и юбка – как правило, «парочки», то есть сшитые из одинаковой ткани. Видимо, сарафаны как венчальная одежда в конце XIX – начале / середине XX в. в среде оренбургских казаков не бытовали. Платья в качестве свадебной одежды получили распространение довольно поздно, в сельской местности не ранее конца 40-х – начала 50-х гг.

Распространенным материалом для изготовления одежды был ситец, который покупали на ярмарках и в лавках, более состоятельные казаки старались шить венчальные парочки из шелка или атласа. Изготовление свадебной одежды из домоткани было большой редкостью и считалось проявлением крайней бедности семьи. Венчальные парочки обязательно шили из материи светлых тонов. Самыми популярными расцветками были розовый, голубой («поднебесный»), белый и золотистый.

Волосы невесты распускали, сверху украшали белыми восковыми цветами, веночками, в некоторых местностях надевали фату («уваль»). Фату имела далеко не каждая невеста. Ее часто брали напрокат у родственников, соседей. Цветы и фата украшали голову невесты только до венчания, из церкви невеста возвращалась уже без них. А за столом проводили обряд «окручивания». Свахи разделяли волосы невесты и заплетали в две косы – кто быстрее. По этому в одних местностях определяли, кто первым родится – девочка (если первой закончила сваха невесты) или мальчик (если сваха жениха), а в других местностях – кто будет «держатъ верх» в доме – муж или жена. Две косы складывали сзади в шишку («по-бабьи») и закрепляли повязкой, которую впервые одевали именно на свадьбе. Повязка могла быть в виде сеточки, надевавшейся на шишку, или чепца, изготавливаемого из плотного материала, например, атласа. На свадьбу повязку шили либо из того же материала, что и парочку, либо из другого – более ярких цветов: красного, розового, малинового. Она могла быть выполнена в лоскутной технике (из ярких лоскутных ленточек). Старинные головные уборы (кички, кокошники) на территории Оренбургского казачьего войска в конце XIX – начале XX в., скорее всего, не употреблялись.

Жених на свадьбе был обязательно в сапогах и, как правило, в темном костюме и рубашке (белой вышитой или светлых тонов). В одних местностях рубаху по традиции заправляли в штаны, в других носили поверх. Сверху повязывали длинный широкий пояс, иногда строченый. Его могли завязывать узлом или бантом либо просто обматывали вокруг талии, загибая конец пояса внутрь. Штаны заправляли в сапоги, которые считались



среди казаков единственно возможной свадебной обувью жениха. Нужно отметить, что в качестве свадебной одежды казачья форма, как правило, не употреблялась.

Свадебная одежда родителей жениха и невесты, гостей, свадебных чинов, видимо, не имела выраженной специфики. Это была просто праздничная одежда, которая отличалась яркостью цвета и качеством материала, но по покрою была аналогична повседневной одежде и соответствовала полу, возрасту и семейному положению владельца.

Отдельно следует остановиться на ритуале *ряжения* – обрядового перевоплощения, которое обычно имело место на второй день свадьбы. Ряжение состояло в перевоплощении через переодевание и сопровождалось демонстративным антиповедением.

Наиболее распространенные типы ряженных на свадьбе связаны со сменой участниками обряда социальной (половозрастной, этнической, профессиональной) группы. Переодевание мужчин в женщин, женщин в мужчин, в старух и стариков, в представителей «чужих» этнических, сословных (барин, барыня), профессиональных (солдат, матрос) групп достигалось с помощью различных предметов одежды.

Повсеместное распространение на всей этнической территории русских имел образ цыганки, другие этнические персонажи олицетворяли представителей «чужих», но хорошо знакомых данной территориальной группе этносов. Так, среди казаков наиболее популярны «татары», «киргизцы», «башкирцы» и практически нет распространенных в европейской России евреев и немцев. То есть выбирался образ, который воплощал для данной группы типичного представителя «чужого» этноса.

При этом редко, хотя бывало и такое, переодевание было полным (с воспроизведением всего комплекса традиционной одежды персонажа) и направленным на то, чтобы зрители могли действительно спутать, например, мужчину и женщину. Обычно это было символическое перевоплощение, которое достигалось за счет введения в костюм знаковых предметов одежды, маркировавших пол, возраст, этническую либо сословную принадлежность. Перевоплощение мужчин в женщин и наоборот облегчалось тем, что свадьбы чаще всего проходили поздней осенью или зимой, а зимняя верхняя одежда мало различается по полу. Овчинная шуба и валенки для воплощения мужчиной образа женщины дополнялись юбкой (под которую всегда надевали штаны) и платком, иногда щеки мазали свеклой, а для воплощения образа женщины женщины надевали штаны (в которые обычно заправляли юбку) и папаху (ушанку, казачью фуражку), сажей рисовали усы, за пояс заправляли топор. Обращают на себя внимание различия ряжения свадебного, святочного и масленичного. Так, в свадебном ряжении преобладают антропоморфные персонажи и почти нет зооморфных (медведей, коней, коз и т.п.), типичных для ряжения в календарной обрядности. Нет и устрашающих персонажей из загробного мира – покойников, кикимор, смерти и т.п., типичных в святочных обрядах и ритуалах. Демонстрируя антиповедение, свадебные ряженные ведут себя шумно, буйно, но не агрессивно. В основном пристают к прохожим с предложением выпить и закусить. Основная функция свадебных ряженных – исполнение частушек и песен фривольного содержания. В данной связи нужно отметить, что в ряжении принимали участие женатые мужчины и замужние женщины, как правило, среднего возраста. И никогда – незамужние девицы и неженатые парни.



А.А. Рыбалко

Челябинский государственный университет,

Челябинск

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ТРАДИЦИОННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ

Оренбургское казачье войско – одно из первых казачьих формирований России, созданных государством искусственно для решения геополитических задач, стоявших перед империей на востоке в XVIII–XIX вв. Объединение в течение двух веков различных групп казаков, крестьян, солдат линейных батальонов, а также отдельных групп финно-угорских, монгольских, тюркских народов, привело в конце XIX в. к формированию этнографической группы русских с выраженным субэтническим самосознанием – оренбургских казаков.

Сложный состав этнографической группы, проживание на огромной территории, от среднего течения реки Урал до среднего течения реки Тобол, в различных природно-географических условиях не могли не сказаться на особенностях материальной культуры в общем, и на особенности традиционной архитектуры – в частности.

Основным строительным материалом при возведении большинства построек как на севере Оренбургской губернии, так и в южной ее части, являлось дерево. Из дерева сооружали жилые строения, церкви, хозяйственные постройки (амбары, конюшни, бани). Наиболее употребительными строительными породами были хвойные – сосна и лиственница. По многочисленным утверждениям информаторов раньше предпочтение отдавалось прочной и долговечной лиственнице, основным преимуществом которой являлась ее особая устойчивость к гниению. Однако тепло сосна держит лучше лиственницы, и протопить сосновые избы проще. Сосна и лиственница широко распространены по всему Южному Уралу, даже в степной его части существовали и существуют до настоящего времени реликтовые островные, оставшиеся от послеледникового периода сосновые с примесью лиственницы боры. Сосна тем не менее встречается гораздо чаще и заметно преобладает, поэтому большинство зданий, особенно построенных во второй половине XIX в., – сосновые. Заготовка леса в Оренбургской губернии производилась согласно «530-й статьи VIII тома свода законов устава Лесного» гласившего, что «вырубка леса под наблюдением местных лесных чиновников, которые смотрят, чтобы рубка была чинена в отведенных местах и в то время, когда из дерева сок в корень, а именно: от сентября до марта. В прочем срок сей, продолжается в губерниях: Вятской, Оренбургской, по 15 марта. Отпускная цена составляла «по 1 рублю за 1 бревно длиной 9 аршин, шириной 10 вершков». Во время заселения новолинейного района порядок заготовки строевого леса и контроль за рубкой с личной ответственностью «станичных начальников», а также способ транспортировки прописывались в «Правилах о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков». Каждому калмыцкому семейству выделялось «от 50 до 75 корней строевого леса, смотря по изобилию оного в тех местах, где будут основаны станицы». Кроме того, калмыкам, не имевшим навыков «к постройке домов», для производства работ из Самарской, Нижегородской, Оренбургской губерний были вы-



званы плотники и «пильщики», «полагая на каждую вновь устраиваемую станицу плотников по 4 и пильщиков по 2 человека».

В строительстве использовался ствол дерева, из которого изготавливались бревна длиной от 5 до 10 м, толщина бревен колебалась от 15 до 50 см. Из бревен изготавливались плахи (бревно расщеплялось на две половины), брусья и доски. Кроме стволов, шли в дело и пни с частью корневой системы. Дома первых поселенцев-казаков Новой линии сооружены на пнях – «сохах».

Неровные стволы лиственных пород деревьев (березы, осины, тополя) для строительства жилья использовались крайне редко, в основном для сооружения каркасных домов переселенцами с Украины и из Южной России. Однако и казаки поселка Селезянского Еткульского станичного юрта сооружали дома из березовых стволов в пазово-столбовой технике, предварительно поправив стволы топором. Иногда осиновые и березовые стволы распиливались на доски, шли также на изготовление столбов для изгородей, а молодые осинки и березки – на поперечины для жердевых изгородей – прясел. Также в качестве строительного материала использовалась и береста. Учитывая ее стойкость к гниению и хорошие водоотталкивающие свойства, бересту использовали в качестве гидроизоляции, прокладывая между срубом и оконными коробками. В поселке Париж берестой покрывали крыши. Этот же кровельный материал под сосновые драницы власти рекомендовали использовать при сооружении домов калмыков в новолинейном районе.

Для изготовления декоративных элементов подзоров, наличников и т.д., выполнен-ных в технике пропильной резьбы, использовалась привозная липовая доска.

Различные породы ивы использовались для сооружения плетней в казачьих поселках, население которых было этнически связано с югом России и Украиной (поселок Черкасы Варшавской станицы). Из плетня с последующей обмазкой глиной возводили стены хозяйственных построек, оплетали стенки подполья.

Второе место среди строительных материалов на Южном Урале занимал дикий камень (гранит, аспидные сланцы, кварцит). Его активно применяли в Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии, но наиболее широко – на юге в степной зоне – в Верхнеуральском, Орском уездах, где ощущался дефицит строительного леса. Особенно активно дикий камень стали использовать в строительстве в последние десятилетия XIX и в начале XX в. Дома из дикого камня сооружали редко. Но кое-где они сохранились до сих пор (Кизильская станица). Чаще всего из камня сооружались хозяйственные постройки – амбары, завозни, сараи, конюшни, заборы; выкладывались колодцы (поселок Черкасы), погреба, фундаменты домов, «холодные» сени. В одном из домов Амурского поселка из гранитной плиты изготовлен «шесток» русской печи. Большие ровные каменные плиты нередко укладывали перед калиткой ворот или перед входом в дом в качестве крыльца (поселок Амурский, поселок Александровка). В поселках Степной станицы, Стрелецком и Чернореченском, гранитными плитами мостили дворы. Сооружением построек из камня чаще всего занимались башкиры-отходники, а позже – местное население.

Кирпич в сельской местности использовался нечасто. В первой половине XIX в. кроме печей в офицерских домах и церковей других сооружений из этого материала почти не было. В третьей четверти XIX в. в Наследницкой и Николаевской станицах вокруг церковей, тоже кирпичных, были выстроены стены ограды с бойницами и башнями из кирпича. Кирпич изготавливался на месте «наряженными для этого нижними чинами



5-го башкирского, 2-го и 5-го мецерацких кантонов» под руководством «полевого Инженер-порутчика Грушецкого и двух инженерных офицеров», а стены возводили «мастеровые подрядчика Токорева». Общее руководство осуществлялось теми же «инженерными офицерами». В первых десятилетиях XX в. кирпич стали использовать шире, в казачьих поселках появились капитальные строения из него, но чаще всего нежилые. Больше кирпичных сооружений было в поселках и станицах, расположенных недалеко от города. Из кирпича строили административные здания и торговые заведения. Очень часто временное жилье (временки), летние кухни, реже – бани и другие хозяйственные постройки сооружали из самана. Самым доступным из всех строительных материалов в сельской местности была глина. Из глины сооружали «битые печи», ее использовали для изготовления самана, ею обмазывали срубы жилых домов внутри и снаружи, плетневые, саманные, дерновые, каменные стены сараев, стоек, каменные фундаменты, кирпичные печи. Она служила связующим материалом в каменных кладках, гидроизолирующим – на крышах временок и хозяйственных построек, заполнителем – в каркасных сооружениях. Пол в большинстве домов переселенцев был глинобитным. Глинобитные полы были во временках, летних кухнях и в домах небогатых казаков в степных станицах Троицкого, Верхнеуральского, Орского и Оренбургского уездов.

Солому и камыш в основном использовали в качестве кровельных материалов, а также при изготовлении самана. Соломенные и камышовые крыши жилых домов в казачьих поселках являлись признаком невысокого достатка. Глиносоломенные кровли были характерны для хозяйственных построек, предназначенных для содержания скота.

Листовое железо на крышах домов зажиточных казаков появилось во второй половине XIX в., раньше такое покрытие имели только церкви. Из листового железа иногда изготавливались декоративные украшения и водостоки.

Часто кровельным материалом для временных жилых или хозяйственных построек как казаков, так и переселенцев, служил обыкновенный дерновый пласт, нарезанный в степи. Из нарезанного дерна возводили обычно те же постройки, что и из самана, причем при меньших трудовых затратах, связанных с изготовлением «кирпичей». Дерновые пласты резали лопатой в степи и возили в поселок, не расходуя время на замес и формовку с просушкой, процесс к тому же не требовал присутствия воды. Сооружения из дерновых блоков обладали удовлетворительным теплоизоляционным качеством и долговечностью. Некоторые дерновые дома на прииске Болотовском и в коммуне «Красный огородник» вблизи поселка Аландское, построенные в 20-е гг. XX в., сохранились обитаемыми до сих пор. Постройки «с дерна», как и саманные, преобладали на переселенческих хуторах и в казахских аулах. Стены построек, как правило, вымазывали глиной.

Развитие казачьего домостроительства на территории Челябинской области позволяет говорить о том, что его изменение происходило не без воздействия антропогенного фактора.

Дома первых переселенцев сооружались преимущественно из лиственничных и сосновых бревен внушительных размеров. Лес здесь был сравнительно недалеко – в степных борах на водоразделах и речных террасах. Первое время его хватало. Однако скоро казаки столкнулись с дефицитом строительного леса. Площади боров сокращались одновременно с ростом площади и численности населения казачьих поселков. Во второй половине XIX в. лиственничные срубы постепенно сменяются сосновыми. Диаметр бревен от десятилетия к десятилетию сокращается с 45–30 см до 20–15 см.



В конце XIX в. в сельском строительстве стали активно использовать камень и глину. В это время широко распространяется практика ставить дома на высокие (до 1 м) фундаменты из дикого камня. Из камня и самана сооружаются хозяйственные постройки и летние кухни во дворах. Усадьбы огораживаются высокими каменными заборами.

Ухудшение качества строительного леса в начале XX в. вынудило население южных станиц (Наследницкая, Варшавская, Кизильская, Кваркенская) прибегнуть к нетрадиционному способу утепления срубов – обмазке их глиной. Казаки поселков Александровский и Черкасинский, переселенные из одноименных поселков Воздвиженской станицы I-го военного отдела во второй и основавшие свои поселки в самом начале XX в., оказались в еще более сложном положении. Временные жилища они строили из самана, кровля – земляной пласт, пол глиняный.

Сам по себе факт строительства временных саманных жилищ первопоселенцами не является показателем одного лишь дефицита строительного леса, здесь главную роль, скорее всего, играет временной фактор, то есть необходимость построить жилье как можно скорее, за один летний сезон.

Жители Неплюевского поселка, основанного в середине XIX в., утверждают, что их собственные первопоселенцы тоже строили «саманухи». В поселках Черкасы и Александровский временное саманное жилище для многих стало постоянным, некоторые казаки так и не смогли к 1917 г. построить деревянные дома. В отдельных капитальных домах Александровки деревянный пол был только в горнице, а в избе – глиняный. Перед входом вместо крыльца помещали каменную плиту.

В поселках, не только в новообразованных, но и старых, на домах небогатых казаков появились соломенные и камышовые крыши. Раньше, в XIX в., соломенные или глиносоломенные кровли были только у хозяйственных построек. Справедливости ради следует сказать, что власти рекомендовали «при недостатке леса» использовать в качестве кровельных материалов камыш, глину, дерн и в 40-е гг. XIX в.

Таким образом, в степной зоне к началу XX в. в результате адаптации к новым условиям (дефицит леса и повышенная при сильных ветрах пожароопасность летом) произошла трансформация культурной традиции, сформированной в лесной зоне. Изменились некоторые технологические приемы, используемые при сооружения жилищ и хозяйственных построек, расширился ассортимент строительных материалов. Поэтому многие поселки на юге Верхнеуральского уезда приобрели черты, свойственные южно-русским, донским и украинским населенным пунктам.

Все сказанное не относится к большинству поселков, станиц III военного отдела Оренбургского казачьего войска, расположенных в облесенной части Челябинского и Троицкого уездов и не испытывавших острого дефицита строительного леса.



Е.И. Артюшкина
Областной центр народного творчества,
Челябинск

ПЛЕТЕНАЯ ОБУВЬ ИЗ ЛЫКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

История различных видов производства из природных материалов, в частности из луба и лыка, своими корнями уходит в глубокую древность. География их распространения в России была чрезвычайно широкой. До середины 50-х гг. XX в. в ряде мест Челябинской области особое место в изготовлении изделий из лыка и луба занимало плетение лаптей. В наши дни нет потребности в плетеной обуви, однако традиционные ремесла продолжают бытовать и сегодня. Мастера-плетейщики области сосредоточены в горнозаводской части Челябинской области (Катав-Ивановский, Ашинский, Саткинский и Нязепетровский районы).

Основная порода дерева, необходимая для производства лаптей, – липа, (используют липовый луб – слой, расположенный под корой). Луб, содранный с молодых липок, называют лыком. В единичных случаях применяли и лыко ильма. Наличие сырьевой базы является основной предпосылкой для развития традиционного ремесла в этом регионе Южного Урала.

Статистика за 1898 г. отмечает, что Златоустовский уезд должен быть отнесен к самым лесистым в Уфимской губернии. Общая площадь лесов в нем вместе с кустарниками исчислена в 980 123,41 десятины, что составляет 53,48 % всей площади удобной и неудобной земли уезда. Главная масса этих лесов расположена в восточной половине уезде, пограничной с Пермской и Оренбургской губерниями (по Уральскому хребту и его острогам) в волостях: Айлинской, Златоустовской, Кусинской, Саткинской, Рудничной, лесистость которых колеблется в пределах 70–90 % (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. 1898. Т. 6. С. 506).

Вплоть до XIX в. заготовки липовой коры крестьяне вели в своих наделных лесах. На 1898 г. в волостях Златоустовского уезда мирским приговором на одну ревизскую душу было определено по одному возу лыка и одному возу луба. Воз лыка состоял из 50–60 лутошек (длиной 4–5 аршин, толщиной s–1S вершка). Воз луба – 10–15 шт., из дерева выходило 2–3 лубка (Там же. С. 522).

Дешевая и простая обувь встречалась в области повсеместно, кроме казачьих районов. Лапти, распространенные среди сельского населения горнозаводской части области, были рабочей обувью и на горных заводах. Большой популярностью плетеная обувь пользовалась не только у русского населения. «Рабочей обувью в летнее время (особенно в период сенокоса или жатвы) служили лапти (сабота) у башкир бассейна Юрюзани и среднего Ая» (Шитова С.Н., 1973. С. 113). «Техника плетения изделий из лыка были в такой же мере характерны для башкир, как и для населения, живущего среди башкир» (Руденко С.И., 1955. С. 155).

У русского населения лапти были как будничной, так и праздничной обувью мужчин, женщин и детей. Одной пары лаптей хватало на десять дней. В течение года крестьянин изнашивал до 40 пар лаптей (Водарский Я.И., Истомина Э.Г., 2004. С. 165). Лапти плелись, как правило, мужчинами для себя и своей семьи. Однако известны и женщины-плетейщицы. Например, во время Великой Отечественной войны на Миньярском металлургическом заводе создавались мастерские по изготовлению рабочей обуви, где



работали женщины (А.И. Чертов), а в артели «Урал» в селе Биянка они плели лапти для трудовой армии.

В начале XX в. область распространения лаптей у башкир была ограничена. «В северо-западной и отчасти в западной Башкирии беднейшая часть населения пользовалась лаптями постоянно, а в бассейне реки Уфы носили только во время полевых работ» (Руденко С.И., 1955. С. 155).

Операции подготовки липового луба для изготовления лаптей у русских и башкир были идентичны. Лыко заготавливали во время сокодвижения. Деревья длиной около 2 м и в диаметре не больше 50 мм срубают под корень, затем с помощью ножа снимают лутошко, чистят его от коры и «цинуют» – нарезают луб на ленты шириной 10–15 мм (это зависело от размера лаптей: чем меньше размер, тем уже лента). «Чтобы сплести лапти 36 размера, надо 5–6 лутошек» (П.И. Хамонов). Иногда ленты подкрашивали, для этого клубки из лубяных лент помещали на траву, которую стелили на навозные кучи, затем закрывали бурьяном и в течение суток клубки «томились» и окрашивались в золотистый цвет (Е.И. Аистов). А для придания коре красноватого цвета луб на 3–4 дня ставили в холодное место, тень (П.И. Хамонов).

В различных местностях плели различные лапти – русские и татарские (мишарские). Они отличались по внешнему виду и технике исполнения. «Башкирские лапти, подобно мишарским, были аккуратнее русских, легче и отличались от последних тем, что могли одеваться на любую ногу» (Руденко С.И., 1955. С. 162). «Башкирские лапти имели низкие края и небольшие, но широкие головки» (Шитова С.Н., 1968. С. 140). Такой тип лаптей характеризуется тем, что у них подошва выполняется в технике косого плетения, а головка – в технике прямого плетения. Повседневные лапти плелись из семи лык. Их начинают плести с носка: на мочальную веревочку (обору) навешивают, складывая пополам, четыре лычки вдоль, а три оставшиеся лычки (6 концов) вплетают вдоль, проплетая то сверху, то снизу продольных лычек. Затем перекрещивают средние лычки между собой, оформляя тупой носок, и переходят на плетение стопы, укладывая лычки друг к другу под острым углом (С.Х. Хатавов).

Русские лапти не были совершенно одинаковыми, они отличались количеством лычек: плели «пятирики» (пять лычек) и «шестярики» (шесть лычек), а также оформлении носка и пятки. Например, в Ашинском районе (с. Биянка) женские и мужские лапти были различны по форме – головка женского лаптя была с тупым концом, похожа на галошу, а у мужского головка была сплетена под косым углом (П.И. Хамонов). Русский лапоть начинали плести с пятки. Перед плетением лыковые ленты замачивали в воде. Для нулевого цикла проплетаются лычки между собой: в «пятириках» 2×3 , в «шестяриках» 3×3 . Затем оформляется пятка, для этого перегибается одна из крайних лычек и переплетается с двумя рядом идущими, а затем переплетается с тремя идущими лычками. Аналогичным образом делают то же самое с другой стороны. Все лычки переплетаются между собой так, чтобы с обеих сторон было 5 (6) лычек, и переходят на плетение стельки, перекидывая лычки через заборник. Длину стельки многие мастера определяли по количеству оборотов вокруг заборников. Для мужского лаптя обычно это девять оборотов. Перед началом плетения носка заплет делают холостым (не перекидывают через заборник). От формы носка заплет ведется по-разному. Например, носок в форме трапеции начинали плести с центра 2×2 .

На заключительном этапе плетения мастер использует инструменты: металлический кочедык (кочетык) и деревянную колодку. Колодка вставляется в лапоть и поочередно,



лычка за лычкой, вытягивается носок. Когда лычки носка переводятся через заборник (оборник) на стопу, необходим кочедык – для прослабления и протаскивания лычек следующим слоем. Для прочности стельку плели в три слоя. Для рабочих горячих цехов завода лапти привязывали к колодкам.

Делали лапти и специально для ходьбы по двору – ступни (выходцы), их плели на 8 лычек – 16 концов.

Русское население лапти обычно надевало с онучами, иначе – портянками, летом с холщовыми, которые ткались из конопляного волокна, а зимой с суконками, сотканными из шерстяных нитей. Для закрепления лаптя на ноге пользовались оборой – свитой из лычек липы тонкой веревочкой длиной до двух метров. Башкиры носили их обычно с вязаными шерстяными или суконными чулками, с портянками; значительно реже и только на северо-западе – с онучами (ыштыр). Вербки лаптей завязывали низко, у щиколоток (Шитова С.Н., 1968. С. 140).

Главное достоинство плетеной обуви из лыка заключалось в том, что она была удобной, дешевой и доступной. На развитие культуры местных башкир оказало влияние близкое соседство горнозаводских поселений – Катав-Ивановска, Усть-Катава, Бердяуша, Сатки и близлежащих русских деревень. При этом сохраняются локальные варианты техники плетения, которые передаются из поколения в поколение.

Информаторы:

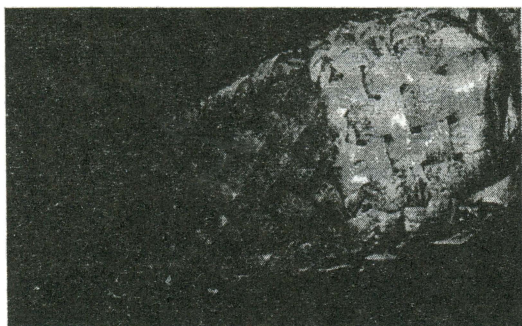
Аистов Евгений Иванович 1928 г.р., г. Сатка

Шишкин Павел Иванович 1932 г.р., с. Шемаха, Нязепетровский район

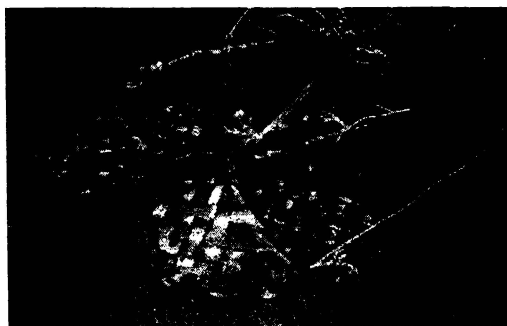
Хатавов Салих Хатавович 1935 г.р., с. Арасланово, Нязепетровский район

Хомонов Петр Иванович 1937 г.р., с. Биянка, Ашинский район

Чертов Алексей Игнатьевич, 1920 г.р., г. Миньяр, Ашинский район



«Татарский» лапотъ



«Русские» лапти



Е.Е. Никонорова

Центр этнологических исследований УНЦ РАН,
Уфа**ОДЕЖДА УРАЛЬСКИХ МАРИЙЦЕВ В СОБРАНИИ
МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (г. УФА)**

Музей археологии и этнографии в Уфе (далее МАЭ) молод, он был открыт в 1981 г., а его фонды начали комплектоваться с 1977 г. Музей создавался в структуре Российской академии наук вместе с Отделом народов Урала УНЦ как единый организм. Название Отдела отражало как тематику исследовательских поисков, так и направления собирательской деятельности музея. В фондах МАЭ хранятся материалы по культуре 12 народов (башкиры, татары, чуваша, марийцы, удмурты, мордва, эстонцы, русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи), а коллекции МАЭ приобретались не только на территории Башкортостана, но и в Челябинской, Курганской, Свердловской, Пермской, Оренбургской областях.

Уральские марийцы проживают по среднему течению рек Уфа и Сылва и в их междуречье – на территории современных Свердловской и Пермской областей. Эта оторвавшаяся от материнского этноса группа на новой территории пришла во взаимодействие с аборигенным вогульским населением, с башкирами и татарами, которые там сами были мигрантами. Как часто бывает в таких случаях, уральские марийцы сохранили многие архаические черты в культуре, порой утраченные в метрополии. Находясь несколько веков в иноэтничном окружении, они многое заимствовали. Наложение этих двух тенденций, двух различных векторов развития в итоге привело к формированию очень интересной, самобытной культуры, что ярко отразилось и в одежде.

В состав женского костюма уральских марийцев середины XX в. входила красная пестрядинная рубаха – *тувыр*, передник – *ончылан сакыме*, пояс – *яшти*, кафтан – *йылан*, головной убор – *шына шовычо*, нагрудное украшение – *яга*. Элементом свадебного костюма был платок невесты, *солык*, из белого холста с вышивкой. Старинная белая холщовая одежда (кафтаны – *ош шовыр*) использовалась как свадебная и ритуальная (ее одевали на моления).

Рубахи в середине XX в. шили из красно-черной пестряди (мелкая клетка). В конце XIX в. и даже в начале XX в. у восточных марийцев, наряду с пестрядинными, еще широко бытовали белые холщовые рубахи (Сепеев Г.А., 1975. С. 11). В коллекциях Музея археологии и этнографии среди прочих предметов есть и рубахи (мужские и женские), стан которых сшит из белого домашнего холста. Все они украшены вышивкой шелком или шерстью. Нагрудная вышивка выполнялась в технике «косой стежок» в сочетании с росписью. Подол мужских рубах заткан красной шерстяной нитью в браной технике, а у женских рубах спереди на подоле центрального полотнища вышивались «косым стежком» на небольшом расстоянии друг от друга три небольшие квадратные розетки. Все белые холщовые рубахи из фондов МАЭ имеют пестрядинные рукава, слегка зауженные или собранные у запястья.

Особо примечательны белые домотканые женские рубахи. Одна из них представляет наиболее ранний тип. Она имеет грудной вертикальный разрез справа, который завязывается двумя шерстяными шнурками с кисточками на концах. На плечах и спине, по подолу рубаха декорирована нашивками черной тесьмы домашнего производства,



которая в более поздних рубашках будет заменена полосками из красной фабричной материи. Вышивка исполнена шерстью черного цвета с вкраплениями красного и зеленого. В марийской одежде вышивка шерстью предшествовала шелковой, а в колорите темные (черный, темно-красный, синий, коричневый) тона предшествовали ярко красной гамме. Переход к новому материалу и колориту начался, по мнению Т.А. Крюковой, «в первой четверти XIX в.» и захватил в первую очередь вятских марийцев (Крюкова Т.А., 1968. С. 54). Уральские же марийцы дольше других групп сохраняли старинные традиции в одежде и ее декоре. Интересно, что у некрещенных марийцев Кировской области рубашка с черной вышивкой «кавынь тувыр» была обрядовой: ее надевала невеста «по приезду в дом жениха [...] Эти рубашки владелица хранила всю жизнь. Они должны были сопровождать ее в загробный мир. Рубашку с черной вышивкой надевали на покойницу в гроб» (Там же. С. 56). Другая белая женская рубашка интересна прежде всего богатейшей вышивкой красным шелком на груди и подоле. Такие рубашки назывались «*порсын тувыр*» (шелковой рубашкой) (Сепеев Г.А., 1975. С. 160). Вышивки старинных рубашек чрезвычайно сближают традиции уральских и луговых марийцев.

В начале XX в. до широкого распространения красных пестрядинных рубашек бытовали сине-белые в мелкую клеточку, которые представляются переходным звеном между белыми холщовыми и красными пестрядинными. Так, А.Н. Никитина (1932 г.р. с. Верхний Бугалыш) сообщила, что ее мама носила синие пестрядинные платья, а она сама уже ткала красные. Марийские платья из синей пестряди, приобретенные в д. Большие Тавры Красноуфимского р-на Свердловской области, есть в собрании МАЭ. В этой коллекции есть пестрядинные рубашки и в черно-белую клеточку. Степень изношенности сине-белых пестрядинных рубашек из МАЭ намного выше, а сохранность их намного хуже, чем у красных пестрядинных, что косвенно свидетельствует в пользу высказанного мнения. Любопытно, что в комплекс погребальной одежды уральских марийцев входила «рубашка из пестряди обычно в серо-белую клетку» (Молотова Т.Л., 2001. С. 193).

Наблюдается определенная закономерность в переходе к новым тканям: новый материал в рубашках пускался в первую очередь на рукава. Наиболее старинная рубашка уральских марийцев из собрания РЭМ целиком сшита из белого холста (Сепеев Г.А., 1975. С. 160). С.Н. Шитова, упоминая о белых холщовых рубашках уральских марийцев, отмечала, что «все они имеют новшество: рукава из красно-синей или красно-черной пестряди» (Шитова С.Н., 1973. С. 136). Существуют рубашки со станом из белого холста с сине-белыми пестрядинными рукавами (все белые домотканые рубашки из МАЭ). Сейчас у многих красных пестрядинных рубашек рукава сшиты из красного сатина.

Рубашки кроились туникообразными (без швов на плечах) из трех полотнищ (центрального и двух боковых) с прямыми, собранными на манжет рукавами, сшитыми из сатина или фланели. В образцах старинного кроя рукава не имели манжет, но были плавно заужены у запястья. Рубашки имели либо маленькие (6 × 6 см) квадратные ластовицы, либо клинообразные (10–22 × 3–7 см) треугольные. Ластовицы обычно изготавливали из того же материала, что и стан. Разрез на рубашках делался по центру груди, горловина оформлялась воротником-стойкой. Ворот украшался рядом продольных нашивок тесьмы и полосок цветной ткани. Край ворота и грудной разрез обшивались полоской черной ткани. Рубашки имели подолку – подклад в верхней части. Ее изготавливали из прямоугольного лоскута тонкой фабричной ткани в ширину плеч (37–44 см). На спину от плеч он спускался на 14–23 см, а на грудь – всего на 7–10 см (исключение составляют



две белые холщовые мужские рубахи из МАЭ, у которых подоплата глубоко опускается на грудь – на 29 см).

Рубахи украшались вышивкой на груди, выполненной разноцветной шерстяной нитью, нашивками полос из красной ткани, которыми по сторонам нагрудной вышивки выкладывался геометрический орнамент, блестками (*чинче*), иногда раковинами-ужовками (*кишкывуй*), которые имели защитную функцию (например, больному ребенку привязывали к руке 2–3 раковины, бисером (*шырча*), монетами (*окса*), по подолу – оборкой из фабричной ткани, лентами, тесьмой и кружевом, которое раньше вязали крючком (черное или белое), а теперь пришивают фабричное. Вышивка на груди всегда мелкая, плотная, со старинным геометрическим орнаментом. Такой способ вышивания информаторы именуют *каштан* (*кашта* – перекладина, шест, матица, насест, «геометрический мотив в виде перевернутой буквы Т. В других случаях *кашта* обозначает технику исполнения в основной вышивке»). Г.А. Соловьева замечала: «...видимо, этим термином обозначали основную вышивку, т.е. с ее главным мотивом» (Соловьева Г.А., 2002. С. 113, 117). Чаще она выполнялась прямо по пестрядинной основе. Иногда под вышивку нашивался в качестве фона лоскут ткани красного оттенка. Вся нагрудная вышивка называлась *мель тяр* (от *мел* – нагрудный разрез, планка; *тяр* – вышивка), мысовидное завершение нагрудной вышивки (которое нередко имело вид бордюра из мелких крючков) – *кадыр*, *мель кадыртыш* (от: *кадыр* – кривой, кривизна; *кадыртыш* – извилина, извив). Иногда нагрудная вышивка выполнялась на отдельном лоскуте пестряди, который после вшивался в стан рубахи.

Нашивки полосок красной ткани оформляли не только нагрудный разрез. Они располагались и по плечам, а на спинке ими выкладывался широкий угол, спускавшийся от плеч к середине спины. Такая нашивка полоски красной фабричной ткани углом на спинке имела название *туп йыр* (от *туп* – спина, спинка одежды, подоплата рубахи; *йыр* – кругом, вокруг) (Молотова Т.Л., 1992. С. 49). Подол рубахи украшали вытканной орнаментальной полосой, у более поздних рубах подол вышит крестом. Полосу тканого орнамента на подоле обозначали словом *цеп* (цепь). Длина женских рубах вместе с оборкой и кружевом составляла в среднем 100–110 см.

Мужские рубахи по крою и отделке походили на женские: их также украшают плотная вышивка и нашивки красных полос, многочисленные блестки, оборка и кружево по нижнему краю. Отличия их состоят в том, что они имеют меньшую длину (76–96 см), грудной разрез на мужских рубахах короче и, соответственно, короче оформляющая его нагрудная вышивка. Специфичным для мужских рубах было оформление грудки аппликативной полоской красной ткани, идущей широким углом от центра груди к плечам. Нагрудная вышивка в мужских рубахах продолжается до края этой нашивки. Грудь и спина украшались аппликативными геометрическими фигурами, выложенными полосками красной ткани. Такие рубахи и сейчас используются в качестве праздничных (свадебных).

Фартуки, *ончилян сакыме*, шили с маленькой трапецевидной грудкой. В центральной части передника широкой полосой располагалась вышивка. Старинные фартуки украшались мелкой плотной вышивкой *кандаш тяре*, *тылзе тяре* (лунная вышивка) с характерным для нее сложным геометрическим орнаментом, современные – чаще всего крестом (*камба*). У фартука из фондов МАЭ, сшитого из белой фланели, вышивка исполнена косым стежком в сочетании с росписью и представляет, очевидно, судя по характерному орнаменту, фрагменты, выпоротые из нагрудной части *ош шобыр* (белого



холщового халата). В орнаменте современных фартуков можно встретить изображения восьмиконечных звезд, симметричных птиц. Вышивку дополняли монеты и блески. Под вышитой частью в несколько рядов нашивали разноцветные ленты, сутаж, блески. К нижнему краю фартука пришивалась неширокая оборка с кружевом. Старинный крой передника предполагал наличие центрального полотнища в ширину холста, к которому с двух сторон пришивались боковины в половину ширины холста, швы закрывались пришитыми лентами (Сепеев Г.А., 1975. С. 169). В фондах МАЭ есть образец подобного кроя. Это фартук из красной пестряди, передник которого сшит из трех частей – центральной в ширину холста (30,5 см) и двух боковых (шириной в 7,5 см). На соединительные швы нашта тесьма и полосы цветной ткани. Фартук сшит из фабричных тканей, однако две вертикальные нашивки на подоле также присутствуют, хотя и сохранили лишь декоративную функцию, в этом нетрудно угадать дань традиции. Носили фартуки поверх платья. Монетный нагрудник *яга* практически полностью закрывает грудь, поэтому грудка фартука шилась невысокой. У старого пестрядинного фартука из МАЭ она достигает в высоту всего 8 см, а у других из этой же коллекции – 10–14 см. У экземпляров, приобретенных для МАЭ спустя 9 лет в деревне Большие Тавры, грудка повыше (20 см) и имеет трапециевидную форму с овальным вырезом.

Дополняли женский наряд поясные украшения в виде двух вышитых лент шириной 4 см и длиной 20 см, пришитых к поясу, украшенных на концах кистями и бахромой из цветных нитей, стеклярусом, блесками. Эти подвески имели оригинальное оформление: концы нитей бахромы прикреплены к нити, к которой пришиты по периметру маленькие разноцветные кисти, которые образуют пестрый ряд по краю бахромы.

Верхней одеждой теплого времени года был черный кафтан *йылян*, его название соответствует башкирскому *елэн* и татарскому *жилэн* и является ярким примером тюркского влияния на костюм уральских марийцев. Но крой этой верхней одежды остался традиционным марийским: отрезной и соборенный у талии на спинке, карманы, вшитые в боковые швы, дугообразные вытачки на спинке от проймы к талии, горловина скроена под шею. Носили их плотно застегнутыми так, что пола шла от горловины к талии по косой. Пожилые женщины носят такой кафтан повседневно. Праздничные кафтаны были обильно украшены по бортам и подолу вышивкой, блесками, тесьмой. По двум бортам вышивка была одинаково нарядной, так как праздничные *йылян*'ы носились нараспашку. Бытовали также кафтаны, у которых горловина была скроена с плавным переходом к полочке. Широко пользовались при украшении *йылян*'ов декоративной контрастной строчкой, которой выполнялись несложные фигуры (типа трилистника и др.), бордюры в виде волны, зигзага и т.п. В фондах МАЭ хранится демисезонная одежда уральских марийцев из черного сукна *мыжер*, крой и отделка которой полностью соответствуют описанным *йылян*'ам.

Белые холщовые халаты *ош шовыр* украшались вышивкой, нашивками полос красной ткани, черного или темно-синего шнура. Они кроились туникообразными (без швов на плечах) с боковыми клиньями. У некоторых имелись дополнительные узкие клинышки, которые вшивались сзади между центральным полотнищем и боковыми клиньями. Рукава шились прямыми, слегка зауженными у запястья (ширина рукава 15,5 см, у запястья – 11–12 см). Холщовые халаты имели маленькие квадратные ластовицы из пестряди со стороной 5–7 см. Ворот изготавливался также из пестряди (шириной 2–4 см и длиной 23–26 см) и был украшен вышивкой, которая производилась шерстяной (реже – хлопчатобумажной) нитью прямо по пестрядинной основе либо по подложенной в качестве



фона однотонной фабричной ткани. Ворот вышивался крестом или мелкими стежками, которыми выкладывался контурный геометрический орнамент. Вышивка проходила и по краю рукава. На одних предметах она исполнялась в той же технике, что и ворот, а на других – косым стежком в сочетании с росписью. Для нагрудной вышивки всегда использовали технику косого стежка. Она проходила неширокими (4,5–5 см) полосами вдоль края пол от ворота вниз на 24–35 см. Косой стежок почти всегда исполнялся шелковой нитью. Характерным мотивом орнамента нагрудной вышивки на белых холщовых халатах были развилки сложного строения с крючкато изломанными концами.

Важную роль в оформлении *ош шовыр'а* играли нашивки полос красной материи, которые не только подчеркивали конструкцию предмета, располагаясь вдоль краев и швов, но и выкладывали крупные Г-образные, S-образные и другие геометрические фигуры. Расположение таких нашивок на предмете имело устойчивую композицию, которая воспроизводилась на разных предметах снова и снова, подчиняясь, очевидно, древней традиции. Они нашивались по краю пол вдоль нагрудной вышивки и обрамляли ее снизу крючкообразным завершением. На спине нашивка образовывала широкий угол, идущий от плеч к центру спины. Внутри ограниченного этим углом пространства полосками красной ткани выкладывались аппликативные геометрические фигуры. На плечах нашивки шли вдоль соединительного шва центрального полотнища и рукавов, продолжались в верхней части передка, спускаясь вниз от плеч на 5–9 см и завершались, заворачиваясь к вороту крючком. Полоска красной ткани нашивалась и по краю рукава. Вдоль нашивки, проходящей по плечам, вышивался узкий бордюр, а наспинная нашивка дополнялась бордюриком из мелких г-образных фигур, крючков, исполненных росписью, или из ромбиков, треугольников-гребенок. Кроме полосок красной ткани, использовали также нашивки из черной, которые не замещали красные нашивки, а дополняли их и применялись исключительно для обрамления края рукава, ворота и пол (на уровне нагрудной вышивки). На кафтанах из фондов МАЭ встречается отделка черным или темно-синим шнуром. Его нашивали по краю пол и вокруг ворота, закладывая через равные расстояния небольшими петлями.

В собрании МАЭ есть редкий экземпляр *ош шовыр'а*, приобретенный С.Н. Шитовой, у которого все соединительные швы закрыты нашивками полос красной ткани. На спине и груди нашивки диагонально спускаются от плеч к центру. Вдоль пол они спускаются по всей длине – до подола, по которому также проходят широкой полосой. Полосой красной материи обшит край рукавов. Даже ластовица из синей пестряди снаружи обшита красной тканью. Особенность этого халата подчеркивает также богатая вышивка, которая проходит вдоль пол до подола, по подолу и по краю рукава. Внизу у подола, по бокам вышиты дополнительные фигуры. В легенде халата указано, что он был изготовлен в конце XIX в., использовался как ритуальный, одевался на моления в роще. Этот предмет по композиции и деталям отделки является полным аналогом опубликованного Э.Д. Меджитовой *шовыр'а* (Меджитова Э.Д., 1985. С. 230–231. Ф. 110) уральских марийцев. Такие халаты назывались *порсын шовыр* (Сепеев Г. А., 1975. С. 175). Постепенно к середине XX в. белая холщовая одежда стала использоваться только как обрядовая. В собрании МАЭ хранятся только женские холщовые *ош шовыр'ы*, они бытовали как свадебные, а затем как ритуальные. Мужская верхняя свадебная одежда уральских марийцев в коллекциях музея представлена всего одним предметом – кафтаном из белой хлопчатобумажной ткани, отрезным и сборчатым по талии, с глухой застежкой.



Старинные головные уборы, *шына шовычо*, шились из куска белого холста (78 × 31 см). Боковые стороны подшивались вовнутрь приблизительно на 2–3 см (иногда на 5 см), по краям нашивалась черная тесьма домашнего изготовления (шириной 0,9–1,2 см). С одного конца лоскут зашивался по короткой стороне, образуя конусообразное завершение. Эта часть убора располагалась спереди, надо лбом. Для лучшего облегания головы в центральной части убора, по краям делались защипы. На внутренней поверхности имела петля, через которую пропускались волосы, закрепляя его положение и удерживая на голове. По воспоминаниям информаторов для ношения этого головного убора в прежние времена женщины делали специальную прическу. Ширина холщовой части убора составляла 17,5–19 см, а длина – 54–59 см.

Верхняя и нижняя части *шына шовычо* богато вышивались шерстью, центральная оставалась незашитой. Хвост убора декорировался несколькими горизонтальными рядами вышивки с повторяющимся орнаментом (чередовались три ряда мелкой плотной вышивки с двумя рядами вышивки односторонней счетной гладью). Не повторялся только орнамент верхнего ряда, который состоял из нескольких фигур в виде развилки со сложно изломанными, разветвляющимися концами. Верхний ряд отличался от остальных не только по рисунку, но и по технике исполнения. Он был вышит «косым стежком» в сочетании с «росписью». «Роспись» нередко была выполнена голубой ниткой. Фон (белый холст) между фигурами оставался незашитым. Одна из информаторов назвала такую вышивку *ничен шара* (очевидно, от *нич* – плотно, наглухо, *шара* – вышивка с промежутками, просветами (Соловьева Г.А., 2002. С. 115)).

Следующий ряд был исполнен мелкой плотной вышивкой, заполняющей все пространство без просветов. Орнамент этого ряда – свастики, ромбические, крючковатые, S-образные фигуры, тесно сплетенные между собой. Для этой вышивки были характерны полихромия и сопоставление контрастных цветов: красного, черного, зеленого, оранжевого. Название вышивки этого ряда – *каштан*. Ряд с вышивкой *каштан* повторяется в хвостовой части еще дважды: он проходит по ее центру и по нижнему краю.

Между рядами с вышивкой *каштан* на хвостовой части *шына шовычо* располагались полосы вышивки односторонней гладью. Они были шире вышеописанных и отличались от них по технике исполнения, орнаменту и колориту. Вышивка в этих рядах была почти монохромна: она исполнялась шерстью темного (красно-коричневого) цвета, а контур рисунка прокладывался черной или синей нитью. Однажды нам назвали эту вышивку *шиндеше шара* (*шиндеше* – сидящий). Для нее был характерен строгий геометрический орнамент. В нем так же, как и в рядах с вышивкой *каштан*, присутствуют свастикообразные, крючковатые фигуры. Но отличие орнамента, вышитого односторонней гладью, заключается в том, что сами элементы массивнее и просветы холста между ними оставались незашитыми. Головка *шына шовычо* в виде конусообразного завершения была полностью вышита в той же технике (односторонней гладью), ее орнамент повторял рисунок, исполненный этим швом в хвостовой части.

Под вышитой частью располагались несколько рядов разноцветных полосок из фабричных тканей (шириной 0,5–0,8 см). Нередко они нашивались на пестрядинный лоскут шириной 4–7 см, который крепился к белой холщовой основе.

По нижнему краю *шына шовычо* пришивалась бахрома цветных нитей (прежде шерстяных, а в последующем – мулине), концы которых были прикреплены к узорной полоске, сплетенной из бисера и завершавшей снизу всю композицию убора. В длину бахрома достигала 10–14 см, а бисерная сетка – 2–3,5 см. По всей поверхности и осо-



бенно на черную тесьму, обрамляющую холщовую основу, пришивались блески, пуговицы, снизки бисера, стекляруса и бус, нухратки, советские 10 и 15-копеечные монеты (в основном 1922–1946 гг.) и другие украшения.

Порядок размещения вышитых полос на *шына шовычо*, колорит, детали отделки устойчиво сохранялись и воспроизводились. Однако при очевидном желании вышивальщиц сделать их максимально соответствующими старинным образцам, в декоре *шына шовычо* в течение XX в. все же наблюдаются трансформации и упрощение техники исполнения. В старинных уборах вышивка второго, четвертого, шестого рядов орнамента была ковровой, без просветов, фон плотно застилался мелкими стежками, а основой для вышивки служил белый холст. В более поздних экземплярах вышивальщицы упрощали себе задачу, подкладывая под такую вышивку в качестве фона лоскут соответствующего цвета (красно-коричневый или черный), и по нему исполняли уже только контурный орнамент, в качестве основы использовали пестрядь. Показательно сравнение двух внешне очень похожих уборов из фондов МАЭ – старинного и изготовленного в 1973 г. У них малиновый контурный орнамент в носовой и хвостовой части исполнен по черному фону, но у первого фон вышит по белому холсту, а во втором в качестве фона использован лоскут черного сатина, нашитый на синюю пестрядь. Нередко «современные» уборы шились из трех частей – носовая и хвостовая из пестряди, покрытой с лица тканью, а центральная (не вышитая) – из белого холста. В МАЭ хранится *шына шовычо*, целиком сшитый из куска красной пестряди, покрытой в верхней и нижней частях черным сатином, а в центральной – белым ситцем; таким образом, он имитирует старинные композицию и цветовое решение. У многих пожилых женщин хранятся *шына шовычо*. Их надевают по праздникам. Возможно, они имели значение не только этнического символа и украшения, но и оберега: «женский головной убор *шна шовычо* (в виде утиного носа), благодаря его обтекаемой форме, разбивал порчу. Это помогало сохранить женщине здоровье, а значит, здоровье будущего потомства» (Скурыдин С.В., 2002. С. 39).

В Пермской и Свердловской областях сложился и долгое время существовал самобытный центр вышивального искусства марийского народа. Благодаря вышивке платья, фартуки и женские головные уборы уральских марийцев невозможно спутать с другими. Вышивать девочку учили с малолетства, приблизительно с 7 лет.

В середине и второй половине XX в. наиболее часто в украшении одежды использовались два шва: мелкая плотная вышивка, закрывающая поле без просветов (*каштан туре*), и крест (*камба*). Мелкой вышивкой (*каштан туре*) украшали грудь пестрядинных платьев и рубаш, фартуки, женские головные уборы *шына шовычо*. Именно эта вышивка делает узнаваемой одежду уральских марийцев. Для ее исполнения выбирались шерстяные нити. Орнамент был всегда многоцветен. Цвет в этой вышивке несет основную художественно-выразительную нагрузку и даже выполняет роль основного средства узоротворчества. Отдельные части одной фигуры вышивались нитками разных цветов, при этом симметричный мотив зрительно разбивался на отдельные асимметричные фрагменты, которые начинали восприниматься как самостоятельные мотивы. Только при ближайшем внимательном рассмотрении можно установить их принадлежность к одному (чаще ромбическому в основе) мотиву. Необходимо отметить, что распределение цветовых пятен не было хаотичным. Расположение их, хотя и не являлось симметричным, но, тем не менее, подчинялось строгому порядку. При повторении мотива в полосе орнамента отдельные его фрагменты вышивались в том же цвете, что и в предыдущем и в последующем. Упорядочивают колористическое решение и организуют цветовые



пятна вышитые черной нитью. Эти фигуры (единственные, внутри которых не происходит чередование цветов и которые воспринимаются, как своеобразный контур, обрамление или фон). Орнамент, выполненный мелкими стежками, имеет линейный характер (в ширину стежка). Фон активен, вышит, и сам в равной степени читается как рисунок. Мотивы «фона» и основного рисунка плотно сплетены между собой. В орнаменте встречаются свастики, восьмиконечные звезды, ромбические фигуры. Для него характерны Г-образные, крючковатые элементы-дополнения, определяющие общий стиль орнамента. Во время экспедиции удалось записать названия некоторых мотивов этой вышивки: *йол* (ножки) – название имел бордюр из Г-образных фигур; *кандаш йол* (восемь ног) – мотив Г-образной ромбы, усложненного по углам восемью «отростками»; «*лудо шоло*» (кишки утки) – узкий краевой бордюр обрамляющий нагрудную вышивку слева и справа по вертикальным срезам (он мог использоваться и в вышивке других предметов, например, убора «*шына шовычо*»). *Мель кадертыш* – бордюр из Г-образных фигур по нижнему мысовидному краю нагрудной вышивки (от *мел* – грудной разрез, планка и *кадыртыш* – извилина, извив).

Крестом вышивались подола платьев, фартуки, борта *йылян'ов*. Орнамент – восьмиконечные звезды, растительные мотивы, симметричные изображения птиц и др.

В старинных белых холщовых одеждах использовалась иная техника вышивки. Они вышивались косым стежком в сочетании с росписью, счетной гладью, набором. Косым стежком вышивались борта кафтанов *ош шовыр*, нагрудная вышивка и квадратные розетки на подолах белых холщовых рубах, верхний ряд на хвостовой части женского головного убора *шына шовычо*. Одностороннюю гладь использовали на головных уборах *шына шовычо*, свадебных платках *солык*. В XX в. косой стежок и счетная односторонняя гладь вместе с белыми холщовыми одеждами постепенно вышли из употребления. Крест тоже применялся в вышивке старинной одежды, но в ином качестве. Мелкие крестики могли располагаться вдоль краев орнаментального поля, иногда они дополняли вышивку косым стежком.

Наиболее часто используемым материалом для вышивки была шерсть – как в старинных одеждах, так и в пестрядинных (на головных уборах *шына шовычо*, на грудке платьев). Красным шелком вышивалась белая холщовая одежда (кафтаны, рубахи, свадебные платки).

В орнаменте вышитом на старинных одеждах преобладали геометрические мотивы – свастика, S-образные, Г-образные фигуры и другие, но использовались также и стилизованные зооморфные и орнитоморфные изображения (Крюкова Т.А., 1951. С. 61). Одним из излюбленных и часто встречающихся мотивов орнамента уральских марийцев была свастика. В орнаменте присутствует как правосторонняя, так и левосторонняя свастика. Она встречалась в вышивке как женской, так и мужской одежды. Ее использовали в декоре рубах, головных уборов, фартуков, исполняли в различной технике, она могла быть различных очертаний и размеров – от крупных, вытканых на подоле, до мелких, исполненных несколькими стежками.

В литературе уже высказывалось мнение, что по крою и декору старинная одежда уральских и луговых марийцев очень близки между собой (Крюкова Т.А., 1968. С. 55–56; 2000. С. 89; Сепеев Г.А., 1975. С. 159). Т.А. Крюкова по этому поводу писала: «Это сходство не случайно. Значительная часть марийцев была переселена в Приуралье в XVIII в. из Вятско-Волжского междуречья. Эти марийцы, по-видимому, как это часто бывает с народами, поселившимися среди иноязычного населения, сохранили на более длитель-



ный период традиционные черты сложившегося у них к XVIII в. еще на Вятской земле народного костюма» (Крюкова Т.А., 1968. С. 56). К таковым исследователь относит вышивание шерстью, орнамент вышивки и ее темную (черно-красно-коричневую) гамму. И, конечно же, ярким показателем сохранения традиции служил крой одежды. Гармоничным дополнением черно-красно-коричневой вышивки в декоре одежды уральских мари́йцев были нашивки черной тесьмы домашнего изготовления, которой украшались старинные рубахи и головные уборы *шына шовычо*, и нашивки черного шнура, который использовали в украшении *ош шовыров*. Обшивку краев черной тесьмой можно видеть и на предметах одежды луговых мари (Меджитова Э.Д., 1985. С. 80. Ф. 178). Инерция этой традиции проявлялась у уральских мари́йцев в XX в., видимо, в обшивании края ворота и грудного разреза рубах, краев *шина шовычо* полосками черной ткани (чаще сатиновой). В украшении одежды домашняя тесьма в XIX в. практически повсеместно была заменена нашивками полос красной материи.

Г.А. Сепеев отмечал, что уральские мари́йцы среди других групп восточных мари́йцев подверглись тюркскому влиянию в одежде в наименьшей степени. Вместе с тем тюркские заимствования есть, и они отчетливо ощутимы. Они представлены как определенными элементами костюма, так и терминологией предметов. Тюркские заимствования в костюме уральских мари́йцев были разновременными. Наиболее ранние из них – общемари́йские, присутствуют и в луговом, и в горном диалектах и являются, очевидно, следствием чувашско-мари́йского взаимодействия в Поволжье. В названиях одежды и декора к чувашским заимствованиям (Федотов М.Р., 1990. С. 69) следует, видимо, отнести такие мари́йские термины, как *солык* – платок (чув. *зулăк/золăк* – платок жениха), *тыр* – вышивка (чув. *тёрё* – вышивка, узор), *порсын* – шелк (чув. *пурçăн/порçăн* – шелк), *шырча* – бисер (чув. *шăрза* – бусы, бисер). Выкладывание аппликативными полосками красной ткани крупных геометрических фигур на рубахах и кафтанах, характерное для уральских мари́йцев, непосредственные аналогии обнаруживает в чувашских традициях декорирования одежды. Богатейшие сложные аппликативные геометрические узоры на белой холщовой одежде чувашей, закрывающие порою всю грудь и спинку, являются яркой и специфичной чертой их костюма. Так же, как и на мари́йских, на чувашских рубахах нашивки, идущие от плеч, образовывали на спине и груди широкий угол. На старинных чувашских одеждах нашивались тканые ленты темного красно-бурого цвета, которые называли «хура хаю» (черные ленты) (Орков Н.Г., 1997. С. 177), в более поздних образцах вместо них использовали полоски красной ткани. Особо близок к чувашским мари́йский кафтан, у которого красными полосками закрыты все швы и обшиты ластовицы. К тому же на его подоле по сторонам (слева и справа) красной нашивкой и вышивкой оформлена фигура с двумя острыми углами, сходная по очертаниям с буквой «М» (Меджитова Э.Д., 1985. С. 231. Ф. 110) и повторяющая обрамление боковых разрезов на чувашском кафтане (Чувашское народное искусство, 1981. С. 73. Ф. 81).

Специфику одежды уральских мари́йцев и ее терминологию во многом определили тюркские заимствования, которые проникли позже и формировались уже на Урале в результате мари́йско-башкирского взаимодействия на этой территории. С.Н. Шитова допускает, что взаимодействие башкирского и мари́йского населения могло начаться еще до оседания их на территории современной Свердловской обл.: «...освоение Пермского края этими народами происходило совместно. Только длительным сосуществованием следует объяснить глубину культурного воздействия башкир на мари́йцев» (Шитова С.Н., 1973. С. 137). С.Н. Шитовой были подробно рассмотрены башкирские элементы



в одежде и украшениях уральских марийцев. К таковым исследователь относит, в первую очередь, кафтаны из темных покупных тканей *йылян*, нагрудник *яга* и некоторые другие элементы (Шитова С.Н., 1973. С. 135, 136). Непосредственные аналогии они имеют в костюме зауральских башкир (катайцев, сальютов и др.), проживающих ныне в Челябинской и Курганской областях, а до переселения за Урал обитавших в районе р. Бисерть, в верховьях р. Чусовая. Вместе с тем «большинство заимствований не находит аналогий в быту местных башкир даже конца XIX – начала XX в.» (Шитова С.Н., 1973. С. 136), так как после ухода катайцев и сальютов за Урал их земли заняли башкиры-сызгинцы, костюм которых относится к иному комплексу: «общение с сызгинцами внесло сравнительно мало нового в марийский костюм» (Там же. С. 137).

К тюркским элементам в одежде красноуфимских марийцев исследователи относят суконные чулки, катаные шляпы, глубокие калоши, серьги с монетами и подбородной тесьмой, соединяющей их, серьги-колечки (Там же. С. 135, 136).

В одежде и ее декоре прослеживается не только тюркский след, но и угорский, который, возможно, связан с наследием древнего вогульского населения этих территорий. Часть угорских традиций также является общемарийским достоянием. Т.А. Крюкова отмечала, что в «архаических образцах марийской одежды мы находим большое сходство с вышитыми рубашками обских угров-хантов. Это сходство можно заметить в покрое рубаш, технике и расцветке вышивки». Т.А. Крюкова обнаруживала сходство в марийской вышивке «керыштыш» (решеточка), одной из разновидностей шва набором. Исследователь отмечает и другой угорский элемент в культуре народов региона – применение крапивного холста (Крюкова Т.А., 1968. С. 58). Выявилось сходство с угорскими традициями в декоре белых холщовых кафтанов уральских марийцев и их свадебных платков: «сделаны сопоставления этих образцов одежды с материалом хантов. Они позволили отметить значительное количество сходных черт одежды восточных марийцев (в архаичном варианте) с памятниками материальной культуры финно-угров Сибири, в частности хантов» (Крюкова Т.А., 2000. С. 89).

На некоторых хантыйских рубашках, как и на марийских, нагрудная вышивка была в виде двух сравнительно нешироких полосок по сторонам грудного разреза и так же имела мысовидное завершение (Собрание ТГИАМЗ). В орнаменте они тоже обнаруживают общие черты. Это касается как общего впечатления, так и некоторых деталей, таких как расположение по бокам узких краевых бордюров и использование свастики. Особенно ярко сходство проявляет себя в наличии бордюра из мелких крючков по нижнему мысовидному краю. Такое завершение нагрудной вышивки было очень характерно для описанных выше марийских пестрядинных рубаш. Надо отметить, что свастика в вышивке на угорской одежде встречается очень часто.

Еще одна черта в декоре марийской и угорской одежды сближает их. Поверх нашивок из полос красной ткани или домашней тесьмы, украшающих различные предметы марийской традиционной одежды, зачастую нашивался бисер или стеклярус по два или три зерна через небольшие равные расстояния. Ханты, украшая одежду и другие предметы, также нашивали бисер по две или три штуки, часто используя при этом характерное сочетание бисерин: две светлые и одна между ними темная (Рындина О.М., 1995. С. 50, 51, 58, 64 и др.). Тот же порядок в нашивании светлых и темных бисерин, сгруппированных по три, можно встретить и на марийских предметах (Меджитова Э.Д., 1985. С. 81, 82, 89; ф. 179, 180, 196). В том же сочетании (по два и три зерна) и в том же порядке (белая-черная-белая) украшали бисерины одежду нарымских эвенков (Рындина О.М.,



1995. С. 476. Рис. 42, 44; Иванов В.Х., 2001. С. 24–26), что подтверждает сибирские корни этой традиции. Отмечаемые угорские элементы в марийской культуре могут «служить подтверждением положения о том, что предки угрофинских народов принимали несомненное участие в формировании марийцев» (Крюкова Т.А., 1968. С. 58).

Подводя итог описанию можно отметить следующее. Одежда уральских марийцев как объект этнографического изучения чрезвычайно интересна, так как, с одной стороны, функционируя в изолированной группе, она, как нередко бывает в подобных случаях, длительное время сохраняет архаические элементы, а с другой – существуя и развиваясь в контактной зоне нескольких этносов, несет на себе печать межкультурного обмена и взаимодействия. Материалы по одежде уральских марийцев подтверждают известные положения о том, что наиболее прочно архаичные элементы сохраняет обрядовая одежда и женские головные уборы, которые выступают в качестве этнического символа.

З.М. Давлетшина

*Институт истории, языка и литературы,
Уфимский научный центр РАН, Уфа*

ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ОРЕНБУРГСКИХ БАШКИР

Для оренбургских башкир характерно сочетание традиционной формы хозяйства – скотоводства – с земледелием. Испокон веков это хозяйство характеризовалось натуральным типом производства, при котором предметы, необходимые в быту, изготовлялись домашним способом. Домашние производства основывались на использовании животноводческого и растительного сырья, значительно реже применялись покупные материалы. Занимались домашними ремеслами в основном женщины. На данное обстоятельство исследователи обратили внимание еще в середине XIX в. Так, к примеру, П. Небольсин в своих «Рассказах...» подробно останавливается на отличиях домашней жизни башкирской женщины от русской. Башкирка умело сочетала работу по ведению домашнего хозяйства с прядением шерсти (йөн иләү), изготовлением предметов внутреннего убранства и украшения жилища, шитьем одежды, выделыванием войлоков, кожи, изготовлением тканых и вышитых изделий и т.д. (Небольсин П., 1854. С. 256–257).

Некоторые аспекты, касающиеся материалов и технологии изготовления тканей и костюма, рассматривались в работах башкирских этнографов. Однако такая важная отрасль материальной культуры оренбургских башкир, как женские домашние ремесла, отдельно не исследовалась. Такая задача как часть программы по изучению истории, этнографии и антропологии оренбургских башкир была впервые поставлена перед участниками комплексной этнографо-антропологической экспедиции «Сафар-Джайляу-2004» в 2004 г. Изучая прошлое исследуемой группы башкир, необходимо в то же время обратить внимание и на те существенные изменения, которые произошли за последнее столетие в этой области.

Музейные коллекции, а также информация, полученная от населения, свидетельствуют о значительном распространении в прошлом тканых изделий. В качестве сырья использовали чаще всего шерсть, а также коноплю и реже лен. В некоторых домах



до сих пор встречаются старинные орнаментированные паласы-ковры (асалы балас), которые украшали стены жилища. Распространенным видом ковровых изделий были паласы с продольно-полосатым орнаментом (буй балас), которым застилали нары и пол в гостевой юрте или комнате. Эти изделия создают в доме особую атмосферу уюта и служат для утепления помещения. Из овечьей и козьей, а раньше и верблюжьей шерсти изготавливали красивый войлок (кейез), по серому или коричневому полю которого располагались узоры белого цвета в виде кружков, интегралов, сердечек, треугольников. Местные жители еще помнят, что такие теплые войлоки-подстилки готовили в старину в виде подарка девушкам на выданье и использовались в качестве постельных принадлежностей.

Немало изделий было изготовлено в традиционной технике мозаичной аппликации: лоскутное одеяло (түр юрған), нагрудная повязка (түшелдрек), подушки-подстилки на нары (түргес, көрпө), специальные мешочки, куда невеста складывала подарки и гостинцы, полученные ею от жениха и его родни. Шили их из разноцветных лоскутков ткани в форме треугольников, квадратов, прямоугольников. Умелый подбор разноцветных лоскутков и своеобразное композиционное построение узоров демонстрировали творческую фантазию рукодельниц, их мастерство и художественный вкус.

Нарядная верхняя одежда (халаты, еяны) выкладывалась по воротнику, полам и подолу широким позументом, иногда в два-три ряда, зашивалась монетами. Подолы женских платьев дополнялись пришитыми оборками, поверх которых нашивали цветные ленты.

Наибольшей популярностью у местного населения пользуются знаменитые пуховые шали и паутинки, удостоенные немалых наград на российских и международных выставках. Искусство башкирских пуховязальщиц проявилось не только в оригинальности заготовки пуховой пряжи и способа вывязывания изделий, но и в большом разнообразии умело используемых традиционных узоров. Легкие и пушистые, красивые и теплые пуховые шали и паутинки использовались в основном как головные покрывала, а также служили частью традиционного нарядного костюма оренбургских башкир.

Вышивка является массовым искусством, которым владеет практически каждая женщина. Вышивки, хранящиеся в музеях или бытующие в настоящее время среди населения, созданы в период, начиная с конца XIX в. и до современности. Несмотря на давние традиции вышивального искусства у оренбургских башкир, более старинные изделия не сохранились.

Вышивкой украшали множество предметов, необходимых как в повседневной жизни, так и во время проведения торжественных мероприятий и обрядов. Исходными материалами для вышивания в скотоводческом полукочевом хозяйстве башкир служили войлок, кожа, шерстяные нити и ткани. Позднее стали использоваться привозные ткани, в том числе бархат, шелк, а также шелковые нити. Повсеместно употреблялись также и хлопчатобумажные фабричные ткани, преимущественно белого и разных оттенков красного цвета.

Своеобразие вышивального искусства оренбургских башкир проявилось и в технических приемах шитья. Вышитые изделия более распространены в западной части области, и здесь имеются свои особенности в орнаментации изделий. Старинные вышивки сделаны тамбуром, а также швом, который местные жители называют «тутырып сигеу», в виде шва, выполненного с заполнением пространства, когда иголка идет стежками вперед-назад. Этот шов напоминает швы, распространенные в старину у ка-



захов и киргизов – «тутырс сигеу». Тамбур в селе Канчерово Александровского района называют «түгэрэк сигеу», а в селе Калкаманово Новосергиевского района «простой сигеу». Пожилые информаторы хорошо осведомлены о шитье тамбуром и при просьбе показать, как выполняется этот шов, легко воспроизводят его. Тамбур в Западном Оренбуржье не был основным видом шитья, чаще всего он служил для оформления контура, а для заполнения вышиваемой поверхности применялись гладь и ковровый шов. Тамбурным швом орнаментировались полотенца, молитвенные ковры, скатерти, салфетки, платки, платья и фартуки.

Большинство изделий запада области выполнено в технике глади, креста (простого, болгарского, по канве) или сочетанием нескольких швов: чаще всего гладь чередуется со стебельчатым швом, «козликом» и т.д. Изредка встречаются изделия, оформленные рипшелем и мережкой. Вышитые предметы украшены в основном цветочно-растительным орнаментом, а также зооморфно-растительным и растительно-геометрическим.

В Восточном Оренбуржье наибольшей популярностью у населения пользуется тамбурный шов, называемый здесь «һырыу», и своеобразный шов в виде стебельчатого (верхошва). Кроме контурного тамбура был распространен еще и тамбур с частичным заполнением в виде цепочки. На востоке области тамбурным шитьем вышивали полотенца, молитвенные ковры, платки, а мало распространенным швом вышит старинный камзол в селе Байказак Гайского района. Он орнаментирован строгим геометрическим узором, вышит шерстяными нитками, дополнен бисером, блестками и монетами. Популярна здесь гладь, чаще двусторонняя, и крест разных видов. Любопытно то, что в Восточном Оренбуржье смешанные виды швов встречаются крайне редко. Как правило, это гладь в сочетании со стебельчатым швом. Единичны случаи украшения изделий в технике цветной перевити. Значительно чаще, чем на западе области, здесь встречается украшение бисером, блестками, позументом, монетами (камзолы, тюбетейки, женские колпачки). Орнамент на изделиях цветочно-растительный, растительно-геометрический, растительно-зооморфный и геометрический.

В XX в. произошли большие изменения в хозяйстве и культурной жизни оренбургских башкир. В декоративном убранстве современных домов и комнат своеобразно сочетаются старинные и новые национальные черты. В украшении дома используются как традиционные вышитые предметы в виде полотенец, молитвенных ковров, скатертей, так и поздние заимствования – различные занавески, подзоры, покрывала, простыни, всевозможные салфетки. Вышивались они не только тамбуром, швом «тутырып сигеу» и разновидностью верхошва, но и распространенными среди многоэтнического населения швами – крест, мережка, ковровый шов и т.д.

Таким образом, этнографический материал, собранный нами, свидетельствует об уникальном мастерстве оренбургских башкирок, владеющих искусством вышивки и аппликации, ткачества и вязания, а также узоротворчества. Вполне естественно, что, проживая в соседстве с казахами, русскими, украинцами, татарами и другими народами, они использовали их опыт в своем творчестве. Однако, перенимая какие-то технические приемы или отдельные мотивы, оренбургские башкиры умело перерабатывали их и создавали свои глубоко традиционные изделия.

Среди нетрадиционных элементов можно указать, например, на повсеместное применение в вышивке техники крест, гладь и использование отдельных орнаментальных мотивов при вязании традиционных шалей и паутинок, заимствованных у русских и украинцев. При изготовлении войлока башкиры перенимали у казахов некоторые мотивы



орнамента. Шитье ковровым швом распространилось среди башкир под влиянием соседнего татарского населения.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что женское рукоделие, женские промыслы в силу целого ряда причин приходят в упадок. Поэтому необходимы серьезное исследование региона и выработка конструктивной программы по возрождению народных промыслов, в том числе женских. Традиционные виды женского рукоделия, ремесла могут быть использованы не только в современном быту, в украшении праздничной и современной одежды, но и в некоторых отраслях промышленности. Приведем только несколько таких примеров. Изделия, связанные из пуха, могут быть использованы в качестве легкого и не пропускающего влагу и холод костюма для геологов, полярников, спортсменов, военнослужащих, постовых милиционеров. Войлок – теплый, легкий и долговечный – вполне годится для использования в качестве обивки зимовок, переносных утепленных палаток, применяемых в условиях Крайнего Севера, а также спортсменами, военнослужащими и т.д.

О.Ю. Мальцева

Челябинский государственный университет

ПРАЗДНИК САБАНТУЯ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА (история и современность)

Народные праздники у любого этноса складывались в течение длительного времени. В них нашли отражение различные стороны духовной и материальной культуры. В праздниках участвовали представители всех поколений, что символизировало единство и вечное продолжение рода, племени. Несмотря на многообразие обрядовых и ритуальных действий, совершаемых в ходе всенародных праздников, в них можно выделить следующие общие моменты: приглашение большого числа гостей, организация ответных празднеств, сбор подарков и продуктов питания, устраивание состязаний, различных увеселительных мероприятий.

Среди башкир и татар весной, до сева праздновали Сабантуй. Он не имел не только точной календарной даты, но и определенного (установленного) дня недели. Все зависело от погодных условий года, интенсивности таяния снега и, соответственно, от степени готовности почвы к севу яровых культур. Деревни одной округи праздновали в определенной очередности. На Сабантуй часто приглашали соседей, которые приезжали обычно с женами и детьми. Накануне празднества молодые ребята верхом на лошадях объезжали деревню и перед каждым домом стучали и шумели до тех пор, пока не выходили хозяева и не одаривали их. Все собранное относили на праздничный майдан – красивую поляну вблизи деревни.

Главными действующими лицами на Сабантуе были мужчины: подарки для призов собирали юноши, большинство состязаний устраивалось среди мужчин. Посев зерновых, перед которым первоначально и устраивался праздник, считался исключительно мужским делом.

Мужчины молились у могил предков с просьбой об урожае. Затем «шли на поля с женами и детьми обоего пола, принося с собой лучшие свои кушанья и напитки...



После чего начинается скачка на лошадях, борьба и беганье...». После окончания праздника люди идут к муллам, убеждая их денежными и хлебными подарками молиться о благополучном посеве, и, выехав потом на поля, начинают пахать. У башкир проводились также праздники майдан (северо-восток и восточное Зауралье) и байге (юг Башкортостана), которые в прошлом являлись составными частями йыйына, а затем приобрели самостоятельное значение. Майдан и байге получили распространение, по всей вероятности, со второй половины XVIII в. Это было связано с тем, что после подавления башкирских восстаний 1735–1740 гг. особым указом были запрещены общенародные праздники.

Кульминацией праздника являлись состязания в беге, прыжках, национальной борьбе – курэш и конные скачки, предваряемые подворным сбором подарков для одаривания победителей. Кроме того, праздник включал в себя ряд обрядов, детских и юношеских забав, составляющих его подготовительную часть, карга (дэрэ, зэрэ) боткасы – коллективное угощение кашей, приготовленной из собранных продуктов. Ее готовили в большом котле на лугах или на пригорке; в угощении и проводимых играх участвовали все деревенские ребята.

Обязательным элементом Сабантуя был сбор детьми крашенных яиц, которые готовила каждая хозяйка. Проводили его до сбора подарков, рано утром. Сбор продолжался 2–3 часа, затем дети высыпали на улицу, и там начинались различные игры с собранными яйцами.

Сабантуй – это народный праздник, и к нему долго готовились. Девушки готовили подарки всю зиму – ткали, шили, вышивали. Каждой хотелось, чтобы именно ее работа получила всеобщее одобрение, именно ее полотенце стало наградой самому сильному джигиту. Изделиями искусных мастериц мы восхищаемся и поныне. Подарки для победителей в скачках и национальной борьбе готовили всем миром – от мала до велика.

Накануне праздника собирали подарки для одаривания победителей предстоящих состязаний. Деревенские жители не отказывали – дарили вышитые платки, полотенца, рубашки. Самым почетным подарком считалось вышитое национальным узором полотенце. Оно имело символический смысл, и с ним не шли в сравнение другие при

Следующий день – кульминация праздника. У каждого села было свое излюбленное место его проведения; у окраины села выбирали ровную площадку, окруженную кустарниками и деревьями.

В день Сабантуя в деревне царил приподнятое, праздничное настроение, все были оживлены, веселы. Одевались во все самое лучшее, девушки доставали из сундуков все свои украшения, одевались в лучшие наряды.

Самые древние и главные состязания на Сабантуе – бег, скачки, борьба, прыжки. Состязания по бегу начинали мальчики. Старики отводили их на небольшое расстояние, и те по команде пускались во всю прыть к шесту с призами, установленному в центре поляны. Затем стартовали юноши и мужчины на дистанции длиной 1–2 км.

Большое оживление на Сабантуе всегда вызывала борьба на кушаках. В качестве кушака использовали полотенце. При многочисленной толпе зрителей двое из присутствующих выходили на середину. Борцы обхватывали друг друга за талию полотенцем и таким образом вели борьбу. Начинали борьбу два мальчика 5–6 лет или два старика. Их одаривали. Это зачин, затравка. Затем поочередно боролись мальчики постарше, юноши, мужчины среднего возраста, стараясь при этом повалить противника на землю. Поединок продолжался до тех пор, пока один из борцов не побеждал.



Зрители между тем подзадоривали борющихся, выражая при этом одобрение, или осыпали насмешками. Наконец один из борющихся, сконфуженный, падал на землю, и под шум, восклицания, упреки, одобрения бой заканчивался. Тот, кто сумел положить на лопатки своего противника, получал подарок. В качестве приза ему дарили одно из лучших полотенец.

Один из центральных моментов на состязаниях Сабантуя – скачки. Ни в одной деревне праздник не обходился без них. Участие в них считалось престижным, поэтому на скачках выставлялось как можно больше лошадей. Наездниками были мальчики 8–12 лет, дистанция – 5–8 км. Награждали всех участников скачек, правда, ценность подарков была различной. Призы, завоеванные на скачках, считались самыми почетными, их привязывали потом к шеям лошадей-победительниц, чтобы каждый мог видеть, что эта лошадь с развевающимся за гривой полотенцем – заслуженная! Пришедшей последней лошади привязывали полотенце, специально оговоренное дарительницей, чтобы «утешить ее».

И, конечно же, как и на всяком празднике, на Сабантуе не обходилось без шуточных состязаний. Как не веселиться, глядя на отчаянных джигитов, взбирающихся по гладкому столбу или сражающихся мешками, сидя на бревне. Всеобщее веселье царит и там, где проходит бег с ложкой во рту, в которую еще и яйцо положено.

Но больше всего смеха вызывают спортсмены, у которых нога одного привязана к ноге другого. Одна пара ковыляет впереди, рвется к победе, но тут ее обгоняет другая, а третья и вовсе валяется на земле.

Праздник веками прославлял труд земледельца, заряжал хлебороба энергией перед самым ответственным моментом полевых работ.

В деревнях мишарей не праздновали Сабантуй и Джиен, но до сева (в дни Пасхи) дети также собирали крашеные яйца, устраивали игры с ними (кызыл йомырка кене – «День красного яйца»). Летом проводился обряд пожелания благополучия, хорошего урожая, сопровождаемый общественным жертвоприношением и коллективным угощением. Жертвенные животные (овцы, теленок, корова) купались на средства, собранные у населения. Обряд проводился в определенном месте – в поле либо возле старинного кладбища. Мужчины резали, свеживали жертвенное животное и тут же готовили в нескольких больших котлах густой суп: отваривали мясо, затем в этот бульон опускали крупы (пшено, полбу, гречиху), картошку, собранные также подворно. На угощение, предваряемое коллективным молением, в котором участвовали мужчины старшего возраста, собирались все жители аула. Молодежь устраивала игрища.

В современное время традиционная система праздничной культуры претерпела существенные изменения. Летний праздник Джиен был постепенно заменен унифицированной формой праздника Сабантуй, который проводился приблизительно в одни сроки – после завершения сева. В настоящее время Сабантуй повсеместно отмечают летом, после завершения весенних полевых работ. Характерно отношение к нему, как к национальному празднику, проявившееся в том, что его стали отмечать и те группы татар, которые в прошлом его не праздновали.

Хотя сегодня значение обрядовых действий Сабантуя утрачено, но именно в настоящее время Сабантуй стал интернациональным праздником: он проводится в селах и городах Поволжья, Урала, Сибири, в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге, а в последние годы татарская диаспора отмечает его в Финляндии, Польше, Прибалтике и Канаде. В Челябинске впервые Сабантуй широко праздновался в начале 1920-х гг., возобновился в 1946, с 1950-х гг. традиционно проводится в ПКЮ «Центральный» и в парке культуры



Металлургического района, собирая до 100 тыс. участников из Челябинской, Курганской областей, Башкортостана и Татарстана. В программу Сабантуя входят национальная борьба курэш, лазание по вертикальному столбу и спортивно-игровые мероприятия. Сабантуй сопровождается концертной программой, чаепитием, блюдами национальной кухни.

В.М. Кузнецов

*Институт дополнительного профессионально-педагогического образования,
Челябинск*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В контексте истории России в изучении традиционной культуры русского населения нашего региона можно выделить три основных этапа: дореволюционный, советский и современный. Конечно, границы этапов во многом условны, но такая традиционная в современной историографии периодизация позволяет выделить главные направления эволюции местной этнографии и фольклористики и отражает процесс накопления эмпирического, полевого материала, изменение проблематики и методов исследования.

В последние два десятилетия начинается возрождение народных традиций, почти угасших и забытых. Происходит «архивная революция», открываются или становятся вновь актуальными разнообразные темы и направления фольклорно-этнографических исследований. С другой стороны, по мере ликвидации монополии Коммунистической партии в сфере идеологии ученым приходится не только определяться с методологическими основаниями работы, но и изыскивать финансовые источники для продолжения своих исследований.

В 1990-е гг. изучение этнографии народов Южного Урала приобрело комплексный характер. На историческом факультете ЧелГУ формируется группа специалистов-этнографов, которые осуществляют исследования по этнической истории региона, различным аспектам материальной и духовной культуры местного населения, современным этническим процессам. Регулярно проводятся экспедиции по территории области и даже за ее пределами. В музее-заповеднике «Аркаим» было проведено несколько фольклорно-этнографических фестивалей. По результатам исследований опубликован ряд работ, посвященных традиционной культуре русского населения Южного Урала: о жилище и архитектуре (Рыбалко А.А., 1996; 2002; 2004), традиционной одежде (Новикова О.В., 1995; 1996; 1999; 2004), семейным и календарным обрядам и обычаям (Кузнецов В.М., 1995; 1998; 1999; 2002; 2005; 2006; Мальцева О.Ю., 1996; 1999). Основной объект изучения историков и этнографов ЧелГУ – оренбургское казачество, которому посвящена целая серия научных трудов под редакцией профессора А.П. Абрамовского, изданных в последние годы (Оренбургское казачье войско, 1996).

В конце XX – начале XXI в. продолжается изучение и публикация русского фольклора на Южном Урале, осуществляемая, как и прежде, студентами и преподавателями



челябинских вузов: ЧелГУ (руководители экспедиций Л.Г. Ованесян–Чайка, О.Н. Сепетерова), ЧГАКИ (Н.И. Бухарина), ЧГПУ (И.А. Голованов), МаГУ (Т.И. Рожкова). В последние годы было издано несколько сборников старых и новых записей южноуральского фольклора.

В современной отечественной историографии складываются новые направления, называемые «микроистория», «история повседневности», «локальная история». От изучения свершений государственных деятелей, великих героев ученые вновь обращаются к истории жизни и быта «простого народа». Оформилась целая научная школа крестьяноведения, которую отличает погруженность в проблематику, почти слившуюся с этнографической. Необходимо все же отметить, что в обобщающих работах екатеринбургских ученых по истории и этнографии Урала материал, касающийся территории Челябинской области, используется лишь частично.

За последние полтора десятилетия было проведено несколько региональных, всероссийских и международных научных форумов, на которых обсуждались вопросы изучения традиционной культуры, в том числе семейной обрядности и фольклора. Стали традиционными Татищевские чтения в честь выдающегося российского государственного деятеля и ученого-энциклопедиста XVIII в. В.Н. Татищева; Лазаревские чтения, посвященные памяти известного челябинского исследователя А.И. Лазарева; конференции «Этнические взаимодействия на Южном Урале».

В целом выделяются следующие проблемы в изучении традиционной культуры русского населения Южного Урала, над которыми в последние годы работают этнографы, фольклористы, краеведы и историки:

- традиционные брачные нормы и стереотипы обрядового поведения молодежи;
- реконструкция и выявление семантики свадебных обрядов, атрибутов и материальных компонентов;
- особенности субэтнических традиций и локальных групп русского населения Южного Урала;
- эволюция и современное состояние традиционной обрядности и фольклора.

Базой дальнейших исследований могут послужить следующие группы источников: нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы местных органов власти, суда и самоуправления, статистические данные различных переписей (ревизские сказки, подворные описи), полевые материалы, собранные фольклорными и этнографическими экспедициями и т.д.

Исходя из состояния источников и степени их изученности, можно определить несколько перспективных направлений фольклорно-этнографических исследований по изучению русской традиционной культуры в Челябинской области.

1. Создание полной библиографии работ, посвященных общественному и семейному быту русского населения Южного Урала. Старые публикации ветшают, они недоступны массовому читателю, не отражены должным образом в каталогах даже крупнейших областных библиотек. Не опубликованы материалы многочисленных экспедиций; в связи с преклонным возрастом информаторов этот источник скоро иссякнет, а его необходимо сохранить. Новые монографии и научные сборники выходят крайне малыми тиражами. Несмотря на развитие информационных технологий, исследователи из соседних городов и регионов, занимающиеся смежной проблематикой, зачастую даже не догадываются о результатах работ друг друга или узнают о них с большим опозданием.



2. Выявление, публикация и переиздание малоизвестных или забытых исследований и материалов по русским народным обрядам и быту Южного Урала. Так, Е.Н. Сухиной были опубликованы документы Челябинского духовного правления последней четверти XVIII в., хранящиеся в областном архиве (Челябинская старина, 2005). В них содержатся сведения о старообрядцах Челябинской округи, в том числе о заключении браков с православными, отчасти – об обрядах, сопровождавших рождение детей, свадьбу и похороны. Наверное, большой интерес как у специалистов, так и у широкого круга читателей, вызвало бы переиздание серии статей и книг об оренбургском казачестве (Кривошеков А.И., 1913, 1915; Голубых М.Д., 1930), особенно с комментариями современных специалистов.

3. Комплексное изучение уклада жизни русского населения на Южном Урале в единстве социально-демографических, социально-экономических и социокультурных характеристик. Обычаи и обряды могут изучать специалисты разного профиля: историки, правоведы, социологи, религиоведы, фольклористы, искусствоведы. Образцовыми в этом плане можно назвать монографии, посвященные исследованию демографических процессов и традиций семьи горнозаводского населения Урала (Голикова С.В., 2001).

4. Реконструкция традиционных представлений восточнославянского населения Южного Урала на основе функционально-семантического изучения символики и прагматики семейных обрядов и обычаев, их связи с календарными. Современными исследователями отмечается не только сходство образов и функций многих обрядовых действий и их фольклорного сопровождения, но и общая основа, на которой они первоначально возникли. Семейные обряды исполнялись теми же коллективами, что и календарные: семьей, половозрастной группой, группой родственных семей, общиной или какой-либо ее частью – и что особенно важно, несомненна генетическая связь между ними. Поэтому «разграничение календарной и семейной обрядности восточных славян, как и других народов Европы, условно» (Брак у народов..., 1988. С. 9). Характеристике свадьбы в системе календарных и семейных обычаев посвящена монография о старообрядцах Южного Зауралья (Федорова В.П., 1997).

5. Изучение эволюции явлений традиционной культуры в новейший период отечественной истории. Важным источником таких исследований могут стать фотографии из семейных архивов, а также видеозаписи. Наиболее интересно в этом отношении исследование роли церкви в заключении брака, влияния профессиональной культуры и официальных идеологических установок, особенностей свадебных обрядов в крупных городах. Так, в одной из последних публикаций сценарная модель современной свадьбы рассматривается как «рекомендательный» текст постфольклора (Власова Г.И., 2006). Необходимо подчеркнуть, что одни и те же действия, явления, обряды в «простонародном» и «ученом» понимании часто имели различный, а порой и противоположный смысл.

6. Выявление культурной типологии поселений восточно-славянского происхождения в Челябинской области по признаку единства или близости общекультурных и фольклорных традиций, по идентичности или сходству процессов этнокультурных связей и взаимодействий. Например, в Курганской области выделяются следующие наиболее яркие типы культурных традиций Южного Зауралья: казачьи поселки, села старообрядцев и сибирских старожилов – *чалдонов*, поселения более поздних выходцев из Европейской России, а также деревни, населенные представителями разных национальностей (Федорова В.П., 1996. С. 409). А по материалам регионального своеобразия фольклора сибиряков



описаны пятнадцать основных типов поселений (Мельников М.Н., 1984). Необходима характеристика не только местных особенностей фольклора, но и разностороннее изучение локальных культурных традиций – материальных компонентов и музыкального творчества, семейных обычаев и общественного быта.

По моему мнению, говоря об этнических взаимодействиях на Южном Урале, необходимо иметь в виду не только процессы этногенеза и ассимиляции разных народов, но и столкновение и взаимообогащение локальных традиций внутри одного этноса, например оренбургских казаков, горнозаводских рабочих, крестьян-старожилов и переселенцев, большинство из которых на Южном Урале в конце XIX – начале XX в. были русскими.

М.А. Таирова

*Челябинский государственный университет,
Челябинск*

ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Обряды детского цикла, связанные с рождением ребенка и получением им своего первоначального социального статуса, занимают особое место в мировоззрении каждого человека и в культуре в целом. В них особенно ярко выражаются мифологические представления, характерные для данной культуры, а изменения в данной сфере наиболее полно отражают трансформацию мировоззрения.

Рождение ребенка в дореволюционной России сопровождалось комплексом обрядов, имевших целью утвердить получение нового статуса матерью и ребенком, адаптировать новорожденного к жизни в социуме. Начавшееся после революции осуждение религиозности, внедрение новой государственной идеологии, повсеместное распространение роддомов сделали почти невозможным проведение данных обрядов. Однако они не исчезли бесследно, и наметившаяся в современной России тенденция возврата к традиционным ценностям способствует их возрождению.

Как и прежде, ситуация родов воспринимается женщиной как момент ее полного перерождения, начала новой жизни (Как это было: рассказы о родах...; Рассказы о домашних родах...; Рассказы о родах...). В отдельных случаях сохраняется сознательное представление о том, что в родах женщина умирает и возрождается заново, однако чаще представления о временной смерти роженицы разрозненны и не осознаются самой женщиной, проявляясь лишь в описании процесса родов (Там же). Кроме того, роды – это момент «просветления», встреча женщины с Богом, осознание всего смысла жизни. При этом боль отходит на второй план: рассказывая о своих родах, женщины отмечают, что эта боль быстро забывается, остается лишь память о том, насколько прекрасен этот процесс (Там же). Само появление ребенка на свет всегда осознается как момент безмерного, наивысшего счастья, эмоциональный взрыв, который зачастую невозможно описать словами, но который понятен любой рожавшей женщине: «Безмерное счастье, эмоциональный взрыв – вот что переживает женщина, когда ей шлепают на грудь мокрый, теплый и красный комочек, который девять месяцев прятался у тебя внутри» (Рассказы о домашних родах...).



Традиционное представление о необходимости скрывать начало родов на сегодняшний день встречается довольно редко. В основном такой тезис встречает непонимание и даже осуждение (С. Котова). Также не сохранились представления об особых качествах недоношенных или переносных детей: в них не только не верят, но даже и не знают о них (Материалы авторского анкетирования).

В роддомах все чаще встречаются такие традиционные элементы, как движение роженицы во время схваток, развязывание всех узелков, распускание волос. Последнее мотивируется как рациональными представлениями, так и традиционной верой в то, что это может сказаться на течении родов (Миняева А.; Как это было: рассказы о родах...). Как и сто лет назад, роженица является скорее не субъектом, а объектом манипуляций со стороны врачей и акушерки (Как это было: рассказы о родах...).

В последнее время в крупных городах начинают завоевывать популярность домашние роды. Главным желанием женщины, выбирающей домашние роды, становится желание быть активным участником собственных родов, а не объектом манипуляций. Для родивших дома весьма характерно следующее высказывание: «Мы гордимся тем, что мы рожали, а не с нами что-то делали» (Рассказы о домашних родах). Таким образом, можно наблюдать трансформацию представлений о статусе роженицы: если по традиционным представлениям она была пассивным объектом действий со стороны повитухи, которая помогала ей «умереть» и возродиться вновь, то на сегодняшний день более распространено представление о том, что никто не может за роженицу пройти «крестный путь боли и преображения», а роль современной «повитухи» (духовного акушера) ограничивается наблюдением за течением родов, помощью в случае необходимости, но не более того (Ильина О.).

На сегодняшний день в крупных городах существует довольно большое число родительских школ, подготавливающих женщину к родам. В таких родительских школах зачастую происходит сознательный возврат к традиционным обрядам, сопровождающим роды, к традиционным представлениям о них (хотя и с некоторыми модификациями).

В домашних родах большое внимание уделяется моральной подготовке – перед родами женщина должна отпустить все негативные впечатления, выяснить отношения с мужем, попросить прощения и простить тех, кто ее обидел (Рассказы о домашних родах...), что соответствует и традиционным представлениям. Все узелки на одежде роженицы развязываются, украшения снимаются. Чаще всего для родов женщина одевает мужнину футболку – она просторная, не стесняет движений и пахнет любимым человеком (Материалы авторского анкетирования). В этом можно найти и отголоски представлений о том, что вещи мужа (а тем более его присутствие при родах) способны облегчить родовые муки. На сегодняшний день при домашних родах муж присутствует в большинстве случаев, он помогает жене – держит ее на коленях, успокаивает и так далее (Рассказы о домашних родах). При родах дома женщина постоянно двигается, может висеть на шее у мужа. Если роды затягиваются, то может применяться такой традиционный прием, как перешагивание роженицы через мужа (Там же). В большинстве случаев домашние роды проводятся в воду (Апреликова Н.).

Пуповину перерезает, как правило, отец под присмотром акушерки – считается, что это укрепляет связь между ним и ребенком. Сохраняется также традиционное представление о том, что новорожденного следует заворачивать в одежду отца – тогда последний больше будет любить ребенка (Рассказы о домашних родах...). И обрезанную пуповину, и плаценту сохраняют. Из пуповины иногда делают обереги для ребенка, вешают ее над



кроваткой (Разные вопросы о домашних родах). Послед, как и ранее, в большинстве случаев захоранивают. В некоторых случаях плаценту могут съедать – для укрепления связи между ребенком и другими членами семьи (особенно отцом), а также из соображений того, что в ней содержится большое количество полезных веществ (Суеверия во время беременности...). После завершения домашних родов проводится обряд размыывания рук, который ничем не отличается от традиционного: роженица поливает водой руки акушеру, прося при этом прощения за то, что испачкала его руки своей кровью. Акушер вытирает руки салфеткой или платочком, которые после этого остаются у него (Материалы авторского анкетирования). Однако каких-либо обрядов, связанных с первым купанием и первым прикладыванием к груди, по всей видимости, не сохранилось. Представление о послеродовой сакральной нечистоте также ушло в прошлое, однако сохраняется представление о том, что после родов женщина должна «войти в жизнь» заново, в связи с чем первые девять дней после родов женщина и ребенок не должны контактировать с людьми, не присутствовавшими при родах (Там же). На девятый день устраиваются смотрины, которые во многом напоминают устраивавшийся ранее крестильный обед – на них приглашаются близкие родственники и друзья, варится сладкая кутья с большим количеством сухофруктов, орехов, которую называют «бабкина каша» (Там же).

Отказ от атеистической государственной идеологии, начало рехристианизации общества приводит к тому, что на сегодняшний день обряд крещения проводится все чаще. Однако распространенность обряда крещения не свидетельствует о высоком уровне религиозности его участников: подавляющее большинство среди них составляют неверующие, лояльно, нейтрально, индифферентно настроенные к проблемам как религии, так и атеизма (Носова Г.А., 1995. С. 84). Вопрос о причинах и мотивах крещения ребенка в современном обществе является достаточно сложным. В настоящее время практически не встречается ортодоксальное толкование крещения, как таинства православной церкви, снимающего первородный грех, а мотивация крещения ребенка собственными религиозными убеждениями довольно редка. В большинстве случаев, окрестив ребенка, родители в дальнейшем не оказывают на него никакого религиозного влияния: не следят за ношением им креста, не водят в храм, не сообщают никаких религиозных догматов (Носова Г.А., 1995. С. 85–86; Крещение: анахронизм или необходимость?). Часто крещение воспринимается прежде всего как обряд, защищающий ребенка, осторожный (Материалы авторского анкетирования).

Среди причин, по которым люди, не считающие себя верующими, индифферентно относящиеся к религии, считают необходимым крестить ребенка, наиболее часто встречаются ссылки на древность этого обычая, отношение к крещению, как к «старинному русскому обряду», элементу национальной культуры (Материалы авторского анкетирования: Крещение: анахронизм или необходимость...). Таким образом, крещение на сегодняшний день выполняет прежде всего функцию включения новорожденного (или уже взрослого человека) в социально-этническую общность. В широком общественном мнении религиозная принадлежность нередко отождествляется с национальной: крещеный, православный – значит, русский. В условиях поиска новой национальной идеи, новой идентичности, с конфессиональных, культовых функций крещения акценты перемещаются на такие стороны обряда, которые выражают идеи самосознания этноса, консолидации этнической общности, преемственности поколений и народных корней культуры.



В то же время довольно часто встречается негативное отношение к крещению маленьких детей (или просто отрицание его необходимости), которое основывается на тезисе о том, что ребенок, когда вырастет, сам выберет свою веру (или останется атеистом), и это будет только его осознанное решение (Крещение: анахронизм или необходимость). Сам обряд крещения претерпевает трансформацию в сторону сокращения, приобретает современную интерпретацию. Крещение совершается теперь не обязательно вскоре после рождения ребенка, а в любом возрасте по желанию родителей. Имя ребенку выбирают сами родители, и эта процедура более не связывается с крещением. Распространение таинства крещения приводит и к восстановлению обычая кумовства, хотя и со значительно измененными нормами. В представлениях о роли крестных в жизни ребенка внимание акцентируется на материальной помощи, их вмешательство в воспитание ребенка представляется ненужным, никакой ответственности за поступки крестника они не несут (Анашкина Г.П., 2001. С. 212). Крестины на сегодняшний день практически не празднуются, тогда как день рождения отмечается повсеместно и зачастую становится главным семейным торжеством. Особенно важным считается отмечать детские дни рождения, так как дети очень ждут свой день рождения, радуются подаркам (Там же. С. 214).

Имянаречение на сегодняшний день, как уже говорилось выше, не связано напрямую с крещением. Имя ребенку выбирают сами родители в зависимости от своих представлений о красоте, благозвучности имени и его качественных характеристиках. Имя ребенка может указывать на этническую принадлежность семьи, на ее культурные пристрастия. Распространена также традиция называния ребенка в честь старших членов семьи. При выборе имени учитывается и то, как оно будет сочетаться с фамилией и отчеством ребенка. Чаще всего в выборе имени новорожденному участвует вся семья, хотя иногда это право передается одному из родителей. Широко распространено представление о том, что имя определяет судьбу человека и его характер (Материалы авторского анкетирования; Метелкина О.).

Таким образом, в современном обществе прослеживается тенденция возрождения традиционных обрядов детского цикла, хотя данный процесс довольно противоречив: зачастую проведение обрядов носит поверхностный характер, некоторые обряды трансформировались до неузнаваемости, некоторые полностью исчезли, другие появились совсем недавно. В то же время некоторые элементы обрядового комплекса продолжают бытовать практически в неизменном виде.

Работа выполнена при поддержке правительства Челябинской области.

Ф.Х. Гарипова

*Центр изучения национальных и языковых отношений АН РБ,
Уфа*

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ БАССР В 50–80-е ГОДЫ XX ВЕКА

Сфера образования являлась одной из немногих сфер, в которой лучше регулировалось использование языков. В 20–30-е гг. XX в. были достигнуты немалые успехи в области развития начального, среднего и высшего образования в Башкортостане.



В результате мер, принятых партией и правительством, начиная с 1923/24 учебного года, стала неуклонно расти сеть школ и число учащихся в них (Абсалямов З.З., 1987. С. 41). Кроме того, много внимания уделялось всеобщему обучению взрослого населения грамоте. Ликвидацию неграмотности населения республики осуществляли через обучение на родном языке. Например, в постановлении бюро обкома КПСС и Совета Министров БАССР от 17 января 1958 г. говорилось: «...Обучение неграмотных производить на родном языке обучаемых как в индивидуальном, так и групповом порядке, используя для этих целей учителей, активистов-комсомольцев и других лиц, способных вести эту работу» (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 33. Д. 881. Л. 58). Это делало необходимым открытие национальных школ, комплектование учащихся и преподавательского состава с учетом их родного языка.

Министерство просвещения БАССР следило за процессом преподавания родного языка и обучения на родном языке. Согласно отчету о работе школ за первое полугодие 1946/47 учебного года во всех нерусских школах республики в 1–4 и 5–7 классах преподавание велось на родном языке учащихся (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 27. Д. 603. Л. 58). Учитывая специфику национальных школ, для них был разработан специальный учебный план.

К началу 1952/53 учебного года в Башкирской АССР существовало 5018 начальных, семилетних и средних школ, в которых обучение велось на семи языках: башкирском, татарском, русском, чувашском, марийском, удмуртском и мордовском. Что касается числа школ с тем или иным языком обучения, то картина выглядела следующим образом (табл. 1) (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 981. Л. 161):

Таблица 1

Число школ с различными языками обучения

Язык обучения	Число школ			
	начальных	семилетних	средних	итого
Башкирский	655	205	40	900
Татарский	943	476	88	1507
Русский	1516	519	146	2211
Чувашский	87	55	8	150
Марийский	124	48	6	178
Удмуртский	33	10	2	45
Мордовский	14	11	2	47
Итого	3372	1354	292	5018

Как видно из таблицы, больше всего было начальных школ с указанными языками обучения. Это можно объяснить недостаточным развитием к тому времени сети семилетних и средних школ. Число учащихся в этих школах также уменьшалось в направлении от начального к среднему. Если в начальных и семилетних школах обучалось соответственно 233 213 и 252 532 учащихся, то в средних школах это число уменьшилось в несколько раз и составило 49 483 учащихся (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 981. Л. 161). Этому способствовали и вышеуказанная причина, и ограничение некоторых учащихся в силу различных обстоятельств получением лишь начального и семилетнего образования, и возможный переход учащихся из одной школы в другую. Например, учащиеся 8–10 классов чувашских, марийских, мордовских и удмуртских школ обучались на русском языке. Родной язык они изучали лишь как предмет (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 981. Л. 161).



В 70-х г. XX в. число языков, на которых велось обучение в школах, не изменилось. Изменения наблюдались в числе учащихся, обучаемых на тех или иных языках. Например, по итогам начала 1974/75 учебного года на русском языке обучалось 541 383 учащихся, или 67 % от общего числа (ср. в 1952/53 учебном году – 282 035), на башкирском – 96 627, или 12 % (57 040), на татарском – 144 465 человек, или 18 % (165 245), на марийском – 11 047 человек (12 300), на удмуртском – 3 374 человек (3 707), на чувашском – 6 777 человек (13 182), на мордовском – 40 человек (1 919) (ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 189. Д. 266 Л. 3; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 32. Д. 981. Л. 161). Как видно из приведенных данных, число учащихся, обучающихся на русском и башкирском языках, увеличилось почти в два раза. В других случаях наблюдается сокращение числа учащихся.

Как известно, в советский период преподавание в высших учебных заведениях республики велось на русском языке, а школьное обучение на родном языке учащихся. Лишь отдельные национально-языковые факультеты, отделения и кафедры, например, в БГУ, Стерлитамакском ГПИ, в Месягутовском, Салаватском, Сибайском и Белорецком педучилищах, работали на башкирском языке. О преподавании хотя бы отдельных предметов на башкирском или другом национальном языке в других факультетах или в непедagogических вузах и говорить не приходилось.

Таким образом, в БАССР до середины 70-х гг. школьное обучение осуществлялось на семи языках. Безусловно, наряду с другими немногочисленными факторами это способствовало сохранению указанных языков. Что касается носителей этих языков, то обучение на родном языке, с одной стороны, облегчало получение знаний, с другой стороны, при недостаточно хорошем владении русским языком ограничивало возможности для дальнейшего роста и развития. А незнание русского языка в тогдашних условиях обрекало человека на жизнь только в сельской местности. Зачастую большинство нерусских, особенно в городах, ради собственного благополучия предпочтение отдавали школам с русским языком обучения.

В советский период в БАССР, как и во всей стране, была широко развернута идеологическая и агитационно-пропагандистская работа. Идеи коммунизма, содержание трудов марксизма-ленинизма, речи руководителей партии необходимо было донести до сознания каждого гражданина. Было ясно, что, несмотря на активную пропаганду русского языка, проведение идеологической работы только на русском языке не даст ожидаемого результата. Поэтому ЦК РКП (б) еще в 1923 г. на своем четвертом совещании с ответственными работниками национальных республик и областей принял резолюцию о постановке партийно-воспитательной работы со следующими пунктами:

«а) создать школы политграмоты на родном языке;

б) создать марксистскую литературу на родном языке...» (КПСС в резолюциях..., 1984. С. 137).

В целях улучшения массово-политической работы среди населения ЦК ВКП(б) постановлением «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. «разрешил Башкирскому обкому ВКП(б) издавать два раза в месяц журнал «Блокнот агитатора» на русском, башкирском и татарском языках и периодически издавать на башкирском и татарском языках сборники статей и материалов из центральных журналов и газет в помощь агитаторам и пропагандистам» (КПСС в резолюциях..., 1971. С. 132).

Еще одной сферой, где наблюдалось активное использование национальных языков, была сфера культуры. С театральной сцены республики звучала речь на русском,



башкирском и татарском языках. Культурно-просветительской работой на башкирском языке занимались музеи. Из 12 государственных музеев и их филиалов обслуживали население на башкирском и русском языках 4 музея: дом-музей В.И. Ленина, дом-музей М. Гафури, Баймакский историко-краеведческий музей, дом-музей Карима Хакимова (Развитие общественных функций башкирского литературного языка, 1987. С. 63).

Особую роль в просвещении народа на родном языке играли библиотеки, сеть которых расширялась с каждым годом. Основной фонд библиотек республики составляла литература на русском, башкирском и татарском языках. Так, по состоянию на начало 1969 г. Башкирская республиканская библиотека имени Н.К. Крупской располагала фондом в 1 024 162 экз. печатной продукции, в том числе на башкирском языке – 24 875 экз., на татарском – 34 332 экз. К 1 января 1978 г. в ее фондах имелось 1 582 697 экз. книжной продукции, из них 1 459 779 экз. – на русском языке, 31 857 – на башкирском языке, 37 434 – на татарском языке и 53 627 – на иностранных языках (Там же. С. 61–62).

В местах компактного проживания тех или иных народов действовали библиотеки с книжным фондом на языке местного населения. Например, в сельских районах в 1959 г. было 884 библиотеки, из них с книжным фондом на башкирском языке – 123, на татарском языке – 254, на русском языке – 252, на чувашском языке – 21, на марийском языке – 27, на удмуртском языке – 5, на мордовском языке – 1 (Там же. С. 61).

Башкирское население имело возможность пользоваться телевидением и радио на родном языке. Объем теле- и радиовещания на башкирском языке был небольшим. Передачи на этом языке не отличались разнообразием тем. Большинство из них было лишено национального содержания. Незначительное время, однотипность передач и однообразие тем не позволяли использовать все лексическое богатство и все возможности башкирского языка. Передачи на башкирском языке были далеки от пропаганды башкирского языка и башкирской национальной культуры.

По радио на башкирском языке можно было услышать концерт, новости, прогноз погоды, обзор газет и передачи литературно-художественного и общественно-политического содержания. Весьма скудной была и программа телепередач на башкирском языке. По телевизору на башкирском языке показывали спектакли, новости, передачи, посвященные юбилею писателя и творчеству артиста, детские передачи и т.д.

Радиопередачи на татарском языке в основном были общественно-политического характера: «Коммунисты изучают конкретную экономику», «В бригаду коммунистического труда» и т.д.

Расширению общественных функций башкирского языка способствовало развитие периодической печати на этом языке. В рассматриваемый нами период число газет и журналов на башкирском языке в целом оставалось стабильным. Например, в 1965 г. на башкирском языке издавалось 5 журналов («Агидель», «Пионер», «Учитель Башкирии», «Вилы», «Блокнот агитатора») и 23 газеты, из которых 3 – областные («Советская Башкирия», «Ленинец», «Пионер Башкирии») и 20 – районные (Книжная летопись Башкирии за 1965 год. С. 89–91). В 1972 году на башкирском языке выходило 6 журналов и 24 газеты (3 – областные, 2 – городские и 19 – районных) (Летопись печати Башкирии за 1972 год. С. 859–864).

Кроме газет на башкирском языке, в БАССР издавались газеты и на языках других народов, проживающих в республике, в частности, на русском, татарском, марийском, чувашском, удмуртском языках. Главным недостатком районных газет на национальных языках было не их количество, тираж или же частота выхода, а то, что большинст-



во из них являлись дублетами районных газет на русском языке. В связи с этим они были лишены национального колорита. Их содержание не удовлетворяло духовные потребности народов. Поэтому для того чтобы увеличить количество их читателей, в первую очередь, необходимо было сделать их национальными и по форме, и по содержанию.

Книжная продукция в республике издавалась на башкирском, русском и татарском языках. На башкирском языке издавались произведения классиков башкирской и русской литературы, марксизма-ленинизма. Среди всей книжной продукции, издаваемой на башкирском языке, преобладала художественная, учебная и политическая литература. Книг технического содержания печаталось очень мало. Это можно объяснить ограниченным развитием функций башкирского языка в производственной сфере и распространением башкирско-русского двуязычия.

Количественные показатели¹ в этой области издания книжной продукции в разные годы выглядели следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Динамика книжной продукции на башкирском, татарском и русском языках

Язык издания	Число наименований								
	1950	1951	1952	1960	1961	1962	1970	1971	1972
Башкирский	119	127	152	202	166	161	120	136	100
Русский	68	83	11	253	207	270	157	203	153
Татарский	18	10	16	4	5	4	8	6	4

Причина малочисленного выпуска книг на татарском языке и отсутствие литературы на других языках народов БАССР заключалась в том, что книги на татарском, чувашском и других языках завозились из соответствующих республик. Точно так же Башкортостан обеспечивал книгами на башкирском языке потребителей этой продукции, живущих за пределами республики.

Г.С. Кацнельсон

Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

На рубеже XX–XXI вв. Россия пережила события, предопределившие ее политическое и социально-экономическое развитие и серьезно повлиявшие на этнические процессы в этой традиционно многонациональной стране: распад СССР, падение «железного занавеса», рыночные реформы в экономике. Перечисленные события по-разному отразились на поведении этносов как демографическом, так и миграционном. В настоящей статье нами поставлена задача, опираясь на данные переписей населения 1989 и 2002 гг.,

¹ Данные взяты из Летописи печати Башкортостана за соответствующие годы.



проследить изменения в национальном составе России и сравнить их с аналогичными изменениями в населении Оренбургской области, которая всегда отличалась полиэтническим составом жителей.

Самой многочисленной национальностью в России в рассматриваемый период являлись русские, которые в 1989 г. составляли 81,5 % всего населения республики, а в 2002 г. – 79,8 %. В группе национальностей, численность которых составляла более миллиона человек, в период между переписями произошли явные изменения. В 1989 г. в группу этносов-миллионеров входили татары, украинцы, башкиры, чувашаи, мордва и белорусы. В 2002 г. мордва и белорусы в результате сокращения их численности перестали быть этносами-миллионерами, а численность чеченцев и армян превысила миллион. Поскольку общая численность этносов-миллионеров (без русских) в населении страны составляет около 10 %, то вместе с русскими они составляют этнический фундамент России (Геополитические аспекты современного демографического потенциала России, 2005. С. 39).

Серьезное влияние на формирование этнонационального состава России оказывала эмиграция. В конце 1980-х гг. в СССР был разрешен выезд из страны представителям этносов, имеющих государственные образования за пределами Советского Союза, – прежде всего грекам, немцам и евреям. Эмиграция в те годы носила этнический характер и происходила в форме репатриации. В январе 1993 г. вступил в силу закон, разрешающий свободную эмиграцию из России и возвращение обратно. В первой половине 1990-х гг. эмиграционный поток более чем на 50 % состоял из немцев, русских было ¼, евреев 13–16 % (Орешкин В., 2004. С. 79). Выезд греков составлял ежегодно 1 % от их численности на протяжении конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. (Степанов В.В., 1994. С. 868).

Процессы, происходящие в этническом составе России, отражались с некоторой спецификой в ее регионах. Оренбургская область на протяжении своей истории всегда была многонациональной. В настоящее время на территории области проживают представители более восьмидесяти национальностей (Амелин В.В., Виноградова Э. М., 1998. С. 16).

Данные переписей населения 1989 и 2002 гг. позволяют судить об изменениях в этническом составе Оренбуржья. В 1989 г. в процентах от общей численности населения области большинство составляли русские – 72,3 %. Кроме русских, основными (по численности) этносами области являлись татары – 7,3 %, казахи – 5,1 %, украинцы – 4,7 %, башкиры – 2,4 %, мордва – 3,2 %, немцы – 2,2 %, чувашаи – 1,0 %, белорусы – 0,5 % и евреи – 0,2 %. Другие национальности составляли 1,1 % (Областной статистический ежегодник, 2004. С. 93).

В 2002 г. русские по-прежнему численно доминируют в области, составляя 73,9 % всего населения. Среди других основных национальностей области увеличилась численность татар – 7,6 % и казахов – 5,8 % от всего населения области. Доля башкир в населении Оренбуржья не изменилась – 2,4 %. Доля украинцев уменьшилась до 3,5 %, мордвы до 2,4 %, немцев до 0,8 %, чувашей до 0,8 %, белорусов до 0,4 %, евреев до 0,1 %. Другие национальности составили в 2002 г. 2,2 %. Спецификой Оренбуржья является интенсивная эмиграция немецкого населения, в результате которой в 2002 г. численность немцев составила только 38,0 % к 1989 г. Немцы из Оренбургской области составляют большую часть всех эмигрантов с Урала. Ежегодно в Германию из Оренбуржья уезжают 7–9 % немецкого населения области (Степанов В.В., 1994. С. 869). Активную эмиграцию немцев



можно объяснить распадом устойчивых этнических немецких групп в связи с урбанизацией. Среди немцев Оренбуржья 62 % проживали в сельской местности, в настоящее время выходцы из их среды предпочитают получать городские профессии, поскольку сельский образ жизни не соответствует социально-экономической структуре области. Эмиграция немцев привела к тому, что в области не осталось сел с преобладанием этой национальности, в то время как в Пермской области, где 86 % немцев – горожане, темпы их эмиграции составляют 4–5 % в год, в Свердловской области, где 92 % немцев – горожане, в год уезжают за пределы региона только 3 %.

Соотношение между городским и сельским населением у отдельных национальностей Оренбургской области в силу исторически сложившихся особенностей быта и культуры различно. По данным переписи 2002 г., наибольший вес городского населения фиксируется среди евреев – 95,0 %, киргизов – 74,3 %, таджиков – 65,0 %; грузин – 67,2 %; лезгин – 66,5 %; русских – 63,7 %; цыган – 62,8 %; осетин – 62,0 %; литовцев – 60,7 %; белорусов – 59,8 %; азербайджанцев – 58,4 %. Более половины всех украинцев, немцев, армян, узбеков, туркмен области проживали на момент переписи населения в городской местности. Большой удельный вес сельского населения среди казахов – 78,2 %, даргинцев – 77,6 %; чеченцев – 72,0 %; мордвы – 64,9 %; чувашей – 63,4 %; башкир – 61,2 %; удмуртов – 61,9 %; корейцев – 60,6 %. Среди русских, населяющих территорию области, 36,3 % проживало на момент переписи в сельской местности. В 1184 сельских населенных пунктах из общего числа 1715 на момент переписи преимущественно проживали русские. В 241 сельском населенном пункте численно преобладающей национальностью были казахи, в 114 – татары, в 73 – мордва, в 72 – башкиры, в 22 – чуваш. В 18 сельских населенных пунктах области проживали украинцы (украинцев в них от 26 до 80 %) (Национальный состав населения Оренбургской области, 2005. С. 10–11).

В результате миграционных процессов в 1990-е гг. в Оренбуржье увеличилось число представителей этносов, проживающих в республиках Средней Азии, Казахстана, Кавказа. Численность таджиков увеличилась в 6 раз (с 411 до 2455 чел.), узбеков в 1,9 раза (с 1745 до 3275 чел.), туркмен на 9,6 % (с 280 до 307 чел.). Численность турок увеличилась с 26 до 1199 человек. Для территории Оренбургской области эта национальность не является характерной. Турки в начале 90-х гг. переселялись из республик Средней Азии и Казахстана на Кавказ через Оренбургскую область. По разным причинам они не доехали до Кавказа и обосновались в области. В сельской местности проживало 92,8 % турок. Число корейцев по переписи 2002 г. увеличилось с 385 до 1321 человека (в 3,4 раза). Численность представителей Кавказа увеличилась в 2,8 раза. Армянская диаспора увеличилась в 5,1 раза (с 2055 до 10 574 чел.). За межпереписной период в 2,3 раза увеличилось число азербайджанцев (с 3398 до 7802 чел.), на 38,2 % – грузин (с 862 до 1191 чел.), в 2 раза увеличилось число лезгин, аварцев и даргинцев (с 944 до 1860 чел.), чеченцев – в 1,7 раза (с 1159 до 1996 чел.) (Там же).

Причины миграции представителей этих этносов в Оренбургскую область связаны с более высоким уровнем жизни населения в Российской Федерации по сравнению с другими странами СНГ. Номинальная среднемесячная заработная плата в 2002 г. в России была выше по сравнению с Азербайджаном в 2,2 раза, Арменией – в 3,1 раза, Таджикистаном – в 11,5 раз (Игнатов Г., 2004. С. 72). Оренбургская область стоит по приему мигрантов на пятом месте в стране. С 1992 по 2000 г. область приняла более 200 тыс. человек.



Таким образом, за межпереписной период в этническом составе населения Оренбургской области, как и в целом по стране, произошли изменения. В составе основных национальностей области уменьшилась доля мордвы, белорусов, украинцев, чувашей, немцев и евреев, увеличилась численность татар, казахов, а доля башкир в населении области осталась неизменной. На территории области наблюдалось увеличение численности этносов, не являющихся для нее традиционными, – представителей народов Кавказа и Средней Азии. Численность этих народов росла в результате их миграции в Оренбуржье из бывших республик СССР.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РБ – Академия Наук Республики Башкортостан
АЭБ – Археология, этнография Башкирии
БГУ – Башкирский государственный университет
ВОУО – Вестник Оренбургского учебного округа, Оренбург
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области, Оренбург
ГАСО – Государственный архив Свердловской области, Екатеринбург
МаГУ – Магнитогорский государственный университет
МАЭ – Музей археологии и этнографии с Центром этнологических исследований
УНЦ РАН, Уфа
ОКВ – Оренбургское казачье войско
ПАМ – полевые авторские материалы
РАН – Российская академия наук, Москва
РГИА – Российский государственный исторический архив
РЭМ – Российский этнографический музей
ТТИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
УНЦ – Уральский научный центр
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЧГАКИ – Челябинская государственная академия культуры и искусства
ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей, Челябинск



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абсалямов З.З. Башкирский литературный язык в сфере воспитания и образования // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. Уфа, 1987.
- Авижанская А.С., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
- Адрес-календарь Оренбургского края с добавлением на 1858 г. Оренбург, 1857.
- Алонзов. Религиозные верования черемис / Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. Отдел второй.
- Амелин В.В., Виноградова Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов России: (Реальность и представления граждан в зеркале этносоциологии) / Под ред. М.Н. Губогло. М., 1998.
- Амен Делберт Д. Деревенский указатель на 1913–1915 по переписи немцев из России, проживающих в Линкольне, штат Небраска. Ч. 2. Ключ, 1984.
- Анашкина Г.П. Традиции и новации в этнической культуре // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001.
- Антонов И.В. Башкиры и Золотая Орда: основные этапы взаимоотношений // Археография Южного Урала: Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Уфа, 2004.
- Апреликова Н. Статистика домашних родов // Материнство.ру. Роды дома: Краткая энцикл. http://www.materinstvo.ru/mother/birth_home/statistic.shtml
- Артемяева Н.Г. Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XVIII вв.: (Ист.-археол. исслед.). Владивосток, 1995. Т. 2.
- Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993.
- Астафьев А.У. На берегу р. Кипелки // Ленин. призыв. 1959. 1 нояб.
- Астафьев А.У. Уходящей жизни след. Юргамыш, 1998.
- Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 1. Уфа, 1997.
- Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Уфа, 2002. С.13–14.
- Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды. Уфа, 1987.
- Башкирское шежере / Сост., пер. текстов и коммент. Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.
- Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа, 2001.
- Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей родины (XVII – нач. XIX в.). Элиста, 1965.
- Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000.
- Бикбулатов Н.В. Башкиры: Ист.-этнограф. очерк // Ватандаш. 1999. № 6. С. 145.
- Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этнич. история и традиц. культура. Уфа, 2002.
- Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Ист. зап. Т. 5. 1939.
- Брак у народов Центральной и Юго-восточной Европы. М., 1988.
- Буканова Р.Г. Башкирия в составе Золотой Орды: (По страницам забытой рукописи) // Ватандаш. 2000. № 4.
- Бучилина Е.А. Беспоповские старообрядческие общины в Нижегородской области: К вопросу о современном состоянии // Мир старообрядчества: история и современность. Вып. 5. М., 1999.



- Васильев С., иер. Из миссионерской поездки по киргизской степи // ОЕВ. 1908. № 4. неоф.
- Васильева А.М. Забытый Курган. Курган, 1997.
- Васильева А.М., Скородумова Н.Ф., Тершукова Е.В. Курганские хроники (1662–2000). Курган, 2002.
- Вейссенборн Й.К. Дела университета Эрфурта. Т.3. Реестр 1392–1636. Галле, 1899.
- Власова Г.И. Сценарная модель современной свадьбы как рекомендательный текст пост-фольклора // Третьи Лазаревские чтения: традиционная культура сегодня: теория и практика. Материалы Всерос. конф. с междунар. участием. Челябинск, 2006. Ч. 1.
- Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004.
- Волков М.Я. Крепостная книга города Тулы о предпринимательской деятельности комиссара Н. Демидова и его сына Никиты // Коммерция и государство в истории России. Екатеринбург, 2001.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1968.
- Геополитические аспекты современного демографического потенциала России / А.Г. Гришанова, Н.И. Кожевникова, Л.Л. Рыбаковский. М., 2005.
- Герасимов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- Гоедеке К. Очерк по истории немецкой поэзии на основе источников. Т. XV. Берлин, 1964.
- Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001.
- Голикова С.В. Традиции почитания «священного» на Урале XVIII–XIX вв. // Четыре века православного монашества на Восточном Урале: Материалы церков.-ист. конф. Екатеринбург, 2004.
- Голубых М.Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930.
- Гра А. Материалы к истории Оренбурга // Тр. ОУАК. 1903. Вып. XI.
- Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
- Добжанский В.Н. Керамика Илимского острога // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
- Ерусланов П. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнограф. обозрение. 1896. № 2–3.
- Ершов М.Ф. Маргинальные слои и формирование европейской культуры в городах Зауралья последней четверти XVIII – первой половины XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые науч. чтения пам. А.П. Бородавкина. Кн. 2. Барнаул, 2003.
- Ершов М.Ф. О взаимоотношениях русских горожан Зауралья с представителями других национальностей в конце XVII – 60-х гг. XIX в. // Двенадцатые Бирюковские чтения: Тез. докл. науч.-практ. конф. Челябинск, 1996.
- Ершов М.Ф. О межэтнических контактах в феодальном Зауралье // Одинадцатые Бирюковские чтения: Тез. докл. Шадринск, 1994.
- Ершов М.Ф. Этнические маргиналы в городах Зауралья конца XVIII – начала XX в. // Учен. зап. Шадрин. гос. пед. ин-та. Вып. 10. Филология. История. Краеведение. Шадринск, 2006.
- Ефименко М.И. Религиозные традиции украинцев Оренбургской губернии // Помнят степи



- певца Украины: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 185-й годовщине со дня рожд. Т.Г. Шевченко. Сер. Многонациональный мир Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург, 2000.
- Зобов Ю.П. Крестьянская колонизация: Заселение Оренбургского края в XVIII – начале XX в. // Лит.-худож. и обществ.-полит. альманах: Калуга, 1995. Вып. 3.
- Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири: (По материалам традиционного декоративно-прикладного искусства). Ново-сибирск, 2001.
- Игнатов Г. Проблемы внешней трудовой миграции в Россию // Экономист. 2004. № 2.
- Ильина О. Как живем, так и рождаем, как рождаемся, так и живем // Родительская школа «Драгоценность»: Ст. <http://www.gemschool.ru/articles/iljina/0001.html>
- Исанбаев Н.И. Марийско-тюркские языковые контакты: В 2 ч. Йошкар-Ола, 1989, 1994.
- История башкирской литературы. Т. I. Средневековый период (на баш. яз.) / Под ред. Г.Б. Хусаинова. Уфа, 1990.
- История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. / И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфандияров и др. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004.
- Ишбердин Э.Ф. Камень с загадочными знаками // Сов. тюркология. 1980. № 2.
- Как это было: рассказы о родах// @дневники. Сообщества. <http://diary.ru/~rozhdenje/>
- Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. М.; Л., 1949.
- Кичиков М.Л. О социально-экономических и политических предпосылках поселения калмыков (части ойратов) в степях Приуралья и Нижнего Поволжья // Вестн. Калмыц. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. Вып. 15. Сер. историческая. 1976 (Элиста).
- Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996.
- Ключкова Е.С. Пути самоопределения нижегородской спасовщины конца XIX – начала XX в.: Самокресты // Мир старообрядчества: история и современность. Вып. 5. М., 1999.
- Книжная летопись Башкирии за 1965 год.
- Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. М., 2003.
- Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. 1. Челябинск, 1966.
- Кордуэлл Эллис М. Музыка Моравских литургических песнопений (1791–1823): От устной к письменной традиции: Дис. ... д-ра филос. наук. N. Y., 1987.
- Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – нач. XX века. Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2003.
- Королев-Антошечкин Г.Е. 1888 г. Кирка Св. Екатерины в Оренбурге // Тр. ОУАК. 1914. Вып. 30.
- Котова С. Мифы о деторождении. Обсуждение // Семья.ру. Публикации. Суеверия, страхи и предрассудки: Авт. ст. <http://www.7ya.ru/pub/article.aspx?id=1139>
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971.
- Крещение: анахронизм или необходимость? // Виртуальный город «Интерсвязь». Улица «Интеллектуальная»: Социальные опросы общественного мнения. <http://city.is74.ru/forum/showthread.php?t=48902>
- Кривощёков А.И. Обряды и обычаи оренбургских казаков // ВОУО. Уфа, 1915. № 1–7.
- Кривощёков А.И. Поверья и предрассудки у Оренбургских казаков // ВОУО. Уфа, 1913. № 1, 2.



- Крюкова Т.А. К вопросу о датировке этнографических предметов (по данным экспедиционных исследований в Марийской АССР) // Сб. Всерос. географ. о-ва: Докл. по этнографии. Л., 1968.
- Крюкова Т.А. Марийская вышивка. Л., 1951.
- Крюкова Т.А. Этнографические и локальные группы марийцев (по материалам одежды) / Публ. А.Ю. Заднепровской // Личность и творчество. СПб., 2000.
- Кто был кем в Америке. Т. 1. 1897–1942. Чикаго, 1968.
- Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960.
- Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 504.
- Кузеев Р.Г. Тамги на камнях // Вестн. АН РБ. Уфа. 1997. Т. 2, № 2.
- Кузеев Р.Г., Кузеев Н.Г., Гарипов Т.Н. Тамги на надмогильных камнях башкирских кладбищ // Тез. докл. Четвертых Бирюковских чтений. Челябинск, 1977.
- Кузнецов В.М. Брачные традиции сельского населения Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в. // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 1998.
- Кузнецов В.М. Изменения в семейном быту сельских жителей Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999.
- Кузнецов В.М. Изменения в традиционной культуре русского сельского населения Южного Урала в конце XIX – начале XX в. // Восточная Евразия: проблемы культурного наследия: Тез. докл. III Казахстанской археол.-этнограф. конф. Астана, 2006.
- Кузнецов В.М. К вопросу об этнографических группах русского населения Южного Урала // Татищевские чтения: Материалы всерос. науч. конф. Тольятти, 2002.
- Кузнецов В.М. Мужички и казачки: русские женщины на Южном Урале в середине XIX – начале XX в. // Емельяновские чтения: Материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. Курган, 2006.
- Кузнецов В.М. О некоторых итогах и задачах изучения свадебной обрядности русских на Южном Урале // Проблемы социально-политической и этнической истории России XIV – XX вв. Челябинск, 1995.
- Кузнецов В.М. Опыт картографирования свадебной обрядности русского населения Южного Урала // Культура провинции: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Курган, 2005.
- Кузнецов В.М. Свадебные обряды оренбургских казаков (середина XIX – начало XX в.) // Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычай. Челябинск, 1996.
- Кузнецов В.М. Свадебный выкуп у русского населения Южного Урала в конце XIX – начале XX в. // Этнические взаимодействия на Урале: Материалы регион. науч. конф. Челябинск, 2002.
- Курылев В.П. Казахские тамги как знаки родовой принадлежности // Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
- Кэр Джон Эн. Списки пассажиров корабля Галвестон. Ч. 2. Ключ, 1986.
- Летопись печати Башкирии за 1972 год.
- Лехтинен И., Молотова Т. Марийские коллекции в фондах Национального музея Финляндии // Финно-угроведение. 1994. №1.



- Линн Джон Б., Эгл Уильям Х. Архивы Пенсильвании. Сер. 2. Т. IX. Зап. о браках Пенсильвании до 1810 г. Т. II. Гаррисбург, 1880.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.
- Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.). М., 2002.
- Мальцева О.Ю. Зимние праздники оренбургских казаков // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.
- Мальцева О.Ю. Роль и статус женщины у оренбургских казаков в конце XIX – начале XX в. (по материалам степного Зауралья) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999.
- Мамсик Т.С. Этносоциальный состав старожилов Среднего Приобья (По материалам сравнительного анализа массовой статистики XVII–XIX вв. // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004.
- Марийско-русский словарь. М., 1956.
- Мартынов А.И. Археология. М., 2000.
- Матвеев С.М. О крещенных иноверцах Уфимской епархии. Уфа, 1910.
- Материалы по истории России: Сб. указов и др. док., касающихся управления и устройства Оренбург. края. / Сост. А.И. Добросмыслов: В 2 т. Оренбург, 1900. Т. 1.
- Материалы по истории русско-монгольских отношений. М., 1959.
- Меджитова Э.Д. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола, 1985.
- Мельников М.Н. Региональное своеобразие фольклора сибиряков // Русский фольклор. Вып. XXII. Полевые исследования. Л., 1984.
- Меньшиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Монография. Курган, 2004.
- Меньшиков В.В. Слобода Царево Городище // История Курганской области. Т. 3. Курган, 1997.
- Меньшиков В.В. Южное Зауралье в XVII–XVIII вв. // История Курганской области. Т. 1. Курган, 1995.
- Меньшиков В.В., Маслюженко Д.Н. Этнополитические условия падения Сибирского ханства Кучума и начало освоения Сибири русскими // Вестн. Курган. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Вып. 1. Курган, 2005.
- Метелкина О. Как вы дочку назовете, так она и заживет // Ребенок.ру. Публикации. <http://www.kid.ru/pregnancy/index66.php3>
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941.
- Миняева А. Суеверия, страхи и предрассудки. Обсуждение // Семья.ру. Публикации. Суеверия, страхи и предрассудки: Авт. ст. <http://www.7ya.ru/pub/article.aspx?id=574>
- Молотова Т.Л. Костюм уральских марийцев как идентификационный этнический символ // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001.
- Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.
- Мордва Заволжья. Саранск, 1994.
- Мурат Рамзи. Талфик ал-ахбар... (пер. на баш. яз.) // Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа: XVIII–XIX века (на баш. яз.). Уфа, 1965. С. 194.
- Народы Башкортостана: Ист.-этногр. очерки. Уфа, 2002.
- Национальный состав населения Оренбургской области: Аналит. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2005.



- Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854.
- Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П. Чувацкий костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург, 2002.
- Новиков А.А. Заволжский кордон // Волга. 1995. № 10.
- Новикова О.В. Обряды моления о дожде в системе верований этносов Степного Зауралья // Этнические взаимодействия на Урале: Материалы регион. науч. конф. Челябинск, 2004.
- Новикова О.В. Традиционная одежда оренбургского казачества в конце XIX – начале XX века // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.
- Новикова О.В. Традиционная одежда русских переселенцев на Южном Урале. Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. Ч. III. Челябинск, 1995.
- Новикова О.В. Этнокультурная ситуация в Оренбургском казачьем войске (конец XIX – XX в.) // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999.
- Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.
- Носова Г.А. Современное состояние обряда крещения: Этносоциологический анализ // Обычай и обряды, связанные с рождением ребенка. М., 1995.
- Нурминский. О крещении черемис Бирского уезда // Оренбург. губерн. ведомости. 1846. № 43 (Неофициальная часть).
- Областной статистический ежегодник: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2004.
- Оверманн А. Книга грамот монастыря и монастырского дома. Ч. 3. Грамота августинского монастыря эремитов (1331–1565). Магдебург, 1934.
- Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычай: Сб. науч. тр. Челябинск, 1996.
- Орешкин В. Россия и международная миграция трудовых ресурсов // Мировая экономика и междунар. отношения. 2004. № 3.
- Орков Г.Н. О традиционном костюме чувашей Самарской Луки // Чувашское искусство: Вопросы теории и истории. Вып. III. Чебоксары, 1997.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967.
- Очерки по истории БАССР: Т. I, ч. 1. Уфа, 1956.
- Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.
- Пашков А.А. Развитие Далматовского Успенского монастыря // История Курганской области. Т. 3. Курган, 1997.
- Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI–XVII вв. М., 1857.
- Письмо Плотникова С.В. от 12.10.03. Шилову С.Н. // Архив археологической лаборатории КГУ, Курган.
- Плотников Г.С. Описание мужского Далатовского Успенского общежительного третьего-классного Монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии). Екатеринбург, 1906.
- Полный православный богословский словарь. М., 1992. Т. II.
- Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века // Зап. Калмыц. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. 1960. Вып. 1 (Элиста).
- Развитие общественных функций башкирского литературного языка / Отв. ред. З.Г. Ураков-син. Уфа, 1987.



- Разные вопросы о домашних родах // Центр родительского опыта Лада г. Екатеринбург. Форум. <http://ladabirth.ur.ru/forum/index.php?board=10;action=display;threadid=79;start=0>
- Рассказы о домашних родах // Материнство.ру. Роды дома: краткая энцикл. http://www.materinstvo.ru/mother/birth_home/
- Рассказы о родах // Семья.ру. Публикации. <http://www.7ya.ru/pub/stories/>
- Родословная от Адама до Багауддина, составленная Таджиддином, сыном Ялчыгула, и скопированная Мингнигулом, сыном Джиянбирди, Габдуннасыровым // Башкирские родословные. Вып. 1: Изд. на рус. яз. / Под ред. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова. Уфа, 2002.
- Родословная от Адама до Юрматы-бия и далее по аулам и аймакам // Там же.
- Руденко С.И. Башкиры: Опыт этнологической монографии. Уфа, 1955.
- Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1988.
- Рыбаков С. Русское просвещение и магометанская пропаганда в селе Б. Гондыр (Осинского уезда Пермской губернии). СПб., 1900.
- Рыбалко А.А. Жилище и усадьба оренбургских казаков на территории современной Челябинской области // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.
- Рыбалко А.А. Краткий анализ этнической ситуации в Челябинской области по материалам всероссийской переписи населения 2002 г. // Этнические взаимодействия на Урале: Материалы регион. науч. конф. Челябинск, 2004.
- Рыбалко А.А. Этническое картирование Челябинской области // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999.
- Рындина О.М. Орнамент: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск, 1995.
- Ряжев А.С. Иргизские старообрядческие общины во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Дис. канд. ист. наук. М., 1999.
- Савицкая О.Н. Старообрядцы // История Курганской области. Курган, 1998. Т. 4.
- Сальников К.В. Краткие отчеты экспедиции музея об археологических исследованиях на территории области в 1937–1939 гг. // Архив ЧОКМ. 131 инв. 558. Челябинск, 1940.
- Самигулов Г.Х. Глиняная посуда XVIII – первой половины XIX в. из слоя Челябинска // Ист. чтения. Вып. 7–8. Челябинск, 2004.
- Самородов А.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период. 60–80-е гг. XIX в. Стерлитамак, 1996.
- Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1898. Т. 6.
- Сепеев Г.А. Восточные марийцы: Ист.-этнограф. исслед. материальной культуры (середина XIX – нач. XX в.). Йошкар-Ола, 1975.
- Скурыдин С.В. Марийцы Свердловской области: Этнограф. материалы. Екатеринбург, 2002.
- Смирнов И.Н. Черемисы: Ист.-этнограф. очерк. Казань, 1889.
- Смирнов Ю. Башкиры в Степном Заволжье (конец XVIII – середина XIX в.) // Истоки. 2001. № 6.
- Соловьева Г.А. Терминология вышивки в словаре В.М. Васильева «Марий мутер» // Финно-угроведение. 2002. № 1.
- Сомме С.О. О черемисах: Этнограф.-антропол. очерк // Зап. Урал. об-ва любителей естествознания: Екатеринбург, 1896. Т. XVII, вып. 1.
- Список населенных мест Самарской губернии. Самара, 1910.



- Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г. Оренбург, 1870.
- Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков; со знамен. и карты. Оренбург, 1891.
- Степанов В.В. Кто уезжает из России // Вестн. РАН. 1994. Т. 64, № 10.
- Суеверия во время беременности, Верить или нет? // Конференции клуба "Родим и вырастим". О беременности, родах и планировании семьи. 9 месяцев. <http://www.rodim.ru/conference/index.php?act=ST&f=3&t=327>
- Султангалеева Г.С. Внутренние миграции и взаимодействие народов Западного Казахстана и Южного Урала (XIX – начало XX в.) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001.
- Суслова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.): Ист.-этнограф. атлас татар. народа. Казань, 2000.
- Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX–XX вв. М.; Л., 1957.
- Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа, 2002.
- Торопов В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.
- Тульцева Л.А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М., 1990.
- Усманова М. Имя отчей земли: Ист.-лингв. исслед. топонимии бассейна реки Сакмары. Уфа, 1994.
- Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
- Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Ист зап. Т. 24. 1947.
- Федорова В.П. Русский фольклор // История Курганской области (1861–1917 гг.). Т. 2. Курган, 1996.
- Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997.
- Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимодействия. Саранск, 1990.
- Филоненко В.И. О командировке в Бирский уезд к язычникам-инородцам // Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 г. Уфа, 1914. Прил.
- Филоненко В.И. Языческие верования черемис Уфимской губернии. Уфа, 1912.
- Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997.
- Хлызова Т.В. Очерки истории далматовской земли до 1861 г. // История Курганской области. Т. 5. Курган, 1999.
- Челябинская старина: Док. Челяб. духовного правления послед. четверти XVIII в., содержащие сведения о старообрядцах Челяб. округа / Сост. Е.Н. Сухина (Воронкова). Челябинск, 2005.
- Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859.
- Чернецов А.В. Двоеверие: мираж или реальность // Живая старина. 1994. № 4.
- Чувашское народное искусство. Чебоксары, 1981.
- Шантаев А., иер. Священник. Колдуны. Смерть: Этнограф. очерки сельского прихода. М., 2004.
- Шиловский М.В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй



- половине XIX – начале XX в. // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004.
- Шитова С.Н. Материальная культура башкир бассейна Юрюзани и среднего Ая // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. V.
- Шитова С.Н. Народная одежда башкир // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. III.
- Шитова С.Н. Об особенностях костюма красноуфимских марийцев в связи с историей расселения башкирских племен // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973.
- Шмидт-Эвальд Вальтер. Четыре списка граждан Готы за XVI век // Сообщения общества истории Готы и изучения средневековья. 1925.
- Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири, 1032–1882 гг. Сургут, 1993.
- Эгл Уильям Генри. Реестр членов Моравской церкви, эмигрировавших в Пенсильванию с 1747 по 1790 г. Примечания и вопросы – исторического, биографического и генеалогического характера. Сер. № 4. Т. II, № 1. Гаррисбург, 1895.
- Эрлер г. Ранние списки университета в Лейпциге. Т. 3 (1709–1809). Лейпциг, 1909.
- Яминов А.Ф. Монголо-татары и «страна Паскатир» // Ватандаш. 1999. № 1.
- Янғужин Р.З. Башкорт ырыулары (на баш. яз.). Өфө, 1998.
- Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Amburger Erik. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Russlands vom Ende des XVI. Jahrhunderts bis 1937. Ein biografisches Lexikon / Institut Nordostdeutsches Kulturwerk. Martin-Luther-Verlag, 1998.
- Lehtinen I. Marien mekot. Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. Helsinki, 1999.
- Ehrung evangelischer Geistlicher durch die Zaren. Heimatbuch, 1961.
- Th. F. S. Basiner's Reise durch die Kirgisensteppe nach Chiwa. Бэра и Гельмерсена. СПб., 1848. Т. XV.



СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ АРХЕОЛОГИИ

Мосин В.С., Боталов С.Г. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (к постановке вопроса)	3
Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю. УРАЛО-АРАЛЬСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ	11
Котов В.Г. ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ОТ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДО СОВРЕМЕННОСТИ	17
Косинцев П.А. ТИПЫ ХОЗЯЙСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРЕДУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ В ЭНЕОЛИТЕ – РАННЕЙ БРОНЗЕ	21
Епимахов А.В. О ФАКТОРАХ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ	25
Григорьев С.А. АНДРОНОВСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ	29
Варфоломеев В.В. О СООТНОШЕНИИ АЛАКУЛЬСКИХ И ФЕДОРОВСКИХ КОМПЛЕКСОВ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. НУРЫ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)	33
Каздым А.А. ПАЛЕОГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «СТРАНЫ ГОРОДОВ»	39
Логвин А.В., Шевнина И.В., Логвин В.Н. МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА БЕСТАМАК В СИСТЕМЕ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ.	43
Кукушкин И.А. КУРГАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА С КОЛЕСНИЧНОЙ АТТРИБУТИКОЙ ...	47
Куприянова Е.В. ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СИНТАШТИНСКО-АНДРОНОВСКОЙ ТРАДИЦИИ. ...	52
Крюкова Е.А. СОСУД СО ЗНАКАМИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ II БУЛАНОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ	55
Морозов Ю.А. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЕ СВЯЗИ.	58



Полякова Е.Л.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕГАЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ	61
---	----

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н.

МЕЖОВСКИЙ КУЛЬТОВО-ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА № 5 МОГИЛЬНИКА ДАЧНЫЙ-2	66
---	----

Яблонский Л.Т.

КУЛЬТУРЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ, ХРОНОЛОГИИ И ТИПОЛОГИЗАЦИИ (материалы для обсуждения)	68
---	----

Овсянников В.В.

ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОЧЕВОГО И ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИУРАЛЬЯ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э. – 1-й ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н.Э.	74
---	----

Иванова Е.В.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ С ОСЕДЛЫМИ ПЛЕМЕНАМИ ЮЖНОГО УРАЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	76
--	----

Савельев Н.С.

ИРЕНДЫКСКО-КРЫКТИНСКАЯ ГРУППА КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ПОИСКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ПАМЯТНИКОВ.	80
--	----

Гуцалов С.Ю.

МОГИЛЬНИК У С. ПЕСОЧИНО В ДНЕПРОВСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ И ПРОБЛЕМА МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ПРОХОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ V–IV ВЕКОВ ДО Н.Э. В ЮЖНОРУССКИЕ СТЕПИ	83
--	----

Стрижак М.С.

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ПРИУРАЛЬЯ И ПОВОЛЖЬЯ VI–IV ВЕКОВ ДО Н. Э.	90
---	----

Ульянов И.В., Ульянова А.А.

ВОИНСКИЕ КУЛЬТЫ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (к постановке вопроса).	93
---	----

Заседателева С.Н.

ПРОХОРОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НОВО-КУМАКСКОГО МОГИЛЬНИКА. К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕПНОГО И ЛЕСНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ	95
---	----

Краева Л.А.

НЕОБЫЧНЫЙ САРМАТСКИЙ СОСУД ИЗ ВТОРОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛА АКОБА.	98
---	----

Шилов С.Н., Рябинина Е.А.

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ «ДАЧНЫЙ» В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ Р. МИАСС	102
--	-----



Беспокойный А.В., Макаров Г.Н. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕМАНТИКИ И СТИЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОЛОВЫ БАРАНА НА ЮЖНОУРАЛЬСКИХ КАМЕННЫХ ПЛИТАХ	105
Барынина Т.В. РОЛЬ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ	110
Иванов В.А. СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ ОГУЗО-ПЕЧЕНЕЖСКОГО И ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДОВ (к вопросу об этнокультурной преемственности в кочевнической среде Евразии)	113
Игнатьева О.В. К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ (историографический аспект)	116
Любчанская Т.В. НАУЧНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (1976–1992 гг.)	120
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	125
ЛИТЕРАТУРА	126
СЕКЦИЯ ЭТНОГРАФИИ	
Буляков И.И. БАШКИРЫ И ЗОЛОТАЯ ОРДА	141
Маннапов М.М. К ВОПРОСУ О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ И ЛЕТНИХ КОЧЕВКАХ БАШКИР И КАЛМЫКОВ В XVII ВЕКЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И СТЕПНОМ ЗАВОЛЖЬЕ.	144
Абсалямова Ю.А. К ВОПРОСУ О РОДОВОЙ СИМВОЛИКЕ БАШКИР ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ И КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА	148
Самигулов Г.Х., Мишин С.А., Шилов С.Н. «КОКАРЕВО ЖИЛИЩЕ» – АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ XVII–XVIII ВЕКОВ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ	151
Трусов В.А. НАПАДЕНИЕ БАШКИР НА ШАЙТАНСКИЙ ЗАВОД, СЕЛА БОГОРОДСКОЕ И АЛТЫННОЕ	154
Бахарева О.Я., Фрюауф М., Фрюауф С. ПОКОЛЕНИЯ ФРИАУФОВ (ФРЮАУФ) В РОССИИ И АМЕРИКЕ	157



Кортунов А.И.	
ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.	163
Смирнов Д.И.	
РОЛЬ И ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ В ХОДЕ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ	165
Королева Е.Д.	
О «НАРОДНОМ ПРАВОСЛАВИИ» В ИСТОРИОГРАФИИ.	169
Данилко Е.С.	
РАСПРОСТРАНЕНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА СРЕДИ МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА.	173
Соболь Л.С.	
ПРОЦЕСС ИСЛАМИЗАЦИИ И ХРИСТИАНИЗАЦИИ МАРИЙЦЕВ ЮЖНОГО УРАЛА ГЛАЗАМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.	176
Новикова О.В.	
СВАДЕБНАЯ ОДЕЖДА ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА	179
Рыбалко А.А.	
КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ТРАДИЦИОННОЙ АРХИТЕКТУРЕ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ	182
Артюшкина Е.И.	
ПЛЕТЕНАЯ ОБУВЬ ИЗ ЛЫКА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	186
Никонорова Е.Е.	
ОДЕЖДА УРАЛЬСКИХ МАРИЙЦЕВ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ (г. УФА)	189
Давлетшина З.М.	
ДОМАШНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ОРЕНБУРГСКИХ БАШКИР	199
Мальцева О.Ю.	
ПРАЗДНИК САБАНТУЯ У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА (история и современность)	202
Кузнецов В.М.	
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ	205
Таирова М.А.	
ОБРЯДЫ ДЕТСКОГО ЦИКЛА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	208



Гарипова Ф.Х.
РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ БАССР В 50–80-е
ГОДЫ XX ВЕКА 211

Кацнельсон Г.С.
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА
НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ 215

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ..... 219

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 220

Научное издание

Этнические взаимодействия на Южном Урале

***Материалы III региональной (с международным участием)
научно-практической конференции***

Редакторы: М.В. Трифонова, Л. Л. Шигорина
Набор О.Г. Пироговой
Верстка М.В. Трифоновой

Подписано в печать 20.10.06.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 27,2. Уч.-изд. л. 21,3.
Тираж 100 экз. Заказ 166.
Цена договорная

ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
454021 г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Полиграфический участок Издательского центра ЧелГУ
454021 г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576

